

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Алексеева Татьяна Анатольевна

**Институт главы государства в Испании в XIX–XX вв.
(историко-правовое исследование)**

5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научные консультанты:
доктор юридических наук,
профессор В.А. Томсинов,
доктор юридических наук,
профессор С.Н. Бабурин

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Понятие главы государства в испанской политико-правовой традиции и основные этапы эволюции института главы государства.	38
§ 1. Понятие главы королевства в испанской политико-правовой традиции Средневековья и раннего Нового времени	38
§ 2. Влияние романо-германской политико-правовой традиции на эволюцию понятия главы государства в Испании	51
§ 3. Формирование испанской конституционной доктрины главы государства в XIX – XX вв.	64
§ 4. Периодизация эволюции понятия и института главы государства в Испании	77
Глава 2. Институт королевской власти в Испании в 1808–1931 гг.	88
§ 1. Опыт конституционализации королевской власти в первой трети XIX в. . .	88
§ 2. Институт королевской власти в правление Изабеллы II (1834-1868)	103
§ 3. Институт королевской власти в последней трети XIX — первой трети XX в.: конституционные эксперименты и попытки конституционной стабилизации . .	122
Глава 3. Развитие института главы государства в Испании с 1931 г. до конца XX в.	139
§ 1. Институт президентской власти Второй Республики	139
§ 2. Институт главы государства в период личной власти Ф. Франко	153
§ 3. Институт короны по Конституции 1978 г.	171
Глава 4. Институт главы государства в контексте принципов конституционного строя Испании	186
§ 1. Эволюция принципов замещения поста главы государства	186

§ 2. Принцип суверенитета в конституционной истории Испании: концептуальное осмысление и легальное оформление	200

Глава 5. Глава государства в системе органов государственной власти

в Испании	220

§ 1. Глава государства и Кортесы	220

§ 2. Глава государства и Правительство	234

§ 3. Глава государства и судебная власть	251

§ 4. Эволюция полномочий главы государства	254

Заключение	279

Источники и литература	289

Приложения	360

Приложение 1. Основные законы Испании о главе государства	360

Приложение 2. Глава испанского государства на конституционно-монархическом этапе	362

Приложение 3. Глава испанского государства на республиканском этапе ...	364

Приложение 4. Глава испанского государства на этапе личной власти	

Ф. Франко	365

Приложение 5. Глава испанского государства на парламентско-монархическом этапе	365

Введение

Актуальность исследования обусловлена особой значимостью института главы государства в публичном праве и системе высших органов современных государств. Решения, принимаемые главой государства, влияют на судьбу народа соответствующей страны, а в ряде случаев могут воздействовать и на сложившийся порядок международных отношений. Данная политико-правовая реалья – ответ на общественные вызовы и результат длительного развития государственности.

Неудивительно, что в современных конституциях, как правило, уделяется важное место закреплению статуса главы государства, хотя нередко без использования самого термина. Анализ эволюции института главы государства представляет не только энциклопедический абстрактный научный интерес, он может содействовать многосторонней оценке его эффективности в современном мире, выявлению оптимальных путей взаимодействия с государственными и негосударственными организациями, гражданским обществом, корректировке имеющихся несовершенств.

Одним из самых полезных и поучительных является испанский опыт становления института главы государства, показывающий его предопределенность развитием общества, идейным осмыслением самой потребности его конституционного оформления и закреплением в принимавшихся основных законах страны, а также реализацией их норм на практике. Институт сохранял свое значение и эволюционировал вместе с изменениями политической жизни в Испании в условиях борьбы различных социальных сил, соперничества политических партий и их острых дискуссий, наложивших отпечаток на отдельные аспекты статуса главы государства в соответствии с очередной промульгируемой конституцией. Однако законодатель неизменно следовал общей тенденции к использованию ранее принятых испанских основных законов в качестве юридических источников нового акта.

Исторические конституции, по числу которых Испания может соперничать

с Францией, демонстрируют не только колебания в политико-правовом развитии, но и очевидное постепенное формирование национальной конституционной традиции, обусловленной правовой культурой страны, в том числе применительно к институту главы государства. Традиционность обнаружилась в преемственности содержания, законодательной техники основных законов, а также в практике их реализации. Бурная политико-правовая история Испании не побуждала законодателя к отказу от какого бы то ни было полезного национального опыта для отражения в конституции теоретических представлений о главе государства, его функциях, правах, обязанностях, положении в системе государственных органов и отношениях с ними.

Фактическое значение главы испанского государства на протяжении всей конституционной истории страны определялось многими объективными и субъективными факторами; от воли и личных качеств тех, кто занимал этот пост в немалой степени зависела судьба испанской государственности и общества в целом. В данном ракурсе изучение испанского опыта также является весьма полезным.

Проведенное исследование и достигнутые результаты представляются актуальными для осмысления регионального и глобального значения института главы государства и восполнения пробелов в знаниях об истории его формирования и современном состоянии.

Степень разработанности темы исследования. Отсутствие в Испании и других странах историко-правового исследования публично-правового института главы испанского государства, специализированно посвященного проблемам его эволюции, обосновывает обращение диссертанта к трудам, отражающим различные аспекты данного института. Испанские историки права Ф. Томас-и-Вальенте, Х.-А. Эскудеро, Б. Клаверо, П. Гарсиа Трват, М. Льоренте, А. Серрано, К. Петит и другие уделяли внимание изменяющемуся статусу короля, а также формально-юридическому и фактическому положению президента, каудильо, временных глав испанского государства, наряду с другими высшими

государственными органами, как важному элементу общего хода развития правовой системы и испанского конституционализма, который, как принято, ассоциируется с историей конституций. Х. Санчес-Арсилья Берналь, один из немногих историков права, уделил некоторое специальное внимание законодательно оформленному институту главы государства.

Традиционно данный институт, его прошлое и настоящее анализируется в Испании специалистами по конституционному праву. Их исследования всегда базировались на идейном фундаменте института – учениях философов (Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) и политиков (прежде всего, Э.-Ж. Сийеса, Б. Констана), а также испанских государственных деятелей и мыслителей, главным образом, Г.М. де Ховельяноса, депутатов Кортесов и знатоков права А. Аргуэльеса, Торено, причастных к разработке Конституции 1812 г. Методологическое значение для последующих исследований проблематики публичного права имела приверженность Г.М. де Ховельяноса «исторической» (названной позднее А. Кановасом «внутренней») конституции страны, важным элементом которой явилась королевская власть. Отстаивание значимости испанской политико-правовой традиции, наряду с привязкой изучения конституционного права, включая статус короля, к действующему Основному закону страны, было свойственно выдающемуся правоведа Ф. Мартинесу Марина («Теория Кортесов. [...]») и нашло продолжение в трудах юристов последующих десятилетий.

Исследования конституционного института главы государства в Испании в XIX–XX в. стимулировались и поддерживались университетскими курсами, апробировавшими их результаты. Названия учебных дисциплин задавали ракурс и направления научных разработок: публичное конституционное, публичное, политическое, административное, конституционное право. Примечательно, что в основном институт главы государства, включая его исторический аспект, стал предметом изучения специалистами по данным дисциплинам, а не историками права, что определяется традициями разграничения сфер научных исследований в

Испании. Используемая методология определялась тенденциями научных разработок, характерными для стран с романо-германскими правовыми традициями: юридический позитивизм дополнялся социологическим, философским, историческим и сравнительно-правовым подходами к изучению института в его прошлом и настоящем.

Юристы первой половины XIX в. (Р. Салас, Х.-М. Лопес, А. Эсперон, Х. Доносо Кортес, А. Алькала Гальяно, Х.-Ф. Пачеко) подвергли детальному и критическому разбору формально-юридический статус короля по современной каждому из них конституции. При этом они считали необходимым сопоставить его с актуальным регулированием в зарубежных странах. Труды вышеуказанных исследователей представляли собой учебную литературу и отражали фундаментальную роль университетских разработок, в течение долгого времени опережавших строго теоретические исследования. Следует отметить, что в одном из первых учебников Р. Салас задал направление, базирующееся на идее Б. Константа о выделении пяти властей, включая королевскую власть, отличную от исполнительной.¹

В связи с введением термина «политическое право» университетская профессура сосредоточилась на анализе конституционно-правовой (или политической) реальности, в том числе фактического состояния королевской власти в Испании в конкретных социально-политических условиях. В дальнейшем указанные подходы были дополнены теоретическим осмыслением и углубленным юридическим анализом проблематики конституционного статуса короля.

Под влиянием зарубежного – французского, немецкого, итальянского – правоведения анализ был поставлен на новую доктринальную основу изучения института королевской власти как разновидности института главы государства (М. Кольмейро, В. Сантамария де Паредес, А. Посада). При этом, развивая учение

¹ *Salas R. Lecciones de Derecho Público Constitucional par a las escuelas de España. En 2 vol. Madrid, 1821. Vol. 2. P. 209.*

Б. Констана, В. Сантамария де Паредес в «Курсе политического права» представил королевскую власть как «гармонизирующую» и нацеленную на обеспечение слаженного функционирования всей системы государственной власти;² труд был опубликован во время действия Конституции 1876 г., после реставрации представителя династии Бурбонов на испанском престоле.

В XX столетии получили научное осмысление новые политико-юридические реалии. Правовое положение президента Испанской республики, определенного в Конституции 1931 г. как глава государства, а также статус каудильо Ф. Франко и будущего короля стали предметами изучения специалистами по политическому и административному праву. После смерти Ф. Франко, в условиях подготовки и проведения преобразований всех сторон общественной жизни и принятия Конституции 1978 г., появились труды, освещавшие с различных позиций статус короля и институт короны.

В комментариях законодательства, научных монографиях и учебниках, подготовленных специалистами по конституционному праву (Ф. Карвахаль, Л. Санчес Ахеста, Д. Севилья Андрес, Х. Тура, Э. Аха, Х. Томас Вильярройа, М. Фраиле, Ф. Фернандес Сегадо, Хорхе де Эстебан, А. Торрес дел Мораль, Э. Альварес Конде и Р. Тур Аусина и др.) и отражающих широкую и общую проблематику данной науки и дисциплины, исследуемому институту неизменно уделяется определенное внимание. В работах И. Сарасолы, А. Коломера, Х. Варелы Суансес-Карпенья, К. Секо Серрано и других, созданных в последние годы, важное место отведено испанской короне как разновидности института главы государства. Специалисты по конституционному праву в Испании, анализируя современный статус короля, демонстрируют его исторические основы, обращают внимание на значение социально-политической ситуации и личностных характеристик правителей для его формирования. Рассмотрение института главы государства в контексте формы правления, ставшее традиционным для испанской юридической науки, усиливается сравнительно-

² *Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid, 1890. P. 310.*

правовым подходом исследований.

А. Менендес Рексач как специалист по административному праву в монографии «Институт главы государства в испанском публичном праве» оставил за пределами своих интересов многие аспекты конституционно-правового статуса главы государства и общие теоретические подходы к анализу института. Труды Г. Рольнерта Лиерн, Т. Фрейсас Санхуан, М. Арагона Рейес посвящены отдельным, глубоко освещаемым аспектам современного конституционного статуса короны и института главы государства в целом.

В Испании имеется обширная литература о деятельности отдельных глав государств, которая дает богатый конкретно-исторический материал для анализа их статуса. Удостоены внимания правления Фердинанда VII, Изабеллы II, Амадея I, Альфонса XII, Альфонса XIII, а также каудильо Ф. Франко.

Теоретическое осмысление института главы государства в Испании может служить ориентиром для его изучения историками права – представителями других культур. Прежде всего, необходимо обратиться к соответствующим историко-правовым исследованиям, относящимся к романо-германской правовой семье; к ней традиционно относят и Россию.

Дореволюционные историки в России проявили некоторое внимание к развитию испанской государственности в XIX в. в ее прошлом и настоящем (И.В. Лучицкий, В.К. Пискорский, А.С. Трачевский) и кратко охарактеризовали основные законы Испании XIX в. и правления отдельных королей. Н.И. Кареев выделил основные вехи в истории испанского конституционализма в контексте распространения конституционных учреждений в европейских странах.³

В трудах дореволюционных юристов тема истории испанских государственно-правовых институтов была представлена весьма скромно. Следует отметить труд А.Д. Градовского «Государственное право важнейших европейских держав», в котором рассматривалось в том числе и правовое

³ Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: ист. очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. М., 2014. С. 348-351, 373-377, 437, 562, 564, 572.

положение короля по основным законам Испании XIX в., анализируемым в контексте конституционной истории стран континентальной Европы.

По сей день не утратили своего значения публикации российских дореволюционных авторов, которые разработали отдельные теоретические и методологические аспекты изучения института главы государства. Такова, например, монография педагога и историка П.Г. Мижужева «Глава государства» (1906). Ее подзаголовок отражал отношение к содержанию данного понятия: «Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира».

Профессор Петербургского университета Н.М. Коркунов выразил свое отношение к системе разделения властей, предложенной Б. Констаном, и согласился с определением королевской власти как «нейтральной». Возражая против признания монарха главой исполнительной власти, профессор государственного права посчитал правильным «обозначать» его как главу государства... как это делают другие конституции», так как его функции не ограничены исполнением законов, а напротив, «объемлют в той или другой степени все функции государственной власти».⁴

Аналогичной позиции придерживался Н.И. Лазаревский, признававший термин «глава государства» более адекватным современному статусу королей. По его мнению, в конституционном государстве верховной властью являлась «законодательная, или (если она имеет особый орган) власть конституционная».⁵ Поэтому он критически относился к положениям конституций отдельных государств, вручавших ее королям.

Профессор Московского университета А.С. Алексеев отметил, что для Б. Констана идеальной являлась конституционная монархия, в которой глава государства осуществлял нейтральную власть, заботясь о том, чтобы все власти

⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 т. 2-е изд. Т. 1. Введение и общая часть. СПб., 1893. С. 380–381.

⁵ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. В 2 т. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. С. 122.

«опирались друг на друга, согласовались между собою и действовали совместно».⁶

Разделив «главные институты конституционного права современности» на две большие группы – «английского и франко-американского происхождения», В.Н. Дурденевский отнес институт главы государства к английской группе, наряду с народным представительством, двухпалатной системой, правлением кабинета и парламентаризма. Он сформулировал дефиницию: «Глава государства – формально верховный орган его; его отличительный признак – представительство государства – иногда говорят: “нации” – во внешних, а в нужных случаях также и в федеральных отношениях; моделируясь в конституциях, большей частью, по образцу английского короля, он совмещает в своей компетенции участие в различных актах законодательных, административных и судебных и нередко обладает особыми чрезвычайными прерогативами (“акты правительства”)».⁷ Таким образом, В.Н. Дурденевский акцентировал внимание на верховенстве главы государства в системе высших органов государства.

В период гражданской войны и в первые годы франкистского режима в Испании появились публикации (Г.Ф. Александров, А.Е. Кудрявцев, С. Лившиц, Д. Лиянов, Б.Р. Минлос, Г. Цветков и др.), посвященные, прежде всего, эпохе национально-освободительной борьбы против наполеоновской Франции, в ходе которой началось формирование конституционного статуса короля.

Среди юристов советской эпохи, проявивших интерес к истории Испании, лишь статьи академика И.П. Трайнина «Из истории испанских революций (Революция 1808–1814 гг.)» и «Испанская конституция» содержали оценки политико-правового развития Испании и формально-юридический разбор отдельных нормативных актов. В статье «О главе государства» И.П. Трайнин в сравнительном аспекте критически проанализировал основные вехи в истории и

⁶ Русское государственное право. Конспект лекций ординарного профессора императорского Московского университета А.С. Алексева. М., 1897. С. 114.

⁷ Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах (с приложением текстов конституций). Л., 1925. С. 27–28.

актуальное состояние конституционного статуса английского короля, президентов США, Франции, Германии, Союзного совета Швейцарии и других государств, показав, что пост главы государства имеет монархическое происхождение и является «существеннейшим элементом укрепления диктатуры буржуазии».⁸

Труды отечественных историков М.А. Додолева («Россия и Испания»), И.М. Майского («Испания. 1808-1917»), Б.М. Мерина («Испанская конституция 1812 г.»), С.П. Пожарской («Особенности формирования национально-государственного комплекса на Пиренейском полуострове (на примере Испании)»), Л.В. Пономаревой («Испанский католицизм XX века»), В.В. Суховерхова («Испанская революция 1854 – 1856 гг.») и др. содержали характеристику экономических, социальных и политических процессов, полезную для анализа формирования института главы государства в XIX–XX в. Советские историки анализировали причины и условия прихода Ф. Франко к власти, его внутреннюю и внешнюю политику. В СССР появились и исследования юристов, посвященные законодательным вехам в оформлении полновластия каудильо (В.А. Савин, Н.Г. Хибриков).

В советской юридической литературе главе государства уделялось внимание главным образом в связи с анализом государственного права зарубежных стран. Юристы рассматривали главу государства как высшую должность в буржуазном государстве, отвергали отношение к нему как к нейтральному лицу, стоящему выше классовых или партийных интересов. Советские правоведы согласно традиции, заложенной дореволюционной профессурой, связывали классификации глав государств и форм правления, однако подчеркивали, что реальная роль главы государства определяется также политическим режимом.

В последние десятилетия опубликовано множество работ по истории Испании, среди них фундаментальные труды: «История Испании» и «История внешней политики Испании». Они являются основой для изучения

⁸ Трайнин И.П. О главе государства // Советское государство. 1938. № 1. С. 109-110.

внутриполитического и внешнеполитического контекста истории права, государственности и отдельных конституционных институтов.

Принятие Конституции 1978 г. послужило поводом для появления ряда работ российских историков, политологов, философов, уделивших внимание различным аспектам истории и современному состоянию политических отношений в Испании (В.А. Ведюшкин, Г.И. Волкова, О.В. Волосюк, А.В. Дементьев, А.Н. Медушевский, С.П. Пожарская, В.В. Степин, Е.Э. Юрчик и др.).

Статус короля по Конституции 1978 г. анализировали специалисты по конституционному праву, выявляя особенности конституционного строя Испании после ухода из жизни каудильо Ф. Франко (С.А. Автономов, В.И. Карпец, В.А. Савин).

В связи с тем, что Конституция Российской Федерации определяет президента как главу государства, испанский опыт востребован отечественными конституционалистами при сравнительно-правовом повествовании о главах различных государств. Например, в труде Чиркина В.Е. «Глава государства: Сравнительно-правовое исследование», в коллективной монографии «Глава государства» (отв. ред. А.М. Осавелюк) содержатся обращения к статусу испанского монарха, иллюстрирующие выдвигаемые авторами теоретические положения.

Для данного диссертационного исследования представляются важными дефиниции главы государства, сформулированные российскими специалистами по конституционному праву. В качестве родового понятия для «главы государства» в литературе указываются: «должностное лицо или государственный орган» (О.Е. Кутафин), «официальное лицо (орган)» (Л.М. Энтин), «институт, представляющий государство» (А.С. Автономов).

Многие исследователи и в России, и в Испании, подчеркивают символическое значение главы государства, признавая, например, что он «своеобразный символ государства и официальный представитель народа» (М.В.

Баглай, В.А. Туманов), «символ государственности народа» (В.Е. Чиркин). Применительно к сегодняшней России правоведы указывают, что глава государства «интегрирует интересы всего общества и персонифицирует государство в целом», является олицетворением государства и представителем всех своих сограждан, в совокупности образующих народ (Б.С. Эбзеев).

Для историко-правового исследования также представляют интерес доктринальные положения, разработанные отечественными конституционалистами для анализа статуса главы государства в России, а также апробированные в некоторых работах, посвященных главам иных государств. К числу исходных начал специалисты по публичному праву в основном – так же, как и отдельные дореволюционные авторы, – относят высшее (или верховное) положение главы государства в системе органов власти и его связь с исполнительной властью (например, М.Ю. Тихомиров). В то же время исследователи отмечают, что глава государства призван «цементировать» государственную власть, обеспечивать конституционным путем разрешение всех кризисов и конфликтов между органами государственной власти, будучи наделенным полномочиями в сфере взаимоотношений с законодательной, исполнительной и судебной властями (М.В. Баглай); он является «своего рода резервом власти» (А.М. Осавелюк).

Среди трудов специалистов по конституционному праву выделяются работы М.А. Краснова. Исследуя историю понятия главы государства и приводя примеры его законодательного оформления, ученый акцентирует внимание на его монархическом происхождении и содержании. При анализе места главы государства в системе разделения властей в современных государствах ученый обращается к примеру статуса испанского короля.

Современное правовое положение главы испанского государства неизменно анализируется в литературе по конституционному праву зарубежных стран в рамках изложения основных институтов конституционного права Испании или упоминается в контексте сравнительно-правового повествования о главах

различных государств.

Несмотря на то, что испанский опыт закрепления статуса короля как главы государства в российской литературе широко применяется в качестве материала для сравнительно-правового анализа, проводимого в синхронном ракурсе, эволюция главы испанского государства не изучена отечественными правоведами. Поэтому остается простор для историко-правового исследования этого института.

Объектом данного диссертационного исследования является процесс публично-правовой институционализации главы государства в Испании, рассматриваемый в рамках эволюции испанского конституционализма. **Предметом** исследования являются доктринальные подходы, нормы конституций и основных законов, оформлявших институт главы испанского государства, а также их развитие в конституционной практике.

Цель исследования состоит в разработке концепции эволюции публично-правового института главы государства в Испании, содержащей ее этапы, модели института, базовые принципы его организации и функционирования, типологию взаимоотношений главы государства с иными высшими органами государства, конструкцию его полномочий с учетом исторического развития испанского государства в XIX-XX вв. Временные границы историко-правовой работы образует период новой и новейшей истории (современной истории согласно периодизации, принятой в Испании), и они уточнены датами начала конституционной истории страны (1808 г.) и принятия ныне действующей Конституции Испанского королевства (1978 г.).

В соответствии с указанной целью диссертантом решались следующие **задачи**: 1) определить идейные и юридические источники формирования института главы государства в Испании; 2) показать влияние конкретных исторических событий, социальных и политических процессов на его эволюцию; 3) разработать периодизацию эволюции института главы государства в Испании и охарактеризовать ее этапы; 4) определить роль конституционного

законодательства и конституционной практики в эволюции института главы государства; 5) дать историко-теоретическую интерпретацию эволюции данного института на основе предлагаемых автором теоретических моделей, соответствующих каждому ее этапу; 6) охарактеризовать институт главы государства как конституционный, определить принципы его формирования; 7) проследить историю конституционного оформления его элементов; 8) выявить специфические особенности эволюции института главы государства в Испании по сравнению, прежде всего, с другими странами континентальной Европы; 9) в аспекте сравнительного правоведения показать значение испанского опыта для развития конституционного права других европейских и ибероамериканских государств.

Методологическую основу исследования составили общепризнанные принципы научного познания: объективность, всесторонность, историзм, определенность предмета исследования, системность, единство теории и практики.

При подготовке работы диссертантом был применен традиционный комплекс как специальных, так и общенаучных методов, обеспечивающих достижение поставленной цели. Исследование эволюции публично-правового института, проводилось, прежде всего, с позиций формально-юридического метода. На его основе выполнен анализ разнообразных событий и фактов испанской истории XIX-XX вв., имевших «правовое значение и подлежащих истолкованию при помощи юридических терминов, конструкций и логики».⁹ Данный метод является основой уяснения и интерпретации текстов конституций и иных нормативных правовых актов, закрепивших институт главы государства. Вместе с тем, историко-правовое исследование предполагает применение формально-юридического метода в динамике, одним из проявлений данного стиля становится динамика понятий главы государства и института главы

⁹ Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. М., 2018. С. 12.

государства, моделей данного института, типологии его отношений с другими институтами государственной власти, конструкции его полномочий.

Применение компаративистского подхода в страноведческом и темпоральном, синхронном и диахронном аспектах дало возможность выявить и характерные черты эволюции института главы государства, как общие для различных стран, так и специфические по отношению к ним, свойственные Испании.

Системный анализ послужил основой исследования института главы государства, являющегося элементом государственно-правовой системы, на эволюцию которого повлияли социальные, экономические, политические, культурные факторы жизни испанского общества. Данный метод также позволил исследовать главу государства как элемент государственного механизма, его роль в системе высших государственных органов и разделении властей, подвергавшейся переосмыслению и изменениям. Использование структурно-функционального анализа помогло выявить элементы рассматриваемого публично-правового института, их характерные черты и своеобразие функций главы государства на каждом из выделенных этапов его истории.

Для достижения цели исследования диссертантом был использован цивилизационный подход в интерпретации французского историка Ф. Броделя, нацеленный на выявление, прежде всего, ментальных особенностей той или иной культуры. Он позволил проследить эволюцию института главы государства как процесса, базирующегося на особенностях истории страны, культуре и национальных традициях испанского общества, и получившего оформление и определенность в результате интеллектуальной деятельности авторов проектов нормативных правовых актов и участников реализации конституционных норм.

Цивилизационный подход позволяет учесть потребность общества в наличии института, «олицетворяющего нацию», являющегося символом единства общества и государства. В русле данного подхода эволюция исследуемого института представлена процессом конституционного оформления статуса главы

государства, начавшимся в результате социального движения за ограничение произвола королевской власти и продолжавшимся в связи с необходимостью рационального и оптимального определения компетенции различных органов в осуществлении государственной власти для решения публично значимых задач. Очевидна, таким образом, социально-культурная обусловленность института главы государства в его эволюции. Следует подчеркнуть, что диссертант, применяя цивилизационный подход, вместе с тем, не разделяет идеи «замкнутых культур», чреватые релятивизмом, и исходит из того, что принцип историзма не сводится к конкретно-историческому подходу, но так или иначе ориентирует на исследование отдельных культур в контексте понимания исторической науки как «культурного процесса, общемировой функции, отчего дома, в котором много обитателей» (Й. Хёйзинга).¹⁰ Для автора данной работы также очевидны неизбежные трудности, связанные с обусловленностью любого исторического познания, в том числе и историко-правового, той культурой (в данном случае – российской), к которой он принадлежит.

Рассмотрение многих аспектов изучаемого института было бы невозможно без применения интерпретационного, аксиологического, культурологического, антропологического, социально-психологического методов. Достоверность и историко-теоретическая обоснованность исследования обеспечиваются использованием и других приемов, выбор которых обусловлен целью и задачами, сформулированными в работе.

Источниковую базу диссертации составили письменные документы, отражающие процесс становления и формирования института и положение главы государства в системе высших органов испанского государства: 1) нормативные правовые акты; 2) материалы официального делопроизводства; 3) периодические издания; 4) дневники и воспоминания.

¹⁰ Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; комм. Д. Э. Харитоновича. М., 1997. С. 219.

Первая группа источников имеет базовое значение при проведении исследований конституционного института, поскольку, как справедливо отметил М.В. Баглай: «В правовом государстве статус главы государства максимально точно определяется конституцией и принимаемыми на ее основе законами».¹¹ Поэтому диссертация, прежде всего, подготовлена на основе изучения следующих нормативных правовых актов: а) конституций как основных законов испанского государства; б) органических и обычных законов; в) декретов глав государства и правительств как подзаконных актов; г) постановлений временных глав испанского государства; д) иных нормативных правовых актов (регламентов палат Кортесов, правительственных декретов и министерских приказов). Для анализа эволюции института главы государства также имели значение отдельные двусторонние и многосторонние договоры, заключенные Испанией как участницей международных отношений.

Первая группа источников (более 260 документов) исследовалась на языке оригинала (соответственно на испанском, итальянском, немецком, португальском и французском языках). Для работы были использованы тексты официальных изданий испанского законодательства: «Газеты (Правительственного вестника) Мадрида» (*Gaceta de Madrid*), «Официального бюллетеня государства» (*Boletín Oficial del Estado*), «Официального бюллетеня Хунты национальной обороны Испании» (*Boletín Oficial de la Junta de Defensa Nacional de España*). В *Gaceta de Madrid*, выходявшей в свет с 1697 до 1936 г., и в издаваемом вместо нее со 2 октября 1936 г. *Boletín Oficial del Estado* публиковались законы, королевские декреты и приказы, акты правительства и отдельных министерств (министров). На страницах *Boletín Oficial de la Junta de Defensa Nacional de España* с 25 июля по 2 октября 1936 г. размещали нормативные акты военные мятежники, выступившие против Второй Республики. Указанные бюллетени находятся в доступных для исследователей библиотеках. В настоящее время на сайте «Официального бюллетеня государства» представлены не только действующие,

¹¹ Баглай М.В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: Роль, порядок выборов, полномочия. М., 2008. С. 470.

но и исторические документы, ранее обнаруженные на страницах трех указанных изданий. Тексты многих из них до сих пор не использовались испанскими и зарубежными специалистами по современному конституционному праву Испании и его истории.

Автором исследования опубликованы в собственном переводе на русский язык и тем самым введены в российский научный оборот тексты всех исторических конституций испанского государства (1808, 1812, 1834, 1837, 1845, 1856, 1869) и Органического закона государства 1967 г. Диссертантом выполнен современный перевод ранее переводившихся конституций 1876 и 1931 г., а также в собственном переводе впервые опубликованы на русском языке следующие акты: четыре декрета Генеральных и чрезвычайных кортесов, Законы от 19 июля и 7 сентября 1837 г., три акта, дополнявших Конституцию 1845 г., декрет Кортесов от 5 июня 1869 г., Закон 8 июля 1870 г. о выборах короля, Закон 1/1977 от 4 января «О политической реформе». Автором также переведен на русский язык и опубликован Декрет от 2 сентября 1812 г. о ратификации договора о союзе между Россией и Испанией. Работа над параграфами о статусе короля в первой трети XIX в. включала ознакомление с малоизвестными материалами рукописного отдела Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Вторая группа источников – материалы официального делопроизводства – представлены письменными документами, которые сопровождали подготовку нормативных правовых актов, закреплявших институт главы государства. К таковым относились: а) проекты конституций и иных законов; б) записки комиссий, предваряющие представление Кортесам конституционных проектов; в) протоколы заседаний Кортесов, на которых обсуждались проблемы статуса главы государства; г) заявления государственных органов и должностных лиц разъясняющего и комментирующего характера; д) программы и иные документы политических партий, отражавшие взгляды авторов проектов законов, и лиц, участвовавших в их обсуждении. Указанные материалы в основном размещены на официальных сайтах государственных органов Испанского королевства, в том

числе на официальном сайте Конгресса депутатов Генеральных кортесов, где они представлены с разбивкой по легислатурам, в которых обсуждали конституционные проекты, принимали конституции и законы, закрепившие статус главы государства.

Диссертантом опубликованы в собственном переводе с испанского языка и тем самым введен в научный оборот конституционный проект, подготовленный главой Правительства Х. Браво Мурильо (1852 г.), и конституционный проект 1873 г.

Третью группу источников составили периодические издания, которые содержат материалы, отражавшие реакцию общества и его отдельных членов на развитие института главы государства в Испании, принятие и реализацию положений о статусе главы государства и его функционирование. Особый интерес представляет официальный сайт испанской короны с информацией о ее истории и современном состоянии. Для изучения конституционно-правовых институтов весьма полезны издания Центра политических и конституционных исследований (*Centro de Estudios Políticos y Constitucionales*), включая «Журнал политических исследований» (*Revista de Estudios Políticos*), «Испанский журнал конституционного права» (*Revista Española de Derecho Constitucional*), электронный журнал «Конституционная история» (*Historia Constitucional (revista electrónica)*).

К источникам личного происхождения (*четвертая группа*) относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), автобиографии, мемуары, эссеистика, исповеди и т. п. Созданные членами конституционных комиссий, государственными деятелями, видными юристами, данные источники отражают настроения и чаяния авторов, их личное отношение к правителям, проектам конституций и введенным в действие текстам, месту главы государства в системе высших органов государственной власти. Особую ценность для исследования представляли произведения «отцов» конституций: А. Аргуэльеса и графа Торено, создававших проект Основного закона 1812 г., одного из авторов

конституционного проекта 1873 г. Ф. Пи-и-Маргаля, участников разработки Конституции 1931 г. А. Посады и Н. Переса Серрано, а также юристов, принимавших участие в работе над текстом ныне действующей Конституции - О. Алсаги, Х. Соле Тура, Е. Ахи, М. Фраги и др. Автор приняла участие в подготовке российского издания книги М. Фраги, ознакомившей отечественных юристов с политико-правовыми взглядами видного правоведа и государственного деятеля Испании.

При анализе указанных юридических и исторических источников диссертантом использована обширная литература на испанском языке, а также на английском, итальянском, немецком, португальском, французском языках.

Теоретическую основу исследования составили:

1) труды мыслителей прошлого Ж. Бодена, Г. Гегеля, Б. Констана, Д. Локка, Ш. Монтескье, Ф. Пи-и-Маргаля, Ф. Суареса, К. Шмитта и др.;

2) работы по истории государства и права зарубежных стран В.Г. Графского, О.А. Жидкова, И.А. Исаева, А.И. Королева, Н.А. Крашенинниковой, К.Е. Ливанцева, А.Ю. Саломатина, В.Н. Сафонова, В.А. Томсинова и др.;

3) труды теоретиков права и государства С.Н. Бабурина, И.Ю. Козлихина, Д.И. Луковской, М.В. Немытиной, А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной, В.А. Туманова, В.Е. Чиркина и др.;

4) труды конституционалистов С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, М.В. Баглая, А.Д. Градовского, Ф.Ф. Кокошкина, М.А. Краснова, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, О.Е. Кутафина, Н.И. Лазаревской, В.В. Маклакова, А.М. Осавелюка, Б.А. Страшуна, Б.С. Эбзеева, Л.М. Энтина и др. по проблематике конституционного права, близкой к теме данного исследования.

Теоретической основой исследования послужили и труды испанских историков права и конституционалистов, разработавших теоретические подходы к пониманию испанского конституционного института главы государства, а также методологические основы анализа его статуса, тенденций развития, места среди других публично-правовых институтов и взаимодействия с ними, его роли в

конституционно организованном обществе.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что впервые в отечественной юридической науке проведено комплексное исследование, представляющее концепцию эволюции публично-правового института главы испанского государства, самобытность которого выявлена с учетом истории испанской государственности в XIX – XX вв. и в сравнении с аналогичными институтами других государств.

Научной новизной, в частности, характеризуются разработанные автором: периодизация эволюции института главы государства, не ставшая предметом специального изучения испанскими правоведами, и соответствующие ей модели института, типологии взаимоотношений главы государства с Кортесами и Правительством и конструкции его полномочий, а также выявленное фундаментальное значение принципа суверенитета для правового статуса главы испанского государства.

Теоретическая значимость диссертации состоит в обогащении всеобщей истории и истории права и государства, а также науки конституционного права выводами об уникальности института главы одного из наиболее значимых государств континентальной Европы, выявленной при изучении истории его формирования.

Положения диссертации о периодизации эволюции института, получившего на различных ее этапах юридическое оформление в соответствии с потребностями общества и планами политиков, о значении традиций, исторических правовых источников, заимствования зарубежного опыта и доктринальных разработок, а также о развитии элементов рассмотренного института могут быть полезны историко-правовой науке для изучения публично-правовых институтов в общем ключе государственно-правового развития стран романо-германской правовой семьи.

Сформулированные выводы о роли понятия и терминологии в формировании института главы государства в Испании XIX-XX вв., о

соотношении института и органа главы государства, о моделях, типологиях и конструкциях, соответствующих выделенным этапам эволюции рассмотренного института, являются определенным вкладом в будущие научные исследования специалистов по конституционному праву при разработке фундаментальных и прикладных проблем института главы государства.

Положения диссертации о связи формы государства и его главы, политического режима и реального положения главы государства, а также его месте в государственном механизме углубляют и обогащают соответствующие разделы теоретико-правовых исследований.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть применены при оптимизации законодательства в связи с исследованием юридической терминологии, выборе модели главы государства, прогнозировании его эффективности и возможной аргументации отказа от механизмов функционирования, обнаруживших свою недолговечность в истории.

Практическая полезность диссертации может проявиться и в использовании проведенного исследования в преподавании истории государства и права зарубежных стран, теории права и государства, конституционного права, сравнительного правоведения.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. История главы государства как публично-правового института предопределена политической и конституционной динамикой развития страны. Самобытный институт главы государства разворачивался в Испании XIX-XX вв., с одной стороны, в контексте конституционализма стран континентальной Европы, а с другой – отражал и символизировал социально-культурную и конституционную идентичность страны. В силу первого обстоятельства он воспринял концептуальные подходы, принципы, терминологию, конструкции, элементы юридической техники, содержание и характеристики оформления конституционного статуса главы государства, присущие европейской континентальной правовой традиции. Однако их заимствование в Испании не

было механическим. Зарубежные идейные и юридические источники подвергались переработке, адаптации к общественным вызовам, политической обстановке и культурным традициям Испании. Это проявилось в закреплении и реализации принципов национального суверенитета и разделения властей, норм об участии короля в законодательном процессе и др.

2. Эволюция института главы испанского государства базировалась на правовых традициях страны, на укоренившихся представлениях о короне, королевстве и короле, к предназначению которого, включая его религиозный долг, в обществе на протяжении веков сложилось определенное отношение, что было подкреплено правовыми нормами Средневековья и новой истории. История института с характерными для Испании прерывностью, экспериментами, «возвратами» к прежнему опыту, характеризуется сохранением рациональных, содержательно значимых для его эволюции норм и принципов. Это обеспечило не только устойчивость института, но и уникальное для страны континентальной Европы преемство в его конституционном оформлении, которое не могли поколебать расхождения в политических убеждениях и симпатиях различных испанских учредителей.

3. В истории испанского публичного права и правоправедения в разное время господствующее положение занимало одно из трех представлений (концепций) о главе государства. Во-первых, использованию понятия «глава государства» в доктрине соответствовало его понимание как главы исполнительной власти и представителя общества и государства внутри страны и за ее пределами. Под влиянием зарубежного правоправедения испанские юристы и политики в XIX в. рассматривали статус короля в сопоставлении с единоличными и коллегиальными, национальными и зарубежными главами государств прошлого и современности. Во-вторых, источником концептуальных представлений о главе государства явилась Конституционная хартия 1814 г., октроированная Людовиком XVIII и объявившая короля «верховным главой государства». Признание верховенства главы государства по отношению к разнообразным

органам, учрежденным в периоды радикальных реформ, оказалось востребованным в Испании при отказе от прежней формы правления: от абсолютно-монархической в 1834 г., а затем и от республиканской в 1936-1947 г. Идея высшей власти главы государства достигла апогея в период правления Ф. Франко, когда данное понятие стало ассоциироваться с его жестким авторитаризмом.

Учение Б. Константа о главе государства - носителе «королевской власти» как власти «нейтральной» (*neuter*), названной также «сдерживающей», или «умеряющей» (*modérateur*), прошло апробацию в Бразилии (1824 г.), граничившей с Испанской Америкой, и в Португалии (1826 г.) – соседке Испании на Пиренейском полуострове. Данный опыт оказался близким авторам конституционного проекта 1873 г. и был осмыслен в 1880-ые годы В. Сантамария де Паредес, представившим королевскую власть как «гармонизирующую» и нацеленную на обеспечение слаженного функционирования всей системы государственной власти. Последовательное заимствование такого понимания главы государства (третьей из выделенных концепций) имело место при разработке конституций 1931 и 1978 гг.

4. В современной историографии актуализируется лингвистическая история и как ее разновидность - история понятий и их терминологических обозначений. Лингвистический поворот в историографии акцентирует внимание на языковой форме текстов прошлого, в том числе и правовых, в данной работе – текстов, фиксирующих особенности этапов двухвековой эволюции главы государства в Испании.

Лингвистический подход позволяет выявить два пласта использования понятия «глава государства»: доктринальный и легальный. До 1931 г. в его доктринальном осмыслении оно применялось в испанском политическом лексиконе, в отдельных документах и главным образом в юридической литературе по конституционному (публичному, политическому) праву. Хронологически это совпало с закреплением в конституциях статуса монарха в

разделах «О короле». Истоками понятийного оформления института главы государства явились: римское право, средневековое право пиренейских королевств, доктрины служителей церкви и испанских философов периода абсолютизма, идеи зарубежных мыслителей, прежде всего французских и немецких, а также конституции ряда государств в Европе и Латинской Америке, отразившие отношение к статусу монарха или президента в системе органов власти.

На легальном уровне понятие «глава государства» использовалось в Испании со второй трети XX в., когда этот институт был введен в законодательство и обозначил президента Второй Республики, не обладавшего многими полномочиями короля и тяготевшего к осуществлению «сдерживающей» власти; единоличного и полновластного правителя каудильо Ф. Франко; короля по ныне действующей Конституции 1978 г., все более утверждающегося в роли представителя государства и символа испанского общества при конституционном признании за ним «сдерживающих» полномочий и роли арбитра. Законодательное оформление получили и модели института главы государства, соответственно: «президентская власть» в Конституции 1931 г., «институт главы государства» при правлении Ф. Франко и «корона» в Конституции 1978 г.

5. Периодизация эволюции института главы государства может быть определена с учетом общего хода конституционного развития страны при использовании форм правления, зафиксированных основными законами, в качестве критерия для разграничения четырех этапов этой эволюции. Таковыми являются: 1) конституционно-монархический (1808–1931); 2) республиканский (1931–1939); 3) личной власти каудильо (1939–1975); 4) парламентско-монархический (с 1975 г. по сей день). Внутри каждого этапа наряду с периодами, отражающими его суть, выделяются и периоды, демонстрирующие отход от намеченного вектора движения. Выделенным этапам соответствуют модели института главы государства: королевской власти, президентской власти,

собственно главы государства, короны.

6. На конституционно-монархическом этапе сформировалась модель королевской власти как первой разновидности института главы государства. В начальный период этого этапа (1808-1814, 1820-1823) имели место первые попытки введения конституционно-монархической формы правления. Конституция 1812 г. закрепила королевскую власть как конституционно учрежденный институт и, исходя из принципа разделения властей, вручила королю роль главы исполнительной власти и право осуществлять законодательную власть «совместно» с Кортесами.

Укрепление конституционной монархии и многоаспектное формирование института королевской власти имело место в период правления Изабеллы II (1834-1868), что формально подтверждалось тремя вступившими в силу конституциями и в третий раз введенной в действие Конституцией 1812 г. Однако королева в силу ее личностных качеств не выполняла функции главы исполнительной власти, которые стали фактически осуществляться Правительством. Конституционная практика зафиксировала развитие испанской монархии в направлении ее парламентской разновидности.

Данная тенденция была продолжена в период конституционных экспериментов и попыток конституционной стабилизации (1869–1931) в Испании. Несмотря на формальное сохранение в течение значительного времени конституционно-монархической формы правления, Правительство осуществляло исполнительную власть до выборов Амадея I, в период Первой Республики, после нее – до появления на престоле Альфонса XII, а также во время диктатуры М. Примо де Риверы. Отделение главы государства от главы исполнительной власти готовилось и юридически: Конституция 1869 г. закрепила избрание следующего короля, право Кортесов выразить Правительству вотум недоверия; в период Реставрации все большая удаленность монарха от государственных дел обеспечивалась конституционной практикой.

7. В 1931 г. – так же, как и в 1873 г., – задача учреждения нового

государственного строя встала на повестку дня вместе с необходимостью перехода к республиканской форме правления в условиях высокой политической активности испанского народа, требовавшего изменения отношений власти и общества, а также пересмотра правового статуса граждан. В период Второй Республики (1931-1939) имело место учреждение нового государственного органа – выборного и ответственного президента, действующего в течение установленного срока, и введение института, функции которого он осуществлял. Институт получил легальное терминологическое обозначение - институт президентской власти. Определение президента как главы государства подчеркивало его социально-политическое значение и соответствовало претензии учредителей на создание магистратуры, олицетворяющей общество (нацию), что ранее связывалось с королевской властью. В отличие от монарха президент не наделялся полномочиями в сфере управления, ему не вверялась исполнительная власть.

8. Во время правления Ф. Франко в Испании (1939-1975) был введен высший пост, официально названный «глава государства». Он не функционировал в системе разделения властей и базировался на личной пожизненной неограниченной гражданской и военной власти правителя. Юридический термин «глава государства», превратился де факто в аналог политического термина «диктатор». Принимая во внимание методы властвования, можно утверждать, что испанское государство на этом этапе соответствовало характеристикам «суверенной диктатуры», выделенной К. Шмиттом.

Вместе с тем Ф. Франко – глава государства с учредительной властью – не сконцентрировался на идее тоталитаризма. С учетом международной и внутривластной обстановки, а также стремясь приблизиться к политико-правовым системам либерального Запада, он приступил к преобразованию системы власти. Восстановление монархии и «самоограничение» власти каудильо, закрепленное комплексом основных законов, главным из которых стал Органический закон государства 1967 г., создавало представление о наличии в

Испании неcodифицированной полной конституции. Особенность испанской ситуации состояла в том, что сам Ф. Франко позаботился о завершенном легальном оформлении статуса «универсального» главы государства, что обеспечило эффективность созданных норм и после его смерти, переход власти к королю и начало эпохи реформ.

Институт главы государства данного этапа был заимствован, включая его терминологическое обозначение, во Франции, Португалии, Бразилии и оказал влияние на юридическое оформление статуса главы государства в ряде стран с недемократическим политическим режимом.

9. Вступление на трон Хуана Карлоса характеризовалось рядом особенностей: 1) он не получил власть обычным для монархии наследственным путем, а был выбран каудильо как его преемник при отсутствии формального отречения монарха в эмиграции; 2) в период перехода Испании от франкистского режима к демократическому принципиальная и решительная позиция короля сыграла важную роль в достижении успеха транзита власти. Король являлся главой государства по франкистскому законодательству и был определен таковым по Конституции 1978 г., утвержденной на референдуме. Однако Основной закон наполнил это понятие иным содержанием. При сохранении различия между постом главы государства и лицом, реализующим его власть, в Конституцию было введено понятие «корона» как разновидности института главы государства, а король предстал лицом, осуществляющим его функции. Он не являлся ни носителем исполнительной власти, ни главой управления, но обладал некоторой «сдерживающей» властью и положением арбитра. Статус короля стал ассоциироваться с парламентским монархом.

10. Базовым началом института главы государства явился принцип суверенитета. Его разновидности («первоначальный», «учредительный» и «учрежденный»), выделенные в испанской доктрине, являются критериями отграничения исторических моделей рассматриваемого института, сформировавшихся на соответствующих этапах его эволюции.

На конституционно-монархическом этапе «первоначальный» суверенитет считался данным Богом, и божественное происхождение королевской власти было неоспоримо. «Учредительный» суверенитет, ассоциировавшийся с правом принимать конституцию и вносить в нее изменения, де юре принадлежал королю (при королевском суверенитете), нации в лице Кортесов (при национальном суверенитете), королю совместно с Кортесами (при совместном суверенитете), что нашло отражение в соответствующих конституционных актах. «Учрежденный» суверенитет, выражавшийся в конституционно закрепленных возможностях реализовать высшую власть, принадлежал при королевском «учредительном» суверенитете королю с привлечением иных, допущенных им органов, при национальном «учредительном» суверенитете – Кортесам с ограничением участия короля в осуществлении государственной власти; при совместном «учредительном» суверенитете – королю и Кортесам.

В XX в. носителем «первоначального» суверенитета являлась нация. Субъектом «учредительного» суверенитета признавался народ (конституции 1931 и 1978 г.), на соответствующем этапе – каудильо; «учрежденного» – государство, а именно – его органы. Таковыми на республиканском этапе являлись Кортесы, Правительство и президент, во время правления Ф. Франко – глава государства, на парламентско-монархическом этапе – Кортесы, Правительство и король в соответствии с их компетенцией, предусмотренной Конституцией.

Отношение к принципу разделения властей, определявшему организацию системы органов власти, зависело от провозглашенного вида «учредительного» суверенитета: королевский суверенитет не предполагал разделения властей, национальный – означал его полное воплощение, при совместном суверенитете он модифицировался в принцип сотрудничества властей.

11. Типология взаимоотношений главы государства и Кортесов на четырех этапах эволюции рассматриваемого института предопределена спецификой его выделенных моделей и лежащим в их основе принципом суверенитета. Для

конституционно-монархического этапа характерна конкуренция короля и Кортесов. В рамках конституционно-монархического этапа три вида «учредительного» суверенитета породили три конструкции их отношений. При королевском «учредительном» суверенитете король являлся верховным органом по отношению к Кортесам. Конструкция отношений, основанная на принципе национального суверенитета, базировалась на главенстве Кортесов в системе органов государственной власти, при этом в 1812 и 1869 гг. они обладали явным верховенством в осуществлении публичной власти, а в 1837 и 1856 гг. несколько усилилось значение королевской власти. Третья конструкция была представлена в конституциях 1845 и 1876 гг., основанных на совместном «учредительном» суверенитете короля и Кортесов, предполагавшем наличие двух равнозначных субъектов осуществления государственной власти. Однако конституционная практика, сложившаяся в ходе реализации Конституции 1876 г., как ранее Королевского статута 1834 г., существенно отличалась от предусмотренной в тексте Основного закона.

Взаимное «сдерживание» было свойственно отношениям президента и Кортесов на республиканском этапе эволюции рассматриваемого института, их служебная роль при выполнении функций, порученных главой государства, – на этапе личной власти каудильо. Для парламентско-монархического этапа характерно осуществление королем традиционных полномочий в отношении Кортесов при их строгой регламентации и наличии у него потенциала «сдерживающей» власти, а также воздействие Кортесов на корону для обеспечения преемства власти.

12. Типология взаимоотношений короля и Правительства ознаменована: 1) осуществлением королем вверенной ему исполнительной власти (по существу, высшего управления) посредством министров, а позднее – министров, объединенных в Правительство (Совет министров), что было признано конституционной практикой (конституционно-монархический этап); 2) сотрудничеством президента как главы государства и Правительства (Совета

министров) как конституированного органа управления в предусмотренных точках соприкосновения (республиканский этап); 3) выполнением институционализированным Правительством функций управления, порученных ему главой государства (этап личной власти Ф. Франко); 4) традиционалистско-символическим взаимодействием с сохранением потенциала «сдерживающей» роли короля в отношении Правительства (парламентско-монархический этап).

13. Эволюция рассматриваемого института отражена и в конструкциях полномочий главы государства, отражавших отношение законодателя к его функциям. На конституционно-монархическом этапе король признавался обладателем (первоначально единственным) исполнительной власти и участником законодательного процесса. Конструкция полномочий президента Второй Республики отражала акцент на его «сдерживающей» функции в отношении Конгресса депутатов и Правительства. Полновластие главы государства франкистской эпохи было упорядочено после Второй мировой войны не только делегированием отдельных полномочий другим органам, но и заимствованием представления о главе государства как гаранте действующего государственного порядка, на котором настаивал К. Шмитт. На парламентско-монархическом этапе за королем сохраняются отдельные традиционные полномочия, и они поддерживают равновесие и слаженное функционирование системы органов государственной власти и соответствуют идее «гармонизирующей власти», о которой писал В. Сантамария де Паредес в 1880-е годы. При этом на всех этапах эволюции неизменной оставалась представительская функция главы испанского государства.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Должная степень достоверности результатов исследования обусловлена изучением обширного комплекса нормативных актов, материалов официального делопроизводства, архивных материалов, материалов личного происхождения, научной литературы. Основные положения исследования отражены в

публикациях диссертанта, изданных на русском, английском, испанском и итальянском языках.

Теоретические аспекты работы и фактологический материал были представлены исследователем при ведении лекционных и семинарских занятий на юридических факультетах вузов по дисциплинам: «История государства и права зарубежных стран» (1991 – 2009 гг. в СПбГУ, 2009 – 2017 гг. в НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург), «Европейские конституции XIX в.» (2006 - 2009 гг. в СПбГУ).

Отраженные в диссертации выводы апробировались при выступлении:

- с курсами лекций: в рамках магистерской программы университетов Мессины и Кордовы «История и сравнение политических и правовых институтов средиземноморских европейских государств» (2001–2006 гг., Мессина, Италия); факультатива «Античный и современный конституционализм» в университете г. Брешиа (2014 г., Италия);

- с циклами лекций в рамках курсов: «Римское публичное право» и «Исторические основы европейского права» в Римском университете «Тор Вергата» (2017 г., Италия); магистерской программы по римскому праву и теоретического курса для аспирантов на юридическом факультете Университета Сан-Паолу (2011 г., Бразилия);

- с циклами лекций по проблемам истории публичного права в рамках дополнительных образовательных программ в университетах Мессины (2003 г., Италия), Каракаса (2009, 2010 гг., Венесуэла), летней итало-китайской школы по юриспруденции в Университете г. Брешиа (2015, Италия);

- с лекциями в Университете *Complutense* (2005, 2008 гг., Мадрид, Испания), университете Буэнос-Айреса (2006 г., Аргентина), Римского университета *Sapienza* (2009 г., Италия), Китайском университете политических наук и юриспруденции (2013 г., Пекин), Казахском государственном университете (2012 г., Алматы), Башкирском государственном университете (2017 г.), Омском государственном университете (2019 г.).

Отдельные положения исследования были представлены в докладах на 67 научных конференциях в России и за рубежом (1996–2022 гг.), в том числе: “*Russian (before the Revolution of 1917) historians about the peculiarities of English constitutionalism and its influence on the constitutional law of Mediterranean area States in the 19th century*” (Convegno internazionale «*Il modello costituzionale inglese e la sua recezione nell’area mediterranea tra la fine del 700 e la prima metà dell’800*», Università di Messina, Italia, 14–16 novembre 1996); «Конституционные основы организации государственной власти в Испании» (IV международная научно-теоретическая конференция, Университет МВД, Санкт-Петербург, 24 декабря 2004 г.); «Глобализация и конституционное развитие: рецепция опыта США в конституционном проекте 1873 г. в Испании» (международная научно-теоретическая конференция, СПбГУ, 28 ноября 2008 г.); «Советские конституции, Хартия свободы Карнаро (1920), Конституция Испанской республики (1931)» (XXXI научный семинар «Идентичность Средиземноморья: российские элементы», Карбония, Италия, 18–20 октября 2010 г.); «О месте Политической конституции испанской монархии 1812 года в истории конституционализма» (международный научный семинар «Сервантовские чтения», Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, 14–15 мая 2012 г.); «Политическая конституция испанской монархии: общая характеристика юридических особенностей» (международная конференция «Конституционализм в Европе и Америке: наследие прошлого и перспективы (к 200-летию Кадисской конституции 1812 г.)», РГГУ, Москва, 23 октября 2012 г.); «*Las Cortes de Cádiz y la Constitución de 1812 – sus repercusiones en los procesos de independencia*» (Seminaro Internacional «*Bicentenario de la Proclamación de la República*», Ministerio de las relaciones exteriores, Universidad de la integración de las Américas, Paraguay, Asunción, 23 de septiembre, 2013); “*Derecho romano y proyectos constitucionales de Miranda*” (Seminaro científico internacional «*Derecho público romano y constitucionalismo latino*», Universidad Católica, Lima, Perú; 29-30 julio, 2014); «Развитие института главы государства в Испании: проблема

периодизации» (всероссийская научная конференция «Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву», РУДН, Москва, 27–28 марта 2015 г.); «*Il “capo dello stato” nei lessici costituzionali di Miranda e di Bolívar*» (IX Seminario di studi “Tradizione repubblicana romana”. CNR, Università di Roma “Sapienza” e «Tor Vergata», 17-18 dicembre 2015); *La Constitución Española de 1812 y su influencia en el constitucionalismo ruso* (Jornada Internacional “Rusia, el Mediterráneo y España”, Universidad Politécnica de Valencia, 28 de abril de 2018); «*Il concetto di “Repubblica” nelle Costituzioni Sovietiche: origine romana*» (IV Conferenza internazionale dell’Associazione Balcanica per il diritto romano e la Tradizione romanistica su *res publica & res privata* (Università di Kragujevac, Serbia, 7-9 novembre 2019); *Protección de los derechos humanos, orden público y actividades del sistema administrativo: origen romano* (IV Congreso internacional de derecho administrativo, fiscal y medioambiental romano, Universidad Autónoma de Madrid, 12-13 diciembre 2019.); «*Angostura 1819 y el constitucionalismo latino*» (XIII Seminario di studi “Tradizione repubblicana romana”, CNR, Sapienza, Società Bolivariana di Roma, 17 dicembre 2019); *Diritto Pubblico Romano nella metodologia dei studi della storia costituzionale*” I Seminario Internazionale «Diritto pubblico romano e costituzionalismi in Eurasia. La prospettiva del ’19 (Università degli Studi di Roma “Tor Vergata”, 19 dicembre, 2019); «О некоторых аспектах методологии сравнительных исследований конституционной истории России и Испании» (научный семинар «Россия и Испания: Конституционные параллели», РАНХиГС, Москва, 15 декабря 2020 г.); «Институт президентской власти в Испании: сравнительный анализ с зарубежными источниками» (Международная научно-практическая конференция «Публично-правовые аспекты юридической компаративистики», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 17-18 декабря 2021 г.); «Две модели гаранта Конституции в Испании XX в.» (Всероссийская научная конференция с международным участием «Европейский конституционализм: разновекторные тенденции», ИГП РАН, 9 июня 2022 г.); «Понятия «нация» и «народ» в конституционной терминологии XVIII-XX вв.»

(международная научно-практическая конференция «Из архаики в XXI век: Юридическая техника», Воронежский государственный университет, 1 июля 2022 г.)

Структура диссертации состоит из введения, пяти глав, объединяющих 16 параграфов, заключения, источников и литературы, таблиц-приложений.

Глава 1. Понятие главы государства в испанской политико-правовой традиции и основные этапы эволюции института главы государства

§ 1. Понятие главы королевства в испанской политико-правовой традиции Средневековья и раннего Нового времени

Понятие главы государства, обозначающее соответствующий публично-правовой институт, получило в Испании завершённое практико-ориентированное теоретическое обоснование и законодательное оформление в XIX-XX вв. Его уникальная эволюция и специфика применения базировались на политико-правовой традиции, сформировавшейся в Средние века и раннее Новое время, как в самой Испании, так и в целом в романо-германской правовой семье.

Королевская власть в Вестготском королевстве (V – VIII вв.). В VI в. Пиренейский полуостров оказался «под главенством единого политического центра».¹² В 590 г. вестготы назвали свое королевство, основанное в V в.,¹³ “*Spania, Gallia et Gallaecia*”.¹⁴ Высшая власть в нем принадлежала королю (*rex*). Монархия, как отметил Р. Альтамира-и-Кревеа, «носила смешанный, выборно-наследственный характер»,¹⁵ а после 531 г. король стал выборным.

Крещение короля Реккареда в 587 г., принявшего религию большинства населения, имело судьбоносное значение для королевской власти и ее восприятия обществом. Важная роль была отведена церковным соборам, созываемым королем для решения общих дел; в них принимали участие епископы, вестготская и римская знать. На IV Толедском соборе 633 г. было введено избрание короля общим советом, состоящим из вестготской знати и епископов, а кандидат должен

¹² Ауров О.В. Королевство вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров) / под общ. ред. О.В. Аулова, А.В. Марья. М., 2012. С. 36. В данном случае выдающийся специалист по истории испанского средневековья подчеркивает значение

¹³ Вестготы, появившиеся на территории Римской империи в IV в., в V в. основали свое королевство, ставшее первым королевством из числа «романо-варварских» на территории Западной Римской империи (Ауров О.В. Королевство вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 32).

¹⁴ Вольфрам Х. Готы / пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Неврасова. СПб., 2003. С. 24.

¹⁵ Альтамира-и-Кревеа Р. История средневековой Испании. СПб., 2003. С. 93.

был соответствовать принятым религиозно-этическим требованиям. Согласно учению Исидора Севильского (560(-570) - 636), сыгравшего важную роль в политической жизни королевства и деятельности соборов, королевская власть имеет божественное происхождение и характер, и поэтому ее носитель должен отвечать определенным требованиям. Для мыслителя идеален христианский король, который справедлив, мудр, милосерден, милостив, уважает законы и церковь.¹⁶ От идеи справедливого правления, по Исидору Севильскому, и происходит название правителя (*rex*), т.к. *reges a regendo et recte agendo* (короли правят и правильно действуют).¹⁷

После избрания короля имел место обряд введения его в правление: войско провозглашало избранного подъемом «на щите под одобрительные крики»; данный символический акт имел римские корни.¹⁸ С течением времени избрание короля стало сопровождаться церковным помазанием, а население стало приносить ему присягу верности.

Изначально король - главнокомандующий и верховный судья. А с конца VI в. он стал и главой управления,¹⁹ а его важным инструментом - нормотворчество. В Вестготской правде, созданной в VII-начале VIII вв. в титуле «О законодателе» содержатся рассуждения о том, «каково должно быть искусство составления законов», и «каким образом творец законов должен его использовать» (I. 1. 1-9).²⁰ При этом законодатель обязан исходить из «стремления к благу народа». В титуле «О законе» (I. 2. 1-6) было установлено: закон «соразмерим с Божеством», он «управляет порядком во всем государстве».²¹ Король также издавал общеобязательные декреты (X. 1. 4) и приказы (II. 1. 31).

Указанные характеристики стали фундаментом для возрождавшейся

¹⁶ Cabrera Valverde J.M. San Isidro de Sevilla: puente entre la Antigüedad y la Edad Media // Filología y Lingüística. 1996. XXII (2). P. 209.

¹⁷ Исидор Севильский. Этимологии, или о началах // Латинская словесность Средних веков и Возрождения. Хрестоматия (Антология мысли) / автор-сост. Н.А. Федоров. М., 2019. С. 84.

¹⁸ Ауров О.В. Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды) // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 60.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Вестготская правда (Книга приговоров). Текст. Перевод. Комментарии // Вестготская правда. С. 485-490.

²¹ Там же. С. 491-495.

королевской власти и политико-правовой традиции в период Реконкисты.

Королевская власть в христианских королевствах во время Реконкисты VIII – XV вв. Как отмечают историки, термин «Реконкиста» вошел в употребление лишь в XVIII в. для обозначения движения, ставшего «неотъемлемой частью испанской идентичности» (ранее использовали термины: «восстановление» утраченного и «освобождение страны»).²² Началом данного периода принято считать первую значительную победу, одержанную под предводительством астурийского короля Пелайо над войском мусульман в 718 г., которые к тому времени (с 711 г.) захватили всю территорию Пиренейского полуострова, за исключением его северной части.

Образовавшееся там Астурийское королевство стало рассматриваться наследником Вестготского королевства, а короли – преемниками вестготских монархов, обязанными возглавить отвоевание земель у мусульман. Российский медиевист В.К. Пискорский разделил королевства, возникшие на севере полуострова, на две группы: западные и восточные. Западные королевства (Астурия, Галисия, позднее Леон и Кастилия) развивались «преимущественно под влиянием готских политических традиций», а восточные (Наварра, Арагон и Каталония) - «под значительным влиянием франкских учреждений и обычаев». ²³ Данный тезис следует принять во внимание с точки зрения анализа социально-политических истоков появления представления о главе королевства на Пиренейском полуострове. В его формировании доминирующее значение имело наследие Вестготского королевства; влияние Королевства франков в интересующем ракурсе следует упомянуть лишь при характеристике исходного юридического статуса короля в системе вассалитета, свойственного второй группе королевств и отличного от сеньориального режима, присущего их первой группе, а также значения будущих различий в вопросах престолонаследия в Кастилии и Арагоне.

²² История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. М., 2012. С. 182-183.

²³ Пискорский В.К. История Испании и Португалии. С. 38.

В христианских королевствах для обозначения правителя, стали использовать римский термин *rex* (король), в качестве синонима в Астурии и Леоне также - *princeps* (князь). В некоторых случаях применялся термин *comes* (от данного латинского слова произошел «граф» (по-испански – *conde*)). Истории Кастилии, а точнее ставшему ее частью Леону, известен и римский термин «император», зафиксированный в документах еще в IX в.²⁴ В 1077 г. Альфонсо VI, король объединенного Леоно-Кастильского королевства, назвал себя императором всей Испании (*imperator totius Hispaniae*), стремясь подчеркнуть свое преимущество в отношении местной знати, а также других правителей на полуострове. В 1135 г. Альфонс VII был коронован как император в Леоне епископом–легатом папы Иннокентия II. Он как сеньор получил признание со стороны знати, в том числе графа Барселонского, короля Наварры и других. Это было важно особенно в связи с тем, что в Кастилии (Леоно-Кастильском королевстве) некоторые территории (например, Галисия и Толедо) сохраняли в течение XII в. статус королевств в пределах королевства, возглавляемого «императором». Кроме того, при помощи данного титула короли желали подчеркнуть свое верховенство на Пиренейском полуострове, а также в некоторой степени противопоставить себя императору Священной Римской империи и Святому престолу.²⁵

Христианство и римское право, действовавшее в провинциях Римской империи на Иберийском полуострове и ставшее одной из основ *ius commune*, получившего распространение на его территории с XIII в., сыграли ключевую роль в формировании представления о королевской власти в христианских королевствах в период Реконкисты.

В лексиконе римских юристов термин *caput* применялся как синоним *persona*. Он не использовался для обозначения домовладыки, магистрата, императора. В V в. до н.э. Менений Агриппа представил плебеям аналогию,

²⁴ Escudero J.A. Curso de Historia del Derecho: Fuentes e Instituciones Político-administrativas). Madrid, 2012. P. 501.

²⁵ Ibid. P. 502.

продемонстрировав антропоморфическое видение общества как организма,²⁶ в котором патриции ассоциировались с животом, а не с головой.²⁷

В средние века понятие главы (головы) стало использоваться в антропоморфическом (органическом) видении западноевропейской церкви: Христос рассматривался как глава церковного организма.²⁸ Церковь определялась как *corpus mysticum*. В середине XII в., как отметил Э. Канторович, этот термин приобрел социологическое содержание.²⁹ По аналогии он был перенесен на соотношение король – королевство и в условиях Реконквисты адаптирован к восприятию королевской власти, заложенному в Вестготском королевстве. Оно выражалось формулой «король милостью Божьей», предопределявшей особое предназначение монарха, отличное от всех иных политических сил. В Семи партидах (*Las Siete Partidas*) – законе, объявленном в 1265 г. и ставшем «инструментом унификации» права в Кастилии,³⁰ – король Альфонс X Мудрый (1252–1284), декларировал: короли, «каждый в своем королевстве», являются «наместниками Бога на земле» (2.1.5).³¹

Далее, ссылаясь на «мудрецов», он показал антропоморфическое понимание роли монарха. Король представлялся «главой (*cabeza*) королевства, и как в голове рождаются чувства, управляющие всеми частями тела, так и руководство исходит от короля, который является сеньором и головой всех в королевстве»; все должны быть «в согласии с ним для того, чтобы подчиняться и защищать, сохранять и направлять королевство, в котором он является душой и головой» (2.1.5).

Данное положение Семи партид интерпретируется историками испанского

²⁶ Подр. см.: *López Barja de Quiroga P.M.* El cuerpo político: la fábula de Menenio Agripa // *Gerión*. 2007. Vol. 25. Numero Extraordinario 1. P. 243–253.

²⁷ *Тит Ливий*. История Рима от основания города / отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. 1. М., 1989. Кн. II. Гл. 32. П. 9–12.

²⁸ «Он есть глава тела Церкви» (*Апостол Павел*. Послание к Колоссянам. 1.18). –Комментарий с юридической точки зрения см.: *Esposito C.* Capo dello stato // *Enciclopedia del Diritto*. Vol. 6. Milano, 1970. P. 226.

²⁹ *Канторович Э.* Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015. С. 184.

³⁰ *Le Roy Y.* Las Siete Partidas del rey de Castilla Alfonso X el Sabio y el origen de la fórmula de Guy Coquille “le roy n’a point de compagnon...” // *GLOSSAE. European Journal of Legal History*. 2012. N 9. P. 85.

³¹ Текст закона цит. по изд.: *Las Siete Partidas del Rey Don Alfonso El Sabio*. En 3 t. T. 2. Madrid (Real Academia de la historia), 1807. Partida II. Titulo 1. Ley 5. P. 8.

Средневековья³² на основе идеи Иоанна Солсберийского о «политическом теле» республики, получившей распространение в XIII в.³³ Мыслитель, как отметил Г. Берман, проанализировал «общий предмет политических и правовых отношений» между правителем и его подданными в территориальной системе», т. е. между *princeps* и «республикой» (сообществом «той территории, на которой он правил»)³⁴.

В исторических исследованиях при интерпретации приведенного фрагмента о «главе королевства» нередко делается акцент на «корпоративной идее». Рассуждая о *corpus mysticum*, в XIII в. обозначавшем «целостность христианского сообщества в его органонологических аспектах», Э. Канторович отметил важную тенденцию в развитии понятия: постепенно оно приобрело «корпоративный характер», его «органонологическая трактовка сопровождалась корпоративистскими идеями или сливалась с ними».³⁵

В Семи партидах королевство отождествлялось с телом (исп. – *cuervo*), а «все в королевстве» - с его частями (исп. – *miembros*), в отношении народа король с учетом его предназначения обеспечить справедливость – с «душой и сердцем». В отличие от антропоморфического понятия короля, носившего символический и метафорический характер, его реальная социально-экономическая и политическая роль была обозначена термином «господин» (на исп. – *señor*). Данное понятие в XIII в. уже не связывалось с положением короля в его собственных владениях, а отражало его политическую власть в целом в королевстве и стремление к ее усилению.

³² Напр.: *Goicoechea Zabala J. L. La imago regis en las Partidas Alfonsinas // Saberes: Revista de estudios jurídicos, económicos y sociales. 2003. N 1. P. 9* (URL: www.uax.es/publicaciones/archivos/SABFUN03_001.pdf); *Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. Madrid, 2004. P. 171*; *Kleine M. Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X (II): Rex iustus // De Medio Aevo. 2014. Vol. 3. N 2. P. 41* (на рус. яз.: *Клейне М. Образы королевской власти в творчестве Альфонсо X: Rex iustus // Исторический вестник. Альфонсо X: Политика и право. Т. 12 (159). Ч. 1. М., 2015. С. 158–207.*

³³ *Joannis Saresberiensis. Policraticus, sive de nugis curialium, et vestigiis philosophorum, libri octo. Policraticus, sive de nugis curialium, et vestigiis philosophorum, libri octo. Lugduni Batavorum, Ex Officina Plantiniana, Apud Franciscum Raphelengium, 1595. P. 251.*

³⁴ *Берман Г.-Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 268.*

³⁵ *Канторович Э. Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии. С. 195.*

Понятия «сеньор» («господин») и «голова» применялись как родовые для обозначения не только короля, но и императора. Рассуждения о нем предваряли положения Семи партид о предназначении короля, о его соотношении с королевством. Кастильский законодатель выделил их главные отличительные характеристики: «Бог вручил императору управление народами в империи, а королю в королевстве, и потому ему должны повиноваться все в империи, а он – никому, только папе в духовных вопросах (2.1.1). Кроме того, император Священной Римской империи – сеньор в силу избрания: будучи королем в Германии, он избран теми, кто имеет право участвовать в выборах или большинством из них (2.1.7). В условиях Реконкисты и обостренного отношения к расширению земельных владений королевства Альфонс X старательно и многократно подчеркивал общее предназначение короля и императора – обеспечивать справедливость, мир и право. Этимологическую близость слов *rex*, *regnum* и *regla* (правило), отмеченная Исидором Севильским, таким образом, сохраняла свое фундаментальное политико-этическое значение.

Представление о короле как заместителе Бога и главе социального организма сохранялось в XIII–XV вв., способствовало его усилению в отношениях с другими политическими силами страны и определяло две главные функции его деятельности. Во-первых, король обязывался защищать веру и церковь, во-вторых, обеспечивая «правду и справедливость», он должен был заботиться о достижении общей пользы (*utilitas populi*) и общего блага (*bien común*). Последнее предполагало поддержание мира в королевстве, в том числе общего и королевского мира (*la pax civitatis, la pax regni*), а также надлежащее отправление правосудия.³⁶

Важным инструментом осуществления королевской власти являлось законодательство. В ряде случаев король согласовывал акты со своей курией, советами, появившимися в XII–XIII вв. сословно-представительными органами (первые кортесы были созваны в 1188 г. в Леоне). Кортесы в Кастилии

³⁶ *Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. Madrid, 2004. С. 304.*

объединяли заседавших отдельно представителей трех сословий: духовенства, дворянства и горожан; в Арагоне их было четыре: высшая знать, среднее и мелкое дворянство, духовенство и горожане. Они участвовали в решении вопросов взимания налогов, престолонаследия, внутренней и внешней политики, в принятии законов.

Несмотря на сохранение названия «Испания» на Пиренейском полуострове в течение указанного периода характерно отсутствовала единая страна и, как отмечал Ф. Томас-и-Вальенте, имело место «дробление политической власти» между «христианскими центрами».³⁷ Они возникали, расширяли свою территорию, вступали в противоборство не только с мусульманским миром, но и друг с другом, входили в состав других королевств, создавали объединения.

Однако в XII-XIII вв. на территории Пиренейского полуострова сложились два политических образования, которые знаменовали тенденцию к объединению. А «политическая суперструктура», которая позволяла королевствам и сеньориям, подчиненным одному правителю, сохранять свою собственную индивидуальность», получила закрепление в понятии «корона».³⁸ В XII в. возникла корона Арагона (официальное название - с 1286 г.) в результате личного союза королевства Арагон и графства Каталонии, а позднее к ним присоединились Майорка и Валенсия. В рамках короны эти образования сохраняли свое политико-правовое своеобразие, в т. ч. свои публичные институты.³⁹

Корона Кастилии образовалась в результате окончательного объединения Леона и Кастилии в 1230 г., ранее объединявшихся в 1037-1065 гг. и 1072-1157 гг. В XIII в. к ней присоединились и другие земли. В отличие от Арагона и Каталонии, подчеркивает историк права, Леон и Кастилия объединились в королевство с общими политическими институтами, и не поддерживали свою «отличительную юридико-публичную самобытность». А понятие «корона

³⁷ *Tomás y Valiente F.* Manual de historia del derecho español. Madrid, 1995. P. 155.

³⁸ *Escudero J.A.* Curso de Historia del Derecho. P. 500.

³⁹ *Pérez E.* España y sus Coronas. Un concepto político en las últimas voluntades de las Austrias hispánicas // Cuadernos de historia del derecho. 1996. N 3. P. 253-270.

Кастилии», «должно было служить большой номинальной рамой прошлого плюрализма, унифицированного на институциональном уровне».⁴⁰ Поэтому король представлялся возглавляющим каждую из частей, входивших в состав короны. В кастильских документах он представлялся королем Кастилии, Леона, Толедо, Севильи, Мурсии и т.д.; в арагонских документах – королем Арагона, Валенсии, графом Барселонским и т.д. При этом не существовало титула самой суперструктуры. Таким образом, «корона» как термин, обозначающий предмет – один из символов власти короля, наполнился новым содержанием: «корона» с XIII в. стала также абстрактным понятием, обозначающим результат объединительного процесса прежде самостоятельных политических образований, а король признавался ее обладателем. Появление корон Кастилии и Арагона имело большое политико-правовое значение, поскольку оно символизировало интеграцию «населения, владений, правовых систем», и короны были признаны «субъектами, способными налагать обязанности».⁴¹

К концу XII в. христианские королевства отвоевали у арабов значительную часть территории Пиренейского полуострова, и в 1270 г. Реконкиста приостановилась. Арагон приступил к новым завоеваниям, превратившись в 1276-1410 гг. в крупную средиземноморскую державу. Португальские правители обратились к заокеанским приобретениям. Борьбу продолжала лишь Кастилия. В конце XIII в. у мусульман остался лишь Гранадский эмират, с окончанием его существования в 1492 г. был завершён период Реконкисты.

Королевская власть в период раннего Нового времени. К истории королевской власти в период раннего Нового времени применима общая периодизация государственно-правового развития Испании с выделением времени правления Изабеллы и Фердинанда (1474-1516), династий Габсбургов (XVI-XVII) и Бурбонов (XVIII). Карл I, внук Католических королей по материнской линии и императора Максимилиана I из Габсбургов по отцовской

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Enciclopedia de Historia de España. En 5 t. / dir. por M. Artola. T. 4 (Diccionario temático). T. 5 (Diccionario temático). Madrid, 1995. P. 359.

линии, в 1519 г. был избран коллегией курфюрстов, а в 1530 г. коронован папой Клементом VII как император Священной Римской империи Карл V (1530-1556). Во время правления Карла I (1516–1556) стал использоваться титул *Hispaniarum et Indiarum Rex* – *король Испании и Индии* и сформулирован ставший «крылатым» тезис: над его монархией с владениями на четырех континентах «никогда не заходит солнце». В конце XVI в., при Филиппе II, сыне Карла I, под властью испанского короля на 60 лет объединился весь Пиренейский полуостров, хотя затем территория королевства начала уменьшаться, и этот процесс продолжился в XVII и XVIII вв.

Огромная держава стала именоваться Испанской монархией, и это название закреплено в конституциях XIX в. Деятельность короля в новой политической структуре была направлена на решение общих дел, при этом не упразднялись прежние королевства, сеньории и иные образования (их перечисление сохранялось в титуле короля), охватывавшие их понятия «короны», а также их политические институты и правовая самобытность.

Термин «король Испании» вошел в лексикон при правлении Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, вступивших в брак в 1469 г. Его применяли по отношению к обоим супругам, являвшимся королевой и королем как в Кастилии (с 1474 г.), так и в Арагоне (с 1479 г.). Но образовавшийся союз корон Кастилии и Арагона имел личный и срочный характер (1474-1516), и сохранение самостоятельности каждой из них отразилось в результатах расширения территории королевств. А после открытия Х. Колумбом заморских территорий папа Александр VI Борджиа (Борхес) своими буллами, изданными в 1493 г., объявил о включении в состав кастильской короны уже открытых и открываемых в будущем земель в «западном океане», при этом они входили в состав личного королевского имущества.⁴²

В 1496 г. Изабелла и Фердинанд получили от папы за «заботу о чистоте католической веры» титул «Католические», которым стали пользоваться и

⁴² Prescott W. Historia del reinado de los Reyes Católicos. En 2 t. T. 1. México, 1854. P. 519.

последующие монархи.⁴³ Полностью, с учетом и введенного титула Величество, они стали именоваться Католическим Величеством, что передалось их преемникам и стало элементом их статуса. Данный титул отражал представление о божественном источнике власти королей. На их службу была поставлена инквизиция, а точнее, созданный в 1480 г. Совет инквизиции.

С конца XV в. на Пиренейском полуострове получила распространение доктрина Н. Макиавелли (1469–1527), идеологически оформившая за королем функцию объединения и поддержания всей территории «в единстве как *estado*».⁴⁴ Королевскую власть, начиная со времени правления Католических королей, принято характеризовать как абсолютную,⁴⁵ а в XVI в. короля как обладателя «политической абсолютной и постоянной власти, в отношении которой не было ни более высокой, ни равной ей в королевстве, стали называть «сувереном».

Вместе с тем, испанские мыслители в большинстве своем не приняли взгляды Н. Макиавелли на правителя и вели с ним полемику.⁴⁶ Королевская власть, по их мнению, была ограничена следующими факторами: принципами христианской религии и морали, обязывавшими к ее использованию для блага общества; клятвой короля при вступлении на трон исполнять правовые нормы и уважать привилегии королевства; привилегиями сеньоров и городов; некоторыми институтами (прежде всего, Кортесами); доктринальными выкладками.

В XVI – начале XVII в. в Испании получило завершенное оформление представление об обществе как о «мистическом политическом теле» (*corpus mysticum politicum*). Выдающийся философ и юрист Ф. Суарес (1548–1617) исходил из того, что люди добровольно и по общему согласию объединились в общество для того, чтобы помогать друг другу, – так они сформировали «политическое мистическое тело», признаваемое «единым в моральном

⁴³ История Испании. Т. 1. С. 369.

⁴⁴ Ibid. С. 304–305.

⁴⁵ *Sánchez –Arcilla Bernal J. Jacobus, id quod ego: Los caminos de la ciencia jurídica. Madrid, 2003. P. 319.*

⁴⁶ История Испании Т. 1. С. 510-511.

смысле».⁴⁷ Общество не может существовать без власти, поэтому оно передает ее одному или нескольким лицам; при этом оно может оставить власть и за собой. Однако Ф. Суарес считал, что из практических соображений предпочтительнее передать ее одному лицу – *rex*. Так, подчеркивал Ф. Суарес: он «получает власть от народа».⁴⁸ Помимо термина *rex*, мыслитель также применял термин *capit reipublicae*, что иногда неточно переводится как «глава государства». Ф. Суарес, как Г. Гроций, Ж. Боден и другие мыслители вслед за Цицероном, писал о *res publica* и понимал под таковую политическую общность, а не форму правления.

Уподобление монарха «голове» «политического тела», его именование «главой республики» означало признание его частью общества и его главенствующего места в иерархичной «структуре власти».⁴⁹ Данное положение предполагало наличие у короля обязанности по осуществлению переданной ему обществом суверенной власти «управлять и законодательствовать» по справедливости. Монарх, как отметил В. Авриль Кастелло, не просто правит, а «руководит, принимает решения и судит».⁵⁰ Он несет прямую моральную ответственность перед Богом за исполнение своих обязанностей. Вместе с тем, исследователи отмечают, что в процессе своих рассуждений Ф. Суарес пришел к выводу: народ может требовать привлечения монарха и к политической ответственности «с юридическими аспектами».⁵¹ Однако у Ф. Суареса этот тезис не получил развития. Доктрина Ф. Суареса (как и его коллег из саламанкской школы) послужила обоснованию абсолютизма и усиления «единой и верховной суверенной» власти короля.⁵² Термин «глава республики» служил выполнению

⁴⁷ Suárez F. De Legibus. IV. De Iure Gentium. Madrid, 1973. P. 153.

⁴⁸ Suárez F. De Legibus. III. 4. 3. – Цит. по: Abril Castello V. Derecho – Estado-Rey: Monarquía y democracia en Francisco Suárez // Revista de Estudios Políticos. 1976. N 210. P. 139.

⁴⁹ Sánchez Agesta L. Los orígenes de la teoría del Estado en el pensamiento español del siglo XVI // Revista de Estudios Políticos. 1958. N 98. P. 96–97.

⁵⁰ Abril Castello V. Derecho – Estado-Rey: Monarquía y democracia en Francisco Suárez // Revista de Estudios Políticos. 1976. N 210. P. 160.

⁵¹ Ibid. P. 176.

⁵² Исследователь из Великобритании К. Скиннер отметил, что Ф. Суарес разработал данную идею, наряду с Гоббсом, Боденом и Гроцием и «со всей развивающейся абсолютистской традицией, основанной на естественном праве» (Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 54.)

этих задач.

В XVIII в. Габсбургов на троне сменили Бурбоны, что повлекло активное проникновение в Испанию политической культуры Франции, включая модель абсолютной монархии. В период правления представителей династии Бурбонов в Испании король - суверен, и он, по Ж. Бодену, «не признает выше себя никого, кроме Бога», он воплощает собой суверенитет, а государство представляется его созданием.⁵³ Однако королевская власть сохраняла свою самобытность, поскольку и в рассматриваемый период Испания не стала централизованным государством - самостоятельные политические составляющие Испанской монархии не отказались от своего своеобразия, в т. ч. в сфере организации управления. В частности, продолжал функционировать Кастильский совет, учрежденный в XIV в. как орган при кастильском короле с компетенцией в сфере управления и правосудия. После объединения Кастилии и Арагона, в течение XVI–XVIII вв., он осуществлял в том числе и высшую юрисдикцию кастильской короны.

Политико-правовая самобытность исторических регионов была продемонстрирована при вступлении на трон первого короля из династии Бурбонов, принесшего в 1701-1702 гг. традиционную клятву в соблюдении действующего права и верности местным обычаям в кортесах Кастилии, а также Каталонии; в кортесах Арагона при совершении акта его замещала жена.

В эпоху «просвещенной монархии» Карла III (1759-1788) осознанию роли монарха в жизни общества был придан новый импульс. В одном из первых испанских конституционных проектов – в «Конституционном кодексе», представленном подполковником М. Агирре-и-Ландасури на конкурс, объявленный в 1786 г. Экономическим обществом друзей Отечества, был использован термин «глава общества» и «верховный глава общества» (п. 4, 6).⁵⁴ Автор документа сформулировал дефиницию, отражавшую предназначение поста и его публичную функцию: глава общества – это «частное лицо, любящее

⁵³ Escudero J.A. Estudios de Historia del Derecho. Madrid: Boletín Oficial del Estado, 2016 г. P. 17.

⁵⁴ Aguirre M. Конституционные законы, соблюдение которых является непререкаемой обязанностью для всех людей, составляющих общество. Статьи // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. С. 221–228.

отечество, в котором заключена сила или власть исполнительная для составления законов, ведущих к благу общества и соответствующих разнообразным обстоятельствам» (п. 3). В проекте указаны некоторые полномочия «главы общества», которые были, как отметила исследователь текста Е. Юрчик, «сродни королевским», хотя слово «король» не употреблялось в тексте проекта.⁵⁵

Таким образом, представление о главе королевства в Испании развивалось в ходе истории формирования политических образований на Пиренейском полуострове и объединения страны, деятельности королей и попыток теоретического осмысления и юридического закрепления их места в управлении делами общества. Адекватность социальным потребностям, религиозным устоям, культурной самобытности гарантировало преобладание в эволюции содержания понятия королевской власти и его терминологического оформления, а также его включение в политико-правовую традицию Испании.

§ 2. Влияние романо-германской политико-правовой традиции на эволюцию понятия главы государства в Испании

Идейные зарубежные источники понятия главы государства. Понятие главы государства формировалось в Испании не только на основе политико-правовой традиции страны, но и на идейных и юридических источниках других стран романо-германской правовой семьи. В них также получило распространение антропоморфическое представление о церкви, ставшее отправной точкой для осмысления понятия империи и императора. Так, С. Пуфендорф (1632–1694), учение которого было известно в Испании, в книге *De statu imperii germanici, liber unis*, впервые опубликованной в Женеве в 1667 г., рассуждая об устройстве Священной Римской империи, писал об императоре как о главе (*caput*) империи.⁵⁶ Это понятие позднее было подвергнуто критике Г.

⁵⁵ Юрчик Е.Э. «Конституционный кодекс» Мануэля Агирре // Испанский альманах. Вып. 1. С. 219.

⁵⁶ Pufendorf S. Statu imperii Germanici. Editio posthuma, 1721. P. 238.

Гегелем (1770–1831).

В неоконченной рукописи 1798–1802 гг., опубликованной под названием «Конституция Германии», рассуждая об устройстве Священной Римской империи, ее признании «государственным организмом» и подвластности «верховному главе государства» (*Oberhaupt des Staates*), немецкий философ критиковал использование термина «верховный глава государства» (а также термина «глава государства») как «совершенно общего понятия».⁵⁷ По его мнению, данный термин обозначал «высшую государственную власть самого различного объема»: и «верховного главу империи», и венецианского дожа, который «был в сильнейшей степени ограничен аристократией», и турецкого султана – «ничем не ограниченного деспота». Поэтому для Г. Гегеля универсальный термин «верховный глава государства» являлся «совершенно неопределенным» и не имел «никакого смысла», так как он «не выражает по существу ничего». А в науке, в этом был убежден мыслитель, следует «всячески избегать подобных ничего не значащих выражений». Его философские идеи получили известность в Испании в начале 1870-х годов.⁵⁸

Французская политико-правовая мысль и опыт государственного строительства в соседней стране также оказывали влияние на политическое сознание испанцев. Важнейшим источником формирования представления о главе государства в Испании явились взгляды Б. Констана (1767–1830).⁵⁹ В Эскизе Конституции, опубликованной 24 мая 1814 г., содержалось предложение о введении четырех властей: королевской, исполнительной, представительной и судебной. Королевская власть определялась как «нейтральная» (*neutre*) и

⁵⁷ Рассуждения Г. Гегеля о термине см.: *Гегель Г.* Конституция Германии (Последняя редакция 1802 г.) // Политические произведения / под ред. Д. Керимова. М., 1978. С. 73–74. – Итальянское изд. см.: *Hegel G.W.F.* Scritti Politici (1798–1831). Torino, 1972. P. 20–22 (ред. 1801–1802 г. по лейпцигскому изд. 1925 г.). – Немецкое изд. см.: *Hegel G.W.F.* Kritik der Verfassung Deutschlands. Aus dem handschriftlichen Nachlasse des Verfassers herausgegeben von Dr. G. Mollat. Cassel, 1893. S. 7–8.

⁵⁸ *Díaz Díaz G.* Georg Wilhelm Friedrich Hegel en las letras españolas. Notas bibliográficas // Logos. Anales del Seminario de Metafísica. 1981. N 16. P. 138. – Следует отметить, что «Конституция Германии» издана в переводе на испанский язык в 1972 г.

⁵⁹ Первым его произведением, опубликованным в 1820 г. в переводе на испанский язык, стал фундаментальный труд: *Constant B.* Curso de Política Constitucional / trad. Por D. Marcial Antonio López. En 3 t. Madrid, 1820.

посредническая (*intermédiaire*).⁶⁰ В работе «Принципы политики, пригодные для всякого правления» (гл. II «О природе королевской власти в конституционной монархии»),⁶¹ опубликованной в 1815 г., в идеализируемой конституционной монархии автор выделил пять видов властей, «имеющих различную природу»: королевская, исполнительная, «традиционная представительная», «представительная власть мнения»; судебная.⁶²

В предложенной системе «королевскую власть» осуществлял глава государства (*chef de l'état*), «каким бы ни был его титул».⁶³ Следует отметить, что в Дополнительном акте к конституциям Империи от 22 апреля 1815 г., разработанном Б. Констаном, содержался исключительно термин «император» – *l'empereur* (ст. 2 и другие)⁶⁴ – титул, врученный Наполеону Органическим сенатус-консультум 28 флореаля XII года.⁶⁵

В конституционной монархии, идеальным примером которой Б. Констан считал Англию, королевская власть отделена от «активной» исполнительной власти, и она определялась им как «нейтральная власть» (*pouvoir neutre*), поскольку король – «существо, находящееся в стороне, высшее по отношению к разнообразию мнений, не имеющее другого интереса, кроме «поддержания порядка и обеспечения свободы...».⁶⁶

На идеологию Б. Констана, очевидно, оказали влияние идеи французского

⁶⁰ Constant B. Esquisse de Constitution // Constant B. Collection complète des ouvrages. Vol. 1. Paris, 1818. P. 13, 15, 17, 19, 22, 23.

⁶¹ Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Частный взгляд. Общеполезный журнал для чтения. 2001. № 2 (URL:http://sapov.ru/journal/02/constant_1to9.htm#ch2).

⁶² Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos / trad. A. Zozaya. T. 1. Madrid, 1890. P. 61.

⁶³ Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos. P. 60. – Наличие термина см.: Constant B. 1) Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos / trad. A. Zozaya. T. 1 (книгу Б. Констан начал писать в 1806 г., однако она была издана только после его смерти); 2) Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos: Comentarios a la Acta adicional a las constituciones del Imperio del 22 de abril de 1815 (URL:<https://ru.scribd.com/document/136645413/0003-Constant-Principios-de-Politica-Applicables-a-Todos-Los>).

⁶⁴ Acte additionnel aux Constitutions de l'Empire du 22 avril 1815 (URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/acte-additionnel-aux-constitutions-de-l-empire-du-22-avril-1815>).

⁶⁵ Органический сенатус-консульт 28 флореаля XII года Республики (18 мая 1804 года) / пер. с фр. В.А. Томсинова // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2018. С. 241-245.

⁶⁶ Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos. T. 1. P. 65.

политического деятеля и мыслителя Э.-Ж. Сийеса (1748–1836). Испанский историк права Х. Варела Суансес-Карпенья отметил, что еще до Великой Французской революции Э.-Ж. Сийес, предлагал отделить власть учредительную от властей учреждаемых. Первая гарантировала единство и постоянство государства, в то время как власти учрежденные, должны были обеспечить соответствие государственного управления историческим условиям, на базе «чаяний электората».⁶⁷ Во время консульства Наполеона Э.-Ж. Сийес предлагал создать орган нейтральной власти, чтобы избираемый Коллегией консерваторов Великий электор, «номинальный глава Правительства», занимал бы свой пост пожизненно и не имел бы никакой иной власти, кроме «назначения или смещения исполнительных глав Правительства».⁶⁸

Первенство в предложении дополнить трехэлементную систему Монтестье четвертой властью, как отметил В. Сантамария де Паредес, принадлежало С. де Клермон-Тоннеру (*S. de Clermont-Tonnere*),⁶⁹ депутату французского учредительного собрания, убитому в 1792 г. Однако она получила свое продолжение и развитие в творчестве Б. Констана.

Б. Констан охарактеризовал «нейтральную» власть еще и как «сдерживающую» («умеряющую»)⁷⁰ Она рассматривалась как власть, находящаяся «над четырьмя другими властями». Когда же эти власти, обязанные сотрудничать «для общего движения», сталкиваются между собой и мешают друг другу, необходима сила, которая бы возвращала их в прежнее положение. Эта сила не может быть в одной из указанных властей, «поскольку она бы служила для того, чтобы разрушать другие».⁷¹ Будучи «нейтральной властью», глава государства должен обеспечить «взаимную поддержку, взаимопонимание и

⁶⁷ Varela Suanzas-Carpegna J. “Principios de política” y otros escritos de Constant // Historia Constitucional (revista electrónica). 2002. N 3. P. 289 (URL:<https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/51407>).

⁶⁸ Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / Сост. М.Б. Певзнер. СПб., 2003. С. 128.

⁶⁹ Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid, 1890. P. 309. Роль французского депутата отметил Ф.Ф. Кокошкин в начале XX в. (*Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М., 2004. С. 212.*), что замечено М.А. Красновым.

⁷⁰ Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos: Comentarios a la Acta adicional a las constituciones del Imperio del 22 de abril de 1815. T. 1. P. 68.

⁷¹ Ibid. P. 60–61.

согласные действия» других властей.⁷²

Комментируя мысль Б. Константа, А.Д. Градовский отметил, что «атрибуты» королевской власти выведены мыслителем «из этой потребности равновесия» властей.⁷³ Французский исследователь М. Барбери, анализируя предполагаемую роль короля в системе разделения властей по Б. Константу, отметил, что идея «нейтральной» власти не была использована для «мумификации монарха в исключительно символической роли».⁷⁴ По Б. Константу главе государства должны принадлежать следующие права: назначения и освобождения от должности министров, роспуска выборной палаты и объявления выборов, назначения пэров и санкционирования законов, при этом за ним признается право наложить абсолютное вето, принимая во внимание, что английский монарх воспользовался этим правом в последний раз в 1707 г. Х. Варела Суансес-Карпенья, анализируя позицию Б. Константа, отметил признаваемые возможности для «участия монарха, иногда весьма заметного», в руководстве государством.⁷⁵ Принимая во внимания конституционный опыт Великобритании, Х. Варела Суансес-Карпенья сделал вывод о том, что глава государства по Б. Константу признавался и «резервной властью». Он имел возможность воспользоваться своими полномочиями для разрешения конфликтов, возникающих между министрами и парламентом; и имеющаяся у него «резервная власть» могла превратиться в инструмент «разблокирования политической системы». Распустив палату общин, король мог «аннулировать волю парламента», а значит, и электората. Он «царствует», но при необходимости сможет «править».⁷⁶ Обоснование Б. Константом введения понятия главы государства базировалось на британском конституционном опыте, однако оно нашло свое развитие в странах с романо-германской правовой традицией.

⁷² Ibid. P. 13.

⁷³ *Градовский А.Д.* Политические теории XIX в. Парламентаризм во Франции // Собр. соч. В 9 т. Т. 3. СПб., 1896. С. 253.

⁷⁴ *Barberis M.* Benjamin Constant: Rivoluzione, costituzione, progresso. Bologna, 1988. P. 187.

⁷⁵ *Varela Suanzes-Carpegna J.* “Principios de política” y otros escritos de Constant // *Historia Constitucional* (revista electrónica). 2002. N 3. P. 291.

⁷⁶ *Varela Suanzes-Carpegna J.* Monarquía en el pensamiento de Benjamin Constant (Inglaterra como modelo) // *Revista del Centro de Estudios Constitucionales*. 1991. N 10. P. 136–137.

Юридические зарубежные источники понятия главы государства (Франция, Германия, Италия). Понятие «верховный глава государства», подвергнутое критике Г. Гегелем, наполнилось содержанием и приобрело ценность во Франции. В Конституционной хартии 4 июня 1814 г., октроированной Людовиком XVIII и не основанной на разделении властей, было указано: «Король есть верховный глава государства» (*le chef suprême de l'État*); далее перечислялись его полномочия (ст. 14).⁷⁷ Эта дефиниция представлялась логичной в акте, базировавшемся на доктрине монархического принципа. А.С. Алексеев пояснил, что она «слагается» из трех начал: самодержавия монарха Божьей милостью («принадлежит старому режиму и выражает незыблемость основного догмата исторической монархии»), правовой связанности монарха («представляет собою плод нового времени и имеет целью примирить общество, вышедшее из революции, с восстановлением старой династии»), самоограничения власти монарха («образует собою принцип новейшей формации и зарождается лишь с возникновением конституционного строя»).⁷⁸ Так, понятие главы государства было связано с монархом, даровавшим своей стране конституционную хартию и оставившим за собой весьма значительные полномочия по осуществлению государственной власти. Прилагательным «верховный», очевидно, подчеркивалось соотношение короля со всеми имевшимися во Франции правителями, начиная с 1789 г., и теми, кто мог претендовать на осуществление власти в настоящем и будущем.

Король оставался «верховным главой государства» во Франции вплоть до революции 1848 г., до окончания действия Конституционной хартии, измененной в 1830 г. (ст. 13), исключая «сто дней» Наполеона Бонапарта в 1815 г. Понятие (без определения «верховный») было возвращено в текст Конституции Франции президентом Наполеоном Бонапартом в 1852 г., в которой было установлено:

⁷⁷ Конституционная Хартия 4 июня 1814 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. / под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957. С. 441.

⁷⁸ Алексеев А.С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. Ч. 1. Французская конституционная хартия 1814 г. М., 1914. С. 81–83.

«Президент Республики является главой государства» (ст. 6).⁷⁹ А в сенатус-консультате от 21 мая 1870 г. главой государства был назван император (ст. 14).⁸⁰ Далее рассматриваемый термин стал использоваться во Франции лишь доктринально.

Позднее Георг Еллинек в работе «Общее учение о государстве», вышедшей в свет в 1900 г., обосновал появление понятия *chef de l'état* и его жизнеспособность во Франции XIX в. особенностью ее государственно-правовой истории, прежде всего, частой сменой ее верховных правителей. Он писал: «Во Франции создали даже, в интересах непрерывности права, общую категорию для разного рода законных и революционных властителей. Король, император, президент объединяются под термином *chef d'état*, так что каждый глава государства, власть которого вытекает из какого-либо нового источника, тотчас же вступает во все законные функции своего предшественника, за исключением, конечно, видоизмененных или отмененных новой конституцией».⁸¹ Весьма важно, что сам Г. Еллинек ограничился употреблением только французского термина, написание которого несколько отличалось от того, что содержалось в хартиях 1814 и 1830 гг. Данный термин на немецком языке в оригинале его труда отсутствует.⁸²

Специалист по конституционному праву М.А. Краснов ярко комментирует пассаж Г. Еллинека: «Появление термина “глава государства” обязано (согласно тому же, Г. Еллинеку) Великой Французской революции, после которой (вплоть до Конституции III Республики 1875 г.) королей сменяли диктаторы, диктаторов – императоры, императоров – вновь короли, королей – президенты и т. д.».⁸³

⁷⁹ Constitution du 14 janvier 1852 (URL:<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1852-second-empire.5107.html>); Конституция от 14 января 1852 года / пер. с фр. А. К. Волкова // Правоведение. 2008. № 1. С. 212–216.

⁸⁰ Sénatus-consulte du 21 mai 1870 (URL:https://fr.wikisource.org/wiki/S%C3%A9natus-consulte_du_21_mai_1870_fixant_la_Constitution_de_1870).

⁸¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. под ред. В.М. Гессена и Л.В. Шалланда: Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 356.

⁸² Jellinek G. Allgemeines Staatslehre. Berlin, 1914. S. 360.

⁸³ Краснов М.А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала Президента // Государство и право. 2015. № 2. С. 13.

Бесспорно, термин «верховный глава государства» является родовым и обобщающим по отношению к различным правителям: республиканским и монархическим, революционным и конституционным, единоличным и коллегиальным, которые имелись во Франции в последнее десятилетие XVIII – XIX в., а в перспективе – и для всех иных. Хартия 1814 г. как «французский шаблон» послужил «образцом для официальных германских государственно-правовых формул».⁸⁴ Пример Франции в законодательном применении термина «глава государства» был заимствован в тех государствах, где создавались и промульгировались октроированные конституции, основанные на монархическом принципе: в отдельных государствах Германского союза, Сардинском королевстве, а затем в ст. 57 Венского заключительного акта возводится на степень догматически непреложного понятия».⁸⁵ Статут Сардинского королевства, промульгированный Карлом Альбертом 4 марта 1848 г. и ставший впоследствии конституцией объединенной Италии, содержал положение, объявляющее монарха «верховным главой государства» и содержащее перечисление его основных полномочий. В отличие от Хартии 1814 г. в соответствии со Статутом королю вручалась исполнительная власть (ст. 5).⁸⁶

Таким образом, начало введения в конституционное законодательство европейских стран понятия «глава государства» было положено конституционным опытом Франции, впоследствии воспринятым в Германии и

⁸⁴ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 453.

⁸⁵ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 453–454. – Немецкий ученый привел в ссылке указание на конституцию Баварии 1818 г., Бадена 1818 г., Вюртемберга 1819 г., Гессена 1820 г., а также на заключительный акт Венского конгресса 1815 г. Действительно, формулировка «король является главой государства» содержалась в гл. 2 § 1 Конституционного акта Баварского Королевства, 26 мая 1818 г. (Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 1. Конституционные монархии / пер. под ред. В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. СПб., 1905. С. 45–76) и § 4 Конституции Вюртемберга 1819 г. ([URL:http://www.verfassungen.de/de/bw/wuerttemberg/wuertt1819-index.htm](http://www.verfassungen.de/de/bw/wuerttemberg/wuertt1819-index.htm)). Главой государства был назван и великий герцог в § 4 Конституции Гессена 1820 г. ([URL:http://www.documentarchiv.de/nzjh/verfhessen.html](http://www.documentarchiv.de/nzjh/verfhessen.html)); § 5 Конституционного акта Великого герцогства Баденского 1818 г. было указано: «Великий герцог объединяет в своем лице все права государственной власти» (Конституционный акт Великого Герцогства Баденского, 22 августа 1818 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. С. 485). В ст. 57 заключительного акта Венского конгресса министров от 15 мая 1820 г. содержался термин «главы государств» ([URL:http://www.documentarchiv.de/nzjh/wschlakte.html](http://www.documentarchiv.de/nzjh/wschlakte.html)).

⁸⁶ Статут королевства (4 марта 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. С. 468.

Италии. Для него характерно базовое значение монархического принципа в организации государственной власти и, следовательно, главенствующая роль короля в ее осуществлении, его «верховное» положение в системе государственных органов.

Не принятый Г. Гегелем термин *Reichsoberhaupt* нашел адекватное закрепление в Конституции от 28 марта 1849 г. для обозначения монарха федеративной Германской империи, состоявшей из объединяемых немецких «государств» (отдел III «Глава империи», ст. 68, 70).⁸⁷

Юридические зарубежные источники понятия главы государства (Венесуэла, Колумбия, Бразилия). Идея Б. Констана о главе государства и ее терминологическое сопровождение нашло развитие в Латинской Америке, где она оказалась связанной с республикой, а не конституционной монархией, рассматриваемой мыслителем как образец для организации государственной власти. Дискуссантом Б. Констана стал Симон Боливар (1783–1830). Выступая в Национальном конгрессе, созванном в Ангостуре, в 1819 г., он заявил о сложении полномочий диктатора, которые считал временными, подобно тому, как это было в Древнем Риме. Понятие «диктатор» отождествлялось им с «Верховным главой Республики» (*Jefe Supremo de la República*), которому народ вручил большую власть на некоторый период времени для принятия судьбоносных решений.⁸⁸ При этом слово «республика» употреблялось и здесь в римском понимании, зафиксированном в «Диалогах» Марка Туллия Цицерона и не тождественном «государству»: *res publica* есть дело народа, а народ – не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов.⁸⁹ Верховным главой Республики С. Боливар был назван в

⁸⁷ Verfassung des deutschen Reiches, vom 28. März 1849 (URL:<http://www.documentarchiv.de/nzjh.html>); Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. С. 519–545.

⁸⁸ Боливар С. Речь в Ангостуре // Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812–1830. М., 1973. С. 76.

⁸⁹ Цицерон М.Т. О государстве. XXV, 39 // Диалоги: О государстве. О законах / Отв. ред. С.Л. Утченко. М., 1966. С. 58.

приложении к декрету о промульгации Конституции Венесуэлы 1819 г.⁹⁰ Однако данный термин по-прежнему означал верховенство и, несмотря на его некоторое сходство, не имел ничего общего с понятием главы государства как носителя «нейтральной» власти Б. Констана. Примечательно, что при обсуждении текста Конституции Венесуэльской республики 1819 г. (ст. 1, 4 разд. 1 гл. 7) С. Боливар отстаивал необходимость учреждения «нейтрального органа», «который бы всегда принимал сторону обиженного и обезоруживал бы обидчика»; и эту роль согласно Конституции должен был выполнять не президент, а Сенат.⁹¹

Понятие «верховный глава государства» (*Jefe Supremo del Estado*) было использовано С. Боливаром в 1828 г. в тексте так называемого «Декрета о диктатуре», который должен был действовать в Колумбии как конституционный закон государства до 1830 г.⁹² Он наделялся «естественной властью» и определялся как глава общего управления республики, как лицо, уполномоченное на осуществление «верховой власти в государстве» (п. 13 ст. 1).⁹³ Для обозначения высшего поста в государстве, временного по своему характеру, С. Боливар заимствовал термин из действовавшей в то время во Франции Хартии 1814 г., и, видимо, оказавшийся более подходящим в условиях борьбы за независимость по сравнению с терминологией, использованной им в 1819 г.

Вместе с тем, впервые в конституционном тексте С. Боливара, наряду с категорией «верховный глава государства», появилось понятие «глава государства» (*Jefe del Estado*), введенное Б. Констаном. Оно дважды было применено С. Боливаром в тексте декрета 1828 г. (п. 1 ст. 10 и ст. 13) – в связи с определением компетенции Государственного совета и организацией власти на местах и явно отражало положение «верховой власти» по отношению ко всем

⁹⁰ Decreto del 15 de agosto de 1819 // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli, 1994. P. 184.

⁹¹ Constitución política del Estado de Venezuela de 1819 // Modelo Romano... P. 166, 169; Discurso de Angostura pronunciado por el General Bolívar a Congreso General de Venezuela en el acto de su instalación (1819) // Modelo Romano... P. 15.

⁹² Впоследствии, в Конституции Коста-Рики 1844 г. также был назван и президент этой республики (ст. 127).

⁹³ Decreto que debe servir de Ley Constitucional del Estado hasta el año de 1830 // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. P. 138, 139.

другим органам власти в государстве как в центре, так и на местах. При этом слово «президент» как синоним рассматриваемого понятия в данном тексте не употреблялся. В акте, действие которого было рассчитано на определенный срок, «верховный глава государства» в особых условиях борьбы за независимость ассоциировался с экстраординарным правителем. Неудивительно, что декрет вызвал в 1828–1830 г. дискуссию о «диктатуре, введенной Симоном Боливаром» и противоречащей идеям французского либерализма, в которой принял участие Б. Констан.⁹⁴

Следующий шаг к конституционализации главы государства был сделан в Бразилии, куда прибыл 24 января 1808 г. королевский двор, покинув оккупированный французами Лиссабон. 25 марта 1824 г. Педру I октроировал первую конституцию Бразилии.⁹⁵ В ней впервые было закреплено понятие «верховного главы нации» (*Chefe Supremo da Nação*)⁹⁶ как ее символа и лидера, а сама нация понималась как общность людей, как «республика» – Ф. Суаресом. Верховным главой нации был признан «конституционный император и вечный защитник Бразилии» (ст. 100).

Известно, что произведения Б. Констана «читал как сам Педру I, так и многие политики той эпохи».⁹⁷ Наибольшее влияние его творчества обнаружилось при закреплении в Бразильской империи четырех (а не трех классических) властей: законодательной, «сдерживающей» (*moderador*), исполнительной и судебной (ст. 10). «Сдерживающая» власть объявлялась «ключом ко всей политической организации», она «вверялась исключительно императору как ее первому представителю для того, чтобы он постоянно следил за поддержанием независимости, балансом и гармонией политических властей» (ст. 98, 101).

За императором как обладателем «сдерживающей» власти были закреплены

⁹⁴ Guerrero C. Laberintos de la independencia grancolombiana: polémica entre Constant y De Pradt // Cuadernos Americanos. 2008. N 125. P. 87–106.

⁹⁵ *Constituição política do Imperio do Brasil* (1824). Rio de Janeiro: Na tipografia nacional, 1824. 47 p. // URL:<https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/514067/000062419.pdf?sequence=7&isAllowed=y>

⁹⁶ Позднее как «верховный глава нации» (*Jefe Supremo de la Nación*) определялся президент республики Чили в ее конституциях 1828 г. (ст. 59), 1833 и 1925 г. (ст. 60), а как «глава нации» (*jefe de la nación*) – президент Коста-Рики в 1859 и 1869 г.

⁹⁷ Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М., 2013. С. 117.

девять полномочий, их перечень был исчерпывающим (ст. 101): назначение сенаторов; созыв внеочередных заседаний Генеральной ассамблеи в период между ординарными сессиями, санкционирование актов Генеральной ассамблеи для придания им силы законов; одобрение или приостановление решений провинциальных советов; продление или приостановление сессий Генеральной ассамблеи, роспуск ее нижней палаты, когда это требуется для спасения государства с немедленным объявлением о созыве новой палаты; назначение и освобождение от должности министров; временное отстранение от должности магистратов в соответствии с установленными требованиями; помилование и смягчение наказаний.

В Конституции Бразилии, вместе с тем, закрепили двойственное назначение императора, отграничив при этом его «сдерживающую» роль и функцию «главы исполнительной власти» (главы 1 и 2 раздела V «Об императоре», соответственно). Как глава исполнительной власти, которую он осуществлял «посредством министров», император наделялся соответствующими значительными полномочиями, перечисленными в Конституции (ст. 102).

В марте 1826 г. Педру I, император Бразилии, вернувшийся в Португалию, был провозглашен ее королем Педру IV. 29 апреля того же года он утвердил португальскую Конституционную хартию,⁹⁸ подобную октроированной им упомянутой Политической конституции Бразильской империи. Из нее были заимствованы терминология (с учетом статуса Педру IV как короля Португалии) и указанные выше нормы, устанавливающие статус монарха. Так, положение о «сдерживающей» власти (ст. 71) явилось дословным воспроизведением ст. 98 Конституции Бразилии, а перечень полномочий, ей свойственных (ст. 74), был прямо заимствован из ст. 101.⁹⁹ Положение о короле как главе исполнительной

⁹⁸ Конституционная хартия [Португалии] 29-го апреля 1826 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. 1. С. 353–382. Официальный текст - Carta constitucional da Monarquia Portuguesa decretada, e dada pelo Rei de Portugal e Algarve D. Pedro, Imperador do Brasil, aos 29 de Abril de 1826 (URL: <https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/518735/000113519.pdf?sequence=7&isAllowed=y>).

⁹⁹ Термин «глава государства» не употреблялся в Конституционной хартии 1826 г. Его использование авторитетным испанским историком конституционализма Х. Варела Суансес-Карпеней

власти (ст. 75) воспроизводило положение ст. 102, а список его полномочий в этой сфере был лишь незначительно дополнен по сравнению с тем, который содержался в Конституции Бразилии 1824 г. Эти акты, Конституционная хартия Португалии 1826 г. и Конституция Бразилии 1824 г., были отмечены российским государствоведом и политиком С.А. Котляревским как заимствовавшие идею Б. Константа «создавать для монарха особую умеряющую или устрояющую власть».¹⁰⁰ На рецепцию «теории умеряющей или нейтральной власти» в португальском акте обратил внимание и российский юрист и политик Ф.Ф. Кокошкин.¹⁰¹ Оба автора отнеслись к данному опыту весьма критично.

Конституция Бразилии 1824 г. действовала с некоторыми изменениями до провозглашения республики в 1889 г. Созванный Конституционный конгресс 24 февраля 1891 г. принял первую республиканскую конституцию, ее главным юридическим источником стала Конституция США. Поэтому неудивительно, что в тексте было установлено: «Исполнительную власть осуществляет президент Соединенных Штатов Бразилии». При этом он выступал как «избираемый глава нации» – *Chefe eletivo da Nação* (ст. 41).¹⁰² Таким образом, изменив отношение к принципу разделения властей, учредитель все же сохранил особое отношение к должностному лицу, заменившему императора, как «главе нации», заложенное в прежней Конституции 1824 г. Главное отличие президента от императора в этом смысле было подчеркнуто заменой определения «верховный» на «избранный».

Нормы конституций Бразилии 1824 г. и Португалии 1826 г., соответственно, об императоре и короле вместе с положениями Эскиза конституции,

вместо термина «верховный глава нации» при интерпретации ст. 71–75 документа не является корректным (*Varela Suanzes-Carpegna J. El constitucionalismo español y portugués durante la primera mitad del siglo XIX (un estudio comparado) // Estudios Ibero-Americanos. Rio de Janeiro, 2007. Vol. XXXIII. N 1. P. 62.*). Несмотря на то, что в XIX в. «нация» нередко рассматривалась как синоним «государства», в тексте Конституционной хартии Португалии 1826 г. нация четко определялась как «ассоциация всех португальских граждан» (ст. 1).

¹⁰⁰ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 148.

¹⁰¹ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. С. 212.

¹⁰² Constituição da Republica dos Estados Unidos do Brasil (24 de Fevereiro de 1891) // URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/consti/1824-1899/constituicao-35081-24-fevereiro-1891-532699-publicacaooriginal-15017-pl.html>

подготовленного Б. Констаном в 1814 г. были использованы К. Шмиттом для обоснования роли президента Веймарской республики как гаранта Конституции («Гарант Конституции», 1931 г.).¹⁰³ Предложенная им интерпретация текста Б. Констана вызвала острую критику Г. Кельзена.¹⁰⁴

Вышеуказанные идеи и конституционный опыт были известны испанцам, проявлявшим заботу о конституционном развитии их Отечества, они стали предметом размышлений, а в ряде случаев и заимствования при формировании национальной системы высших органов государства.

§ 3. Формирование испанской конституционной доктрины главы государства в XIX – XX вв.

Испанская доктрина главы государства формировалась в контексте политической истории страны, развития национальной науки конституционного права, отличалась крепкой привязкой к анализу действующих конституций.

Предыстория научного осмысления предназначения главы государства в Испании связана с именем выдающегося мыслителя и государственного деятеля Г.-М. де Ховельяноса (1744–1811). Он заложил основы особого внимания к принципам суверенитета и разделения властей для определения надлежащего места короля в организации власти, а также к исторической конституции страны, ключевыми элементами которой считал короля и Кортесы, представляющие нацию.¹⁰⁵

¹⁰³ Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2013. С. 187-196.

¹⁰⁴ Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство: право и политика. С. 359-410.

¹⁰⁵ Jovellanos M.G. Notas a los apéndices a la Memoria en Defensa de la Junta Central. Primera nota // Jovellanos M.G. Obras completas. En 14 t. T. 11. Escritos políticos. / Edit. por el Ayuntamiento de Gijón, el Instituto Feijoo de Estudios del Siglo XVIII. P. 785–802 (URL:<http://www.jovellanos2011.es/web/biblioteca-virtual-ficha/?cod=6337>). – Комментарий данной идеи Г.М. де Ховельяноса см.: Суховерхов В.В. Г.М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012. С. 260–277. – Г.-М Ховельяносу посвящена также статья: Василенко Ю.В. Дон Гаспар Мельчор де Ховельянос как основоположник либерального консерватизма в Испании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Т. 10. С. 329–345.

Данная линия была продолжена Ф. Мартинесом Марина. В книге «Теория Кортесов», опубликованной в 1813 г. (переиздана в 1820 г.), он исходил из наличия у Испании исторической конституции, которую следует реформировать и улучшить. Поэтому он настаивал на закреплении в тексте Конституции, принимавшейся Генеральными и чрезвычайными кортесами, положения о «монархическом и католическом характере» испанского государства.¹⁰⁶ Ф. Мартинес Марина выделил ветви власти по осуществляющим их субъектам, а каждую из них, в свою очередь, он подразделил на два подвида. Так, по его мнению, орган национального представительства («Генеральная хунта нации») осуществлял законодательную и налоговую власть, а король – исполнительную и судебную. Он именовался Ф. Мартинесом Марина в ряде случаев «высшим магистратом» (*magistrado supremo*).¹⁰⁷ При этом автор рассматривал короля как традиционный институт, присущий Испании.

В испанских исследованиях института главы государства в частности, как и всей конституционно-правовой проблематики в целом, ведущую роль сыграли университетские разработки, а национальная доктрина складывалась в процессе ее практической апробации в образовательном процессе. Статус короля, закрепленный Конституцией 1812 г., стал предметом внимания авторов учебников по публичному конституционному праву,¹⁰⁸ положивших начало юридической литературе в Испании.¹⁰⁹ Среди них – курс лекций профессора Саламанкского университета Р. Саласа, критически переосмыслившего значение принципа разделения властей для организации власти в Испании. Следуя Б.

¹⁰⁶ Varela Suanzes-Carpegna J. ¿Qué ocurrió con la Ciencia del Derecho Constitucional en la España del Siglo XIX // Boletín de la Facultad de Derecho. 1999. N 14. P. 99–100.

¹⁰⁷ Martínez Marina F. Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos León y Castilla. T. 2. Madrid, 1813. P. 428, 442.

¹⁰⁸ Для распространения знаний о положениях первой национальной Конституции 1812 г. (ст. 368 обязывала изучать Конституцию «во всех университетах и учебных заведениях, где происходит обучение церковным и политическим наукам») в 1813 и 1814 г. в университетах Валенсии и Мадрида были учреждены первые в Испании кафедры конституционного права. А во время «либерального трехлетия» 1820–1823 г., в 1821 г., в учебный план юридических факультетов была введена обязательная дисциплина «Публичное конституционное право» (*Sánchez Agesta L. Las primeras cátedras españolas de Derecho constitucional // Revista de Estudios Políticos. 1962. N 126. P. 162.*)

¹⁰⁹ García Costa F.M. Algunas originalidades y aportaciones del constitucionalismo español. Barcelona, 2015. P. 132–133.

Констану, он выделил пять властей (*poderes*): законодательную, исполнительную, судебную, консервативную и королевскую (*real*) или регулирующую (*regulador*). Последняя должна была, по мнению Р. Саласа, осуществлять «главой или первым магистратом нации» (*jefe ó primer magistrado de la nación*).¹¹⁰ Таковым мог быть король, император, царь, президент, директор. Юрист предпочитал термин «король» (*rey*), происходивший от латинского глагола *regere*, означавший «руководить или управлять», и считал, что политическая конституция должна устанавливать границы его власти.¹¹¹ При этом за королем должны были признаваться функции по «надзору за остальными властями, по приданию им импульса и осуществлению «надлежащего руководства»».¹¹²

Во время действия конституций 1837 и 1845 гг. правоведы выводили характеристику современной им королевской власти, сопоставляя ее с нормами неписанной конституции Великобритании, конституционным опытом США и Франции, а также сравнивая с прошлым опытом пиренейских королевств. Статусу короля уделили внимание Х. Доносо Кортес,¹¹³ А. Алькала Гальяно, Х.-Ф. Пачеко, труды которых были опубликованы в 1830–1840-е годы и переизданы в 1980-е годы. Авторы отвели важное место анализу связи формы государства, отношениям короля с обществом и Кортесами.¹¹⁴ Они тщательно проанализировали полномочия короля в сравнении с конституционным опытом

¹¹⁰ *Salas R. Lecciones de Derecho Público Constitucional para las escuelas de España*, en 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1821. P. 209.

¹¹¹ *Ibid.* P. 211.

¹¹² *Ibid.* P. 212.

¹¹³ Некоторые труды Х. Доносо Кортеса переведены на русский язык и опубликованы: *Доносо Кортес Х.* 1) Сочинения. М., 2006; 2) Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция первая (22 ноября 1836 г.): Об обществе и правительстве // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 2. С. 31–40 (вводная и комментирующая статья: *Василенко Ю.В.* Первая «Лекция по политическому праву» Х. Доносо Кортеса // Там же. С. 23–30); 3) Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция вторая (29 ноября 1836 г.): О народном суверенитете // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 3. С. 80–92; 4) Теория деспотизма: третья лекция из цикла «Лекции по публичному праву», прочитанная в Мадридском Атенео 6 декабря 1836 г. // *Философия. Журнал «Высшей школы экономики»*. 2017. Т. 1. № 2. С. 136–154 (вводная и комментирующая статья: *Василенко Ю.В.* Третья лекция по политическому праву Х. Доносо Кортеса // Там же. С. 123–135).

¹¹⁴ *Donoso Cortés J. Obras*. En 5 t. T. 1. Madrid, 1854. P. 248, 306, 308, 324; *Alcalá Gallano A. Derecho político constitucional*. Madrid, 1843. P. 132–157; *Pacheco J.F. Lecciones de Derecho Político Constitucional*, pronunciadas en el Ateneo de Madrid en 1844 y 1845. Madrid, 1845. P. 34–44.

других стран, прежде всего Великобритании и Франции.¹¹⁵ Предметом их внимания стало социальное, публичное (общее) значение соответствующего института политической власти, в силу которого, указал Х.-Ф. Пачеко, у деревни должен быть алькальд, у провинции – губернатор, у государства (*estado*) – глава (*jefe*), а рядом ними – советники, министры и т. д.¹¹⁶ Данные юристы широко использовали ставшие популярными исторический и социологический подходы в условиях преподавания политического (политического конституционного) права. Это название отражало стремление изучать «то, что есть», т. е. политическую реальность.¹¹⁷

В последней четверти XIX в. под влиянием новых тенденций во французской, итальянской и немецкой юриспруденции, учитывавшей новеллы государственно-правового развития соответствующих стран, роль короля в осуществлении государственной власти стала рассматриваться не только с учетом вышеуказанных подходов, но и тщательно проводимого формально-юридического анализа. Так, М. Кольмейро, обращаясь к нормам действовавшей Конституции (хотя в соответствии с обыкновением того времени не сослался на ее конкретные статьи),¹¹⁸ признавал корону и Кортесы «основными политическими институтами», имеющими истоками в «исторической» конституции Испании, а главу государства - обладателем «верховой власти»

В испанской юридической литературе в последней четверти XIX в., как и в трудах правоведов других стран, стал активно использоваться термин «глава государства» как обобщающее понятие для его видов: королей и президентов, и изучаться их статус в сравнительно-правовом аспекте. «Глава государства» и «глава исполнительной власти» для правоведов того времени – в значительной

¹¹⁵ *Alcalá Gallano A.* Derecho político constitucional. P. 158–186.

¹¹⁶ *Pacheco J.F.* Lecciones de Derecho Político Constitucional, pronunciadas en el Ateneo de Madrid en 1844 y 1845. P. 145.

¹¹⁷ *García Costa F.M.* La ciencia española del Derecho político-constitucional en sus textos (1808–1939). Valencia, 2008. P. 132.

¹¹⁸ *Colmeiro M.* Elementos de derecho político y administrativo de España. Madrid, 1881. P. 53–112. Вплоть до конца XIX в. тексты конституций не были предметом детальных юридических исследований (*Otto I. (de).* Derecho Constitucional. Sistema de Fuentes. Barcelona, 1987. P. 36).

степени синонимы.¹¹⁹ Однако исполнительная власть все более сосредотачивалась в руках правительства, а испанская монархия приобретала черты парламентской. Поэтому для многих исследователей идеальной моделью для подражания являлся государственный строй Великобритании, ставший образцом и для сопоставления с публичным правом Испании.

Новеллой в испанской науке о государстве последней четверти XIX в. стало выделение В. Сантамария де Паредес «гармонизирующей» (*armónico*) власти, наряду с законодательной, исполнительной и судебной властями. Она должна была осуществляться «высшей магистратурой», имевшей название «глава государства» для обозначения «королей в монархиях и президентов в республиках».¹²⁰ Эта власть была обязана, согласно выводу исследователя, обеспечить «независимость, баланс и гармонию трех властей».¹²¹

В. Сантамария де Паредес продемонстрировал определяющее значение статуса главы государства для форм государства (форм публичной власти, политических форм); среди них он выделил две разновидности: органические и социальные.¹²² Отдавая должное этимологии названия первой группы (*formas orgánicas*), юрист подчеркнул их определенность «организацией самой власти» (монархия и республика), а по существу – разновидностью главы государства (его «представляющему и персонифицирующему»). Социальные формы выражали участие общества в осуществлении власти.

В. Сантамария де Паредес классифицировал виды монархий: исторические (включая выборную и абсолютную) и современные (конституционная или

¹¹⁹ *Gumersindo de Azcárate*. El poder del jefe del Estado en Francia, Inglaterra y los Estados Unidos // 6ª Conferencia (20 de enero de 1878). Madrid, 1878. P. 85–101; *Posada A.* Guía para el estudio y aplicación del derecho constitucional de Europa y América. Madrid, 1894. P. 203–214; *Posada A.* Teorías Políticas. Madrid, 1905. P. 214; *Моль Р.* Энциклопедия государственных наук. СПб., 1868. P. 151; *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 172, 179 и др.; *Орландо В.* Принципы конституционного права. М., 1911. С. 167 и др.

¹²⁰ *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 308.

¹²¹ *Ibid.* P. 310.

¹²² Об органических формах см.: *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 330–349. – О социальных формах: *Ibid.* P. 350–360.

представительная). Республики с президентами как главами государства разделялись им на унитарные и федеративные, учитывая их территориальную организацию. Социальные формы государства по «различному участию социальных классов в осуществлении власти» позволили выделить: аристократию, месократию и демократию.¹²³

А. Посада, выделяя в зависимости от вида главы государства монархическую и республиканскую формы правления и последовательно применяя социологический метод в изучении испанских государственно-правовых явлений, отметил сходство современных ему монархий в Великобритании и Бельгии, с одной стороны, и III Французской республики – с другой. Поэтому он предложил различать формы современных государств не только с учетом их конституционного, но и национального и представительного характера, исследуя их в национальном и зарубежном сравнительно-правовом ракурсе.¹²⁴

Введение в действие Конституции 1931 г. с термином «глава государства» не стало моментальным стимулом для подготовки трудов юристов, посвященных анализу конституционных норм о его статусе. М. Гарсиа Каналес отметил этот факт в отношении изучения проблем реализации функций президента.¹²⁵ Современники Конституции Второй Республики и исследователи последующих поколений продолжали использовать понятие «глава государства» как устоявшееся доктринальное и родовое по отношению к президенту, получив для этого и легальную основу в виде определения его таковым в тексте Конституции. Правоведы обращали внимание на то, что он фактически заменил короля,

¹²³ «Месократию» автор определил как «правление среднего класса», образуемого гражданами, которые «получили независимое положение (в обществе), благодаря своей деятельности в промышленности, торговле или обладанию так называемыми свободными профессиями» (*Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 354*); комментарий: *Varela Suanzes-Carpegna J. Un influente maestro del Derecho Político Español: Vicente Santamaría de Paredes (1853–1924) // UNED. Teoría y Realidad Constitucional. 2014. N 34. P. 648.*

¹²⁴ *Posada A. Tratado de Derecho Político. En 3 t. T. 1. Teoría del Estado. Madrid, 1893. P. 394, 395.*

¹²⁵ *García Canales M. La Constitución de 1931 y su aplicación (bibliografía comentada) // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31–32. P. 247.*

не отрешившись от престола,¹²⁶ для выполнения определенной социальной и государственной роли, прежде всего представительной, ставшей весьма важной в ее внешнеполитическом аспекте в новой системе миропорядка после I мировой войны.

Центральной темой многих публикаций в республиканский период являлось определение новой формы государства и правления в Испании в процессе анализа статуса президента и его взаимоотношений с Кортесами и Правительством по Конституции 1931 г. при обязательном сравнении с правовым положением президентов по двум основным источникам, вдохновившим авторов ее проекта: Веймарской конституции 1919 г. и неcodифицированной конституции III Республики во Франции.¹²⁷

Дальнейшее научное осмысление рассматриваемого института в Испании было связано с новеллами, внесенными законодательством Ф. Франко. В испанской научной литературе по политическому и административному праву уделялось пристальное внимание *Jefatura del Estado* как институту, отличному от главы государства - каудильо Ф. Франко.

Специалисты в области административного права всесторонне анализировали статус главы государства как высшего органа управления, не затрагивая «большинства аспектов института», которые должны были стать предметом изучения специалистами по политическому праву.¹²⁸

В административно-правовой науке глава государства рассматривался как главный и центральный орган в системе государственного управления Испании. К. Гарсиа Овьедо и Е. Мартинес Усерос указали на его значение не как «власти номинальной, в основном показной», но как «действительно эффективной».¹²⁹ Специалист по конституционному праву М. Фраиле Кливиллес подчеркнул

¹²⁶ Solé Turá J. y Aja E. *Constituciones y períodos constituyentes en España. 1808–1936*. Madrid, 1977. P. 105, 391.

¹²⁷ Menéndez Rexach A. *La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español*. Madrid, 1979. P. 305; Varela Díaz S. *Partidos y Parlamento en la II República Española*. Madrid, 1978. P. 100.

¹²⁸ Menéndez Rexach A. *La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español: Tesis doctoral*. Madrid, 1978. P. 518.

¹²⁹ García Oviedo C., Martínez Useros E. *Derecho Administrativo*. En 3 t. T. 2. Madrid, 1962. P. 506.

«единство» и «верховное положение» власти главы государства.¹³⁰ Анализируя текст Закона 1947 г., выдающийся исследователь конституционного права и его истории Л. Санчес Агеста особое внимание уделил двум видам учрежденных «магистратур», объединенных понятием «глава государства»: экстраординарной (действующий каудильо) и ординарной (будущий король).¹³¹ Также исследователи подчеркивали «сугубо политическую природу» данного органа, которому вручалась, вместе с тем, и высшая административная власть.¹³²

В связи с перспективой назначения каудильо преемника – короля на посту главы государства появилась основа для изучения аналогичного института в зарубежных странах. Так, М. Гарсиа-Пелайо весьма подробно проанализировал различные аспекты места английской короны в системе высших органов власти Соединенного Королевства. Корона, указал компаративист, означает в Великобритании «британскую форму континентальной идеи государства» и технико-юридическую категорию, определяющую одну из властей в конституционной системе. Отграничивая понятия «корона» и «король», М. Гарсиа-Пелайо проанализировал основные элементы статуса монарха и его отношения с другими органами.¹³³

Значительное место в испанской литературе было уделено соотношению деятельности главы государства, Правительства (Совета министров) и его председателя, что имело особое теоретическое и практическое, актуальное и перспективное значение в Испании в 1960–1970-е годы.¹³⁴

В связи с масштабными изменениями политической жизни в Испании после смерти каудильо Ф. Франко институт главы государства стал предметом изучения

¹³⁰ *Fraile Cliviles M.* Introducción al Derecho Constitucional Español. Madrid, 1975. P. 686.

¹³¹ *Sánchez Agesta L.* Derecho Constitucional Comparado. Madrid, 1963. P. 491–492.

¹³² *Martín Mateo R.* Manual de Derecho Administrativo. Madrid, 1971. P. 181–182.

¹³³ *García-Pelayo M.* Derecho Constitucional Comparado. Madrid, 1959. P. 290–301.

¹³⁴ *Fernández Carvajal F.* El Gobierno entre el Jefe del Estado y las Cortes // Revista de Estudios Políticos. 1972. N 183–184. P. 5–24; *García Trevijano J.A.* Tratado de Derecho Administrativo. En 3 t. T. 2. Madrid, 1971. P. 533-544 et al.

специалистами отраслевых юридических наук как публично-правовой институт.¹³⁵

В исследовании, посвященном институту главы государства в испанском публичном праве А. Менендеса Рексач, отдавая должное его общественно значимой миссии, следовал национальной исследовательской традиции, посвятив первую часть труда истории института в «западном публичном праве», а вторую – его разновидностям «в испанском конституционализме». Работа была подготовлена во время бурных дискуссий о будущей конституции и радикальных политико-правовых реформах. К числу наиболее дискутируемых относился вопрос о сохранении отношения к главе государства как «высшей магистратуре»; он рассматривался по сложившейся традиции в связи с проблематикой формы государства.¹³⁶ Справедливо отметив, что исторически представление о главе государства возникло в монархическом публичном праве и было изначально закреплено конституциями монархических государств, А. Менендес Рексач указал на широкое использование термина, в том числе и при республиканской форме правления. Особое внимание он уделил «типологизации моделей институтов главы государства, которые предлагает сравнительное правоведение последних двух веков», и роли данного института в современном мире «в свете исторического и сравнительного опыта».¹³⁷ В круг проблематики не входили: понятие главы государства и его эволюция в испанской юридической терминологии, соотношение с понятиями «король», «президент», внимание к временным и фактическим правителям, детальный анализ элементов института главы государства и некоторые другие аспекты.

Современное состояние института главы государства (с использованием сравнительного подхода в диахронном и синхронном аспектах) добротнo анализируется в испанской литературе по конституционному праву. В

¹³⁵ Особый интерес представляет монография А. Менендеса Рексач, которая была посвящена институту главы государства в испанском публичном праве и издана в 1979 г. на основе диссертации, защищенной в Мадридском университете в 1978 г. (*Menéndez Rexach A. La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español*).

¹³⁶ *Menéndez Rexach A. La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español: Tesis doctoral.* P. 16.

¹³⁷ *Ibid.* P. 21.

комментариях Конституции 1978 г., научных монографиях и учебной, в том числе написанных Ф. Фернандес Сегадо,¹³⁸ Хорхе де Эстебаном,¹³⁹ А. Торресом дел Мораль,¹⁴⁰ исследуемому институту неизменно уделяется должное внимание, при этом авторы выбирают наиболее важный и интересующий их ракурс. Нередко приоритетным является рассмотрение статуса главы государства в контексте установленной формы правления. Например, в обширном труде Э. Альварес Конде и Р. Тур Аусина, главе государства посвящена часть, названная «Монархия».¹⁴¹ Такой же подход характерен и для научного и учебного труда, изданного под руководством М.-А. Апарисью Переса и М. Барсело-и-Серрамалера. В разделе «Глава государства и парламентская монархия» сначала рассматривается вопрос об эволюции монархической формы правления в Испании, а затем анализируется значение короны и статус короля.¹⁴²

Э. Альварес Конде и Р. Тур Аусина представляют корону как «конституционный орган» и разновидность института *Jefatura del Estado*, отражающий форму государства в виде парламентской монархии. Статус главы государства также рассматривается ими в рамках проблематики формы правления Испании, отражающей «систему отношений, которые могут установиться между различными конституционными органами». В узком смысле слова, по мнению авторов, это понятие отражает выборный или невыборный характер высшего поста (магистратуры) в государстве, базируется «на отличии монархии и республики».¹⁴³

В обширном труде Хорхе де Эстебана и П. Гонсалес-Тревихано, посвященном актуальным проблемам конституционного права, институт главы государства анализируется в разделе «Парламентская монархия и сдерживающая

¹³⁸ *Fernández Segado F.* Las Constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. P. 102–105, 142–143 et al.

¹³⁹ *Esteban J.(de)* Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. P. 51–53, 152–153, 215 et al.

¹⁴⁰ *Torres del Moral A.* Constitucionalismo histórico español. P. 46–47, 59–61, 107–109 et al.

¹⁴¹ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R.* Derecho constitucional español. Madrid, 2015. P. 579–596

¹⁴² *Manual de derecho constitucional / Coord.: M. Aparicio Pérez, Barceló I Serramalera.* Barcelona, 2012. P. 171–190.

¹⁴³ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R.* Derecho constitucional español. P. 579.

власть».¹⁴⁴ Корона, рассматриваемая как разновидность института главы государства, определяется и в качестве единоличного государственного органа, компетенция которого закреплена Конституцией и законами. Ее «держателем» («обладателем») является король, который «поэтому исполняет роль главы государства».¹⁴⁵

Для авторского коллектива под руководством М.-А. Апарисью Переса и М. Барсело-и-Серрамалера корона - «орган с собственной природой и полномочиями, отличными от других органов государства, на которых возложено осуществление исполнительных, законодательных и судебных функций». Вместе с тем, корона не является, по мнению исследователей, органом, равным иным органам и учреждениям, но признается ими верховным институтом.¹⁴⁶

В работах Л. Санчес Ахесты,¹⁴⁷ А. Коломера,¹⁴⁸ Х. Варелы Суансес-Карпенья,¹⁴⁹ К. Секо Серрано,¹⁵⁰ М. Арагона Рейес¹⁵¹ и других специалистов по конституционному праву, сделан акцент на анализе статуса короля. Правоведы исследуют его исторические основы, подчеркивают преемственность его различных аспектов исходя из конституционного опыта страны. Они обращают внимание на монархическую традицию, сформировавшуюся в Испании под воздействием социально-политической обстановки, личностных характеристик правителей, способствовавших постепенному отделению функции главы государства от осуществления исполнительной власти. В трудах многих испанских юристов представлена

¹⁴⁴ *Eseban J. (de)*, González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitucional. En 3 t. T. 3. Madrid, 2000. P. 134–135.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 48, 75.

¹⁴⁶ Manual de derecho constitucional / Coord. por M. Aparicio Pérez, Barceló I Serramalera. P. 174.

¹⁴⁷ *Sánchez Agesta L.* Perfiles históricos de la monarquía constitucional // Revista de Estudios políticos. 1987. N 55. P. 9–25; *Sánchez Agesta L.* La monarquía parlamentaria en la Constitución de 1978 // Revista de Estudios Políticos. 1986. N 18. P. 9–20.

¹⁴⁸ *Colomer Viadel A.* El origen de la monarquía parlamentaria en España y el Anteproyecto constitucional // Revista de Estudios políticos. 1978. N 3. P. 101–120.

¹⁴⁹ *Varela Suanzas-Carpegna J.* 1) Rey, Corona y Monarquía // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 123–195; 2) Política y Constitución en España. Madrid, 2007.

¹⁵⁰ *Seco Serrano C.* Relaciones entre la Corona y el Ejército // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 27–54.

¹⁵¹ *Aragón Reyes M.* Un Nuevo rey en nuestra monarquía parlamentaria // El cronista del Estado Social y Democrático de Derecho. 2014. P. 46–51.

характеристика института главы государства в различные периоды испанской истории, во время действия отдельных испанских конституций. При этом термин «глава государства» ретроспективно используется по отношению и к королям, которые во время своего правления не назывались так даже в доктрине.

Специалисты по конституционному праву уделяют внимание наиболее актуальным проблемам современного состояния и перспективам развития института короны. Вопрос о соответствии института главы государства политическому режиму «парламентской демократии» посвятил свою статью Х. Перес Ройо.¹⁵² Автор проанализировал немецкую и итальянскую литературу XX в., в которой было отражено весьма критическое отношение к данному институту как к устаревшему и утратившему свою значимость в демократическом государстве. Х. Перес Ройо выразил уверенность в том, что современные примеры усиливающейся роли главы государства в политической жизни Италии, Португалии, Испании являются исключениями и не влияют на общий вывод: глава государства стал анахронизмом.¹⁵³ В статье того же автора «Глава государства при монархии и республике»,¹⁵⁴ содержащем рассуждения о смысле института и его характерных чертах, особое внимание было уделено критически осмысляемой идее К. Шмитта о президенте как гаранте Конституции.

Фундаментальные монографии Г. Рольнерта Лиерна «Институт главы государства как символ и политическая интеграция по действующей Конституции»¹⁵⁵ и «Арбитражная и сдерживающая функции короля по Испанской конституции»¹⁵⁶ содержат детальный анализ института главы государства в обозначенных аспектах, базирующихся на скрупулезном анализе законодательства и научных исследованиях коллег. Г. Рольнерт Лиерна рассматривает институт главы государства, воплощенный в династии и короле,

¹⁵² *Pérez Royo J.* Jefatura del Estado y Democracia Parlamentaria // *Revista de Estudios Políticos*. 1984. N 39. P. 7–27.

¹⁵³ *Ibid.* P. 27.

¹⁵⁴ *Pérez Royo J.* La Jefatura del Estado en la Monarquía y en la República // *La Corona y la Monarquía Parlamentaria en la Constitución de 1978* / dir. por P. Lucas Verdú. Madrid, 1983. P. 85–110.

¹⁵⁵ *Rollnert Liern G.* La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente. Valencia, 2002.

¹⁵⁶ *Rollnert Liern G.* El Arbitraje y Moderación Regios en la Constitución española. Valencia, 2005.

который реализует конституционные функции и компетенцию, свойственные институту. Юрист проделал тщательный догматический анализ соответствующих норм Конституции. В центре первой монографии – конституционное положение: «король – глава государства, символ единства и постоянства»; в основе второй – провозглашение его арбитром и сдерживающей органом (ст. 56.1 Конституции 1978 г.). Под научным руководством Г. Рольнерта Лиерн издан фундаментальный труд, посвященный различным элементам института главы государства в сравнении с соответствующими элементами институтов, сформировавшихся в других монархических государствах Европы.¹⁵⁷

В результате сравнения испанской короны с аналогичными современными институтами европейских парламентских монархий Т. Фрейсас Санхуан отмечает их общее исторически сформировавшееся «назначение... попытаться создать баланс» между различными политическими, социальными и экономическими силами». Автор обращает внимание на различную степень успешности его реализации.¹⁵⁸

В работах Х. Варелы Суансес-Карпенья институт главы государства показан в контексте истории конституционного законодательства и его реализации.¹⁵⁹ Х. Санчес-Арсилья Берналь относится к числу немногих историков права, уделивших в своем труде внимание понятию *Jefatura del Estado* как законодательно оформленному в указанных выше нормативных актах.¹⁶⁰

Историки и юристы посвятили свои труды правлению отдельных монархов: Фердинанда VII,¹⁶¹ Изабеллы II,¹⁶² Амадея I,¹⁶³ Альфонса XII,¹⁶⁴ Альфонса XIII¹⁶⁵ и каудильо Ф. Франко.¹⁶⁶

¹⁵⁷ Las Monarquías en el siglo XXI / Dir. por Rollnert Liern G. Madrid, 2007.

¹⁵⁸ Freixes Sanjuán T. La Jefatura del Estado monárquica // Revista de Estudios Políticos. 1991. N 73. P. 117.

¹⁵⁹ Varela Suanzas-Carpegna J. Política y Constitución en España (1808–1978). Madrid, 2007.

¹⁶⁰ Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. P. 565–567.

¹⁶¹ Artola M. La España de Fernando VII. Madrid, 1999; La Parra López E. La restauración de Fernando VII en 1814 // Historia constitucional: Revista Electrónica de Historia Constitucional. 2014. N 15. P. 205–222 (www.seminariomartinezmarina.com/ojs/index.php/historiaconstitucional/view/402/3).

¹⁶² Tomás Villarroya J. 1) El Estatuto Real de 1834 y la Constitución de 1837. Madrid, 1985. P. 21–30 et al.); 2) El sistema político del Estatuto Real (1834–1836). Madrid, 1968. P. 139–147 et al.

¹⁶³ Bolaños Mejías C. El Reinado de Amadeo de Saboya y la Monarquía Constitucional. Madrid, 1999.

Таким образом, исследования конституционного института главы государства в Испании, в XIX-XX вв. стимулировались и поддерживались университетскими курсами, апробировавшими их результаты. В то же время названия учебных дисциплин задавали ракурс и направления научных разработок: публичное конституционное, публичное, политическое, административное, конституционное право. Примечательно, что в основном институт главы государства, включая его исторический аспект, стал предметом изучения специалистами по данным дисциплинам, а не историками права, что определяется традициями разграничения сфер научных исследований в Испании. Используемая в них методология определялась тенденциями, характерными для стран с романо-германскими правовыми традициями: юридический позитивизм дополнялся социологическим, философским, историческим и сравнительно-правовым подходами к изучению института в его прошлом и настоящем. В настоящее время статус главы государства и институт короны исследуется в Испании в рамках науки конституционного права, быстро реагирующей на актуальные проблемы политико-правовой действительности. Следование традиции, сложившейся ранее в испанском правоведении, оставляет широкий простор для историко-правового анализа института главы государства.

§ 4. Периодизация эволюции понятия и института главы государства в Испании

Периодизация развития института главы государства в Испании не стала предметом специального изучения испанскими правоведами. Хотя хронология конституционной эволюции страны в целом является проблемой, которую

¹⁶⁴ *Fernández Sanz J.* Restauración. El reinado de Alfonso XII (1874–1885) // *Historia de España contemporánea* / Coord. por F.J. Paredes Alonso. Madrid, 2009. P. 407–432; *Sánchez Ferriz R.* La Restauración y su Constitución política. Valencia, 1984. P. 107–131, 165–211.

¹⁶⁵ *García Canales M.* La prerrogativa regia en el reinado de Alfonso XIII: interpretaciones constitucionales // *Revista de Estudios Políticos*. 1987. N 55. P. 317–362.

¹⁶⁶ *Marín Pérez P.* El Caudillaje Español (Ensayo de construcción histórico-jurídico). Madrid, 1960.

не оставляют без внимания историки права и конституционалисты.¹⁶⁷ Проблема периодизации, очевидно, может быть разрешена, если принять во внимание общий ход всего конституционного развития Испании и использовать формы правления, закрепленные основными законами, в качестве критерия для разграничения соответствующих периодов и этапов. При этом при применении данного подхода необходимо учесть доктринальный и легальный пласты формирования понятия «глава государства» и соответствующего института в Испании. В конституциях XIX в. нашел оформление институт королевской власти, понимаемый как совокупность правовых норм, закрепивших статус короля в системе государственных органов. Доктринальное понятие «глава государства» применительно к Испании было тождественно понятию «король», «глава исполнительной власти». В XX в. появился собственно институт главы государства, отличный от института исполнительной власти и ее обладателя. Главами государства были законодательно признаны: президент по Конституции 1931 г., каудильо Ф. Франко в соответствии с Законом от 1 октября 1936 г., а также регентство и король по Закону 1947 г., король по Конституции 1978 г.

В развитии института главы государства в Испании можно выделить четыре основных этапа: 1) конституционно-монархический (1808–1931), в течение которого, однако, имел место период I Республики; 2) республиканский (1931–1939); 3) личной власти каудильо (1939–1975); 4) парламентско-монархический (с 1975 г. по сей день). Первый этап представлен развитием института королевской власти и становлением представления о главе государства (монархе, регентстве) на доктринальном уровне. Легальный уровень формирования института характерен для второго, третьего и четвертого этапов в его развитии, и ознаменован, соответственно, институтами: президентской власти, собственно

¹⁶⁷ Так, например, историк права А. Торрес дел Мораль выделял следующие периоды: возникновение конституционного режима, период правления Изабеллы, «революционное шестилетие», реставрация и ее кризис, Вторая Республика, франкистский период (*Torres del Moral A. Constitucionalismo histórico español. Madrid, 1999. P. 9–12*). А специалист по конституционному праву Хорхе де Эстебан предлагал такую периодизацию: начало конституционного развития, его утверждение, революционный, «двойной реставрации», авторитарное государство и реставрация монархии (*Esteban J. (de) Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. Madrid, 2001. P. 51–72*).

главы государства и короны.

Внутри каждого этапа выделяются периоды, отражающие суть и его характерные черты, и периоды, демонстрирующие отход от намеченного вектора движения.¹⁶⁸ Эволюция института главы государства не являлась непрерывной, тем не менее в целом она может оцениваться как последовательная. Этот характер стал следствием проявления особенностей всего конституционного развития Испании, неоднократно фактически пережившей опыт монархической и республиканской государственности, а также режима личной власти правителя.¹⁶⁹

В рамках *конституционно-монархического этапа* развития института главы государства в Испании можно выделить следующие периоды: 1) время первых попыток установления конституционной монархии и институционализации королевской власти, вручаемой монарху, власть которого ограничена в соответствии с Основным законом страны (1808–1814, 1820–1823), 2) период укрепления конституционной монархии и многоаспектного формирования конституционного института королевской власти во время правления Изабеллы II (1834–1868); 3) время конституционных экспериментов и попыток конституционной стабилизации (1868–1931).

Начало первого периода ознаменовалось впервые предпринятой попыткой законодательного оформления статуса короля в 1808 г., его окончание — провозглашением Испании Республикой в 1931 г.

Первые попытки установления конституционной монархии и институционализации королевской власти были предприняты в Испании в ходе национально-освободительной войны против Франции (1808–1814) и во время «конституционного трехлетия» (1820–1823), и они носили ярко выраженный

¹⁶⁸ Текст данного диссертационного исследования автор сопровождает пятью приложениями. В табличной форме представлена обобщенная информация об основных законах, закреплявших статус различных глав государств (с их титулами и именами, краткими сведениями о структурных элементах конституций и иных законов, содержащих фундаментальные основы их правового положения (Приложение 1), а также о главах испанского государства на каждом из четырех выделенных этапов эволюции рассматриваемого института (с определением начала и окончания их нахождения на посту, краткой информацией о законодательной базе их деятельности (Приложения 2-5).

¹⁶⁹ См., например, на русском языке о применении понятия «конституционные циклы» в Испании и об отрицании цикличности в развитии ее конституционализма: *Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 155.

антиабсолютистский характер. Во время присутствия французских войск на территории Испании процесс превращения неограниченного монарха в конституционного развивался двумя путями. С одной стороны, данную попытку предпринял Наполеон, пожелав провести политико-правовые преобразования подобные тем, что он осуществлял в других странах Европы. Провозглашение Жозефа Бонапарта королем Испании было легализовано Конституцией 1808 г., дарованной и объявленной в Байонне немногочисленным представителям испанского общества. Несмотря на то, что королевская власть получила согласно данному акту некоторую юридическую определенность, подлинная конституционализация главы государства была подготовлена антифранцузским движением испанского народа, отреагировавшего на отсутствие национальной власти. Центральная хунта, созванная в результате начавшегося процесса создания местных хунт, должна была, по убеждению патриотов, временно замещать «любимого» короля-пленника Фердинанда VII и подготовить созыв Генеральных и чрезвычайных кортесов, наделенных правом решать судьбу страны.¹⁷⁰

В первом декрете Учредительных кортесов, принятом 24 сентября 1810 г., были закреплены конституционные основы институционализации королевской власти. В Политической конституции испанской монархии, принятой Генеральными и чрезвычайными кортесами и промульгированной 19 марта 1812 г., был тщательно разработан статус короля. Он должен был править «по воле Бога и Конституции», стать конституционным монархом, ему вручалась исполнительная власть и функции, свойственные главе государства как представителю испанской нации, при этом королевская власть тщательно ограничивалась. Аннулированная Фердинандом VII в 1814 г., возвратившимся из Франции, она вновь стала основным законом Испании во время «конституционного трехлетия» (1820–1823).

Следует отметить, что в военный период получил юридическое оформление

¹⁷⁰ Подробнее: *Алексеева Т.А.* Законодательство испанской революции 1808–1814 г. СПб., 1996. С. 20–23.

и временный глава государства, действовавший на территории, не оккупированной французами, - регентские советы, функционировавшие в соответствии с регламентами, утвержденными 16 января 1811 г., 26 января 1812 г. и 8 апреля 1813 г.

Период укрепления конституционной монархии и многоаспектного формирования конституционного института королевской власти (1834–1868) имел место во время правления Изабеллы II. Конституционный статус монарха в этот период был отражен в четырех сменявших друг друга основных законах, принятых в 1834, 1837, 1845, 1856 г. Они явились результатом соперничества двух партий либералов: умеренных (*moderados*), или «доктринальных», и прогрессистов (*progresistas*) – радикальных либералов. Королевский статут 1834 г. стал манифестом испанского умеренного либерализма.¹⁷¹ Конституция 1837 г. закрепила компромисс между двумя партиями и важные ограничения королевской власти. Конституция 1845 г. была созданием умеренных, как и Королевский статут, она демонстрировали тенденцию к усилению власти главы государства. Принятая, но так и не введенная в действие Конституция 1856 г. была плодом интеллектуального творчества прогрессистов, содержала положения, ограничивающие власть главы государства. Отказ от введения ее в действие, а затем и восстановление в силе Конституции 1845 г. отражали усиление позиций *moderados* и возвращение к прежнему статусу монарха. Несмотря на сменяемость конституций в данный период, институт главы государства в целом в идейном и формально-юридическом смысле базировался на нормах Конституции 1812 г., принятие каждого нового основного закона изменяло лишь его отдельные детали, которые будут проанализированы в соответствующих параграфах исследования.

Во время малолетства Изабеллы государством управляли два регента: ее мать Мария Кристина (до 12 октября 1840 г.) и генерал Б. Эспартеро (до 20 ноября 1843 г.). Фактически правителем в течение определенного времени был

¹⁷¹ *Díez del Corral L.* El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956. P. 440–442.

и Р.М. Нарваэс. В период самостоятельного правления Изабеллы II ее незаинтересованность и некомпетентность в государственных делах способствовали развитию формы правления испанского государства в направлении парламентской монархии. В конституционной практике рассматриваемого периода королева постепенно утратила прежнее значение главы исполнительной власти; она все более приобретала роль сдерживающей силы во взаимоотношениях различных государственных органов и примирителя политических групп. При этом наблюдалась тенденция к признанию необходимости «двойного доверия» Правительству как со стороны королевы, так и Кортесов.¹⁷²

Период конституционных экспериментов и попыток конституционной стабилизации (1868–1931) ограничен двумя революционными событиями: с одной стороны, Сентябрьской революцией 1868 г., вследствие которой Изабелла II покинула территорию страны (формально отреклась от власти в пользу своего сына Альфонса лишь в 1870 г.), и, с другой стороны, победой республиканцев-социалистов на муниципальных выборах, что привело к провозглашению Второй Республики. Начало данного периода характеризовалось реакцией общества на кризис монархии, персонифицированной королевой и эмигрировавшей из страны. Испания в это время пережила разнообразные политические времена: монархии без монарха (30 сентября 1868 – 1870), монархии с избранным королем (2 января 1871 – 11 февраля 1873), Первой Республики (11 февраля 1873 – 3 января 1874), подготовки к восстановлению монархии (3 января 1874 – январь 1875), реставрированной монархии с представителем династии Бурбонов (14 января 1875 – сентябрь 1923), а также период личной власти М. Примо де Риверы (13 сентября 1923 – 28 января 1930), восстановления власти монарха и действия Конституции 1876 г. (30 января 1930 – 12 апреля 1931).

Важным результатом Сентябрьской революции 1868 г. стало принятие Конституции 1869 г. Согласно ее переходным положениям (ст. 1) новый монарх

¹⁷² *Marcuello Benedicto J.I.* Gobierno y «parlamentarización» en el proceso político de la monarquía constitucional de Isabel II // *Revista de Estudios Políticos*. 2005. N 130. P. 29, 32–33.

должен был пройти процедуру выборов, определяемую законом. Однако 11 февраля 1873 г. избранный Амадей I Савойский отрекся от трона. Данным актом были созданы условия для провозглашения Испании республикой. В период Первой Республики (11 февраля 1873 – 3 января 1874) роль главы государства выполняли главы Правительства. Однако в разработанном конституционном проекте федеративной республики впервые, наряду с законодательной, исполнительной и судебной, была предусмотрена четвертая – «связующая» власть. Она вручалась президенту федеративной республики, не наделенному исполнительной властью. Первую Республику сменила реставрация монархии и Бурбонов на испанском престоле. В это время институт главы государства получил оформление в Конституции Испании 1876 г., испытавшей сильное влияние Основного закона 1845 г. Ее действие было приостановлено 13 сентября 1923 г. государственным переворотом, в результате которого Альфонс XIII передал генералу М. Примо де Ривере всю полноту государственной власти. Лишь в январе 1930 г. закончился период его авторитарного правления, и король назначил 30 января 1930 г. главой Правительства Д. Беренгуэра, который направил свои усилия на восстановление действия Конституции 1876 г. Однако король безвозвратно утратил поддержку значительной части общества. Опыт установления Первой Республики и первого режима личной власти были предвестниками будущих испытаний испанской государственности в XX в.

Республиканский этап в истории главы государства в Испании начался с провозглашения Второй Республики (14 апреля 1931 г.) и завершился поражением республиканцев в гражданской войне (март 1939 г.). В это время эволюция института главы государства характеризуется тремя основными чертами: во-первых, республиканизмом, во-вторых, определением президента главой государства и, в-третьих, отделением его от сферы управления с вручением новых функций, ранее не закреплявшихся за королем и направленных на «сдерживание», гармонизацию функционирования системы государственных органов.

В исторической литературе принято выделять четыре периода в истории Второй Республики: 1) двухлетие реформ или двухлетие левых республиканцев и социалистов (12 апреля 1931 – декабрь 1933); 2) «черное двухлетие», начавшееся победой «правых» на выборах в Кортесы (декабрь 1933 – февраль 1936); 3) победа на выборах Народного фронта, объединившего левые и левоцентристские партии, и последовавший вскоре военный мятеж (февраль – 18 июля 1936); 4) гражданская война (18 июля 1936 – март 1939).¹⁷³

Однако данная периодизация, которая определяется нахождением определенных партий у власти и проводимой ими политикой, весьма полезна для общеисторического труда, но не способствует раскрытию проблематики нашего исследования. Для проводимого анализа представляется полезным разделить время существования Второй Республики на три периода: 1) период функционирования Временного правительства (14 апреля – 9 декабря 1931); 2) конституционного президентства в мирный период (10 декабря 1931 – 17 июля 1936); 3) конституционного президентства в условиях гражданской войны (18 июля 1936 – март 1939).

В первый период, начавшийся с провозглашения Республики, и завершившийся промульгацией Конституции 1931 г., с другой стороны, глава Временного правительства фактически и частично юридически исполнял роль главы государства. Данный пост занимали: Н. Алькала Самора-и-Торрес (14 апреля – 14 октября 1931) и М. Асанья Диас (15 октября – 9 декабря 1931). Король Альфонс XIII 14 апреля 1931 г. отправился в эмиграцию без формального отречения от престола. В данный период была обеспечена разработка конституционного проекта и созваны учредительные Кортесы.

Второй период открылся избранием президента Республики в соответствии с принятой Конституции 1931 г. и окончился с началом военного антиреспубликанского мятежа, поднятого в марокканском корпусе. Он был ознаменован действием Конституции, в которой важное место отводилось

¹⁷³ Пожарская С.П. Вступительная статья // Сориа Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 30.

институту президентской власти (*presidencia*), а президент был определен как «глава государства», что отражало сущность данной должности. Президент «олицетворял нацию» и выполнял функции ее представителя. Он не относился ни к одной из классических ветвей власти и имел предназначением выполнять в определенных случаях роль их примирителя, сдерживавшего другие органы власти. С учетом статуса главы государства Вторая Республика, конституированная в 1931 г., традиционно характеризуется в испанской научной литературе как «парламентская, но со специальными полномочиями президента».¹⁷⁴ Во второй период, 10 декабря 1931 г., Учредительные кортесы избрали первого президента республики, каковым стал Н. Алькала Самора, остававшийся на этом посту до отрешения от должности 7 апреля 1936 г. 10 мая 1936 г. вторым президентом стал избранный на выборах, проведенных 26 апреля 1936 г., М. Асанья Диас. С момента отрешения от должности первого президента и до вступления в должность второго обязанности главы государства временно были возложены на председателя Кортесов Д. Мартинеса Баррио (7 апреля – 10 мая 1936). Однако 18 июля 1936 г. в Испании началась гражданская война. Мирный период в истории республиканской государственности сменился военным, в течение которого Конституция приобретала все более ограниченный характер действия, как в территориальном, так и в содержательном плане. А президент республики должен был действовать с учетом всех особенностей состояния гражданской войны.

Этап личной власти каудильо Ф. Франко (1 апреля 1939 – 20 ноября 1975). Последовательное и завершенное легальное оформление рассматриваемый институт получил в Испании в период личной власти Ф. Франко. Данный этап начался объявлением об окончании гражданской войны и установлением режима личной власти генерала Ф. Франко и закончился его смертью. Испанские историки права различают несколько периодов во время правления Ф. Франко. В частности, Д. Санчес Ахеста выделял четыре периода, началом которых были,

¹⁷⁴ *Sánchez Agesta L. Principios de teoría política. Madrid, 1979. P. 464.*

соответственно, 1936, 1942, 1947 и 1958 гг.¹⁷⁵ Согласно иной популярной периодизации вехами в государственно-правовом развитии франкистской Испании стали 1936, 1942, 1955, 1967 гг.¹⁷⁶

Представляется, что для анализа статуса каудильо разумно разделить время его правления на два периода: 1) формирование «нового государства» с безграничной властью его главы (с момента объявления об окончании гражданской войны и до принятия решения о восстановлении монархии в Испании (1 апреля 1939 – 26 июля 1947), 2) правления главы государства в Испанском королевстве (27 июля 1947 – 20 ноября 1975). В первый период Ф. Франко оформлял свою безграничную власть, желая быть похожим на немецкого фюрера и итальянского дуче, и утвердил систему органов «нового государства», в котором еще со времен гражданской войны в соответствии с Законом от 1 октября 1936 г. была признана существующей должность главы государства (*Jefe del Estado*). Ф. Франко занимал эту должность до своей кончины. Постепенно она стала ассоциироваться с его полновластием. Осознание обреченности нацистской Германии на поражение во Второй мировой войне подтолкнуло каудильо на смену внешнеполитического курса, на сближение с союзниками по антигитлеровской коалиции – США и Великобританией. Следствием этого стало законодательное оформление изменений испанской государственности и собственного места в создаваемой системе государственных органов, что было сделано прежде всего путем принятия в 1942–1967 г. семи законов, классифицированных как основные. Они должны были создать представление о появлении в Испании признаков конституционного правления. Получив поддержку на референдуме по вопросу о восстановлении монархической формы правления в стране, Ф. Франко 26 июля 1947 г. издал закон «О преемстве поста главы государства», знаменовавший наметившуюся тенденцию к отходу от собственной личной и исключительной связи с данным постом. Этот закон, кроме того, закрепил понятие «институт главы государства» (*Jefatura del Estado*), а

¹⁷⁵ *Sánchez Agesta L.* Curso de Derecho Constitucional comparado. Madrid, 1974. P. 467–468.

¹⁷⁶ *Torres del Moral A.* Constitucionalismo histórico español. Madrid, 1999. P. 212.

термин «глава государства» легально стал родовым, поскольку охватывал не только действовавшего каудильо, но и будущего монарха. Основные законы периода правления Ф. Франко впоследствии стали источником Конституции 1978 г.

Парламентско-монархический этап определяется правлением короля как главы парламентской монархии, установленной в Испании. В нем явно выделяются два периода: переходный и конституционный. Первый начался после смерти Ф. Франко, последовавшей 20 ноября 1975 г., и объявления королем Испании Хуана Карлоса I. Примечательно, что переход от режима личной власти каудильо к конституционному режиму в Испании был основан на использовании предусмотренного франкистским законодательством механизма замещения должности главы государства после ухода каудильо от власти. До принятия Конституции в Испании проходили дискуссии, и были начаты реформы всех сторон общественной жизни. Отправным моментом политических преобразований стало принятие Закона «О политической реформе», который юридически закрепил выбор вектора конституционных реформ.

Вступление Конституции в силу 29 декабря 1978 г. ознаменовало начало второго периода данного этапа. Конституция закрепила институт главы государства (короны) в парламентской монархии и определила короля как «главу государства, символ единства и постоянства, арбитра и примирителя в постоянной деятельности учреждений» (ч. 1 ст. 56).

Таким образом, в процессе эволюции института главы испанского государства неоднократно отмечается возвращение к предыдущему конституционному опыту. Тем не менее, следует отметить магистральную линию поступательного развития, отразившуюся в принимаемых конституциях, которые отличались преемственностью как по содержанию, так и в формально-юридическом смысле. Действующая Конституция Испании продолжает данную традицию.

Глава 2. Институт королевской власти в Испании в 1808–1931 гг.

§ 1. Опыт конституционализации королевской власти в первой трети XIX в.

Политический контекст начала конституционных преобразований в Испании, вступившей в XIX в. как абсолютная монархия, был определен главным образом тремя историческими фактами военно-политической истории страны. Они стали стимулом для начала процесса конституционализации королевской власти в Испании.

Армия Наполеона вступила на Пиренейский полуостров для завоевания Португалии, союзницы Великобритании, на основе франко-испанского договора, заключенного представителями Карла IV, короля Испании, и Наполеона, императора французов (Е. Искьерда и Дюроком, соответственно) в Фонтенбло 27 октября 1807 г. и ратифицированного 29 октября. Одно из положений договора обязывало императора признать короля Испании «императором двух Америк [...] по наступлении общего мира или в течение трех лет» (п.12).¹⁷⁷

В ночь с 17 на 18 марта 1808 г. в Аранхуэсе, где находилась одна из королевских резиденций, было поднято восстание, главным результатом которого стало отречение от престола 19 марта 1808 г. короля Карла IV в пользу сына Фердинанда, принца Астурийского.¹⁷⁸ Оно получило одобрение значительной части населения страны, но было использовано Наполеоном как повод для смещения Бурбонов с испанского трона, для чего королевская семья была вызвана во Францию, в Байонну.¹⁷⁹ Замещать короля при решении неотложных вопросов

¹⁷⁷ Tratado secreto entre el rey de España y el emperador de franceses, relativo á la suerte futura del Portugal // (*El Conde de Toreno*. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España: En 2 t. T. 1. Paris: Librería Europea de Baud, 1838. P. 427-428 (книга переиздана: *Conde de Toreno*. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / Presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid, 2008. P. 18-19 (nota)).

¹⁷⁸ Real decreto abdicando Carlos IV la corona en su heredero el Príncipe de Asturias, 19 de marzo de 1808 // Gaceta de Madrid. N 25, 25 de marzo de 1808 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/025/A00297-00298.pdf>)

¹⁷⁹ *Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. М.: Международные отношения, 2014. С. 86-90.

должна была сформированная Фердинандом VII Верховная правительственная хунта (*Junta Suprema de Gobierno*) во главе с дядей короля, инфантом доном Антонио. 2 мая 1808 г., в день, назначенный для отбытия из Мадрида последнего члена королевской семьи, жители Мадрида подняли восстание, которое было жестоко подавлено солдатами И. Мюрата. Оно стало сигналом к началу национально-освободительной войны испанцев, оказавших решительное сопротивление привыкшей к победам армии Наполеона.

Отречения в Байонне. Непосредственным поводом для конституционализации королевской власти в Испании стала серия отречений от короны, зафиксированная в переписке Карла IV и Фердинанда VII во время их нахождения на территории Франции, в Байонне. В письмах 1 и 4 мая 1808 г. Фердинанд VII решительно отверг предложение отца вернуть трон, ссылаясь на принадлежность ему короны в соответствии с «основными законами» после отречения от нее Карла IV, объявленного 19 марта 1808 г. При этом Фердинанд указывал на целесообразность созыва кортесов в Мадриде, которые полномочны утвердить данное решение отца.¹⁸⁰ Но Карл IV настаивал на том, что его отречение – результат принуждения и насилия.¹⁸¹

В историко-правовой испанской литературе принято обращать внимание на два декрета, подписанных Фердинандом VII 5 мая 1808 г.: первый содержал предписание Верховной правительственной хунте приступить к исполнению «всех функций суверена»; во втором, адресованном Кастильскому совету, указывалось на необходимость созвать кортесы.¹⁸² В тот же день, 5 мая, «князь

¹⁸⁰ Carta de Fernando VII a su padre, Carlos IV (1 de mayo de 1808) // *Conde de Toreno*. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España. P. 130-131; Carta de Fernando VII a su padre, en respuesta d la anterior (4 de mayo de 1808) // *Ibid.* P. 134-137.

¹⁸¹ Carta de Carlos IV a su hijo, Fernando VII (2 de mayo de 1808) // *Ibid.* P. 131-134.

¹⁸² Данные акты не были официально опубликованы, и в испанской историографии представлены со ссылками на труд Г.М. де Ховельяноса и документацию Центральной хунты или на труды определенных авторов: Reales Decretos del 5 de mayo, citados por el Sr. Ceballos a las páginas 41 y 42 de su exposición a la Junta de Gobierno // *Jovellanos G. A sus compatriotas*. Memoria en que se rebaten las calumnias divulgados contra los individuos de la Junta Central del Reino, y se da razón de la conducta y opiniones del autor desde que se recobró su libertad. Con notas y apéndices. Coruña: En la Oficina de D. Francisco Cándido Perez Prieta, 1811. P. 64-65; *Suarez F.* El proceso de la convocatoria a Cortes (1808-1810). Pamplona, 1982. P. 31; *Puyol Montero J.M.* El Consejo Real de Castilla en el Reinado de Fernando VII (Tesis doctoral). Madrid: Universidad Complutense, 1992. P. 84-85. (1309 p.); *Martínez Llorente F.* “Como si del Rey se tratase”. El

мира» (М. Годой) от имени Карла IV и Дюрок от имени императора французов подписали договор о передаче «всех прав на трон Испании и Индий» Наполеону и о гарантиях и материальном содержании, предоставляемых Карлу; император обязывался сохранить самостоятельность Испанского королевства и католическую религию как государственную.¹⁸³ На следующий день, 6 мая 1808 г., Фердинанд VII отправил Карлу IV письмо с отречением от короны.¹⁸⁴ 8 мая 1808 г. Карл IV подписал отречение в пользу Наполеона, которое было официально опубликовано.¹⁸⁵

Для легализации нового короля на троне Испании генерал-лейтенант королевства И. Мюрат (герцог де Берг) и Верховная правительственная хунта объявили о созыве в Байонне 15 июня «генеральной депутации из 150 членов, состоящей из духовенства, знати и общего представительства».¹⁸⁶

Поясняя свои намерения 25 мая 1808 г. император французов в обращении к испанцам указал: «Испанцы, я созывал генеральную ассамблею представителей от провинций и городов. Желая лично узнать ваши чаяния и ваши нужды. После этого я воспользуюсь своими правами и передам вашу славную корону другому лицу, гарантируя при этом конституцию, которая примирит святую и здравую власть суверена со свободами и привилегиями народа».¹⁸⁷ 6 июня 1808 г.

ejercicio de Regalías premiales por las Juntas Supremas, Regencia y Cortes de Cádiz (1808-1814) // Cádiz 1812. Origen del constitucionalismo español / dir. por L. Palacios Bañuelos, I. Ruiz Rodríguez. Madrid, 2013. P. 193 (nota) (P. 193-272); *Navas I.* La convocatoria de las Cortes // // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años: En 3 t. T. 1 / Dir. J.A. Escudero. Madrid, 2011. P. 174 (P.173-189) и др.

¹⁸³ Copia del tratado entre Carlos IV y el Emperador de los franceses (5 de mayo de 1808) // Ibid. P. 138-139.

¹⁸⁴ Carta de Fernando VII a su padre Carlos IV (6 de mayo de 1808) // *Conde de Toreno.* Historia del levantamiento, guerra y revolución de España. P. 137.

¹⁸⁵ El Rey, el Príncipe de Asturias, y SS.AA. los Infantes D. Carlos y D. Antonio han renunciado la corona y sus derechos á ella, como consta por los documentos que siguen // *Gaceta de Madrid.* 29 de mayo de 1808. N 48. P. 482-484 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/048/A00482-00484.pdf>).

¹⁸⁶ Orden convocatoria a la Deputación General de españoles // *Actas de la Deputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808.* Madrid, 1874. P. 5-6.

¹⁸⁷ Real orden comunicada mandandose de cumplimiento á un decreto y una proclama de S.M.I. y R. el Emperador de los franceses // *Gaceta de Madrid.* 3 de junio de 1808. N 53. P. 530 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/053/A00528-00530.pdf>).

Наполеон подписал декрет о передаче испанского престола Жозефу Бонапарту, занимавшему до того трон в Неаполитанском королевстве.¹⁸⁸

Король по Конституции 1808 г. Участники генеральной депутации, заседавшей 15 июня – 7 июля 1808 г., надеялись на проведение реформ,¹⁸⁹ разделяя заявление Наполеона: «Ваша монархия устарела».¹⁹⁰ Конституция была объявлена «доном Хосе Наполеоном как королем Испании» и опубликована 27–30 июля 1808 г.¹⁹¹ В обоснование появления Жозефа на испанском престоле, она представлялась во введении не только как основной закон, но и как договор, заключенный королем из новой династии с испанским обществом, представленным генеральной депутацией.

При этом самая многочисленная группа присутствовавших согласилась с проектом Конституции (первоначально она была названа Конституционным статутом), в котором Наполеон предусмотрел, что иные органы, включая Кортесы, являются лишь вспомогательными и консультативными при короле.¹⁹² Среди представителей были как известные приверженцы правления просвещенного монарха (Асанса, Уркихо), так и традиционного неограниченного монарха (Эттенард и Салинас). Вторая группа присутствующих выступала за активную роль Кортесов в осуществлении государственной власти наряду с королем. К числу тех, кто разделял данную позицию, относились англофилы (Перейра и другие), предпочитавшие следование модели организации власти в Великобритании. Также имелись в депутации и лица, уверенные в необходимости

¹⁸⁸ Se proclama Rey de España y de las Indias á Josef Napoleón, actualmente Rey de Nápoles y de Sicilia // Gaceta de Madrid. 14 de junio, 1808. N 57. P. 568-569 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/057/A00568-00569.pdf>).

¹⁸⁹ Artola M. Los afrancesados. Madrid, 1976. P. 65.

¹⁹⁰ Torres del Moral A. Cádiz: recepción de los principios básicos // El legado de las Cortes de Cádiz / Coord. por García Trobat, Sánchez Ferriz R. Valencia, 2011. P. 65.

¹⁹¹ Constitución // Gaceta de Madrid. 27–30 de julio de 1810. N 99. P. 906–910 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/099/A00906-00910.pdf>); N 100. P. 912–917 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/100/A00912-00917.pdf>); N 101. P. 923–925 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/101/A00923-00925.pdf>); N 102. P. 930–934 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/102/A00930-00934.pdf>).

¹⁹² Proyecto de Estatuto constitucional presentado de orden de S.M.I.V.R. Napoleón, Emperador de los franceses e Rey de Italia, en la Junta de españoles celebrada en Bayona á 20 de junio de 1808 // Actas de la Diputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808. Madrid, 1874. P. 12–60.

существенного ограничения власти монарха (Алькала Гальяно и другие).¹⁹³

Предложение одного из участников Байоннского собрания Х. Солеры объявить Испанию в отдельной статье «конституционной монархией, функционирующей в соответствии с законом», не получило поддержки истинных учредителей, хотя Конституция 1808 г. все же закрепила ее.¹⁹⁴ Вопреки предложению Арриваса, Гомеса Эрмосиллья и Солеры, в текст Основного закона не была введена глава, специально посвященная статусу короля.¹⁹⁵

В Акте 1808 г.¹⁹⁶ была отражена специфика территориальных пределов королевской власти в колониальной державе. Наполеон намеревался при помощи нормы об объявлении равенства прав жителей метрополии и территорий в Америке и Азии (ст. 87) заручиться поддержкой населения испано-американских колоний. Значение данного положения высоко оценивается отдельными исследователями как попытка конституировать новый порядок отношений короля со своими подданными за океаном.¹⁹⁷

Конституция служила целям легализации и легитимации представителя семьи Бонапартов на испанском троне вместо Бурбонов. Эта главная цель пронизывала весь текст, который в значительной степени посвящен оформлению статуса короля-иностранца: весьма подробно определены очереди наследников испанской короны из семьи Бонапартов (гл. 2), закреплён порядок создания регентства и назначения опекуна несовершеннолетнему королю (гл. 3),

¹⁹³ Sarasola I.F. La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 65 (URL:<https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/197876>).

¹⁹⁴ Sarasola I.F. La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 64 (URL:<http://hc.rediris.es/09/index/html>).

¹⁹⁵ Observaciones que sobre el proyecto de Constitución presentado de orden del Emperador & las Juntas de españoles celebradas en Bayona, hicieron los miembros de éstas // Actas de la Diputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808. Madrid, 1874. P. 75.

¹⁹⁶ Текст Конституции 1808 г. по изд.: Конституция [Испании] от 6 июля 1808 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М., 2021. С. 87-105.

¹⁹⁷ *Martiré E.* La importancia institucional de la Constitución de Bayona en el constitucionalismo hispanoamericano // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 109–126 (URL:<https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695356>); *Franco Pérez A.-F.* La “cuestión americana” y la Constitución de Bayona (1808) // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 109–126 (URL:<https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695355>).

материального благополучия монарха и его семьи (гл. 4), регламентированы его взаимоотношения с другими органами власти и должностными лицами (гл. 5–13).

Испанские историки рассматривали Конституцию 1808 г.¹⁹⁸ как результат «скрещивания институтов испанской монархии» и Органического сенатус-консульта от 28 флореаля XII г., который закрепил за Наполеоном титул императора» (М. Артола),¹⁹⁹ как «гибрид», соединивший идеи «испанского просвещения XVIII в. и наполеоновского конституционализма» (А. Баамонде, Х. Мартинес).²⁰⁰ Так, для модернизации испанской монархии из Франции была заимствована идея слабо ограниченной королевской власти, а также экспортированы институты Сената, министерств, Государственного совета. Их сочетание с испанским историческим учреждением (кортесами) отвечало представлениям значительного числа «офранцузенных» («хосефинов») о должном правлении. Промульгация Конституции «во имя всемогущего Бога» и приверженность католической религии как государственной отличало Байоннскую конституцию 1808 г. от Конституции Франции.

Правовед И. Сарасола оценивает Конституцию 1808 г. лишь как «хартию, посредством которой король допустил самоограничение».²⁰¹ Действие Конституции ставилось в зависимость от воли короля: она должна была вводиться «последовательно и постепенно» посредством его декретов и указов так, чтобы все ее положения вступили в силу до 1 января 1813 г. (ст. 143). Для обеспечения неизменности акта и стабильности учреждаемого строя законодатель ограничил возможность внесения в его текст изменений и дополнений, что могло иметь место лишь по воле монарха (ст. 146).

В связи с тем, что компетенция короля строго не определялась октроированной Конституцией, он мог осуществлять любые действия, если они

¹⁹⁸ Многие испанские исследователи не признают Байоннскую конституцию подлинной конституцией (напр.: *Tomás y Valiente F. La Constitución de 1978 y la Historia del constitucionalismo español // Maestros de la transición / dir. por Blanco Valdés R.L. Madrid: CEPС, 2018. P. 332.*)

¹⁹⁹ *Artola M. La burguesía revolucionaria. 1808–1869. М., 1973. P. 18.*

²⁰⁰ *Bahamonde A., Martínez J. Historia de España. Siglo XIX. P.43.*

²⁰¹ *Sarasola I.F. La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia Constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 68 (URL:https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695353).*

прямо не относились к полномочиям других органов, т. е. не были им делегированы. В Конституции 1808 г., не основанной на принципе разделения властей, король тем не менее, как верно отметил Т. Куадра-Сальседо, предстал органом управления,²⁰² осуществляющим всю полноту административной власти. Ему ассистировали в определенных в конституционном тексте случаях консультативные советы и комиссии с участием представителей различных государственных органов. Сенат, вводимый актом 1808 г., Государственный совет и Кортесы (данный порядок соответствует установленному в Конституции) содействовали королю в реализации королевской власти. Так, Государственный совет помогал в формулировке политически значимых решений, Сенат – в вопросах, имеющих конституционное значение и в осуществлении конституционного контроля. Кортесы сотрудничали, хотя и по узкому кругу вопросов, с королем в деле принятия законов и могли поставить вопрос об ответственности министров, обязанных исполнять его волю.

Конституция 1808 г. имела исключительно перспективный характер, она не основывалась на уже сложившихся политических отношениях. Неудивительно, что патриоты, страстно желавшие своей Родине свободы, увидели в Байоннской конституции стимул к разработке национального Основного закона. Не следует полностью игнорировать влияние Байоннского акта на последующее конституционное развитие Испании не только с точки зрения заимствования формы, но и содержания в части закрепления статуса главы государства. Несложно обнаружить сходство структуры, начальных слов преамбул конституций 1808 и 1812 гг., стремления авторов проектов текстов узаконить конкретную личность на троне (Жозефа (Хосе) – в 1808 г., Фердинанда – в 1812 г.), тщательного закрепления вопросов престолонаследия, назначения регентства, имущественного положения королевской семьи, взаимоотношений монарха и других органов государственной власти. Обеим конституциям предназначалось стать основой конституционной монархии как формы правления

²⁰² *Quadra-Salcedo T.* El Consejo de Estado en las Constituciones de Cádiz y Bayona // Documentación administrativa. 1996. N. 244–245. P. 37–45.

испанского королевства. И. Сарасола определил ее по Байоннской конституции как конституционную авторитарную монархию, поскольку король был «центром государства», а по Конституции 1812 г. – как национальную, поскольку таковым являлся орган национального представительства (Кортесы).²⁰³

Испании было предназначено начать свою конституционную историю подобно Германии, Италии, Швейцарии, получив «в дар» от завоевателя политический кодекс, закреплявший переход от абсолютизма к конституционализму. Однако испанский народ не пожелал следовать воле императора французов и проявил полную самостоятельность в определении судьбы своей государственности в сложных социально-политических условиях.

Местные хунты и центральная хунта – народные органы власти. В результате присутствия французских войск на значительной части территории Пиренейского полуострова, начавшейся освободительной войны и серии отречений от короны в Испании фактически и юридически образовался «вакуум» реальной публичной власти. Кастильский совет и Верховная правительственная хунта, предназначенные осуществлять ее в отсутствие короля, оказались под контролем и воздействием французов. Поэтому в ходе национально - освободительной войны испанцы стали учреждать собственные органы власти – местные хунты, возникавшие, как отмечал историк М. Туньон де Лара, «спонтанно в целях организации национальной обороны и компенсации отсутствующего государственного аппарата».²⁰⁴ Их роль и значение определялось с политико-правовой точки зрения через понятие суверена (*soberano*). Историк права Х.А. Эскудеро подчеркивает, что поскольку король «не реализовал суверенитет, народ осуществил его и организовал хунты в каждом городе или провинции», в отдельных случаях они провозглашали себя верховными и суверенными.²⁰⁵ Потребность в объединении усилий по ведению военных

²⁰³ *Sarasola I.F.* La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia Constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 78 (URL:<https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695353>).

²⁰⁴ *Tuñón de Lara M.* La España del siglo XIX. P., 1971. P. 21.

²⁰⁵ *Escudero J.A.* Las Cortes de Cádiz: génesis y reformas // Anuario de Estudios Atlánticos. 2013. N 59. P. 162 (161 – 199).

действий и организации национальной власти привела к формированию верховных хунт исторических областей Испании (одна из них 20 июля 1808 г. от имени Фердинанда VII объявила войну Франции), а затем и к созыву Центральной хунты, состоявшей из 35 представителей от 17 верховных хунт. 25 сентября 1808 г. торжественно открылись ее заседания. Она должна была действовать во время отсутствия «желанного» короля Фердинанда VII.²⁰⁶ Претензии на фактическое замещение короля отразились в декрете от 4 октября, в соответствии с которым вводилось обращение «Величество» в отношении Центральной хунты.²⁰⁷

Главным итогом ее деятельности стала подготовка созыва национального представительства – Генеральных и чрезвычайных кортесов, ставших, по меткому замечанию М. Фернандеса Альмагро: «политическим результатом войны за независимость».²⁰⁸

Декрет от 24 сентября 1812 г. о короле, принципах осуществления королевской власти и временном органе исполнительной власти. В день открытия заседаний, 24 сентября 1810 г., близ неоккупированного Кадиса учредительные Кортесы, в которых лидировали либералы (*liberales*), приняли декрет, ставший фундаментом конституционализации королевской власти.²⁰⁹ Преамбула представляла собой формулу его объявления от имени Фердинанда VII, «по милости Бога Короля Испании и Индий», с указанием на временное осуществление его полномочий Регентским советом.²¹⁰

²⁰⁶ Acta de la instalación pe la Junta Central Suprema y Gubernativa del Reino (Aranjuez, 25 de setiembre de 1808 // *Gazeta extraordinaria de Madrid*, jueves, 29 de setiembre de 1808. N 129. P. 1217-1219 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/129/A01217-01219.pdf>).

²⁰⁷ Real orden acordando la Junta suprema y central de gobierno se le dé en cuerpo el tratamiento de Majestad y al Sr. Presidente que ahora es ó por tiempo fuere y á sus individuos en particular, 4 de octubre de 1808 // *Gaceta de Madrid*. 18 de octubre. 1808. N 135. P. 1305 – 1306 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/135/A01305-01306.pdf>).

²⁰⁸ *Fernández Almagro M.* Del Antiguo Régimen a las Cortes de Cádiz // *Revista de Estudios Políticos*. 1962. N 126. P. 9.

²⁰⁹ См. подробнее: *Алексеева Т.А.* Законодательство испанской революции 1808-1814 гг. С.26–28.

²¹⁰ Текст декрета по изд.: Декрет 1. 24 сентября 1810 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // *Кадисская конституция 1812 г. Из истории русско-испанских отношений: В 2 т. / Сост. Т.А. Алексеева. Т. 2. М., 2013. С. 95–96.*- Текст декрета на исп. яз.: Decreto del 24 de septiembre 1810 // *Colección de los decretos y órdenes de las Cortes de Cádiz: En 6 vol. Vol. 1. Madrid, 1813. P. 1-3.*

Переход к конституционному правлению, осуществлялся посредством реализации принципа разделения властей. При этом не предусматривалось участие короля, а во время его отсутствия и регентства - в законодательном процессе. Монарху вручалась исполнительная власть, которую должны были реализовывать лица, «ответственные перед нацией». Генеральные и чрезвычайные кортесы решительно объявили о признании «своим сеньора дона Фердинанда VII Бурбона». Он был назван единственным и законным королем, а его отречение от престола в пользу Наполеона объявлено недействительным, «главным образом потому, что нация не давала на него своего согласия». Данная декларация была названа автором законодательного предложения М. Торреро «первым актом», проявлением национального суверенитета, принадлежащего Кортесам.²¹¹ Согласно испанской традиции Фердинанд был признан наследником престола (принцем Астурийским) Кортесами, которым он принес соответствующую присягу 23 сентября 1789 г.²¹² Историк Д. Рико-и-Амат считал, что Кортесы не только имели право, но и были обязаны провозгласить Фердинанда VII королем Испании на своем первом заседании, подтвердив его восшествие на престол и аннулировав его отречение и объявление королем Жозефа Бонапарта.²¹³

Регентства – заместители отсутствующего короля. До возвращения монарха в 1814 г. в стране действовали три регентских совета, сформированных Кортесами. Они являлись временными органами, предназначенными замещать отсутствующего короля на территории, не подконтрольной французам. Их статус был закреплен регламентами, утвержденными 16 января 1811 г. и 26 января 1812 г. и регламентом, разработанным и утвержденным 8 апреля 1813 г. на основе Конституции 1812 г. Регламент от 16 января 1811 г. впервые в истории испанского законодательства определил содержание исполнительной власти в

²¹¹ Sesión del día 24 de setiembre de 1810 // Diario de Sesiones de las Cortes generales y extraordinarias. Legislatura 1810-1813. 1810. N 1. P. 3.

²¹² *Molas P.* Las Cortes nacionales en el siglo XVIII // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años. En 2 t. T. 1 / Dir. J.A. Escudero. Madrid, 2011. P. 166.

²¹³ *Rico y Amat J.* Historia política y parlamentaria de España. En 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1860. P. 200.

системе конституционно оформленного разделения властей.²¹⁴

*Королевская власть по Конституции 1812 г.*²¹⁵ Политическая конституция испанской монархии 1812 г. была типичным образцом либеральной модели основного закона, характерной для первого этапа конституционного развития европейских государств,²¹⁶ выделяемого в современной отечественной конституционно-правовой литературе. Она была учредительным актом, политическим кодексом, ставшим порождением «революционно-демократического национализма», имевшим мультинациональную идейную и юридическую базу. Конституция базировалась не только на пиренейских средневековых источниках, но и впитала конституционные идеи и нормы английского и французского происхождения.²¹⁷

Конституция 1812 г., принятая без монарха при высокой политической активности народа, впоследствии «пугала своим демократическим характером европейские парламенты».²¹⁸ Однако в условиях подобного уровня социального подъема, обратил внимание А. Бар Сендон, во Франции, а затем и в Нидерландах, «увядающая монархия была заменена республикой». В Испании же вопрос о сохранении монархии не стал предметом дискуссии.²¹⁹ При закреплении статуса короля Генеральные и чрезвычайные кортесы, очевидно заимствовав положения Конституции Франции 1791 г., в копировании которой их впоследствии нередко обвиняли, акцентировали исключительно испанские корни своего творения. Х. Варела Суансес-Карпенья отметил сходство устремлений депутатов Генеральных и чрезвычайных кортесов и депутатов Учредительного собрания во Франции в

²¹⁴ *Sánchez Agesta L.* Poder ejecutivo y división de poderes // *Revista Española de Derecho Constitucional*. 1981. Vol. 1. N 3. P. 19.

²¹⁵ Текст Конституции по изд.: Политическая конституция испанской монархии от 18 марта 1812 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М., 2021. С. 108-149. - Текст Конституции на исп. яз. по изд.: *Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812*. Cádiz: Imprenta Real, 1812. 134 p.

²¹⁶ Сравнительное конституционное право / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2002. С. 51.

²¹⁷ *Romano A.* Cadice come modello costituzionale // *Costituzione politica della Monarchia Spagnuola* / A cura di A. Romano. Messina, 2000. P. XVIII.

²¹⁸ *Ferrando Badía J.* Vicisitudes e influencias de la Constitución de 1812 // *Revista de Estudios políticos*. 1962. N 126. P. 169-191.

²¹⁹ *Bar Cendón A.* La Constitución de 1812: Revolución y tradición // *Revista Española de la Función Consultiva*. 2013. N 19. P. 56.

1789–1791 г. Вместе с тем, испанские либералы сосредоточились на ограничениях королевской власти, истоки которых пытались обнаружить в историческом праве христианских королевств, нарушенные во время правления монархов из династии Габсбургов и Бурбонов.²²⁰

Испания провозглашалась наследственной ограниченной (умеренной) монархией (ст. 14). Комментируя это положение, Г. Рольнерт Лиерн отметил, что в нем была закреплена форма правления, при которой монарх перестал быть сувереном и превратился в орган исполнительной власти, передаваемой по наследству и конституционно ограниченной.²²¹

Формула объявления Конституции стала в большей или меньшей степени образцом для вводных частей всех последующих монархических конституций Испании. В ней учредители заявляли о двух источниках власти короля: он правил по милости Бога и Конституции, что нашло закрепление и в основном тексте (ст. 155). Комментируя данное положение, Р. Далмау точно заметил, что признание божественного источника королевской власти было характерно для либеральных конституций конца XVIII в., отражавших юснатуралистические убеждения законодателей, устанавливавших границы власти, не затрагивая при этом проблему «демократического» характера учредительной власти.²²² Характерная черта Конституции – постоянно подчеркиваемая приверженность испанцев католической религии и признание ее религией государственной (ст. 12).²²³ Личность монарха объявлялась священной и неприкосновенной (ст. 168), он носил исторический титул «Его Католического Величества» (ст. 169). Указание на второй источник королевской власти – Конституцию – явилось следствием уже признанного учредительным собранием верховенства нации при решении своей судьбы, а короля – лицом, обязанным подчиниться ее воле. На принципе

²²⁰ *Varela Suanzes-Carpegna J.* El constitucionalismo español en su contexto comparado // Documentos de trabajo IELAT. Instituto de Estudios Latinoamericanos – Universidad de Alcalá. 2010. N 13. P. 4.

²²¹ *Rollnert Liern G.* Cádiz, 1812: la nueva monarquía // Revista Española de la Función Consultativa. 2013. N 19. P. 509.

²²² *Dalmau R.* Soberanía y poder constituyente en Cádiz // Revista Española de la Función Consultiva. 2013. N 19. P. 324.

²²³ Она совпадала с формулировкой ст. 1 Байоннской конституции.

национального суверенитета («суверенитет по существу принадлежит нации» (ст. 3)), ставшем идейной основой ограничения власти монарха, базировался весь текст Конституции 1812 г., принятой Кортесами – собранием представителей нации – без его участия.

Указание на наследственный характер власти дополнительно подчеркивало неприемлемость иностранного короля на испанском троне. Более того, в Основном законе подтверждалась верность «любимому» и «желанному» королю, имя которого было четко указано, что стало моделью и при создании последующих конституций в Испании. Учредители зафиксировали: королем является «ныне правящий сеньор дон Фердинанд VII Бурбон» (ст. 179). Декретом от 13 сентября 1813 г. Кортесы определили, что началом правления Фердинанда VII признается дата вступления в силу Конституции.²²⁴ Она, в свою очередь, была промульгирована в день четырехлетней годовщины отречения от престола Карла IV в пользу Фердинанда VII.

В Предварительной записке, направленной членами конституционной комиссии для пояснения текста конституционного проекта, однократно использовали понятие «глава государства», поясняя смысл и содержание раздела VII («О налогах», а именно, ст. 345 и 347).²²⁵ Появление в данном документе термина, явно не связанного с лексической проработкой статуса короля, подчеркивало его роль в указанной сфере государственного управления.²²⁶ В то же время депутаты Генеральных и чрезвычайных кортесов неоднократно в ходе дискуссий называли короля «головой (*cabeza*) нации»,²²⁷ и тем самым не только демонстрировали знание исторических источников права, но и выражали свое отношение к его значению в новой системе организации власти.

²²⁴ Decreto CCCIX de 13 de septiembre de 1813: Que se note el año corriente de la Constitución en todos los documentos en que se exprese el del reinado de Fernando VII Colección de los decretos y órdenes de las Cortes Cádiz. T. IV. P. 269.

²²⁵ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 1812. P. 106.

²²⁶ На наличие термина в тексте обратили внимание исследователи: *Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G.* La forma de gobierno en la Constitución de Cádiz (Reflexiones sobre la configuración de la jefatura del estado monárquica) // *Revista de Derecho Político.* 2012. N 83. P. 232.

²²⁷ Sesión del 25 de agosto de 1811 // *Diario de sesiones de las Cortes Generales y extraordinarias.* T. IX. Madrid, 1874. N 327. P. 1687, 1690.

Весьма обширный раздел IV Конституции 1812 г. «О короле» (ст. 168–241) объединил семь глав: 1) «О неприкосновенности короля и о королевской власти»; 2) «О наследовании короны»; 3) «О несовершеннолетии короля и о регентстве»; 4) «О королевской семье и признании принца Астурийского»; 5) «О содержании королевской семьи»; 6) «О министрах»; 7) «О Государственном совете». Статус короля, как и других высших органов, был детально регламентирован, он стал моделью, которой следовали при создании конституционных актов в Испании XIX–XX в. Однако последующие учредители стремились избавиться от излишней детализации, поэтому разделы, посвященные королю или короне, были не столь объемными.

В Предварительной записке членов Конституционной комиссии король был назван «главой управления, высшим должностным лицом нации», который «должен быть наделен поистине мощной властью».²²⁸ Однако согласно Конституции монарху вручалась исполнительная власть (ст. 16). Он также осуществлял законодательную власть «совместно» с Кортесами (ст. 15).

С технико-юридической точки зрения учредители определили компетенцию короля двумя способами: путем предоставления ему исчерпывающего перечня прав (ст. 171) и запретом совершать определенные действия (ст. 172). Его деятельность находилась под наблюдением Кортесов, при этом в период между сессиями действовала их постоянная депутация, на которую возлагалась обязанность в том числе и по наблюдению за исполнением Конституции и законов (ст. 159, 160). Ведущая роль однопалатных Кортесов была очевидной. Высокая степень ограничения власти короля – характерная черта Конституции 1812 г., отличающая ее от всех других основных законов начального периода конституционного развития стран континентальной Европы в эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн. Поэтому А. Торрес дель Мораль оригинально и выразительно определил закрепленную форму правления как

²²⁸ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz, 1812. P.135.

«протопарламентскую» монархию.²²⁹

Возвращение Фердинанда VII: отказ от конституционных границ власти. Реальное возвращение Фердинанда VII на испанский престол в 1814 г. было обосновано двумя юридическими фактами: во-первых, признанием его королем, о котором заявили Генеральные и чрезвычайные кортесы, и, во-вторых, договором, заключенным в Валенкае во Франции, где пребывал «желанный» король. Вернуться в Испанию Фердинанд VII смог лишь, урегулировав отношения с императором французов. 11 декабря 1813 г. был подписан договор²³⁰ о «мире и дружбе» между Фердинандом VII и Наполеоном (ст. 1), о прекращении между Францией и Испанией «вражды на море и на суше» (ст. 2). Император французов признал Фердинанда «королем Испании и Индий» и право на трон его наследников в соответствии с порядком, установленным основными законами Испании, (ст. 3), а также подтвердил целостность территории Испании в довоенных пределах (ст. 4). Существование национальной власти в Испании в период войны, наличие Конституции и законодательства, принятого генеральными и чрезвычайными, а затем и ординарными Кортесами, было полностью проигнорировано сторонами, заключившими данный договор. В то же время либералы в Кортесах настаивали на принесении королем присяги в соответствии с Конституцией 1812 г., прежде чем он приступит к управлению государством. Однако Фердинанд VII, вернувшись в Испанию, получил поддержку своих абсолютистских стремлений со стороны значительной части населения и части депутатов Кортесов. Поэтому он и решился на объявление 4 мая 1814 г. декрета, в котором Конституция 1812 г. объявлялась «порождением французской революции, анархии и террора», а акты Кортесов аннулировались.²³¹

²²⁹ *Torres del Moral A.* Las Cortes en la Constitución de Cádiz: Representación nacional y relación con la Corona // *Revista de Derecho Político.* 2012. N 83. P. 153.

²³⁰ *Tratado de Valenzay de 11 de diciembre de 1813 // El Marqués de Miraflores (Fernández de Pinedo M.P.)* Documentos a los que se hace referencia en los *Apuntes Histórico-críticos sobre la Revolución de España.* En 2 t. T. 1. Londres, 1934. P. 12–15.

²³¹ *Real decreto de 4 de mayo de 1814 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / Por Don Josep María de Nieva.* Vol. 18. Madrid: En la *Emprenta Real*, P. 114–115; *El Marqués de Miraflores (Fernández de Pinedo M.P.)* Documentos a los que se hace referencia en los *Apuntes Histórico-críticos sobre la Revolución de España.* T. 1. P. 32–38.

В Испании вновь наступило время неограниченной власти короля., которое было прервано «либеральным (конституционным)» трехлетием. 9 марта 1820 г. Фердинанд VII присягнул Конституции 1812 г. Однако и эта попытка установить конституционную монархию не привела к утверждению данной формы правления как постоянной. Благодаря интервенции французских войск в 1823 г. Фердинанд VII вновь стал неограниченным монархом.

§ 2. Институт королевской власти во время правления Изабеллы II (1834–1868)

Юридические основания занятия престола Изабеллой II. Периодом утверждения конституционной монархии стало время правления королевы Изабеллы II, продолжавшееся 35 лет. Оно сопровождалось борьбой различных сил испанского общества: сторонников королевы - с карлистами, приверженцев абсолютизма - со сторонниками ограничения власти короля, прогрессистов - с умеренными. Вследствие множества выступлений военных оно было названо П. Виларом «эрой пронунсиаменто».²³² Страна пережила две гражданские войны, а завершилось правление Изабеллы II Сентябрьской («славной») революцией 1868г.

Важнейшим фактором рассматриваемого процесса в данную эпоху, его катализатором, вызвавшим бурную реакцию и политическую активность испанского общества, с одной стороны, и международную реакцию, с другой стороны, стал вопрос о правомерности занятия трона дочерью Фердинанда VII. Только в четвертом браке у короля появился ребенок. В ожидании его рождения, 29 марта 1830 г., Фердинанд VII подписал декрет, которым промульгировал Прагматическую санкцию - решение своего отца Карла IV, сформулированное после обсуждения в Кортесах, собравшихся в Мадриде в 1789 г.²³³ Тем самым

²³² Вилар П. История Испании. С. 94.

²³³ Pragmática sanción en fuerza de ley decretada por el Señor Rey Don Carlos IV á petición de las cortes del año de 1789, y mandado publicar por S.M. reinante para la observancia perpetua dela ley 2ª, título 15, partida 2ª, que establece la sucesión regular de la corona de España // Gaceta de Madrid. N 40, Sábado, 3 de abril de 1830 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1830/040/A00167-00168.pdf>).

было объявлено о восстановлении нормы, закрепленной в Семи партидах (II.15.2), согласно которой старшая дочь наследовала трон при отсутствии у короля сыновей или кончины таковых до вступления в наследство. Этим декретом 1830 г., как и актом 1789 г., отменялось Согласованное решение Филиппа V от 10 мая 1713 г.²³⁴ - Испания возвращалась к правилам, соблюдавшимся в течение семи предшествующих столетий.

Декретом от 13 октября 1830 г. Фердинанд VII объявил «любимую дочь инфанту донью Марию Изабеллу Луизу», родившуюся 10 октября 1830 г., «наследницей и правопреемницей короны, если Бог не даст нам сына».²³⁵ Данный акт вызвал негодование Карлоса Марии Исидро – дона Карлоса (1788–1855), младшего брата Фердинанда VII, надеявшегося унаследовать после него трон. Во время болезни короля сторонники дона Карлоса добились подписания 18 сентября 1832 г. Фердинандом VII кодицилла об отмене Прагматической санкции.²³⁶ По воле короля он не подлежал опубликованию и «исполнению до момента его смерти».²³⁷ Однако 31 декабря 1832 г. Фердинанд VII (состояние его здоровья улучшилось) аннулировал кодицилл, и тем самым, восстановил порядок наследования трона, закрепленный в Семи партидах. При этом подчеркивалось,

²³⁴ Согласно его акту от 10 мая 1713 г., известному как Согласованное решение (*Auto acordado*) вводился «новый регламент наследования» короны с целью «сохранить» в ней преемство строго на основе «мужской линии родства», с предпочтением «нисходящих мужского пола по прямой мужской линии родства»: *Nuevo reglamento sobre la sucesión* (D. Philipe V en Madrid á 10 de Mayo de 1713) // *Novísima Recopilación de las Leyes de España* (Libro III. Título I. Ley V). En 5 t. T. 2. Empresa en Madrid, 1805. P. 4–6. – Созванные Кортесы утвердили предложенное королем изменение положения, закрепленного в *Las Siete Partidas*, и введение правила, содержащего «салический закон», действовавший во Франции. Оно должно было гарантировать невозможность возвращения испанской короны к династии Габсбургов и закрепить завершение войны за испанское наследство (*Alzaga O. La Constitución española de 1978* (comentario sistemático). Madrid, 1978. P. 391).

²³⁵ Real decreto de Fernando VII, 13 de octubre de 1830 // *Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales / Por Don Josep María de Nieva*. T. 15. Madrid, 1831. P. 393–394.

²³⁶ *Francisco Olmos J.M. (de)*. La última acuñación de Fernando VII (1833). Imagen documental e una nueva realidad política // *Revista General de Información y Documentación*. 2007. Vol. 17. N 1. P. 174.

²³⁷ El documento de Calomarde (Transcripción del documento manuscrito de caligrafía legible que se encuentra en el Archivo General del Palacio Real de Madrid): *Montes Gutiérrez R.* Cuestión sucesoria de Fernando VII // *Revista Educativa y Cultural Contraclave*. 2008. Septiembre (URL:<http://www.contraclave.es/historia/calomarde.pdf>; URL:<http://www.rafaelmontes.net/wp-content/uploads/2014/02/Cuestion-sucesoria-de-Fernando-VII.pdf>).

что король «не может нарушать основные законы королевства».²³⁸

Декретом 4 апреля 1833 г. Фердинанд VII вновь подтвердил действительность Прагматической санкции 1789 г. и назначил на 20 июня 1833 г. принесение присяги подданными принцу Астурийскому («наследному принцу – первородному сыну, а при отсутствии лица мужского пола – первородной дочери»)²³⁹ Также были официально опубликованы поздравления по случаю обнародования решения 1789 г.²⁴⁰

После кончины короля, наступившей 29 сентября 1833 г., 3 октября 1833 г. королева направила для опубликования его завещание, датированное 12 июня 1830 г. В документе содержалось волеизъявление Фердинанда VII назначить свою жену Марию Кристину де Бурбон правительницей королевства и регентшей на время несовершеннолетия (до достижения 18-летнего возраста – п. 11) правопреемника – сына или дочери.²⁴¹ Дон Карлос, не признав данный документ законным, 1 октября 1833 г. заявил о своих правах на трон и начал военные действия. Так, спор о престолонаследии, отражавшийся в течение ряда лет в юридических актах, издававшихся при участии различных групп влияния, привел к гражданским войнам, известным как карлистские. Вместе с тем, возвращение к кастильской системе наследования трона впоследствии было подтверждено Королевским статутом 1834 г.

Указанная серия юридических актов не только породила реакцию на

²³⁸ Artículo de oficio // Gaceta de Madrid. N 1, martes. 1 de enero de 1833 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/001/A00001-00001.pdf>); Certificación de la Declaración del Rey nuestro Señor, en que anula S.M. el decreto derogatorio de la pragmática sanción de 29 de marzo de 1830 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / por Don Josep María de Nieva. Vol. 17. Madrid: En la Imprenta Real, 1833. P. 313–316.

²³⁹ Real decreto de 4 de abril de 1833 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / Por Don Josep María de Nieva. T. 18. Madrid: En la Imprenta Real, 1834. P. 84–85. – Подготовке принесения присяги и ее проведению посвящена статья: *González Fuertes M.A.* Igual, pero diferente: perspectiva institucional de la jura de la Infante María Isabel Luisa (1833) // Cuadernos de Historia Moderna. 2000. N 24. P. 55–83.

²⁴⁰ Felicitaciones dirigidas á S.M. por la publicación de las actas de Cortes de 1789 // Gaceta de Madrid. N 41, jueves. 4 de abril de 1833 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/041/A00179-00180.pdf>); Gaceta de Madrid. N 45, jueves. 11 de abril de 1833 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/045/A00191-00192.pdf>).

²⁴¹ Testamento de Fernando VII, y Herencia de Cristina (URL:http://www.congreso.es/docu/PHist/docs/03Regen/muerte_fernando_VII.pdf)

каждый из них, но сыграла значительную роль в установлении в Испании конституционно-монархического правления и формировании института королевской власти. Сложная история обоснования права Изабеллы на престол, очевидно, сформировала понимание правительницей, впоследствии и королевой, а также политиками и государственными деятелями, как близкими им, так и находившимися в оппозиции, значимости юридических актов и их обнародования.

Королевская власть по Королевскому статуту 1834 г. В первый период правления малолетней Изабеллы II все действия совершала ее мать Мария Кристина (1833–1840). Она именовалась в промульгируемых ею конституционных актах вдовствующей королевой (*Reina Viuda*), правительницей королевства (*Gobernadora del Reino*), королевой-правительницей (*Reina Gobernadora*). В это время помимо проблем, связанных с карлистской войной, перед правительницей трижды остро были поставлены вопросы о радикальных государственных преобразованиях и принятии конституционных актов. Примечательно, что тому способствовала не только внутривнутриполитическая ситуация, но и внешнеполитическое влияние.

Договор о Четверном союзе 1834 г., участниками которого стали Великобритания, Франция, Португалия и Испания, обязывал короля Франции к принятию мер, направленных на исключение поддержки карлистов через испано-французскую границу в Пиренеях, а правительство Великобритании – к оказанию помощи «Ее Католическому Величеству» вооружением, снаряжением, а при необходимости и военно-морским флотом (ст. 2 Дополнительных статей).²⁴² Кроме того, союз был «призван обеспечить стабильность либеральных режимов в Европе», а короли Великобритании и Франции выступили в роли «покровителей»

²⁴² Tratado de la Cuádruple Alianza entre España, la Inglaterra, Francia y el Portugal, firmado en Londres el 22 de abril de 1834 // Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio que han hecho con las potencias extranjeras los monarcas españoles de la casa de Borbón desde el año de 1700 hasta el día / por Cantillo A. Madrid, 1843. P. 853–855; Artículos adicionales al tratado llamado de la Cuádruple Alianza ajustado entre España, Inglaterra, Francia y Portugal en 22 de abril de 1834 // Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio... P. 855–857.

молодых либеральных режимов в государствах на Пиренейском полуострове.²⁴³ Договор о Четверном союзе не только обеспечил военно-материальную поддержку правительницы Марии Кристины, он и юридически зафиксировал признание королевы Изабеллы II государствами-сторонами договора.

В то время дон Карлос стал опираться на Австрию, Пруссию, Россию, Королевство обеих Сицилий и Сардинское королевство. Его политическим кредо был абсолютизм, поэтому Мария Кристина, не обладая конституционными устремлениями, была вынуждена искать поддержку среди противников дона Карлоса – либералов, выступавших за введение в Испании конституции. Данный исторический фон и определил следующий шаг в юридическом оформлении королевской власти.

Сторонники королевы–правительницы в Испании объединились в несколько групп. Первая была представлена некоторыми приверженцами абсолютизма, вторая – либералами, влияние которых обеспечило подготовку проекта Королевского статута, подписанного от имени Изабеллы II правительницей королевства 10 апреля 1834 г.²⁴⁴ Королевский статут как акт, октроированный Марией Кристиной, базировался на «монархическом принципе», что сближало его с французской Хартией 1814 г. (а не с «июльской» Хартией 1830 г., более близкой ему по времени принятия)²⁴⁵ и отличало от принятой учредительными Кортесами Конституции 1812 г. В испанской историко-правовой литературе значение Статута как королевского акта оценивалось неоднозначно. Его рассматривали как реализацию права монарха созывать Кортесы, хотя акт и содержал отдельные конституционные нормы; как закон о Кортесах и их месте в

²⁴³ Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. С. 131.

²⁴⁴ Текст Статута на по изд.: Королевский статут о созыве Генеральных кортесов Королевства, изданный Ее Величеством Королевой-правительницей 10 апреля 1834 года для исполнения / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М., 2021. С. 149–155. – Текст Статута на исп. яз.: Real decreto de 10 de Abril, de 1834, mandando que se guarde, cumpla y observe el Estatuto Real para la convocación de las Cortes generales del Reino // Gaceta de Madrid. N 54, martes. 15 de abril de 1834 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1834/054/A00247-00247.pdf>). - Алексеева Т.А. Третья попытка перехода к конституционализму в Испании // Правоведение. 2007. № 3. С. 101–116.

²⁴⁵ Конституционная хартия 4 июня 1814 года // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. С. 438–446.

политической системе;²⁴⁶ как октроированную королевой хартию, не имевшую декларации прав;²⁴⁷ как органическую часть неполной и несистематизированной конституции.²⁴⁸

Понятие «конституция» во время разработки Статута считалось испанским королевским двором недопустимым, поэтому главный автор проекта Ф. Мартинес де ла Роса называл документ «основным законом» или «постоянным законом».²⁴⁹ А в королевском декрете, сопровождавшем текст Статута, его провозглашение обосновывалось намерением «восстановить в полной мере и действии основные законы монархии». Королевское право созывать Генеральные кортесы поддерживалось ссылкой на законодательство XVI в. (ст. 1), что было сделано, как указывалось авторами проекта в предварительной записке к Статуту, для обеспечения «твердости и блеска трона и счастливого будущего нации».²⁵⁰ Использование пути, выразительно определенного Б. Клаваро, как «проторенного и провалившегося» в 1812 г. в Кадисе,²⁵¹ отличалось, как справедливо отметил Х. Варела Суансес-Карпенья, консервативным историзмом.²⁵² Данный подход должен был обеспечить признание Статута в самых различных слоях общества, а также широкую поддержку королевы Изабеллы и правительницы Марии Кристины.

В Статуте нет специального раздела, посвященного правовому положению монарха. Это отличало его не только от первой национальной Конституции, но и от французской Хартии 1814 г., в которой имелся такой раздел («Формы королевского управления» – ст. 13–23). Королевский статут 1834 г. не

²⁴⁶ *Torres del Moral A.* Constitucionalismo histórico español. P. 89.

²⁴⁷ *Tomás y Valiente F.* Manual de historia del derecho español. P. 443.

²⁴⁸ *Tomás Villarroya J.* Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 122.

²⁴⁹ *Tomás Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. Madrid, 1968. P. 101. – О стремлении Ф. Мартинеса де ла Росы «гармонизировать либеральную свободу и традиционных порядок»: *Василенко Ю.В.* Королевский статут Ф. Мартинеса де ла Росы и становление нового порядка в Испании в первой половине XIX века // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Т. 18. Вып. 2. С. 55–68.

²⁵⁰ *Exposición preliminar al Estatuto real* // *Tomás Villarroya J.* El sistema político del Estatuto real (1834–1836). P. 621.

²⁵¹ *Clavero B.* Manual de historia constitucional de España. Madrid, 1990. P. 50.

²⁵² *Varela Suanzes-Carpegna J.* Política y Constitución en España (1808-1978). P. 78.

регулировал порядок престолонаследия, компетенцию монарха, правила формирования и основы деятельности Правительства. Он имел практический, а не программный характер, и ему изначально была уготована роль временного учредительного акта.

Несмотря на то, что на испанском троне, в отличие от французского, могла оказаться и действительно оказалась женщина, законодатель использовал лишь термин «король» (*rey*), а не «королева» (*reina*). Х. Томас Вильярройя точно выделил три элемента статуса монарха, базирующихся на тексте Статута и ярко проявившихся в политической жизни Испании. Таковыми являлись: фактическое существование регентства в связи с несовершеннолетием королевы; возникшая у короны необходимость «поделиться» полномочиями с учреждаемыми или «реставрируемыми» институтами; особое значение королевской власти как фактора политической интеграции в условиях гражданской войны.²⁵³

Королевский статут 1834 г. подтвердил сохранение за королевой исторически сложившихся правомочий (включая созыв Кортесов). Однако он закрепил отдельные ограничения королевской власти путем передачи некоторых из них Кортесам и Правительству. Кортесы – институт, действительно, имеющий собственную историю – предстают в акте, как справедливо отметил исследователь Е. Понт, в преобразованном виде.²⁵⁴ Они созданы по образцу британского парламента, заимствованного опосредованно, через французские палаты пэров и депутатов, действовавшие в периоды Легитимной и Июльской монархии. Бикамерализм, введенный в Испании должен был стать барьером для порывов, исходящих от народной палаты, для того, чтобы противостоять «деспотизму и анархии».²⁵⁵ На организацию и функционирование Кортесов королевская власть оказывала большое влияние.

Король не провозглашался в тексте Статута главой исполнительной власти,

²⁵³ *Tomás Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real (1834-1836). Madrid, 1968. P. 140–141.

²⁵⁴ *Pont Eugenio J.* El sufragio censitario en el derecho electoral español // *Revista de Estudios Políticos.* 1974. N 193. P. 130.

²⁵⁵ *Exposición del Consejo de Ministros a S.M. la Reina – Gobernadora // Constituciones Históricas: Edición Oficial / Edit. Rico Linaje R. Sevilla, 1999. P. 75.*

однако сохранял традиционные полномочия. Например, отсутствие в Статуте правил внесения в его текст изменений и дополнений означало, что их инициатором могла выступить исключительно королева. Единственное изменение было внесено в Королевский статут декретом королевы–правительницы Марии Кристины от 24 мая 1836 г.²⁵⁶

Будучи манифестом испанского умеренного либерализма,²⁵⁷ Королевский статут 1834 г. исполнил в Испании роль временной и реальной конституции.²⁵⁸ Вследствие его неполноты статус королевской власти развивался посредством практики ее осуществления самой Марией Кристиной, а также государственными органами и политиками. В 1835-1836 гг. стали формироваться новые для Испании принципы взаимоотношений королевы с высшими органами государства. В первые месяцы правления Марии Кристины стало очевидно, что председатель Правительства и министры могли осуществлять свою деятельность лишь при наличии доверия как со стороны короля, так и Кортесов; утрата такового влекла смену Совета министров. Известно, что необходимым доверием обладало Правительство, возглавляемое Ф. Мартинесом де ла Роса (15 января 1834 – 7 июня 1835). Несмотря на то, что Совет министров, возглавляемый Мендисабалем, поддерживался большинством в Кортесах, избранных в феврале 1836 г., в середине мая регентша отправила его в отставку, а Ф.-Х. Истурису дала поручение сформировать новый состав органа. Именно в это время стала реальностью политическая ответственность Совета министров перед Кортесами. Королевский статут 1834 г. и практика его применения при Марии Кристине, не являвшейся самостоятельной и реальной правительницей, ознаменовали

²⁵⁶ Real decreto para la elección de Procuradores a las Cortes generales del Reino // Gaceta de Madrid. N 525, jueves. 26 de mayo de 1836 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1836/525/A00002-00003.pdf>).

²⁵⁷ *Díez del Corral L.* El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956. P. 440–442.

²⁵⁸ Нельзя согласиться с оценкой Статута как «конституции, которая, признавая на словах принцип ограниченной монархии, на практике делала все возможное для того, чтобы фактически сохранить слегка завуалированное самодержавие» (*Майский И.М.* Испания 1808–1917. М., 1957. С. 198), а также с ремаркой о спорности его «подлинной... конституционности» (*Медушевский А.Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 162). Проблема конституционного значения Статута убедительно разрешена в испанской литературе и представлена как в авторитетном труде Х. Томаса Вильярройи (*Tomás Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real (1834–1836). P. 95–116.), так и в новейшей литературе (см.: *Monerri Molina B.* Las Cortes del Estatuto Real (1834–1836). Madrid, 2019. P. 43.

начало важного изменения в статусе короля – его фактического отделения от осуществления исполнительной власти, управление стало сферой деятельности Правительства, и появились первые признаки эволюции формы государства в направлении парламентской монархии.

Для дальнейшего развития статуса короля Статут имел подлинно парламентское значение, поскольку его разработка разделила либералов на две партии: умеренных (доктринальных) (*moderados*) и прогрессистов (*progresistas*) – радикальных либералов. Все конституции, принятые во время правления Изабеллы II, отражали соперничество этих партий и различное отношение к значению королевской власти.

Статут 1834 г. стал действующим законом, получившим развитие в текущих законах и конституционной практике. Однако установленный им строй не удовлетворял чаяниям политически активной части испанского общества.²⁵⁹ Окончание действия акта было связано с новой волной выступлений населения страны, прежде всего, военных.

Королевская власть и третье провозглашение Конституции 1812 г. Кульминацией революционных событий тридцатых годов стало восстание гарнизона в королевской резиденции Ла Гранха (Сан-Ильдефонсо) 13 августа 1836 г., основным требованием которого стало провозглашение Конституции 1812 г. и установления подлинно конституционного правления.²⁶⁰ Королевским декретом от 13 августа 1836 г. в третий раз была введена в действие Политическая конституция Испанской монархии 1812 г.

Через несколько месяцев королевским декретом от 4 декабря 1836 г., одобренным Кортесами, были признаны изменения географических пределов королевской власти, т.к. Испания утратила значительную часть территорий за пределами Пиренейского полуострова. Правительство было наделено полномочием заключать договоры о мире и дружбе с новыми государствами

²⁵⁹ Artola M. Antigua régimen y revolución liberal. Barcelona, 1978. P. 288.

²⁶⁰ Real decreto ordenando y mandando que se publique la Constitución política del año de 1812 (13 de agosto de 1836) // Gaceta extraordinaria del lunes 15 de agosto de 1836. N 607 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1836/607/A00001-00001.pdf>).

испанской Америки «на основе признания их независимости и отказа от всяких территориальных притязаний или суверенитета со стороны бывшей метрополии».²⁶¹

Статус королевской власти после третьего введения в действие Конституции 1812 г., оказавшегося весьма непродолжительным, полностью зависел от противоборства прогрессистов и умеренных. Их представители, получая пост председателя и занимая места членов Правительства, не только фактически проводили политику, отражавшую их взгляды на значение короны, но и стремились оформить их юридически в Основном законе государства. Так, прогрессисты сделали это при разработке и принятии Конституции 1837 г. (председатели Совета министров – Х. М. Калатрава и И. Диэс де Ривера), «нерожденной» Конституции 1856 г. (председатель Совета министров – Б. Эспартеро), а умеренные – при подготовке Конституции 1845 г. (председатель Совета министров – Р. Нарваэс), а также в конституционном проекте 1852 г. (председатель – Х. Браво Мурильо). Для XIX в., особенно до 1868 г., характерна предопределенность конституционных положений о статусе короля победой одной из политических партий. Прогрессисты стремились ограничить королевскую власть и усилить роль Кортесов, умеренные настаивали на ее большем значении за счет умаления роли представительного органа. Конституция 1837 г. стала компромиссом между ними (хотя и с некоторым преобладанием идей прогрессистов), а Королевский статут и Конституция 1845 г. были созданием умеренных, Конституция 1856 г. же, принятая, но так и не введенная в действие была плодом интеллектуального творчества прогрессистов.

Королевская власть по Конституции 1837 г. При подготовке проекта Конституции был достигнут компромисс между прогрессистами и умеренными, сплотившимися в условиях карлистской войны, поэтому, как его следствие, по справедливому замечанию Х. Варелы Суансес-Карпеньи, в тексте обнаружился

²⁶¹ Real decreto de 4 de diciembre de 1836 con la autorización de las Cortés para el reconocimiento de la independencia de las Américas // Decretos de S.M. la Reina Doña Isabel II / recop. por Don Josef María Nieva. T. 21. Madrid, 1837. P. 584–585.

«симбиоз принципов обеих политических групп».²⁶² Идеи прогрессистов нашли свое отражение главным образом в догматической части Конституции (т. е. на уровне провозглашенных принципов правопорядка: в частности при закреплении принципа национального суверенитета, права Кортесов определять порядок престолонаследия). Влияние же умеренных, приверженцев «исторической конституции» и тех, кто выступал за незначительное ограничение королевской власти, особо заметно в органической части Конституции при оформлении основ государственности, отразившей стремление к усилению королевской власти (по сравнению с 1812 г.): монарх наделялся абсолютным вето, правом созывать и распускать парламент, приостанавливать и закрывать их сессии, назначать президента и вице-президента Сената. По мнению М. Артолы, содержание Конституции свидетельствовало о том, что прогрессисты восприняли некоторые идеи *moderados*, предоставив короне власть, «умеряющую» представителей нации в Кортесах.²⁶³

Конституция 1837 г., как и Конституция 1812 г., стала актом, принятым учредительными Кортесами. 18 июня 1837 г. Мария Кристина промульгировала Конституцию и присягнула ей как правительница королевства от своего имени и от имени королевы Изабеллы II.²⁶⁴ Это означало ее согласие на правление дочери и собственное регентство в соответствии с условиями, предложенными конституантой – учредительными Кортесами.

Конституция 1837 г. представлялась ее авторами как измененная Конституция 1812 г., о чем прямо заявлялось в ее преамбуле. Она также базировалась на Королевском статуте 1834 г., заменив его. Кроме того, Конституция, в том числе и в части юридического оформления королевской власти явно была вдохновлена конституционным опытом других европейских

²⁶² Varela Suanzes-Carpegna J. La Constitución Española de 1837: una constitución transaccional // Revista de derecho político. 1983–1984. N 20. P. 95–97.

²⁶³ Artola M. La burguesía revolucionaria. 1808–1869. Madrid, 1973. P. 197.

²⁶⁴ Текст Конституции на рус. яз. по изд.: Политическая конституция испанской монархии от 18 июня 1837 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М., 2021. С. 155-164. – Текст Конституции на исп. яз. по изд.: Constitución de la Monarquía Española (1837) // Gaceta de Madrid, sábado, 24 de junio de 1837. N 935 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1837/935/A00001-00002.pdf>).

государств – Французской конституционной хартией 1830 г. и Конституцией Бельгии 1831 г.

Статус монарха, как и в Конституции 1812 г., определялся в специальном разделе. Королевская власть, точно заметили Х. Соле Тура и Э. Аха, была ограничена, но без недоверия и запретов, которые были свойственны первой национальной Конституции.²⁶⁵ Учредитель отказался от многих ограничений королевской власти, содержащихся в Конституции 1812 г. В 1812 г. (ст. 172) их было двенадцать, в Конституции 1837 г. (ст. 48) – лишь шесть. Кроме того, дополнительно было указано, что король нуждается в особых полномочиях в соответствии «со специальным законом», а не в получении согласия Кортесов, как было в 1812 г. для того, чтобы отказаться от какой-либо части испанской территории, допустить иностранные войска на территорию страны, заключить союзные, торговые и кредитные договоры с иными государствами, выехать за пределы королевства, вступить в брак, отречься от престола в пользу наследника. В части воздействия короля на деятельность Кортесов Конституция имела «характер усредненный», поскольку обеспечивала сочетание норм Конституции 1812 г. и Королевского статута.²⁶⁶

Различное отношение учредителей к статусу монарха, очевидно, объяснялось тем, что Конституция 1812 г. принималась во время национально-освободительной войны при отсутствии монарха. Основной закон 1837 г. разрабатывался во время гражданской (первой карлистской) войны, когда для значительной части общества королева Изабелла II и регентша Мария Кристина были символами стабильности и порядка. Первая карлистская война закончилась в 1839 г. поражением дона Карлоса, а с последним очагом сопротивления было покончено в 1840 г.

Реализация норм Конституции 1837 г. не была последовательной, что было предопределено в значительной степени деятельностью политиков.²⁶⁷

²⁶⁵ Solé Turá J. y Aja E. *Constituciones y periodos constituyentes en España. 1808–1936*. P. 35.

²⁶⁶ Tomás Villarroya J. *El Estatuto Real de 1834 y la Constitución de 1837*. Madrid, 1985. P. 72.

²⁶⁷ Tomás Font de Mora M.A. *La preparación de la Constitución de 1845* // *Revista de Estudios*

Санкционирование королевой-правительницей 14 июля 1840 г. Закона об организации и полномочиях муниципальных советов (аюнтамьентов), не соответствовавшего Конституции 1837 г. (ст. 69–71) спровоцировало протест населения и вылилось в «революционный прогрессистский процесс»²⁶⁸.

Его политическим последствием явился отказ от регентства Марии Кристины, вызывавшей мощное недовольство своим образом жизни и действиями, раздражавшими либералов и армию. Он последовал 12 октября 1840 г.,²⁶⁹ а 17 октября 1840 г. Мария Кристина отбыла во Францию. Конституция 1837 г. не регламентировала порядок такого отказа. Однако решение фактически сложившейся проблемы было найдено путем применения ее положений (ст. 57, 58), предусматривавших право Кортесов назначить регентство, «состоящее из одного, трех или пяти лиц», до его формирования возложить его обязанности временно на отца или мать короля, а при их отсутствии – на Совет министров. Так, до 10 мая 1841 г. функции регентства исполняло Правительство, возглавляемое прогрессистом Б. Эспартеро, имевшим славу победителя карлистов и пользовавшимся поддержкой британского Кабинета. 8 мая 1841 г. за его кандидатуру для назначения регентом проголосовало большинство депутатов Кортесов: 179 из 290.²⁷⁰ Регентство Б. Эспартеро завершилось восстанием военных, опиравшихся на недовольство населения. Оно было подготовлено генералами Р.М. Нарваэсом и Л. О`Доннелем, поддержанными умеренными и частью прогрессистов. После отбытия Б. Эспартеро из Испании в Англию, с 23 июля 1843 г. и до 8 ноября 1843 г. функции регентства исполняло временное

Políticos. 1991. N 73. P. 230.

²⁶⁸ *Pérez Nuñez J.* Debates parlamentarios de la Ley municipal de 1840 // *Revista de Estudios Políticos.* 1996. N 93. P. 290–291.; *Tomás Villarroya J.* El Estatuto Real de 1834 y de la Constitución de 1837. P. 64.

²⁶⁹ Отречение от регентства было оформлено декретом, собственноручно подписанным Марией Кристиной де Бурбон в Валенсии 12 октября 1840 г.: *Decreto de renuncia de Doña María Cristina de Borbón, 12 de octubre de 1840* // *Voix V. Historia de la Ciudad y Reino de Valencia.* T. III. Valencia, 1847. P. 567.

²⁷⁰ Кортесы приняли решение о формировании регентства, состоящего из 1 человека, 153 голосами против 136. За Б. Эспартеро проголосовало 179 депутатов, за А. Аргуэльеса – 103, за Марию Кристину – 5, еще два кандидата получили по 1 голосу, 1 бюллетень был пустым.

²⁷⁰ *Sesión celebrada en el Palacio del Senado el sábado 8 de Mayo 1841 para el nombramiento de Regencia* // *Diario de las sesiones de Cortes.* N 43. P. 845 (URL:https://app.congreso.es/est_sesiones).

Министерство-регентство, возглавляемое Х. М. Лопесом.

Для стабилизации политической ситуации было принято решение об объявлении 13-летней Изабеллы II совершеннолетней. Данное решение не соответствовало норме Конституции 1837 г. (ст. 56), установивший 14-летний возраст совершеннолетия короля. 8 ноября 1843 г. сенаторы и депутаты Конгресса, собравшиеся вместе, рассмотрели предложение Правительства об объявлении королевы совершеннолетней. Из 75 сенаторов и 134 депутатов, «за» проголосовали 193, «против» – 16 присутствовавших членов Кортесов.²⁷¹ 10 ноября 1843 г. она принесла Кортесам предписанную присягу.²⁷²

Королевская власть по Конституции 1845 г. 3 мая 1844 г. было сформировано Правительство умеренных во главе с Р. Нарваэсом.²⁷³ А 23 мая 1845 г. королева впервые лично промульгировала новую Конституцию.²⁷⁴ Она стала результатом переработки Конституции 1837 г., однако, как отметил Л. Санчес Ахеста, она имела новую концептуальную основу, «весьма далекую от оригинала».²⁷⁵ Умеренные желали закрепить «союз и синтез короны и Кортесов», способный «укрепить основы государственной власти».²⁷⁶

В связи с этим наибольшим изменениям подверглись разделы, посвященные королевской власти.²⁷⁷ За королем были закреплены прежние полномочия (ст. 44, 45). Но вопросы, связанные с замещением престола, ранее отнесенные к

²⁷¹ Sesión del miércoles 8 de Noviembre de 1843 para la votación de la mayoría de edad de S.M. Reina Doña Isabel II // Diario de las sesiones de cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1843-1844. N 23. P. 165-170.

²⁷² Sesión regia celebrada el viernes 10 de Noviembre de 1843. Juramento de la Reina Doña Isabel II // Diario de las sesiones de cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1843-1844. N 24. P. 171-172.

²⁷³ Рамон Мария Нарваэс возглавлял Совет министров в мае 1844 – феврале 1846, марте – апреле 1846, октябре 1847 – январе 1851, октябре 1856 – октябре 1857, сентябре 1864 – июне 1865 г. Он вновь вернулся на должность в 1866 г. и занимал ее до смерти, последовавшей в 1868 г. Период 1843–1854 г. вошел в историю как «диктатура Нарваэса» (Enciclopedia de Historia de España. En 5 t. / dir. por M. Artola. T. 4. Diccionario bibliográfico. P. 606). - Во время его пребывания у власти имела место вторая карлистская война (1846–1849).

²⁷⁴ Текст Конституции 1845 г. по изд.: Конституция испанской монархии от 23 мая 1845 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 167-177. – Текст Конституции 1845 г. на исп. яз.: Constitución de la Monarquía Española (1845) // Suplemento a la Gaceta de Madrid. Viernes, 23 de mayo de 1845. N 3904 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1845/3904/C00001-00002.pdf>).

²⁷⁵ Sánchez Agesta L. Historia del constitucionalismo español. P. 246–247.

²⁷⁶ Comellas J.L. Los moderados en el poder. Madrid, 1970. P. 197.

²⁷⁷ Sánchez Agesta L. Historia del constitucionalismo español. P. 248.

компетенции Кортесов, теперь стали предметом регулирования законом, то есть результатом деятельности не только Кортесов, но и короля. Из перечня действий, которые он мог совершить, если был уполномочен на них законом (п. 1–6 ст. 46 Конституции 1837 г.), были изъяты два ограничения. Конституция 1845 г. предписывала: король (те же правила установлены и для наследника престола) лишь сообщал о предстоящем браке, а Кортесы только одобряли его брачный контракт, что являлось предметом издания закона (ст. 47). Также в акте устанавливалось, что король и его непосредственный наследник не могут вступить в брак с лицами, которые были исключены из числа наследников короны. Смягчение ограничений объяснялось необходимостью почтительно относиться к достоинству и личной жизни королей. Очевидно, этот аргумент, справедливо заметил Х. Томас Вильярройа, не соответствовал действительности: брак, в который вступила 16-летняя Изабелла со своим кузеном Франсиско Ассизским, широко обсуждался на заседаниях Кортесов и в прессе, в Испании и в других европейских странах, что явно противоречило задуманному законодателем.²⁷⁸ Проблема выбора супруга для Изабеллы II спровоцировала дипломатические осложнения в отношениях Великобритании и Франции, стремившихся добиться продвижения своих кандидатов. Вступление же в брак королевы стало поводом для начала второй карлистской войны.

Конституция 1845 г. вполне отвечала потребностям существования в Испании конституционной монархии, и она, по мнению А.Д. Градовского, могла «обеспечить Испании правильное парламентское правление».²⁷⁹ Но после введения в действие Конституции 1845 г. большую роль в государственных делах вновь стала играть «камарилья», королева несколько раз распускала Кортесы, неоднократно менялся состав Правительства. Проводимая внутренняя политика спровоцировала не только новое карлистское движение, но и появление республиканских настроений, усилившихся в связи с революцией 1848 г. во Франции.

²⁷⁸ *Tomás Villarroya J.* Breve historia del constitucionalismo español. P. 69.

²⁷⁹ *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав. С. 610.

Влияние Французской революции 1848 г. и ее последствий на институт королевской власти в Испании. Анализируя значение Французской революции 1848 г., историк и политик Ф. Гарридо эмоционально отметил: «Впечатление, произведенное февральской революцией на Испанию, было до того могущественно, что в первое время Правительство и династия сочли себя безвозвратно погибшими, опустили руки и позволили революции организовать беспрепятственно».²⁸⁰ 13 марта 1848 г. королевой был промульгирован закон о предоставлении Правительству чрезвычайных полномочий, принятый Кортесами по инициативе председателя Совета министров Р. Нарваэса.²⁸¹ Для его реализации 26 марта 1848 г. был издан королевский декрет, которым были приостановлено действие гарантий неприкосновенности личности.²⁸² Поэтому время правления Р. Нарваэса принято называть «законной диктатурой».²⁸³ Данный термин отражает не только основанную на законе высокую концентрацию власти председателем Правительства, но и активное использование предоставленных полномочий, расширительно им интерпретируемых.

Предоставление Правительству чрезвычайных полномочий нашло идейное обоснование в выступлении выдающегося юриста и мыслителя Х. Доносо Кортеса в Кортесах 4 января 1849 г.²⁸⁴ Он объявил, что принимает диктатуру, хотя это понятие для него «ужасное», но слово «революция... ужаснее всех».²⁸⁵ Февральская революция 1848 г. во Франции, которая «пришла как смерть —

²⁸⁰ *Garrido F.* Современная Испания: ее умственный и материальный прогресс в XIX в. СПб., 1869. С. 81.

²⁸¹ Ley sancionada autorizando al Gobierno para que pueda declarar en suspenso el art. 7.º de la Constitución // Gaceta de Madrid. Miércoles 15 de marzo de 1848. N 4933 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1848/4931/A00001-00001.pdf>).

²⁸² Real decreto de 26 de marzo de 1848, declarando en suspenso en toda la monarquía las garantías que establece el artículo 7 de la Constitución // Boletín oficial de Madrid. N 3037. Martes, 28 de marzo de 1848 (URL:http://bibliotecavirtualmadrid.org/bvmadrid_publicacion/i18n/catalogo_imagenes/grupo.do?path=1071229).

²⁸³ *Fernández Segado F.* Las disposiciones de excepción en la década moderada // Revista de estudios políticos. 1976. N 205. P. 89.

²⁸⁴ Sesión del 4 de enero de 1849 // Diario de Sesiones de Córtes. Congreso de los Diputados. Legislatura de 1848 a 1849. T. 1. N 13. P. 166–172. На русском языке текст выступления опубликован: *Доносо Кортес Х.* Речь в конгрессе депутатов / пер. А.П. Сотсковой // *Доносо Кортес Х.* Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 321–338.

²⁸⁵ Sesión del 4 de enero de 1849 // Ibid. P. 166; *Доносо Кортес Х.* Ibid. С. 322.

неожиданно», создала настроения и действия, угрожавшие существующему порядку. Х. Доносо Кортес пришел к выводу, что «эпоха роялизма окончилась», ибо нет больше королей, поэтому нет и легитимности в традиционном смысле – остается лишь один результат – диктатура.²⁸⁶ Данная аргументация окажется востребованной в XX в.

Конституция 1845 г. фактически перестала действовать 14 января 1851 г., когда Р. Нарваэс был заменен на должности главы Правительства Х. Браво Мурильо. После роспуска Кортесов королевским декретом от 6 апреля 1851 г.,²⁸⁷ он фактически несколько месяцев правил страной единолично.²⁸⁸ Х. Браво Мурильо являлся сторонником авторитаризма и намеревался следовать опыту Луи Наполеона. Используя в качестве образца его Конституцию, промульгированную 19 января 1852 г., Х. Браво Мурильо подготовил проекты Конституции и восьми органических законов и внес их 1 декабря 1852 г. в созданные Кортесы.²⁸⁹ В этих документах отражалось намерение ослабить значение Кортесов и наделить королеву дополнительными полномочиями, в т. ч. «в случаях, не терпящих отлагательства» король мог действовать по своему усмотрению, лишь «предварительно заслушав мнение соответствующих высших органов государственного управления и представив ближайшим Кортесам отчет о сделанном для изучения и принятия решения» (ч. 2 ст. 20). В связи с негативной реакцией политических сил на действия Х. Браво Мурильо Изабелла II была вынуждена 14 декабря 1852 г. подписать декрет об освобождении Х. Браво Мурильо от занимаемой должности.²⁹⁰

²⁸⁶ Шмитт К. Политическая теология (4 главы к учению о суверенитете) // Шмитт К. Политическая теология: Сборник. С. 78.

²⁸⁷ Real decreto disolviendo el Congreso de los Diputados. 6 de abril 1851 // Gaceta de Madrid. N 6112, martes. 8 de abril de 1851 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1851/6112/A00001-00001.pdf>).

²⁸⁸ Суховерхов В.В. О предпосылках IV буржуазной революции в Испании 1854–1856 // Проблемы испанской истории / под ред. И.М. Майского, Х. Вивенса и др. М., 1975. С. 119.

²⁸⁹ Проект конституции Х. Браво Мурильо 1 декабря 1852 г. (перевод с исп. яз. Т.А. Алексеевой) // сравнительно-правовой анализ в исследованиях правовых институтов и явлений в отраслевом, страноведческом и временном аспектах. Ч. II. // Труды лаборатории сравнительно-правовых исследований. СПб., 2012. С. 59–64.

²⁹⁰ Real decreto admitiendo la renuncia que de los cargos de Presidente del Consejo de Ministros y Ministro de Hacienda ha presentado D. Juan Bravo Murillo // Gaceta de Madrid. N 6750, miércoles. 15 de diciembre de 1852 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1852/6750/A00001-00001.pdf>).

Следует отметить, важный результат его нахождения в должности - заключение Конкордата между королевой и Святым престолом, к восстановлению отношений с которым всегда стремились умеренные. Данный акт подтвердил признание католической религии официальной религией Испании (ст. 1) и прочные позиции церкви в жизни страны.²⁹¹ Он также обеспечил королеве Изабелле II поддержку определенных, консервативных европейских государств,²⁹² а также существенно умалял позиции карлистов. Договор действовал с небольшими перерывами вплоть до заключения нового соглашения Ватикана с каудильо Ф. Франко в 1953 г.

Королевская власть во время «прогрессистского двухлетия». Во время «прогрессистского двухлетия» (1854–1856), начавшегося назначением главой Правительства «прогрессиста» Б. Эспартеро, в созванных королевой Учредительных кортесах возникла острая дискуссия о сохранении королевской власти. При голосовании 194 депутата поддержали предложение сохранить в стране монархию с королевой Изабеллой II. Против голосовали лишь 19 депутатов.²⁹³

Однако Конституция, подготовленная конституционной комиссией, состоявшей из прогрессистов, характеризовалась ослаблением королевской власти и усилением Кортесов, так как ее главным источником как по форме, так и по содержанию была Конституция 1837 г., а значит, и Конституция 1812 г.²⁹⁴ Процедура утверждения Конституции не была завершена: она не была ни санкционирована, ни промульгирована, поэтому и получила известность как «нерожденная» («*non nata*»). Вместе с тем, ее отдельные положения были

²⁹¹ *Concordato* celebrado entre Su Santidad el Sumo Pontífice Pío IX y S.M. Católica Doña Isabel II, Reina de las Españas // Fort C.R. El Concordato de 1851 comentado y seguido de un resumen de las disposiciones adoptadas por el gobierno de S.M. sobre materias eclesiásticas: desde la celebración de aquel convenio hasta enero de 1853. Madrid, 1853. P. 5–31.

²⁹² Российская империя в лице Александра II признала королевой Испании Изабеллу II в 1856 г.

²⁹³ Sesión del 30 de noviembre de 1854 // Diario de Sesiones de Córtes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1854-1856. Constituyentes. Madrid, 1880. T. 1. N 23. P. 292–294 (поименно).

²⁹⁴ Текст Конституции 1856 г. по изд.: Конституция испанской монархии 1856 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // *Алексеева Т.А.* История испанских конституций. С. 182-193. – Текст Конституции на исп. яз. по изд.: *Constitución de la Monarquía Española (1856)* // *Constituciones de España. 1808-1978.* Madrid, 2000. P. 137-153.

включены в Дополнительный акт к Конституции Испанской монархии, который был объявлен королевским декретом после роспуска Учредительных кортесов (по представлению главы Правительства О'Доннеля) и восстановления действия Конституции 1845 г.²⁹⁵ Декрет дополнил перечень действий, которые король не мог совершить без специального уполномочивания законом (ст. 46 Конституции). Актом учреждался Государственный совет как совещательный орган при короле (ст. 11).

История последних лет правления Изабеллы, отмечал А.Д. Градовский, есть история «смены кабинетов, не могущих справиться со своей задачей».²⁹⁶ Внешним проявлением политической нестабильности являлись частые отставки Совета министров. За 25-летний период правления Изабеллы без регентства (1843–1868) в Испании сменилось 34 Правительства, 40 военных министров, 46 министров иностранных дел и 50 министров финансов²⁹⁷. В стране нарастал протест против политики королевского двора, вылившийся в Сентябрьскую революцию 1868 г.

За время правления Изабеллы II в Испании было принято четыре Конституции, три из которых стали действующими, при этом в 1836 г. в третий раз была осуществлена попытка ввести в действие Конституцию 1812 г. Однако конституционная нестабильность, проявившаяся в частой смене конституций, была более формальной, чем содержательной. В Испании прочно укоренилась форма правления в виде конституционной монархии, а власть главы государства была оформлена основными законами. Степень ее ограничения зависела от партии, представитель которой находился на должности председателя Совета министров. Примечательно, что даже военачальники, опиравшиеся на поддержку армии, игравшей в эпоху двух карлистских войн, большую роль в политической

²⁹⁵ Real decreto restableciendo la Constitución promulgada en 25 de Mayo de 1845 (15 de septiembre de 1856) // Gaceta de Madrid. Martes, 16 de septiembre de 1856. N 1352 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1856/1352/A00001-00001.pdf>). - Текст Дополнительного акта к Конституции Испанской Монархии по изд.: Королевский декрет от 15 сентября 1856 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 177-179.

²⁹⁶ Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 4. С. 803.

²⁹⁷ Майский И. М. Испания. 1808–1917. М., 1957. С. 229.

жизни Испании, занимали предусмотренные конституциями должности, становясь председателями Правительства или регентами, и были идейно и организационно связаны с одной из партий. Все основные законы, принятые во время правления Изабеллы II, явились результатом деятельности двух политических партий: прогрессистов и умеренных.

§ 3. Институт королевской власти в последней трети XIX – первой трети XX в.: конституционные эксперименты и попытки конституционной стабилизации

Сентябрьская революция 1868 г. и проблема формы государства. Основная тенденция данного периода, начавшегося Сентябрьской революцией 1868 г., заключалась в поисках новых форм организации власти. Им предшествовали и их сопровождали политические, военные и социальные движения. Сентябрьская революция 1868 г. стала кульминацией целой серии революционных выступлений предшествующего ей десятилетия. Вновь проявился феномен времен войны за независимость 1808–1814 г.: властные функции правителей стали осуществлять созданные народом революционные хунты, а затем и Временная правительственная хунта, учрежденная в Мадриде. В ее состав вошли противники прежнего режима: прогрессисты, демократы и члены Либерального союза («унионисты»).

В результате «славной» революции 30 сентября 1868 г. королева Изабелла II покинула территорию Испании, но не отреклась от престола. Лишь 25 июня 1870 г., находясь в Париже и поддерживая отношения с неокарлистами. Изабелла обратилась к испанцам с письмом, объявив о своем отречении в пользу тринадцатилетнего сына Альфонса XII. Данный акт был осуществлен без формальных требований и учета реальной политической обстановки, а его юридическая чистота вызывает сомнения у исследователей.²⁹⁸

²⁹⁸ Rubio J. Los primeros años del reinado de Alfonso XII: su compleja problemática nacional e

3 октября 1868 г. Временная правительственная хунта поручила главнокомандующему Ф. Серрано формирование Правительства, на которое возлагались обязанности по «управлению государством до созыва учредительных Кортесов».²⁹⁹ В условиях нового «публичного духа» (Ф. Томас-и-Вальенте) остро встал и вопрос о форме государства³⁰⁰. Его предстояло решить в процессе обсуждения проекта Конституции, что стало предметом дискуссии в учредительных Кортесах. В декрете от 6 декабря 1868 г., определившем 11 февраля 1869 г. как дату созыва учредительных Кортесов, Временное правительство заявило о предпочтении монархии с «избранным, но не выборным» монархом.³⁰¹ В своем предвыборном Манифесте, объявленном 5 января 1869 г., демократы-республиканцы решительно заявили требование установления республиканской формы правления. В свою очередь, Временное правительство в Манифесте 11 января 1869 г. объявило, что нация, которой принадлежит суверенитет, «воздвигла трон» с присущим ему «неотъемлемым авторитетом» и «естественными прерогативами», и ее представители считают его основой порядка и «прочным столпом наших свобод».³⁰²

На выборах 15–18 января 1869 г. победу одержали сторонники конституционной монархии.³⁰³ Конституционная комиссия, состоявшая из пяти членов «Либерального союза», трех членов Демократической партии и трех прогрессистов, предложила сохранить монархическую форму правления. Депутатам конституанты была очевидна утрата престижа королевской власти во время правления Изабеллы II, а также специфические условия разработки

internacional // *Anales de Historia Contemporánea*. 2007. N 23. P. 514.

²⁹⁹ Junta provisional de Gobierno. 3 de octubre de 1868 // *Gaceta de Madrid*. Lunes, 5 octubre de 1868. Año CCVII. N 279. P. 1 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1868/279/A00001-00002.pdf>).

³⁰⁰ *Tomás y Valiente F.* Constitución: escritos de introducción histórica // *Tomás y Valiente F.* Obras completas. En 3 vol. Vol. 3. Madrid, 1996. P. 2567–2568.

³⁰¹ Decreto convocando Córtes Constituyentes y señalando los días en que se ha de proceder á la elección de los Diputados para las mismas // *Gaceta de Madrid*. N 342, lunes. 07 de diciembre de 1868 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1868/342/A00001-00002.pdf>).

³⁰² Alocución dirigida por el Gobierno Provisional á los electores // *Gaceta de Madrid*. N 12. 12 de enero de 1869 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1869/012/A00001-00001.pdf>).

³⁰³ *Martínez Cuadrado M.* La elección general para Cortes Constituyentes de 1869 // *Revista de Estudios políticos*. 1963. N 132. P. 94; *Fernández Domínguez A.* Leyes electorales españolas de diputados a cortes en el siglo XIX: estudio histórico y jurídico-político. Madrid. 1992. P. 124.

Основного закона: они учреждали “монархию без монарха, как алтарь без идола” (Л. Санчес Ахеста),³⁰⁴ желая покончить с «абсолютистским и бурбонским прошлым» Испании.³⁰⁵

20 мая 1869 г. за сохранение монархии (ст. 33) проголосовало 214 депутатов учредительных Кортесов, против – 71 депутат-сторонник республиканской формы правления.³⁰⁶ Проблема выбора вида монархии связывалась депутатами с разновидностями суверенитета. Так, депутат А. де лос Риос Росас подчеркнул отличия власти короля, базирующейся на его согласии с народом, от власти, основанной на суверенитете нации.³⁰⁷ В 1869 г. учредители выбрали второй вид и предали королевской власти характер учрежденного института, отказавшись от первого вида, при котором она бы выступала как учредительная власть.³⁰⁸ В свою очередь, республиканцы, предлагали определить монархию как «демократическую», что предполагало передачу части полномочий, ранее принадлежавших королю, народу и представлявшим его Кортесам. «Демократическая» монархия, по мнению приверженцев данной идеи, должна базироваться на народном суверенитете, всеобщем мужском избирательном праве, признании широкого спектра прав и свобод, в том числе социальных.³⁰⁹ Предложения республиканцев были частично учтены в тексте Конституции, принятой Учредительными кортесами 1 июня 1869 г., и она была промульжирована 6 июня Ф. Серрано как главой исполнительной власти.³¹⁰

Королевская власть по Конституции 1869 г. Одной из новелл Конституции

³⁰⁴ *Sánchez Agesta L.* Perfiles históricos de la monarquía constitucional // Revista de Estudios políticos. 1987. N 55. P. 18.

³⁰⁵ *Tello Lázaro J. A.* La Iglesia en el proceso constitucional español del siglo XIX. Las constituciones progresistas // Revista de Estudios políticos. 1984. N 37. P. 198.

³⁰⁶ Sesión del jueves 20 de mayo de 1869 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1869–1871. 1869. N 78. P. 2145.

³⁰⁷ Sesión del jueves 20 de mayo de 1869. P. 2145–2147 (Ibid.).

³⁰⁸ *Varela Suanzes-Carpegna J.* Política y Constitución en España (1808–1978). P. 502–503.

³⁰⁹ *Sánchez Agesta L.* Perfiles históricos de la monarquía constitucional // Revista de Estudios políticos. 1987. N 55. P. 20; *Calero A.M.* Monarquía y democracia en las Cortes de 1869. Discursos parlamentarios. Madrid, 1987. P. 22.

³¹⁰ Текст Конституции 1869 г. по изд.: Конституция Испанской монархии от 1 июня 1869 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 193-210. – Текст на исп. яз.: Constitución (1869) // Gaceta de Madrid. 7 de junio de 1869. N 158 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1869/158/A00001-00002.pdf>).

явилось отсутствие в ее тексте имени правящего монарха, что отражало реально сложившуюся ситуацию. Кроме того, личность короля объявлялась в Основном законе только «неприкосновенной и неответственной» (ст. 67), но не «священной», а указание на правление «по милости Бога» было исключено. Исходя из факта отсутствия монарха, учредители декларировали: «Если прекращается династия, находящаяся на престоле, Кортесы призывают новую, которая наиболее бы устраивала нацию» (ст. 78).

Полномочия монарха стали предметом долгих обсуждений в Учредительных кортесах.³¹¹ В окончательном тексте они представлялись, как справедливо отмечал Б. Клаверо, установленными Конституцией, а не прерогативами в силу личного права короля.³¹² Традиционные права короля в отношении Кортесов и его участие в законодательном процессе были весьма ограничены. Полномочия короля как главы исполнительной власти были тождественны тем, что имелись в текстах ранее принятых конституций. Учредители не отразили в Конституции 1869 г. фактически сложившуюся практику некоторого отделения исполнительной власти, осуществляемой Правительством, от королевской власти, и тенденцию к установлению парламентской монархии. Однако заметной новеллой стало положение, предоставившее обеим законодательным палатам право выражать вотум недоверия Правительству (ст. 53). Несмотря на то, что норма не получила развития в тексте Конституции 1869 г., факт законодательного оформления принципа «ответственного правительства» представляется важным для развития конституционных принципов взаимоотношения короля и министров, а также для эволюции конституционного статуса королевской власти в целом.

Избранный король: конституционные нормы и их реализация. В Переходных положениях Конституции 1869 г. (ст. 1) устанавливалось, что закон, который будет принят для избрания короля, рассматривается ее частью. Данная норма стала основанием для принятия учредительными Кортесами 8 июня 1870 г.

³¹¹ *Petschen S.* Iglesia–Estado. Un cambio político. Las Constituyentes de 1869. Madrid, 1974. P. 92.

³¹² *Clavero B.* Evolución histórica del constitucionalismo español. P. 83.

закона «О выборах короля», 10 июня он был промульгирован регентом Ф. Серрано.³¹³ Голосование должно было проводиться тайно путем подачи бюллетеней депутатами Кортесов, вызываемыми поименно, председателю Кортесов, который помещал их в урну (ст. 4). Избранным признавался кандидат, получивший более половины голосов; при отсутствии такого результата проводится второй тур голосования (ст. 7).

Образовавшаяся вакантность трона, стимулировала активность различных политических сил внутри страны, а также правителей Великобритании, Франции, Германии, Португалии по поиску будущего короля, гарантирующего проведение выгодной им внешней политики. Кандидатура принца Леопольда Гогенцоллерна-Зигмарингена, предложенная канцлером Северо-Германского союза Отто фон Бисмарком, вызвала резкую реакцию императора французов Наполеона III, и этот конфликт стал предлогом для начала франко-прусской войны 1870–1871 г., которая закончилась падением II Империи во Франции. Ее результаты имели большие последствия для Испании. Сохранение нейтралитета во время войны обернулось ухудшением отношений с обоими воевавшими государствами – Францией и Германией.³¹⁴

16 ноября 1870 г. Кортесы избрали королем Амадея I из Савойской династии. «За» проголосовал лишь 191 депутат из 311 присутствовавших при проведении выборов.³¹⁵ Среди противников кандидата был и А. Кановас дель Кастильо – один из идеологов будущего восстановления испанских Бурбонов на троне.³¹⁶ 2 января 1871 г. Амадей Савойский прибыл в Мадрид и принес предусмотренную присягу. Его недолгое правление ознаменовалось

³¹³ Текст закона см.: Закон от 8 июля 1870 г. «О выборах короля» / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 211–213. – Текст Закона на исп. яз. по изд.: Ley para la elección de Rey // Gaceta de Madrid. 11 de junio de 1870. N 162 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1870/162/A00001-00001.pdf>).

³¹⁴ Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. С. 146–147.

³¹⁵ Sesión del miércoles 16 de noviembre de 1870 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1869-1871. N 316. P. 9149–9150; см. подробнее: Bahamonde A., Martínez J. A. Historia de España. Siglo XIX. P. 569–570.

³¹⁶ Guerrero Latorre A., Pérez Garzyn S., Rueda Hernanz G. Historia política. 1808–1874. Madrid, 2004. P. 368.

экономическими неурядицами, политической нестабильностью, недовольством различных социальных групп, начавшейся третьей карлистской войной (1872–1876). В Испании усилилось движение республиканцев, требовавших упразднения монархии.

11 февраля 1873 г. Амадей I отрекся от престола без соблюдения нормы Конституции 1869 г. об издании специального закона, уполномочивающего короля на отречение (ст. 74.7). Он лишь вручил председателю Правительства письмо, обращенное к Конгрессу депутатов, в котором отказался от короны и «вернул» ее нации, выказавшей ему высокое доверие.³¹⁷ После этого Амадей покинул страну, действием подкрепив свое заявление.

Исполнительная власть Первой Испанской республики. По получении 11 февраля 1873 г. королевского заявления с отречением обе палаты испанских Кортесов обменялись посланиями, в которых выразили желание объединиться и образовать Национальное собрание – суверенные Кортесы – с учредительной миссией.³¹⁸ Собравшиеся единогласно одобрили обращение «Национального собрания к Его Величеству Королю Дону Амадею I», в котором, ссылаясь на «суверенный» характер Кортесов испанской нации, напоминали о принципе национального суверенитета, лежавшего в основе конституционного статуса монарха. При этом в документе был использован термин «глава государства». Члены собрания напомнили отрекшемуся королю, что он является «персонификацией суверенитета, первой властью, действующей в рамках законов». Национальное собрание заявило, что, когда «испанский народ» преодолеет все трудности, он второй раз «не сможет вручить Его Величеству корону», но будет готов предоставить иные почести гражданина «под сенью независимого и свободного народа».³¹⁹

В ответ на отречение короля комиссией из шести депутатов (в нее вошли Ф.

³¹⁷ Abdicación de Amadeo I // Gaceta de Madrid. 1873 (12 de febrero). N 43 (URL:<http://delosocialmuchomas.blogspot.ru/2014/09/abdicacion-de-amadeo-i-y-proclamacion.html>); Sesión del lunes 10 de febrero de 1873 // Diario de sesiones de la Asamblea Nacional. Legislatura 1873. N 1. P. 28–29.

³¹⁸ Ibid. P. 30–31.

³¹⁹ Ibid. P. 32–33.

Пи-и-Маргаль, Н. Салмерон и Э. Фигерас) был подготовлен проект закона. В нем было указано, что Национальное собрание «обладает всей полнотой власти», а республика является «формой правления нации». Также было объявлено, что Исполнительная власть будет сформирована самими Кортесами, будет ответственна перед ними и может быть ими смещена.³²⁰ Данный акт был поставлен на голосование и принят 258 голосами против 32.³²¹ Главой сформированного Правительства, состоявшего из девяти членов и названного «Исполнительной властью» (*Poder ejecutivo*), являлся «председатель Исполнительной власти» (*Presidente del Poder ejecutivo*). В период Первой Республики на данную должность избирались Э. Фигерас-и-Морагас, главный идеолог испанского республиканского федерализма Ф. Пи-и-Маргаль, Н. Салмерон, Э. Кастелар. Все они, как отметил историк Р. Карр, «были уважаемыми юристами и преподавателями университетов, интеллектуалами, которые ненавидели насилие»³²². Они не были единомышленниками, что отразилось в различиях политики, проводимой каждым из них. Примечательно, что в литературе их нередко называют президентами республики.

Отказ от монархии был подтвержден актом созванных в июне 1873 г. однопалатных Учредительных кортесов, состоявших главным образом из республиканцев-федералистов.³²³ После обширной дискуссии они декларировали: «Формой правления испанской нации является федеративная демократическая республика».³²⁴ Республика была установлена в обстановке нецелесообразности сохранения монарха во главе государства, и она рассматривалась как необходимое условие федерализации Испании, которая стала предметом

³²⁰ Ibid. P. 34; Предложение закона, провозгласившего республику / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 214.

³²¹ Sesión del lunes 10 de febrero de 1873. P. 47–49. – См. подр.: Ferrando Badía J. La primera república española. Madrid, 1973. P. 140–141.

³²² Carr R. España. 1808–1975. Barcelona, 1992. P. 317–318.

³²³ Esteban J. (de). Las Constituciones de España. Madrid, 2000. P. 32. Результаты выборов по подсчетам историков отражали мнение лишь 60 % испанцев, принявших в них участие (Martínez Cuadrado M. Elecciones y partidos políticos en España, 1868–1931. En 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1969. P. 200).

³²⁴ Sesión del domingo 8 de junio de 1873 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española de 1873. N 9. P. 102–103. – Лишь два депутата проголосовали «против».

обсуждения в стране еще в начале 1840-х годов.³²⁵ Однако к моменту начала деятельности Кортесов социально-политическая ситуация в Испании явно не способствовала конституционным преобразованиям. Поскольку, отметили Э. Лависс и А. Рамбо, «северная часть страны почти целиком была объята волнением – население стояло за дона Карлоса; Барселона требовала для себя автономии».³²⁶ А некоторые регионов объявили о намерении стать суверенными.

Тенденция к завершению республиканского периода явно обнаружилась в январе 1874 г., когда председатель Исполнительной власти Э. Кастелар предложил объявить вне закона генерала Павиа, пытавшегося совершить государственный переворот путем незаконного роспуска кортесов.³²⁷ Однако в результате дебатов было принято решение о выражении вотума недоверия Исполнительной власти во главе с Э. Кастеларом и ее отставке.³²⁸ Новый председатель Ф. Серрано 8 января 1874 г. подписал декрет о роспуске Кортесов.³²⁹ Все эти действия сопровождались обычной для Испании риторикой о выводе страны из состояния анархии и восстановлении правопорядка.

Президентская власть в Конституционном проекте 1873 г. Конституционная комиссия под председательством Э. Кастелара через месяц после ее создания подготовила проект Основного закона с вводной запиской. В ней пояснялось, что президентская власть является «примиряющей (*mediador*) среди других властей» и «сдерживающей (*moderador*) в сложном механизме федеральной Конституции»³³⁰. Однако обсуждение конституционного проекта, начавшееся 11 августа 1873 г., продолжалось только три дня, ежедневно в течение

³²⁵ Elorza A. Las ideas políticas // Enciclopedia de Historia de España. T. 3. Madrid, 1988. P. 177.

³²⁶ История XIX в. / под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. В 8 т. Т. 7. М., 1939. С. 318.

³²⁷ Sesión del viernes 2 de enero de 1874 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1873–1874. N 99. P. 2517 (URL: https://app.congreso.es/est_sesiones).

³²⁸ Sesión del viernes 2 de enero de 1874 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1873–1874. N. P. 2518 - 2519.

³²⁹ Decreto declarando disueltas la Cortes Constituyentes de 1873 del 8 de enero 1874 // Gaceta de Madrid. 9 de enero de 1874. N 9. P. 70 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1874/009/A00070-00070.pdf>).

³³⁰ Dictamen de la mayoría de la Comisión. Proyecto de Constitución federal de la República española. P. 2; О социально-политических взглядах Ф. Пи-и-Маргалья на русском языке см.: Темкин В.А. Франсиско Пи-и-Маргаль как теоретик испанского федерализма // Проблемы испанской истории / отв. ред. С.П. Пожарская. М., 1987. С. 130–145.

одного – двух часов. При этом, с горечью отметил Ф. Пи-и-Маргаль, у учредителей уже явно «не было желания и намерения» продолжать дискуссию.³³¹

В конституционном проекте федеративная республика понималась как форма государства (ст. 39). Испания объявлялась федерацией, состоящей из государств – *estados* (ст. 1).³³² В связи с этим более многопланово был представлен и принцип разделения властей. Прежде всего, в связи с признанием трех уровней осуществления государственной власти: общенационального, регионального и муниципального (ст. 40, 43). Новеллой стало выделение на федеральном уровне четырех ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной и власти, их связующей (ст. 45). Последняя вручалась не королю, а президенту федеративной республики (ст. 49). В отличие от монарха, он рассматривался в качестве высшего должностного лица, избираемого на определенный срок, а вручаемая власть не была основана на его личном праве. Поэтому проект предусматривал его замещение вице-президентом в указанных случаях: смерти, длительной болезни или вынесения в отношении него судебного приговора (ст. 82).

Авторы конституционного проекта 1873 г. явно заимствовали наименования вводимых должностей, принципы и отдельные положения Конституции США (ст. 2, XII поправка 1804 г.). Срок президентских полномочий устанавливался в четыре года, как и по Конституции США. При этом было четко указано: переизбрание президента на новый срок не допускалось (ст. 81). В тексте были представлены только два требования, предъявляемые к кандидату в президенты: испанское гражданство и достижение 30-летнего возраста (ст. 81). Отдельный раздел XII «О выборах президента и вице-президента» содержал правила проведения выборов (ст. 83–91). Как и в США, они были непрямыми.

Президент федеративной республики – так называлась должность, которую предполагалось ввести в Испании в 1873 г. В отличие от президента США он

³³¹ *Pi y Margall F.* La República de 1873: apuntes para escribir su historia. Madrid, 1874. P. 36.

³³² Конституционный проект 1873 года / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 214–213.

не рассматривался как глава исполнительной власти, но как субъект «связующей» или президентской власти (*poder de relación* или *poder presidencial*) (ст. 81). Ее содержание определялось через перечисление должностных полномочий (ст. 82). Они свидетельствовали о том, что президентская власть должна была обеспечить функционирование государственной власти, в определенном смысле разделенной как «по вертикали», так и «по горизонтали», и стать объединяющим началом и связующим центром испанской государственности. Авторы проекта также предлагали признать: президент «олицетворяет верховную власть и достоинство нации».

Проект 1873 г. не был принят учредителями и не стал конституцией, но он оставил неизгладимый след в истории испанского конституционализма, в том числе в части разделения «связующей» власти и поста президента, ее осуществляющего, с исполнительной властью и главой Правительства.

Королевская власть в период реставрации Бурбонов. Приход к власти Альфонса XII по окончании периода Первой Республики ознаменовал собой начало нового конституционного периода – Реставрации Бурбонов. В очередной раз в политической истории Испании армия продемонстрировала свою решающую роль. 29 декабря 1874 г. военные в ходе пронунсиамента близ Валенсии, выразили одобрение желания бывшей королевы Изабеллы II передать трон ее сыну Альфонсу XII. Военные – сторонники реставрации (*alfonsistas*) – заявили о вручении власти «либеральному консерватору» А. Кановасу как его официальному представителю. 31 декабря 1874 г. он подписал декрет от имени «провозглашенного нацией и армией короля дона Альфонса де Бурбона-и-Бурбона» о формировании министерства-регентства под своим председательством.³³³ В декрете было указано, что оно будет управлять королевством до прибытия в Мадрид Альфонса де Бурбона. В день его приезда в

³³³ Decreto nombrando las personas que han de formar el Ministerio-Regencia que ha de gobernar el Reino hasta la llegada á Madrid del Rey D. Alfonso // Gaceta de Madrid. 31 de diciembre de 1874 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1874/365/A00843-00843.pdf>).

Испанию, 9 января 1875 г.,³³⁴ был подписан декрет о назначении А. Кановаса председателем Совета министров.³³⁵ 14 января Альфонс XII прибыл в Мадрид. А в 1876 г. после участия в боевых действиях, завершивших третью карлистскую войну, он победоносно вернулся в столицу, став в представлении общества королем «миротворцем» (*Rey Pacificador*).

Для обоснования необходимости восстановления Бурбонов на троне была востребована идея «исторической» конституции. Ее приверженцем был Г.М. де Ховельянос, ею была пронизана Предварительная записка конституционной комиссии Генеральных и чрезвычайных кортесов в 1811 г., а позднее из нее исходили умеренные и консервативные испанские либералы.³³⁶ Идея «исторической» конституции получила развитие благодаря влиянию «французских доктрин, немецкого романтического историзма, а также социологического реализма.³³⁷ А. Кановас ввел в современной ему политический лексикон термин «внутренняя» конституция, заменив им «историческую» конституцию. Ее базовыми элементами являются король и Кортесы, им принадлежит суверенитет, и поэтому они могут свободно принимать решение о «конституционной форме», которая должна согласовываться с наследственным принципом замещения власти.³³⁸

Для подготовки новой конституции 20 мая 1875 г. Правительством было созвано собрание, состоявшее из всех сенаторов и депутатов за последние 30 лет,

³³⁴ Telegramas. Barcelona, 9 (de enero de 1875) // Gaceta de Madrid. 10 de enero de 1875 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1875/010/A00083-00083.pdf>).

³³⁵ Real Decreto nombrando el Presidente del Consejo de Ministros y ministros // Ibid.

³³⁶ Г.М. Ховельянос считал, что конституция не является «искусственным образованием, привнесенным в общество деятельностью законодателей, но производным от реальной действительности документом, отражающим в полном объеме жизнь народа, включая его обычаи, религию, а также климат, в условиях которого он пребывает и строит свою повседневность». По содержанию же она представлялась «совокупностью фундаментальных законов, которые фиксировали права монарха и его подданных, а также благодетельные способы сохранения этих прав» (*Суховерхов В.В.* Г.М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012. С. 262).

³³⁷ *Varela Suanzes-Carpegna J.* La doctrina de la Constitución histórica de España // Fundamentos: cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2010. N 6. P. 310, 316, Rexach, P. 298.

³³⁸ Sesión de 11 de marzo de 1876 // Diario de las sesiones Cortes Congreso de los Diputados. Legislatura 1876–1877. N 20. P. 363.

в него вошло 579 человек. Оно единогласно одобрило предложение о необходимости поддержать короля Альфонса XII.³³⁹ Данное собрание сформировало комиссию из 39 человек («комиссия благородных»), которая разработала основы будущей конституции. В Манифесте Комиссии «благородных» подчеркивалось единогласие ее членов в том, чтобы «оставить вне дискуссии основные атрибуты наследственной монархии» и признать за короной весь присущей ей «блеск».³⁴⁰ Отредактированный проект Конституции позднее был направлен в Правительство и 27 марта 1876 г. внесен А. Кановасом в Кортесы. После принятия Конституции их обеими палатами 30 июня 1876 г. она была промульгирована королем.³⁴¹

Статус короля по Конституции 1876 г. соответствовал представлению о конституционном монархе. При этом имелась важная новелла, отраженная в названии раздела, который впервые был назван «О короле и его министрах» (вместо прежних - «О короле» и «О министрах»).

Несмотря на текстуальное сходство положений конституций 1845 г. и 1876 г., практика их реализации оказалась весьма различной. В процессе применения норм Конституции 1876 г. сложилась «реставрационная система», ставшая характерной чертой политико-правового развития Испании в последней четверти XIX – начале XX вв. Исследователи обращали внимание на то, что «феномен Реставрации» не может быть понят вне связи и контекста политической ситуации в Европе. Они отмечают стабильность существовавших в то время режимов в Западной Европе, а в Испании - наметившуюся тенденцию к формированию государственного строя по английскому образцу,³⁴² к установлению соответствия

³³⁹ Conde E. La Constitución Española de 30 de junio de 1876: Cuestiones previas // Revista de Estudios Políticos. 1978. N 3. P. 87.

³⁴⁰ Manifiesto de los notables. 9 enero de 1876 // Artola M. Partidos y programas políticos, 1808–1936. T. 2: Manifiestos y programas políticos. Madrid, 1991. P.113.

³⁴¹ Текст Конституции 1876 г. по изд.: Конституция испанской монархии от 30 июня 1876 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 230-244. – Текст на исп.яз. по изд.: Constitución de la Monarquía Española (1876) // Gaceta de Madrid. 2 de julio de 1876. N 184 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1876/184/A00009-00012.pdf>).

³⁴² Исследователь из Мексики отметила, что политический режим во Франции, как и режим в других государствах Западной Европы, в это время испытывал вдохновляющее влияние парламентаризма и политических институтов Великобритании (*Lions Signoret M. Algunos aspectos del*

политических институтов не только парламентской демократии, но и экономическим и социальным особенностям эпохи, прежде всего, усилившемуся рабочему движению, которое с 1864 г. стала частью международной организации – Интернационала.³⁴³

По мнению А. Кановаса, устойчивость монархии должна была обеспечиваться двухпартийной системой и сменой правительств, формируемых, как в Великобритании, из представителей партии, победившей на выборах в Кортесы (консервативную возглавлял А. Кановас, либеральную – П. Сагаста).³⁴⁴ Следует отметить, что в течение значительного времени в оппозиции, которая, по оценке П. Вилара, «практически не имела реального влияния», находились карлисты и республиканцы.³⁴⁵

После смерти А. Кановаса (1897 г.) и П. Сагасты (1903 г.) созданную систему ожидало испытание, и она оказалась неспособной противостоять экономическому кризису, коррупции и регионализму.³⁴⁶ Кроме того, важным фактором стала «катастрофа 1898 г.», потеря Испанией последних заокеанских владений. Общество волновали «мысли о прошлом величии и исторической миссии Испании».³⁴⁷

Пакт Пардо. Важный эпизод в истории королевской власти в Испании имел место 24 ноября 1885 г., за несколько часов до смерти Альфонса XII, не имевшего на тот момент наследника. Это обстоятельство исключало реализацию норм Конституции 1876 г. о наследовании трона после его приближающейся кончины. Для предотвращения социальных волнений и политического кризиса в стране А. Кановас и П. Сагаста как ответственные политики и лидеры двух наиболее значительных партий, консервативной и либеральной, договорились в Пардо о решении вопроса о преемстве короны. После смерти Альфонса XII регентшей

constitucionalismo francés contemporáneo. Xalapa, 1959. P. 16).

³⁴³ Ubieto A., Regla J., Jover J.M., Seco C. Introducción a la Historia de España. P. 721–723.

³⁴⁴ López Sánchez C. La soberanía compartida de 1876 frente a la soberanía nacional de 1812 // Revista de Historiografía. 2014. N 20. P. 192, 196; Artola M. Partidos y programas políticos, 1808–1936. T. 1. C. 337.

³⁴⁵ Вилар П. История Испании. М., 2006. С. 99.

³⁴⁶ Alonso A.M., Rubio Nuñez R. Fuentes para la Historia del constitucionalismo español: Colección bibliográfica de la Universidad Complutense de Madrid. М., 2006. P. 78.

³⁴⁷ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. С. 443.

королевства стала его вдова Мария Кристина. Она должна была гарантировать надлежащее функционирование введенной двухпалатной системы, предполагавшей смену консервативной и либеральной партий у власти, и обеспечить прочность установленной конституционной монархии³⁴⁸.

Сын короля, родившийся уже после смерти отца, последовавшей 25 ноября 1885 г., был сразу же провозглашен королем Альфонсом XIII в день своего рождения 17 мая 1886 г. Конституция 1876 г. признала 16-летие возрастом совершеннолетия монарха. Достигнув его 17 мая 1902 г., Альфонс XIII стал правящим королем. До этого дня имело место регентство его матери.

Диктатура М. Примо де Риверы. Кризисные явления служили благодатной почвой для созревания основы деятельности «железного хирурга». Таковым стал генерал М. Примо де Ривера. Его восхождение к власти началось антиправительственным выступлением в Барселоне 13 сентября 1923 г., в результате которого он объявил военное положение в Испании и потребовал от Альфонса XIII отправить Правительство в отставку. Действия генерал-капитана историки квалифицируют как совершенный им государственный переворот.³⁴⁹ В исторической и политологической литературе применительно к установленному режиму личной власти традиционно используют термин «диктатура»,³⁵⁰ однако с формально-юридической точки зрения это некорректно. Во время правления М. Примо де Риверы выделяются два периода: военной директории (1923–1925), президентом которой он был назначен, и гражданского правления (1925–1930), когда он занял пост председателя Совета министров.

Королевским декретом от 15 сентября 1923 г.³⁵¹ генерал-лейтенант Мигель

³⁴⁸ Casado Sánchez A., Moreno Seco M. María Cristina de Borbón y María Cristina de Habsburgo: dos regentes entre los modos aristocráticos y los burgueses // Historia y política. 2014. N 31. P. 125.

³⁴⁹ Morales Díaz D. El golpe de estado de Primo de Rivera a través de la prensa nacional. Un análisis comparativo // Revista Historia Autónoma. 2018. N.12. P. 172.

³⁵⁰ История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. М., 2014. С. 487.

³⁵¹ Real Decreto de 15 de septiembre de 1923 confiriendo al Teniente general D. Miguel Primo de Rivera y Orbaneja, Marqués de Estella, el cargo de Presidente del Directorio Militar; determinando la forma en que queda constituido dicho Directorio; suprimiendo los cargos de Presidente del Consejo de Ministros, Ministros de la Corona y los de Subsecretario de la Presidencia y de los demás Ministerios; Real Decreto de 15 de septiembre de 1923 confiriendo a D. Miguel Primo de Rivera la Presidencia del Directorio Militar, y

Примо де Ривера-и-Орбанеха (маркиз де Эстелла) был назначен «президентом военной директории», на которую возлагалось управление государством с полномочиями предлагать королю для издания декреты, имеющие силу закона (ст. 1). В состав директории также входили в качестве ее членов: бригадные генералы от каждого региона страны и контр-адмирал военно-морских сил (ст. 2). Президент директории, наделяемый функциями единственного министра, представлял королю на подпись предварительно рассмотренные директорией решения по всем вопросам управления (ст. 3). Должности председателя Совета министров и министров короны были упразднены (ст. 4). В стране были созданы все условия для установления единовластия и полновластия М. Примо де Риверы.

Однако социально-политическая обстановка в стране изменялась, и в 1925 г. возникли основания для развития действующего режима в направлении «гражданской директории». ³⁵² Королевским декретом от 3 декабря 1925 г. ³⁵³ был упразднен институт военной директории, восстановлены должности председателя Совета министров, которую занял М. Примо де Ривера, и министров короны.

В Национальную ассамблею, созданную в 1927 г. как орган корпоративного представительства, 6 июля 1929 г. был внесен конституционный проект. ³⁵⁴ В данном проекте было зафиксировано: «Испания является нацией, конституированной в политически унитарное государство. Ее форма правления – конституционная монархия» (ст. 1). Впервые в истории испанского законодательства в документе был использован термин «глава государства» в связи с запретом королю «становиться главой другого государства» (ст. 38). Однако применительно к Испании монарх не был определен как глава государства, но как король. Согласно проекту, в котором система высших органов власти не была организована на базе принципа разделения властей, королю

suprimiendo el Consejo de Ministros (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1923/259/A01114-01114.pdf>).

³⁵² Barrio A. La modernización de España (1917–1939). Política y sociedad. Madrid, 2004. P. 83.

³⁵³ Real Decreto de 3 de diciembre de 1925 restaurando el Consejo de Ministros // Gaceta de Madrid. N 338. 04 de diciembre de 1925. P. 1219 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1925/338/A01219-01219.pdf>).

³⁵⁴ Sesión plenaria celebrada el sábado 6 de julio de 1929 // Diario de las sesiones. Asamblea nacional. N 48. P. 797. – Текст Проекта: Constitución de la Monarquía Española // Apéndice 1 al N 48 (URL:http://www.congreso.es/docu/PHist/docs/06asam/DSapendice1_1929.pdf).

вручалось три вида функций (ст. 43): 1) сдерживающая; 2) участие в законотворчестве; 3) организация исполнения законов (в области управления внутри страны и при осуществлении внешней политики, а также забота об осуществлении правосудия). Сдерживающая функция (в ст. 44 также использовался термин «сдерживающая власть» – *poder moderador*) предполагала осуществление королем «прерогатив, которые требовались для поддержания независимости и гармонии всех властей» в соответствии с Конституцией. Новеллой являлась и идея учреждения Совета королевства, предназначенного помогать «сдерживающей власти» в реализации ее полномочий. Король был определен в тексте как Верховный глава исполнительной власти (*Jefe Supremo del Poder Ejecutivo*), и она осуществлялась с «обязательным участием ответственных министров» (ст. 68). В целом конституционный проект 1929 г. отражал стремление к установлению парламентской монархии.

Исследователь А.В. Шубин отмечает «устойчивость режима» лишь до 1929 г., когда «от Примо отвернулись даже правые политики» и военные.³⁵⁵ 28 января 1930 г. он обратился к Альфонсу XIII с просьбой об отставке.³⁵⁶ 30 января она была удовлетворена.³⁵⁷ Новый глава Правительства должен был позаботиться о восстановлении действия Конституции 1876 г. и обеспечить проведение выборов в Кортесы, однако данные задачи не были выполнены.

Примечательно, что предпосылками наметившейся в Испании в 1869 – 1931 гг. тенденции установления парламентской монархии и формирования института главы государства, отличного от главы исполнительной власти стали конкретно-исторические обстоятельства, вызвавшие фактическое осуществление исполнительной власти правительствами в отсутствие короля (до избрания Амадея I; в период Первой Республики; после нее, до появления на престоле Альфонса XII), а также М. Примо де Риверой - председателем директории, а затем

³⁵⁵ Шубин А.В. Великая испанская революция. М., 2013. С. 28–29.

³⁵⁶ Vera Santos J.M. Primo de Rivera: de la monarquía decadente a la deseada “república”. Madrid, 2019. P. 75–77.

³⁵⁷ Real decreto admitiendo la dimisión del cargo de Presidente del Consejo de Ministros a D. Miguel Primo de Rivera y Orbaneja, Marqués de Estella. N 270 // Gaceta de Madrid. N 31. 31 de enero de 1930 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1930/031/A00763-00763.pdf>).

и главой Совета министров. Кроме того, указанная тенденция к институционализации главы государства проявлялась и юридически: Конституции 1869 г., усилившая роль кортесов в политической жизни, закрепила выборность следующего короля, право Кортесов выразить Правительству вотум недоверия. В свою очередь, в период Реставрации все большая удаленность монарха от рычагов управления обеспечивалась конституционной практикой. В доктринальном отношении свой вклад внесли авторы проектов основных законов: в конституционном проекте федеративной испанской республики президенту вручалась «связующая» власть, которая должна была существовать наряду с законодательной, исполнительной и судебной. В проекте М. Примо де Риверы впервые обнаружилась попытка ввести в законодательство термин «глава государства» и «избавить» короля посредством Совета министров от реализации закрепленных за ним полномочий, среди которых появилась «сдерживающая» власть.

Глава 3. Развитие института главы государства в Испании с 1931 г. – до конца XX в.

§ 1. Институт президентской власти Второй Республики

Председатель Временного правительства – временный глава государства в 1931 г. 12 апреля 1931 г. в Испании состоялись муниципальные выборы. Все испанские историки единодушны в выводе о победе республиканцев в большинстве главных городов провинций.³⁵⁸ Эта победа положила начало масштабным политико-правовым преобразованиям в стране. Выборы стали фактическим плебисцитом по вопросу о сохранении монархии, и ответ оказался отрицательным.³⁵⁹ 15 апреля король покинул Испанию. В обращении, опубликованном 17 апреля в мадридской газете “ABC”, он сослался на отсутствие «любви народа», однако не отрекся «ни от одного из своих прав» и заявил лишь о приостановке осуществления власти³⁶⁰. Об отречении в пользу сына Хуана Альфонс XIII заявил в Риме лишь 15 января 1941 г.

14 апреля 1931 г. Революционный комитет издал декрет, в котором объявил, что Временное правительство республики «взяло власть» в стране и заняло место, определенное народом, а председатель Временного правительства республики приступил к реализации функции института главы государства.³⁶¹ Так впервые в революционном законодательстве появился термин *Jefatura del Estado*, обозначающий не лицо, занимавшее определенный пост, а новый государственный институт, призванный заменить королевскую власть в условиях, когда король не отрекся от трона. Его функции должен был реализовывать председатель

³⁵⁸ В литературе приводятся весьма различные, не совпадающие между собой, цифры, отражающие результаты выборов, что отметил М. Артола (*Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. En 2 t. T. 1. P. 597*).

³⁵⁹ Santos J. La Constitución de 1931. Madrid, 2009. P. 208.

³⁶⁰ El texto del documento que el Rey entregó al presidente del último Consejo de ministros, capitán general Aznar // “ABC”. Madrid. 17 de abril de 1931. P. 3 (URL: <https://www.abc.es/archivo/periodicos/abc-madrid-19310417.html>).

³⁶¹ Decreto del Comité político de la República, nombrando Presidente del Gobierno provisional de la República a D. Niceto Alcalá-Zamora y Torres . 15 de abril, 1931 // Gaceta de Madrid. N 105. 15 abril 1931. P. 193 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1931/105/A00193-00193.pdf>).

Временного правительства. Эту должность занимал Н. Алькала Самора (14 апреля по 14 октября 1931 г.), а затем М. Асанья Диас до 10 декабря 1931 г. Временное правительство объявило выборы в однопалатные Учредительные кортесы. Они прошли 28 июня и завершились победой сторонников республиканской формы правления: из 470 избранных лишь 51 депутат не разделял республиканские идеи.³⁶²

Конституция Испанской республики – юридическая основа президентской власти. Однопалатные Учредительные кортесы, открывшие свои заседания 14 июля 1931 г. – в день взятия Бастилии, 28 июля 1931 г. сформировали конституционную комиссию.³⁶³ В основу ее деятельности был положен проект, разработанный в мае-июне 1931 г. подготовительной юридической комиссией при Министерстве юстиции. Раздел V (ст. 51-65) проекта был посвящен статусу президента.³⁶⁴ 18 августа конституционная комиссия представила Учредительным кортесам проект конституции, в котором президентской власти было посвящено большее количество статей раздела V (ст. 65-84).³⁶⁵ 9 декабря 1931 г. Учредительные кортесы приняли Конституцию.³⁶⁶ 10 декабря она была промульгирована и опубликована.³⁶⁷

Наименование должности главы государства термином «президент республики» соответствовало установленной в Конституции республиканской

³⁶² *Tuñón de Lara M.* Coyuntura histórica española de 1930–1931 // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31–32. P. 54; *Tusell Gómez J., Ruiz Manjón O., García Queipo de Llano G.* Constituyentes de 1931 // Revista de Derecho Político. 1982. N 13. P. 177.

³⁶³ Sesión celebrada el día 28 de julio de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. T. I. № 10. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. P. 190.

³⁶⁴ Текст проекта подготовительной комиссии: Anteproyecto de la Constitución de la República española [1931] (URL:http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anteproyecto-de-constitucion-de-la-republica-espanola-de-1931/html/490eae19-ba06-405a-9428-b6cbef5c2f12_2.html#I_11_).

³⁶⁵ Текст проекта конституционной комиссии: Proyecto de Constitución // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española (18 de agosto de 1931). Legislatura 1931-1933. Apéndice cuarto al N 22. T. I. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. P. 7-9.

³⁶⁶ Конституция была одобрена всеми 368 депутатами, присутствовавшими на заседании (из 466 депутатов по списку 98 отсутствовали) (Sesión celebrada el día 9 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 88. P. 2907–2910).

³⁶⁷ Текст Конституции 1931 г. по изд.: Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 244–273. – Текст Конституции 1931 г. на исп. яз.: Constitución de la República española // Gaceta de Madrid N 344. 10 de diciembre de 1931 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1931/344/A01578-01588.pdf>).

форме правления. В первой части первой статьи Испания объявлялась «демократической республикой трудящихся всех классов». Отход от «традиционной формы государства» (М. Пилар Вильябона)³⁶⁸ проявился и в провозглашении государственного устройства Испании в виде «интегральной» (единой, целостной, неделимой) республики, но «совместимой с автономией муниципий и регионов» (ч. 3 ст. 1). Однако специализированного участия президента в функционировании сложного механизма «государства региональных автономий» (термин Г. Амброзини)³⁶⁹ не предусматривалось.

Статус президента получил оформление в разделе V (ст. 67–85), который следовал за разделом, посвященным однопалатным Кортесам (Конгрессу депутатов). Его название - «Президентская власть Республики» (*Presidencia de la República*), - предложенное подготовительной комиссией Минюста, отличалось от термина, обозначавшего должность единоличного государственного органа – президента Республики (*Presidente de la República*). Юридическими источниками Конституции 1931 г. в данной части явился конституционный опыт различных современных ей государств: главным образом, Германии (Веймарской конституции 1919 г.) и Франции (конституционные законы Третьей Республики). Также учредители учитывали опыт Соединенных Штатов Америки, Соединенных Штатов Мексики 1917 г., РСФСР 1918 г., Чехословакии 1920 г.,³⁷⁰ Австрийской республики 1920 г. (с изменениями 1929 г.). Членами комиссии был учтен и опыт национальных основных законов Испании 1812, 1869 и проекта 1873 г. Впервые в истории испанского конституционализма учредитель применил в Основном законе термин «глава государства» для определения сути статуса президента, который «олицетворяет собой нацию» (ст. 67). Данная формулировка статьи была предложена еще подготовительной юридической комиссией Минюста,

³⁶⁸ *Pilar Villabona M.* La Constitución mexicana de 1917 y la Constitución española de 1931 // *Revista de Estudios Políticos*. 1983. N 31–32. P. 199.

³⁶⁹ *Ambrosini G.* Un tipo intermedio di Stato tra l'unitario e il federale caratterizzato dall'autonomia regionale // *Rivista di Diritto Pubblico e della pubblica amministrazione in Italia*. Roma, 1933. N 25/1. P. 93.

³⁷⁰ Близкой испанскому тексту было положение Конституции Чехословакии: «Чешско-Словацкое государство есть демократическая республика, во главе которой стоит выборный президент» (пар. 2) // Конституция Чехословацкой республики / Вступ. ст. Э. Марэк // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М., Л., 1936. С. 12–39.

воспроизведена в тексте проекта конституционной комиссии, поставленного на голосование, и принята 3 ноября 1931 г. без дискуссии.³⁷¹

Конституция Испании, как и конституционное законодательство Германии 1919 г. и Франции периода Третьей Республики, не вводила должность вице-президента республики. Вместе с тем, в проекте подготовительной комиссии предусматривалось избрание вице-президента одновременно с президентом и при соблюдении всех правил, установленных для выборов главы государства (о сроке полномочий, принесении клятвы, требованиях, предъявляемых к кандидату) (ст. 58). Авторы проекта исходили из необходимости предотвратить отсутствие лица, осуществляющего президентскую власть. Согласно проекту, представленному Кортесам конституционной комиссией, вице-президент приступал к исполнению президентских обязанностей в случае возникновения причин, исключающих исполнение главой государства своих функций, его смерти, отставки или смещения в должности, при этом в течение 15 дней объявлялись выборы (ст. 73). Вместе с тем, было полностью заимствовано положение об одновременном избрании президента и вице-президента (ст. 72).³⁷²

На заседании Учредительных кортесов 3 ноября 1931 г. председатель конституционной комиссии объявил об отказе от введения должности вице-президента. Согласно измененному предложению комиссии в случае необходимости (при возникновении «временных препятствий к исполнению президентом его обязанностей или его отсутствию», при вакантности президентского поста) президентские обязанности исполняет председатель Кортесов при этом в последнем случае в восьмидневный срок должны быть объявлены выборы.³⁷³ Данное предложение стало предметом острых дебатов в Кортесах, в том числе и в связи с опасением чрезмерной концентрации власти у

³⁷¹ Данная формулировка была принята без дискуссии (Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 67. P. 2080).

³⁷² Proyecto de Constitución // Sesión celebrada el día 18 de agosto de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1931-1933. T. I. Apéndice cuarto al N° 22. P. 7-8.

³⁷³ Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 67. P. 2086.

одного лица, путем объединения в его персоне функции президентской власти и полномочий председателя органа законодательной власти; это создавало, по мнению многих депутатов, условие для установления диктатуры.³⁷⁴ Предложение конституционной комиссии было поддержано и дополнено требованием проведения президентских выборов в течение 30 дней (ст. 74). Тем самым, с одной стороны, подчеркивалось отсутствие какой бы то ни было связи с прежней функцией короля по осуществлению исполнительной власти, и, с другой стороны, было отражено стремление не допустить усиления института президентской власти и развития самостоятельности главы государства.

Срок президентства. Конституция 1931 г. установила шестилетний срок полномочий президента (ч. 1 ст. 71), тем самым было воспринято изначальное предложение подготовительной комиссии (ст. 55 проекта) и его заимствование конституционной комиссией (ст. 69 проекта). Следует отметить, что президенты Франции, Польши (по Конституции 1921 г.), Чехословакии, Германии избирались на семь лет, президенты Австрийской республики, Уругвая (по Конституции 1917 г.), Соединенных Штатов Мексики – на четыре года. Президент Финляндии по Конституции 1919 г., как и испанский президент, осуществлял свои полномочия в течение шести лет. Депутат Учредительных кортесов Н. Перес Серрано оценил шестилетний срок президентства как средний срок, который позволял осуществлять разумную деятельность и не создавал «угрозу цезаризма».³⁷⁵

Продолжительный срок занятия поста компенсировался обязательной сменяемостью президента по окончании мандата (ч. 2 ст. 71), что воспроизводило предложение авторов проектов, созданных подготовительной и конституционной комиссиями (ст. 55 и ч. 2 69, соответственно). Лицо могло быть вновь избрано президентом лишь по истечении шести лет с момента окончания первого срока.

³⁷⁴ Например, опасения высказал депутат Ройо Вильянова: Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 67. P. 2087.

³⁷⁵ Pérez Serrano N. La Constitución Española (9 diciembre 1931). Antecedentes. texto. comentarios. Madrid, 1932. P. 251.

Данного ограничения не было установлено ни в Германии, ни во Франции, где президент мог переизбираться на новый срок.³⁷⁶ Очевидно, испанские учредители заимствовали положение Конституции Французской республики 1848 г. (ст. 45),³⁷⁷ опасаясь превращения главы государства в монарха и стремясь исключить данную возможность.

Выборы президента. Проект подготовительной комиссии предусматривал выборы президента собравшимися вместе Конгрессом депутатов и Сенатом, образующими Национальную ассамблею (ст. 52). Такой порядок был сходен с порядком избрания президента, установленного второй статьей Конституционного закона Франции об организации государственных властей от 25 февраля 1875 г. Но он сделал бы президента изначально зависимым от Парламента, что не соответствовало идее наделения главы государства прежде всего «сдерживающими» полномочиями в отношении других высших государственных органов. Поэтому указанный подход был заимствован только для избрания первого президента (ст. 1 переходных положений).

Проект, разработанный конституционной комиссией Кортесов, предполагал всеобщие, равные, прямые выборы при тайном голосовании (ст. 66), как это было предусмотрено и Конституцией Германской империи 1919 г. (ст. 41). Однако депутаты опасались, что президент, опирающийся непосредственно на поддержку народа, может стать «проводником» реставрации монархии, и они отказались и от данного предложения.³⁷⁸ В связи с этим, по образному выражению Н. Перес Серрано, исчезло «непосредственно народное происхождение» главы государства.³⁷⁹ Неприемлемым представлялось и копирование опыта США по избранию президента путем не прямых выборов, посредством коллегии

³⁷⁶ Конституция Германской империи (11 августа 1919 г.) // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л., 1935. С. 83–115; Конституционные законы Французской республики [1875 г.] // Там же. С. 66–70.

³⁷⁷ Конституция Французской республики (4 ноября 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. С. 446–460.

³⁷⁸ Sesión celebrada el día 26 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Т. V. № 81. P. 2647.

³⁷⁹ Pérez Serrano N. La Constitución Española (9 diciembre 1931). Antecedentes. texto. comentarios. P. 246.

выборщиков,³⁸⁰ что было заимствовано при подготовке Конституционного проекта 1873 г.

Учредители остановились на смешанном порядке: президент избирался коллегией выборщиков и депутатов Кортесов. Норма Конституции 1931 г. также отсылала к будущему закону, который должен был закрепить порядок избрания выборщиков (ст. 68). Первое переходное положение Конституции установило процедуру избрания первого президента. Это должны были сделать сами учредительные Кортесы путем тайного голосования. Для избрания требовалось абсолютное большинство голосов депутатов; если ни один кандидат не получал его, то проводилось новое голосование, и избранным считался получивший наибольшее число голосов.

Конституция урегулировала досрочное прекращение президентских полномочий в связи с отрешением от должности. Оно было возможно в трех случаях: привлечения к ответственности, роспуска Кортесов, соответствующей инициативы Кортесов (ст. 85, 81, 82).

Президент республики мог быть привлечен к уголовной ответственности за преступное нарушение своих конституционных обязанностей (ст. 85). Данная процедура хотя и отражала влияние Конституции США, но имела свою специфику. Право возбудить преследование в уголовном порядке принадлежало Кортесам, и для этого требовалось не менее трех пятых от общего числа депутатов. Рассмотрение дела было отнесено к компетенции Суда конституционных гарантий (*Tribunal de Garantías Constitucionales*; далее - СКГ). В данном случае испанский учредитель явно заимствовал опыт Австрийской республики, в которой данный вопрос относился к компетенции Конституционного суда.

Признание СКГ обоснованным обвинением президента влекло отрешение его от должности, направление дела для разбирательства в установленном процессуальном порядке и проведение новых президентских выборов. Признание

³⁸⁰ США: Конституция и законодательные акты / под ред. О.А. Жидкова. М., 1993.

обвинения необоснованным влекло роспуск Кортесов и объявление новых выборов их депутатов. В Конституции содержалась отсылка к конституционному закону, который предусмотрит процедуру привлечения президента к уголовной ответственности. Данный закон был принят 1 апреля 1933 г.³⁸¹ Он устанавливал, в частности, что рассмотрение уголовного дела СКГ должен был осуществлять в полном составе.

Второй случай отрешения от должности был связан с реализацией президентом права распустить Кортесы не более двух раз (ст. 81). Для предотвращения злоупотребления правом, которым неоднократно пользовались короли, был введен контроль правомерности указанного действия. По Конституции 1931 г. новым Кортесам, собравшимся после второго роспуска, предписывалось, прежде всего, изучить обоснованность издания президентом декрета о роспуске предыдущих Кортесов. Если Конгресс депутатов признает акт необоснованным, то по решению, принятому абсолютным большинством голосов депутатов, следовало отрешение главы государства от должности.

Третий случай отрешения президента от должности был связан с инициативой Кортесов, поддержанной не менее чем тремя пятыми их депутатов (ст. 82). Примечательно, что в тексте не были установлены ограничения поводов и оснований такой инициативы, что отличало положение Конституции 1931 г. от Конституции Германской империи 1919 г., признавшей таковым нарушение президентом Конституции или имперского закона (ст. 59). В течение восьми дней надлежало избрать выборщиков, как для очередных президентских выборов, и они вместе с депутатами рассматривали предложение Кортесов об отрешении президента от должности. При получении поддержки данной инициативы со стороны абсолютного большинства членов данного собрания, решение считалось принятым, и назначались выборы нового президента. Если данная поддержка не была получена, следовал роспуск Кортесов. Это правило должно было

³⁸¹ Ley que regula el procedimiento para exigir la responsabilidad criminal del Presidente de la República. 1 de abril de 1933 // Gaceta de Madrid. N 98. 8 de abril de 1933. P. 202–204 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1933/098/A00202-00204.pdf>).

сдерживать депутатов от принятия поспешных решений в отношении президента и использовать отрешение лишь как последнюю и тщательно продуманную меру.

Компетенция президента. Во время обсуждения проекта Конституции пост президента называли «высшей магистратурой (должностью) республики» (*la suprema magistratura de la República*).³⁸² Однако многие современники опасались, что учреждаемая должность может с течением времени создать угрозу республиканскому строю, поэтому его не стали наделять значительными полномочиями, которые оказались весьма скромными.³⁸³ Конституция закрепила, по оценке значительного числа специалистов, «слабого» президента³⁸⁴. Его компетенция позволила определить форму правления Испании по Конституции 1931 г. как республику «парламентскую, но со специальными полномочиями президента».³⁸⁵

Полномочия президента представлены в виде отдельного перечня, состоящего из пяти пунктов (ст. 76), отдельные содержались и в иных статьях Конституции. С учетом значения главы государства в механизме осуществления власти, полномочия могут быть объединены в три группы: представительские, «сдерживающие» или «гармонизирующие», а также отражающие его значение как носителя «резервной» власти.

Президент не наделялся исполнительной властью. Учредитель ориентировался на современный опыт других стран, прежде всего на закрепленный Конституцией Германии (ст. 56), а не на национальный опыт (за исключением конституционного проекта 1873 г.): высшим органом управления

³⁸² Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 67. P. 2082.

³⁸³ Испанский исследователь, обратил внимание на то, что уменьшение полномочий президента в пользу парламента являлось характерной чертой ряда конституций, принятых после I мировой войны, и периода «рационализированного парламентаризма» (*Corcuera Atienza J. El constitucionalismo de entreguerras y la Constitución española de 1931 // Historia contemporánea. 1991. N 6. P. 34*).

³⁸⁴ *Lerroux A. La pequeña historia. Apuntes para la historia grande vividos y redactados por el autor (1930–1936). Buenos Aires, 1945. P. 216.* – Вместе с тем форма правления Испании определяется в литературе и как смешанная республика, однако, более парламентская, чем президентская, что воспринято и российскими исследователями (например, см.: *Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 163*).

³⁸⁵ *Sánchez Agesta L. Principios de teoría política. Madrid, 1979. P. 464.*

являлся Совет министров, а не глава государства (ст. 86–93). Ни Совет в целом, ни министры индивидуально не несли ответственности перед президентом - они были ответственны перед Кортесами.

Его положение в системе высших органов власти было связано прежде всего с ролью представителя государства в международных отношениях, что стало весьма актуальным в XX в. Также он наделялся отдельными полномочиями по воздействию на другие органы для их «сдерживания» в случае неблагоприятной ситуации в стране, для примирения при возникшем конфликте. К числу таковых относились права президента приостанавливать и распускать Кортесы строго в соответствии с установленными правилами. «Сдерживающая» роль президента в отношении Правительства проявлялась лишь по следующим направлениям: назначение на должность его председателя и министров, а также некоторая совместная деятельность в сфере нормотворчества. Указание на то, что президент назначал «свободно» (*libremente*), т. е. по собственному усмотрению, на должность председателя Совета министров, а по его представлению – министров (ст. 75), не нашло развития в конституционной практике. Х. Томас Вильярройа подчеркнул влияние различных социальных и политических факторов на выбор президентом кандидатур.³⁸⁶ Отсутствие необходимости получить одобрение Кортесов при формировании Правительства, вместе с тем, имело следствием преобладание исключительно субъективного отношения к выбору кандидатур.³⁸⁷ В результате имела место частая смена составов Совета министров. Список его председателей после введения в действие Конституции 1931 г. представлен 11 именами, некоторые из которых назначались на должность неоднократно.

Во время обсуждений проекта Конституции будущий первый президент Испанской республики Н. Алькала Самора, комментируя закрепляемые отношения президента и Совета министров в области нормотворчества, подчеркнул их взаимно сдерживающих характер: президентская власть

³⁸⁶ *Tomás Villarroya J.* La prerrogativa presidencial durante la Segunda República: su mediatización // *Revista de Estudios Políticos.* 1980. N 16. P. 59–87.

³⁸⁷ *Tomás Villarroya J.* Presidente de la República y Gobierno: sus relaciones // *Revista de Estudios Políticos.* 1983. N 31–32. P. 79–83.

«поддерживается решениями (подписями) Правительства и (одновременно) тормозится ими».³⁸⁸

Президент как представитель Испанской республики. Конституционный текст демонстрировал возросшую роль международных отношений. Как официальный представитель Испанской республики в области проведения внешней политики глава государства наделялся традиционными правомочиями по объявлению войны и заключению мира (п. «а» ч. 1 ст. 76), по заключению и ратификации международных договоров (п. «е» ч. 1 ст. 76). Их реализация была весьма подробно регламентирована в Конституции, установившей строгий контроль за действиями президента, который не предусматривался ни конституционными законами Третьей республики, ни Конституцией Германии. Президент Французской республики мог объявить войну лишь с «предварительного согласия» Сената и Палаты депутатов (ст. 9 Закона об отношениях между властями 1875 г.); заключение и ратификация мирных договоров осуществлялось президентом, однако, они требовали утверждения Сената и Палаты депутатов (ст. 8 того же Закона). По Конституции Германской империи объявление войны и заключение мира совершались «посредством имперского закона» (ст. 45). Война могла быть объявлена испанским президентом лишь в случае исчерпания оборонительных средств невоенного характера и процедур (судебных, переговорных и согласительных), предусмотренных Уставом Лиги наций (ч. 1 ст. 71) и зарегистрированными Лигой наций международными соглашениями, участницей которых являлась Испания (ч. 2 ст. 71). Кроме того, президент Республики мог объявить войну лишь в том случае, если он уполномочен на это законом, принятым Кортесами (ч. 4 ст. 77).

Конституция 1931 г. устанавливала ограничения свободы действий, президента при реализации его прав в сфере заключения международных договоров. Конституции III Республики во Франции и Германской империи относили их заключение (а во Франции – и ратификацию) к компетенции

³⁸⁸ Tomás Villarroya J. Presidente de la República y Gobierno: sus relaciones // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31–32. P. 72.

президентов, однако некоторые из них нуждались в одобрении законодательных органов. Так, во Франции торговые договоры и договоры, «возлагающие на государство финансовые обязательства, относящиеся к личному состоянию и праву собственности французов за границей», нуждались в утверждении (принятии) Сенатом и Палатой депутатов для вступления в силу, а уступка, обмен или присоединение территории требовал законодательного оформления (ст. 8 Закона об отношениях государственных властей). В Германии по Конституции 1919 г. «союзы и договоры с иностранными государствами, относящиеся к предметам имперского законодательства» должны были получить «согласие рейхстага» (ст. 45).

Заключение международных договоров и соглашений: их подготовка, подписание, ратификация, т.е. подписание ратификационных грамот, и контроль за исполнением международных обязательств Испании на всей ее территории относились к компетенции президента (п. «е» ч. 1 ст. 76). Определенные договоры нуждались для вступления их в силу в одобрении Кортесов. К числу таковых отнесены: договоры политического характера, торговые договоры, договоры, которые могли повлечь установление обязательств со стороны государственной казны или отдельных испанских граждан, а также договоры, для исполнения которых требовалось принятие законов (ч.2 ст. 76). Международные договоры, заключенные президентом, подлежали регистрации Секретариатом Лиги Наций, который также был обязан опубликовать зарегистрированный международный акт «возможно скоро».³⁸⁹

Порядок денонсации международных договоров определялся отсылкой к правилам, установленным в каждом из них. Однако в Конституции было четко указано: инициатива денонсации требует одобрения Кортесов. Специальное правило устанавливалось для выхода Испании из Лиги Наций: президенту требовалось полномочие, данное Кортесами в специальном законе, принятом абсолютным большинством голосов, и следование процедуре, предусмотренной

³⁸⁹ Версальский мирный договор / пер. с фр. под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925. С. 7–15.

ст. 78 ее Устава.³⁹⁰

Необходимость контролировать президента в сфере международного общения обосновывалась учредителями стремлением не допустить повторения опыта правления М. Примо де Риверы, когда не существовало в сфере международного права иного закона, кроме каприза диктатора».³⁹¹

Избрание президентов Испанской республики. Отрешение первого президента. На заседании учредительных Кортесов 10 декабря 1931 г. состоялись выборы президента республики. Из 466 депутатов по списку в голосовании приняли участие 410 человек. Из шести кандидатов наибольшее и необходимое для избрания количество голосов получил Н. Алькала Самора. За него проголосовали 362 депутата³⁹². В тот же день президент принял присягу: «Перед Учредительными кортесами как органом национального суверенитета торжественно клянусь своей честью верно служить Республике, охранять и исполнять Конституцию, следовать законам и осуществлять мою деятельность главы государства, служа справедливости и Испании»³⁹³. На следующем заседании Кортесов, состоявшемся 15 декабря 1931 г., был зачитан и утвержден протокол проведенной церемонии и принятия решения о промульгации Конституции.³⁹⁴

7 апреля 1936 г. Н. Алькала Самора был отрешен от должности в соответствии со ст. 81 Конституции после проверки его декретов от 9 октября 1933 г. и от 7 января 1936 г. о роспуске, соответственно, учредительных и ординарных Кортесов. В результате проведенного анализа этих документов и обстоятельств их издания депутаты третьих Кортесов пришли к выводу о том, что роспуск Конгресса депутатов 7 января 1936 г. был осуществлен президентом без

³⁹⁰ В третьем абзаце ст. 1 было определено: «Всякий Член Лиги может после предварительного, за два года, предупреждения, выйти из Лиги при условии, что он выполнил к этому моменту все свои международные обязательства, включая и обязательства по настоящему Статуту».

³⁹¹ Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 67. P. 2097.

³⁹² Sesión celebrada el día 10 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 89. P. 2928.

³⁹³ Sesión celebrada el día 15 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 90. P. 2932.

³⁹⁴ Sesión celebrada el día 15 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la república española. Legislatura de 1931–1933. N 90. P. 2931–2932.

достаточных к тому оснований³⁹⁵. При голосовании, в котором приняло участие более половины от общего количества депутатов (417 по списку), 238 голосов было подано за отрешение президента от должности, пять депутатов проголосовали «против».³⁹⁶ На заседании был оглашен полный текст постановления о принятом решении, о необходимости назначить в течение восьми дней президентские выборы и провести их в течение последующих 30 дней. Также была зачитана ст. 74 Конституции, в соответствии с которой его обязанности были временно возложены на председателя Кортесов Д. Мартинеса Баррио. Далее он принес Кортесам как органу национального суверенитета присягу в том, что будет «преданно служить Республике, соблюдать Конституцию и обеспечивать ее исполнение, действовать в соответствии с законом и исполнять вверенные ему президентские обязанности во имя справедливости и Испании»³⁹⁷. Д. Мартинес Баррио временно исполнял президентские обязанности до 11 мая 1936 г.

10 мая 1936 г. состоялись президентские выборы в порядке, предусмотренном Конституцией 1931 г. Вторым президентом был избран представитель Народного фронта М. Асанья Диас.³⁹⁸ 11 мая 1936 г. (в соответствии с решением Кортесов от 8 июня) он принес присягу, предписанную Основным законом, вступил в должность и назначил главу Совета министров. Все это было зафиксировано в документе, зачитанном в Кортесах 12 мая 1936 г.³⁹⁹ Избранный президент оставался в должности до окончания существования Второй Республики.

В условиях гражданской войны, начавшейся 18 июля 1931 г., развитие реализации конституционных норм, не имело перспектив. Силы противостоящих

³⁹⁵ Sesión celebrada el martes 7 de abril de 1936 // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Legislatura 1936. N 15. P. 242.

³⁹⁶ Ibid. P. 268.

³⁹⁷ Ibid. P. 271.

³⁹⁸ Из 874 участвовавших в голосовании депутатов и выборщиков его кандидатуру поддержали 754 (Nombramiento del Presidente de la Republica // Gaceta de Madrid. N 132. 11 de mayo de 1936. P. 1379 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1936/132/B01379-01379.pdf>)).

³⁹⁹ Sesión celebrada el martes 12 de mayo de 1936 // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Legislatura 1936. N 28. P. 683–684.

сторон были нацелены на решение всего объема военных вопросов и сопутствующих им проблем финансового обеспечения. Развития института президентской власти в Испании не произошло. Причиной этого стал исторический фон действия конституционных норм: отсутствие обещанных достижений социально-экономического характера, ошибки республиканских властей в правоприменительной практике, использование ими репрессивных методов, вызвавших недовольство населения, социальные волнения и антиправительственные выступления, острая политическая борьба.

§ 2. Институт главы государства в период личной власти Ф. Франко

Приход Ф. Франко к власти. Глава «нового государства». Ф. Франко пришел к власти в результате гражданской войны, начавшейся 18 июля 1936 г., на следующий день после военного мятежа, который был поднят днем ранее антиреспубликанскими силами в марокканском корпусе. В отличие от Б. Муссолини и А. Гитлера, современников и будущих союзников, занявших, соответственно, должности председателя Правительства в Италии и имперского канцлера в Германии, начало восхождения Ф. Франко к вершине власти не было связано с постом, предусмотренным действовавшей Конституцией. Его путь имел больше сходства с тем, который проделали О. Кромвель и Наполеон I – путь военной диктатуры, проанализированный К. Шмиттом.⁴⁰⁰

Применение типологии «суверенной диктатуры», по К. Шмитту, к правлению главы государства Ф. Франко сохранило свою актуальность до конца XX в. Так, Х.-А. Гонсалес Касанова отметил, что «насильственное разрушение

⁴⁰⁰ *Schmitt K.* Диктатура. От современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. М., 2018. С. 257–262. – Труды К. Шмитта были хорошо известны в Испании: в 1931 г. опубликована на испанском языке «Защита конституции», в 1934 г. – «Теория Конституции». Исследователь жизни и творчества К. Шмитта отметил, что после встречи с Ф. Франко он определил его как «банальность добра». Впоследствии он избегал публично проявлять одобрение Ф. Франко (*Kisoudis D.* Carl Schmitt, pensador español // Carl-Schmitt-Studien. 2017. Vol. 1. N 1. S. 171–175). - *Ramos Toledano J.* Una aproximación al caudillaje y la representación política en Francisco Javier Conde. 1942–1945 // Cuadernos Electrónicos de Filosofía del Derecho. 2012. N 25. P. 76 (URL:<https://ojs.uv.es/index.php/CEFD/article/view/1738>).

Второй Республики создало личное «новое государство» с пожизненной учредительной властью», обладавшее сущностными характеристиками «суверенной диктатуры».⁴⁰¹

В отличие от выступлений военных в XIX в., требовавших изменений политического курса Правительства и проведения административных реформ, целью противников Республики стала победа в гражданской войне и создание «нового государства» (*Estado Nuevo*), не связанного преемством ни с прежней монархией, Конституцией 1876 г. и династией Бурбонов, ни со Второй Республикой и Конституцией 1931 г. «Новое государство» с его первых дней было милитаризованным и иерархично организованным. С самого начала войны Ф. Франко приступил к его созданию, и в течение 1939–1947 г. оно отождествлялось лично с ним.

Ряд законодательных актов того времени зафиксировал всевластие вождя мятежников. Ключевым технико-юридическим приемом стало введение должностей для руководителей выступления военных. 24 июля 1936 г. в Бургосе они объявили декрет об учреждении Хунты национальной обороны, которой вверялась вся власть в государстве, т. е. на подконтрольной территории.⁴⁰² С этого момента и до окончания войны в 1939 г. в стране существовало две власти: республиканская и военная - националистическая, франкистская. Ареал последней расширялся по мере военных успехов мятежников и в конце концов охватил всю Испанию. Декретом от 29 сентября 1936 г. Хунта объявила Ф. Франко главой Правительства испанского государства (*Jefe del Gobierno del Estado Español*) и вручила ему «осуществление всех властей в новом государстве» (ст. 1).⁴⁰³ Примечательно, что глава Правительства был назван *Jefe del Gobierno*, а

⁴⁰¹ *González Casanova J.A.* La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // *Fundamentos: Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional.* 1998. N 1. P. 320.

⁴⁰² Decreto 1 de la Junta de Defensa Nacional de 24 de julio de 1936 // *Boletín Oficial de la Junta de Defensa Nacional de España.* 25 de julio de 1936. Gobierno Civil de Burgos. 1936. N 1. P. 1 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1936/001/J00001-00001.pdf>).

⁴⁰³ Decreto 138 de la Junta de Defensa Nacional de 29 de septiembre // *Boletín oficial de la Junta de Defensa Nacional de España.* 30 de septiembre de 1936. Gobierno Civil de Burgos. 1936. N 32 (URL:[http://www.pedea.org/Memo %20historica/02102016 %20jesús %20navarro %20jiménez %20adjunto %](http://www.pedea.org/Memo%20historica/02102016%20jesús%20navarro%20jiménez%20adjunto%20)

не *Presidente del Gobierno*, как устоялось в конституционном лексиконе Испании. Также он объявлялся генералиссимусом национальных сухопутных войск, военно-морского и военно-воздушного флотов (ст. 2).⁴⁰⁴ Данными решениями Ф. Франко была делегирована вся полнота гражданской и военной власти без ограничения ее сроком и пределами полномочий.

1 октября 1936 г. в присутствии дипломатов из Италии, Германии и Португалии он был объявлен главой «нового государства». А в подписанном законе об учреждении Вспомогательной хунты государства был использован термин «глава государства» (ст. 2, 4, 5), демонстрировавший, что место Ф. Франко в «новом» государстве аналогично тому, которое ранее, согласно доктрине, принадлежало королю.⁴⁰⁵ Кроме того, понятие противопоставило Ф. Франко президенту Второй Республики, должность которого в Конституции 1931 г. раскрывалась, как отмечалось выше, через понятие «глава государства». В политическом лексиконе появился и термин *Jefatura del Estado*, официально применявшийся при опубликовании актов, исходивших от Ф. Франко. Поэтому испанские исследователи считают 1 октября 1936 г. днем «восшествия генерала Ф. Франко» на должность.⁴⁰⁶ Ее название формально стало основой его личного полновластия.

Успехи франкистов в гражданской войне способствовали формированию системы управления на подконтрольной территории. Законом, изданным главой государства 30 января 1938 г., было учреждено «Правительство нации», а должность его председателя объявлялась «связанной с главой государства». При

20B. %20O. %20JUNTA %20DEFEDNSA %20NACIONAL %20de %2030 %20septiembre %20de %201936. pdf).

⁴⁰⁴ Высшая власть Ф. Франко получила дополнительное оформление воинским званием: 18 июля 1938 г.; во вторую годовщину антиреспубликанского мятежа, решением правительства Ф. Франко был присвоен восстановленный воинский чин и определен его статус в армии как опоре власти: Верховный главнокомандующий (*Capitán General*) армией и флотом, генералиссимус сухопутных, морских и воздушных сил (*Disposición restableciendo la dignidad de Capitán General en el Ejército y en la Armada // Boletín Oficial del Estado. N 18. 18 de julio de 1938. P. 257* (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1938/018/A00257-00257.pdf>).

⁴⁰⁵ Ley de 1 de octubre de 1936 // *Boletín oficial del Estado. Gobierno de Burgos, viernes 2 de octubre de 1936. N 1* (www.unizar.es/ice/uez/wp-content/uploads/2008/10/guerra-boe-2-10-36.doc).

⁴⁰⁶ *Crespo Montes L.F.* España, 1º de octubre de 1936 // *Revista de Estudios Políticos.* 1998. N 102. P. 231.

этом министры, вступая в должность, приносили присягу верности лично ему и национальному режиму (ст. 16).⁴⁰⁷

Законы 30 января 1938 г. и 8 августа 1939 г.⁴⁰⁸ оформили законодательные полномочия Ф. Франко: принадлежность главе государства «высшей власти издавать юридические нормы общего характера» в форме законов и декретов (ст. 17 Закона 1938 г.), а затем его право издавать законы и декреты без консультаций с Правительством, «когда это диктуется безотлагательными соображениями» (ст. 7 Закона 1939 г.). Эти акты не только завершили процесс оформления полновластия главы государства, но и закрепили доминирование принципа децизионизма в «новом государстве», которое можно определить словами К. Шмитта, как «рационалистически конструируемый механизм отдачи приказаний».⁴⁰⁹ Два вышеуказанных закона действовали до кончины Ф. Франко.

Caudillo и *caudillaje*. 1 октября 1936 г. в материале, опубликованном в газете “*El Eco de Santiago*”, Ф. Франко был впервые назван каудильо (*caudillo*).⁴¹⁰ Официально этот титул получил закрепление 28 сентября 1937 г. в приказе о праздновании Дня каудильо 1 октября (ст. 1). В преамбуле акта Ф. Франко был назван «верховным каудильо Движения, спасителем Испании».⁴¹¹ Позднее в Статуте Испанской фаланги было указано, что он несет ответственность только «перед Богом и историей» (ст. 47).⁴¹²

Согласно словарю Испанской королевской академии *caudillo* – «глава,

⁴⁰⁷ Ley de 30 de enero de 1938 // Boletín oficial del Estado. Burgos, 31 de enero de 1938. N 467 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1938/467/A05514-05515.pdf>).

⁴⁰⁸ Ley de 8 de agosto de 1939 // Boletín oficial del Estado. 9 de agosto de 1939. N 221. P. 4326–4327 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/221/A04326-04327.pdf>).

⁴⁰⁹ Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб., 2006. С. 173.

⁴¹⁰ Moradiellos E. Franco, el Caudillo: origen y perfil de una magistratura política carismática // Historia y Política. 2016. Enero-junio. N 35. P. 265. – Автор данной статьи приводит сведения о дополнениях к термину «каудильо» из газет тех дней: «крестового похода», победы, империи, нейтралитета, мира, веры, Родины, Новой Испании (Ibid. P. 265–266).

⁴¹¹ Orden de la Junta Técnica de Estado (Estableciendo la “Fiesta Nacional del Caudillo”) // Boletín Oficial del Estado. Burgos. 28 septiembre de 1937. N 343 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1937/343/A03570-03571.pdf>).

⁴¹² Decreto de 31 de julio de 1939 aprobando los Estatutos modificados de Falange Española Tradicionalista y de las JONS // Boletín Oficial de Estado. N 216. 4 de agosto de 1939. P. 4238–4247 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/216/A04238-04247.pdf>).

предводитель и руководитель вооруженного народа»,⁴¹³ «абсолютный глава армии»,⁴¹⁴ а *caudillaje* – правление каудильо.⁴¹⁵ Понятие принято приравнивать к итальянскому дуче и немецкому фюреру, подчеркивая идею лидерства и вождизма как в названии должностей, так и в содержании правления Ф. Франко, Б. Муссолини и А. Гитлера. Вместе с тем, корень *caudillo* обнаружен в латинском слове *capitellum* (уменьшительного существительного от *caput* – голова). Испанский исследователь Э. Моралиельос обращает внимание на второй арабский исток термина «каудильо» из иберийского средневековья – *cadí* («тот, кто принимает решение» - должностное лицо, осуществлявшее судебные, а также некоторые административные и нормотворческие функции).⁴¹⁶ Оба источника – латинский и арабский – питали понятие руководителя и лидера.

«Новое государство»: цель, задачи, идеология, образ главы государства. Правление Ф. Франко устраивало всех противников Второй Республики, представлявших различные политические силы, что отразилось в его идеологической основе.⁴¹⁷

Идеология определила цель франкистского государственного строительства – «единство и величие Родины».⁴¹⁸ В Статуте Фаланги традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления, утвержденном декретом Ф. Франко после окончания гражданской войны, 31 июля 1939 г., были сформулированы следующие задачи государства: «вернуть Испании глубокое чувство нерушимого единства судьбы и веры, состоящей в католической и имперской миссии», а также «установить экономический режим, преодолевающий индивидуальный,

⁴¹³ Diccionario de la Lengua Española 2 vol. Madrid, 1984. T. I. P. 294.

⁴¹⁴ Definición de caudillo // Diccionario de la lengua española. Real Academia Española (URL: <https://dle.rae.es/caudillo?m=form>).

⁴¹⁵ Definición de caudillaje // Diccionario de la lengua española. Real Academia Española (URL: <https://dle.rae.es/caudillaje?m=form>).

⁴¹⁶ *Moradiellos García E.* Franco, el Caudillo: origen y perfil de una magistratura política carismática // Historia y Política. 2016. Enero-junio. N 35. P. 267.

⁴¹⁷ Подр.: *Пономарева Л.В.* Испанский католицизм XX века. М., 1989. С. 56; *Рознатовская А.Г.* Хосе Антонио Примо де Ривера: основные положения и историки его идеологии // Испанский альманах. Вып. 2. История и современность. М., 2010. С. 86–99.

⁴¹⁸ Decreto N 255 del 19 de abril de 1937 (de unificación de Falange Española Tradicionalista y de las Juntas Ofensivas Nacional Sindicalistas) // Boletín del Estado. N 182. 20 de abril de 1937. P. 1033–1034 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1937/182/A01033-01034.pdf>).

групповой и классовый интерес, для преумножения материальных ценностей на службе государству, социальной справедливости, христианской свободе личности» (ст. 1).⁴¹⁹ Решение этих задач должно было обеспечить государство, определенное как «национальное и синдикалистское» (Хартия труда, утвержденная декретом главы государства 9 марта 1938 г.⁴²⁰). Первая характеристика пояснялась объявлением его «тоталитарным орудием, защищающим целостность Родины», вторая – указанием на то, что оно «представляет реакцию против либерального капитализма и марксистского материализма» (введение). В Хартии труда национальное государство представлялось «тоталитарным инструментом», предназначенным обеспечить целостность Родины,⁴²¹ что включало, как отметил современник, не только «физическую, территориальную или географическую, но и моральную целостность ее жизни и духа».⁴²²

Национализм франкистов предполагал приверженность традициям Испании, о чем постоянно заявлял каудильо, создавая образ ее «рыцаря».⁴²³ Ф. Франко представлялся личностью, актуализирующей испанскую традицию, ее «лучшим интерпретатором».⁴²⁴ На вооружение была взята идея испанской сущности – «испанидад» (главным образом, в ее осмыслении Р. Маэсту). Став частью франкистской идеологии, она, как отметил Г. Филатов, выполняла две

⁴¹⁹ *Decreto de 31 de julio de 1939 aprobando los Estatutos modificados de Falange Española Tradicionalista y de las JONS // Boletín Oficial de Estado. N 216. 4 de agosto de 1939. P. 4238–4247 (URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/216/A04238-04247.pdf>).*

⁴²⁰ Декрет об утверждении «Хартии труда» 9 марта 1938 г. // Конституции буржуазных государств Европы. С. 499.

⁴²¹ Следует отметить заимствование положений, содержащихся в «27 пунктах Испанского государства» – программном документе Испанской фаланги, подготовленной Х.-А. Примо де Ривера и принятой в октябре 1934 г. В ней было провозглашено: «Наше государство должно быть тоталитарным инструментом для обеспечения целостности Родины» (п. 6) // *27 puntos de la Falange Española (URL: <https://www.heraldicahispanica.com/XXVIpuntos.pdf>).* - В испанской историографии отражена дискуссия о виде политического режима во время правления Ф. Франко, о его относимости к тоталитарному или авторитарному виду (*Rosell G.V. Totalitarismo y nacional en el régimen de Franco. 1939–1957 // Historia digital. 2015. Vol. XV. N 25. P. 110–111.*)

⁴²² *Valdecasas A. Los Estados totalitarios y el Estado español // Revista de estudios políticos. 1942. P. 27.*

⁴²³ *Reig Tapia A. Aproximación a la teoría del caudillaje en Francisco Javier Conde // Revista de Estudios Políticos. 1990. N 69. P. 79.*

⁴²⁴ *Conde García F.J. Representación política y régimen español. Madrid, 1945. P. 123.*

функции: внутривполитическую и внешнеполитическую. Идея обосновывала «новый общественно-политический строй, связывая его с периодом расцвета испанской империи», а также «определяла внешнеполитический курс Испании и позволяла предложить странам родственной культуры своеобразный третий путь, не основанный на либеральных или коммунистических принципах».⁴²⁵

Частью национальной традиции признавалась и отвергнутая республиканцами католическая религия. 19 января 1937 г. Ф. Франко объявил: «Испания должна быть католическим государством».⁴²⁶ Поэтому франкисты с самого начала выступления получили поддержку духовенства. 6 августа 1936 г. кардинал Гома провозгласил «крестовый поход против красных», т. е. против сторонников правительства Испанской республики, а 1 июля 1937 г. испанские епископы опубликовали письмо, в котором выразили поддержку Ф. Франко.⁴²⁷ В 1941 г. глава государства даже получил от Ватикана право утверждать назначения испанских архиепископов и епископов.

Окончание гражданской войны. 1 апреля 1939 г. Ф. Франко объявил об окончании войны, власть главы государства была распространена на территорию всей Испании. Социально-экономические последствия войны наложили отпечаток на последующие десятилетия испанской истории. По официальным данным в ходе войны погибло около миллиона человек.⁴²⁸

Абсолютный характер власти Ф. Франко официально обосновывали необходимостью восстановления разрушенной страны, решения социальных проблем, при этом непременно ссылались на высшую справедливость. Ф. Франко представлялся гарантом порядка в стране, поэтому режим его личной власти был «решительно институционализирован».⁴²⁹

Немедленно после объявления об окончании гражданской войны, 3 апреля 1939 г., Ф. Франко декларировал: «Испания продолжает оставаться в состоянии

⁴²⁵ *Филатов Г.А.* Доктрина «испанидад» и ее роль в отношениях франкистской Испании со странами Латинской Америки в 1940-х годах // Новая и новейшая история, 2014. Т. 5. С. 63.

⁴²⁶ *Пожарская С.П.* Франко и его время. М., 2007. С. 74.

⁴²⁷ *Красиков А.* Испания и мировая политика: полвека дипломатической истории. М., 1989. С. 20.

⁴²⁸ *Мигель А., де.* 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С. 310–312.

⁴²⁹ *Conde García F.J.* Contribución a la doctrina del caudillaje. Madrid, 1942. P. 33.

войны против всех врагов, внутренних и внешних, оставаясь на века верной своим павшим».⁴³⁰ В полном соответствии с идеей К. Шмитта о том, что государству как «сущностно политическому единству принадлежит *jus belli*, т. е. реальная возможность в некоем данном случае в силу собственного решения определить врага и бороться с врагом»,⁴³¹ осуществлявший единолично власть Ф. Франко четко отграничил врагов и друзей. Испанские авторы отмечают особую востребованность двух идей К. Шмитта для внутривнутриполитического и внешнеполитического курса Ф. Франко: дихотомии «друг–враг» и упомянутой выше темы «решения».⁴³² Внешними врагами являлись враги друзей франкистской Испании: Италии, Германии. Особую нетерпимость каудильо выказывал масонам и приверженцам коммунистических идей, а определенное недоверие до начала 1940-х годов – и к странам Запада, членам антигитлеровской коалиции. Внутренним врагом правления Ф. Франко являлись те, кто образовывал так называемую «анти-Испанию». «Новое государство» должно было исключить «внутреннюю враждебность», что можно было сделать лишь путем создания унитарного государства испанской нации и уничтожения врага.⁴³³

Три «столпа» единовластия. Каудильо тщательно формировал имидж сильного правителя, создавая социальную и политическую основу своего единовластия, опираясь на вооруженные силы, церковь и Фалангу.⁴³⁴ Поэтому он заботился о поддержании своего авторитета в военной, клерикальной и фалангистской среде, что и обеспечивало его легитимность.

Декретом от 19 апреля 1937 г. в результате объединения создавалась

⁴³⁰ Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. С. 84.

⁴³¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 51.

⁴³² После окончания гражданской войны в Испании имела место вторая волна опубликования трудов К. Шмитта. Начало было положено в 1941 г. переводами Х. Конде трудов «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса», в также трех статей, включая «О понятии политического», объединенных в сборник «Политические исследования». Ряд трудов К. Шмитта, начиная с 1941 г., были опубликованы в журнале *Revista de Estudios Políticos*. Позднее в Испании издавались и переиздавались и иные работы немецкого юриста, в том числе в 1963 г. впервые увидела свет на испанском языке его «Диктатура».

⁴³³ López García J.A. La presencia de Carl Schmitt en España // *Revista de Estudios Políticos*. 1996. N 91. P. 144.

⁴³⁴ Moradiellos García E. La doctrina del caudillaje en España: legitimidad política y poder carismático durante el franquismo // *Hispania*. 2016. Vol. LXXVI. N 254, septiembre-diciembre. P. 799.

единственная политическая организация «национального характера» «Испанская фаланга традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления». Все иные политические организации и партии подлежали роспуску. Фаланга находилась «под председательством главы государства» (ст. 1). В редакции Статута 1939 г. она объявлялась «вдохновителем и основой испанского государства» и определялась как «военное движение» (ст. 1). Среди его структурных элементов был указан и каудильо Национального движения как его глава (ст. 4.13).

Социально-экономическая политика проводилась через синдикаты, предусмотренные Хартией труда, организованные вертикально-иерархически «по отраслям производства или обслуживания» под руководством государства, они являлись корпорациями публичного права (ст. 13).⁴³⁵ При помощи данного механизма социальная основа находилась под контролем политической опоры каудильо.

Государственное строительство каудильо в 1942–1946 г. Несмотря на все усилия А. Гитлера, Испания не вступила в войну на стороне Германии, что могло стать роковым для страны, не преодолевшей последствия гражданской войны. 4 сентября 1939 г., через три дня после начала II мировой войны, Ф. Франко подписал декрет о «нейтралитете», а 12 июня 1940 г. – декрет об объявлении Испании «невоюющей стороной». Генералиссимус лишь отправил «голубую» дивизию на советский фронт.

Наметившийся перелом в ходе Второй мировой войны подтолкнул каудильо к корректировке его внешней и внутренней политики. Он совершил ряд шагов, демонстрирующих руководителям США и Великобритании намерения провести квазиконституционные преобразования. Новую тенденцию отразили три закона, изданные им в 1942–1946 г. Первым из них стал объявленный каудильо 17 июля

⁴³⁵ Fuero del trabajo // Boletín Oficial del Estado. 10 de marzo de 1938. N 505. P. 6178–6181 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1938/505/A06178-06181.pdf>); на рус. яз.: Декрет об утверждении «Хартии труда», 9 марта 1938 г. // Конституции буржуазных государств Европы / Сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М., 1957. С. 499–507.

1942 г. Закон «Об учреждении испанских Кортесов»,⁴³⁶ измененный 9 марта 1946 г.⁴³⁷ Введенные Кортесы – «высший орган участия испанского народа в делах государства» (ст. 1) – по порядку формирования были аналогичны национальному собранию времен диктатуры М. Примо де Риверы. В состав Кортесов входили *procuradores* (уполномоченные, депутаты – термин, использованный в октроированном Королевском статуте 1834 г.).⁴³⁸ Их основная задача заключалась «в подготовке и разработке законов без ущерба для полномочий главы государства по их утверждению» (ст. 1). Во введении подчеркивалось, что за ним сохраняется «верховная власть принимать правовые нормы общего характера». Учрежденные Кортесы «страдали от недостатков режима», т. е. от отсутствия представительной природы, прямых выборов, политического плюрализма.⁴³⁹ В марте 1943 г. Кортесы были созданы.

Подписанная главой государства 17 июля 1945 г. Хартия испанцев⁴⁴⁰ была декларацией личных, социально-экономических и политических прав испанцев. Она должна была продемонстрировать ориентацию Ф. Франко на модель социальных отношений, складывавшихся в постфашистской Италии, а не стран Восточной Европы.⁴⁴¹ Хартия была пропагандистским документом, в ее тексте отсутствовали нормы, которые гарантировали бы права и «непосредственно

⁴³⁶ Закон главы государства об учреждении испанских Кортесов, 17 июля 1942 г. // Конституции буржуазных государств Европы. С. 508–513. – Официальный текст: Ley de 17 de julio de 1942 de creación de las Cortes Españolas // Boletín Oficial del Estado, N 200. 19 de julio de 1942. P. 5301–5303 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1942/200/A05301-05303.pdf>); Ley de 9 de marzo de 1946 por la que se modifica la de 17 de julio de 1942 // Boletín Oficial del Estado. N 70, 11 de marzo de 1946. P. 1907 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1946/070/A01907-01907.pdf>).

⁴³⁷ Ley de 9 de marzo de 1946 por la que se modifica la de 17 de julio de 1942 // Boletín Oficial del Estado. N 70, de 11/03/1946. P. 1907 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1946/070/A01907-01907.pdf>).

⁴³⁸ В преамбуле Закона о референдуме 1945 г. члены Кортесов были названы мандатариями (поверенными).

⁴³⁹ *Alejandro García J. A., Gasto Fernández E., García Marín J. M.* Manual básico de historia del derecho. P. 436.

⁴⁴⁰ Закон главы государства об утверждении «Хартии испанцев», 17 июля 1945 // Конституции буржуазных государств Европы. С. 514 – 519. – Официальный текст Fuero de los Españoles (17 de julio de 1945) // Boletín Oficial de Estado. 18 de julio de 1945. N 199. P. 358–360 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1945/199/A00358-00360.pdf>).

⁴⁴¹ Закон главы государства об утверждении «Хартии испанцев», 17 июля 1945 // Конституции буржуазных государств Европы. С. 514 – 519.

связывали судей».⁴⁴² Католическая религия объявлялась государственной и пользующейся «официальным покровительством» государства (ст. 6). Действие наиболее важных положений Хартии могло быть временно приостановлено «полностью или частично путем издания Правительством декрета-закона» (ст. 35).

Законом о референдуме 22 октября 1945 г.⁴⁴³ глава государства закрепил свое право объявлять о проведении референдума в случаях особой важности законов или публичного интереса (ст. 1), результаты которого имели для него консультативный характер. Весьма важно, что во время правления Ф. Франко референдум проводился дважды, в 1947 и 1966 г.

Сохранение статуса главы государства, несмотря на принятие трех указанных актов, было подтверждено законом от 18 декабря 1946 г. «О чеканке монет в новой монетной системе».⁴⁴⁴ На вводимых серебряных монетах предписывалось представить бюст или портрет главы государства и надпись: «Франсиско Франко. Каудильо Испании по милости Бога» (ст. 6). Так он уподоблялся королям, изображение которых ранее помещалось на монеты. Кроме того, Ф. Франко впервые представил себя как каудильо Испании. Данные новеллы свидетельствовали об усилении монархических настроений и осознании значимости личности главы государства как символа страны и государства.

Глава государства и основные законы 1947–1958 г. Во второй половине 40-х годов Ф. Франко признал необходимость вступления Испании в международные организации и сотрудничество с западным миром, считая врагом СССР. На повестку дня была поставлена корректировка социальной и политической основы режима и отказ от опоры на Фалангу. Движение в указанном направлении

⁴⁴² Clavero B. Manual de historia constitucional de España. Madrid, 1990. P. 233.

⁴⁴³ Закон главы государства о народном референдуме, 22 октября 1945 // Конституции буржуазных государств Европы. С. 520. Официальный текст - Ley del 22 de octubre de 1945 por la que el jefe del Estado podrá someter a referéndum aquellas Leyes que su transcendencia lo aconseje o el interés: publico lo demande // Boletín Oficial del Estado. 24 de octubre de 1945. N 297. P. 2522 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1945/297/A02522-02522.pdf>).

⁴⁴⁴ Ley de 18 de diciembre de 1946 sobre acuñación de un nuevo sistema monetario // Boletín Oficial del Estado. 19 di diciembre de 1946. N 353. P. 8842–8844 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1946/353/A08842-08844.pdf>).

ускорило принятие трех основных законов: «О преемстве поста главы государства» 1947 г. (далее – Закон 1947 г.), «О принципах Национального движения» 1958 г. (далее – Закон 1958 г.) и Органического закона государства 1967 г. (далее – ОЗГ 1967 г.).

Проект закона «О преемстве поста главы государства», одобренный Кортесами 7 июня 1947 г., на следующий день был направлен Ф. Франко на референдум.⁴⁴⁵ 27 июня 1947 г. акт был опубликован.⁴⁴⁶ Законом провозглашалось возвращение к монархической форме правления, предусматривался механизм обеспечения преемства власти при ее оставлении каудильо для бесперебойного функционирования введенного им режима. Акт стал основой доктринальной проработки двух разновидностей главы государства: экстраординарному и пожизненному каудильо должен был прийти на смену ординарному главе испанского королевства. Тем самым было положено начало тенденции к постепенной утрате должности главы государства личного и приобретению абстрактного характера.⁴⁴⁷ Кроме того, в Законе 1947 г. наряду с понятием «глава государства», получило законодательное оформление понятие *Jefatura del Estado* - институт главы государства.

Преобразования испанской государственности и ее законодательное оформление были осуществлены посредством принятия законов, прежде всего, тех, что Законом 1947 г. квалифицированы как «основные»: Хартия труда, Хартия испанцев, «Об учреждении Кортесов», «О референдуме», сам Закон 1947 г. Они

⁴⁴⁵ Decreto de 8 de junio de 1947 por el que se somete a referéndum de la Nación el Proyecto de Ley aprobado por las Cortes Españolas, que fija las normas para la Sucesión en la Jefatura del Estado // Boletín Oficial de Estado. 9 junio de 1947. 1947. N 190. P. 3272–3273 (URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1947/160/A03272-03273.pdf>). - По официальным данным 6 июля 82,3 % участвующих в голосовании поддержали принятие закона (Испания 1918–1972 / отв. ред. И. М. Майский. М., 1975. С. 298).

⁴⁴⁶ Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado (26 de julio de 1947) // Boletín Oficial del Estado. 27 de julio de 1947. N 208. P. 4238–4239 (URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1947/208/A04238-04239.pdf>).

⁴⁴⁷ Рольнерт Лиерн Г. выделил в истории правления Ф. Франко, руководствуясь различиями в символическом значении главы государства, три периода: 1) его отождествления со всеми властями «нового государства» (1936–1942); 2) его признания центром зарождающейся институциональной системы, созданной основными законами, в будущем передающий власть новой монархии (1942–1967); 3) его роли как символа единства и координации власти уже институционализированного государства, а также национального суверенитета (1967–1975). – См.: *Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente*. P. 61.

подлежали ревизии и отмене в особом порядке: с согласия Кортесов и по результатам проведенного референдума. Впоследствии основным мог стать закон, который «при его провозглашении будет отнесен к числу основных» (ст. 10). Данный перечень впоследствии был дополнен Законом 1958 г. и ОЗГ 1967 г.

Продолжая линию на законодательное оформление системы государственных органов, 20 июля 1957 г. Ф. Франко подтвердил возможность отделения постов главы государства и председателя Правительства. Но от части своей власти Ф. Франко отказался лишь 8 июня 1973 г., назначив на вторую должность Л. Карреро Бланко, а с 30 декабря 1973 г. – К. Ариаса Наварро.

Курс Ф. Франко на проведение политических реформ стимулировал пересмотр отношений к политической основе его власти. Закон «О принципах Национального движения» был объявлен Ф. Франко 17 мая 1958 г. в Кортесах.⁴⁴⁸ Он преобразовал Фалангу в Национальное движение, понимаемое как «общность испанцев с идеалами, которые дали жизнь крестовому походу» (преамбула). В Законе подтверждалось, что святая католическая апостолическая и римская церковь является единственно верной, и вера неотделима от национального сознания, которое питает («вдохновляет») законодательство (ст. II). Данное положение соответствовало международным обязательствам Испании, принятым согласно Конкордату, заключенному с Ватиканом в августе 1953 г.⁴⁴⁹

Испанское королевство. Монархические настроения, во все времена сохранявшиеся в стране, были присущи представителям различных социальных групп, и их опорой являлись национальные традиции и авторитет церкви.⁴⁵⁰ Рассмотренный выше Закон 1947 г. провозгласил: «Испания как политическое целое... в соответствии со своей традицией объявляется королевством» (ст. 1).

⁴⁴⁸ Ley fundamental de 17 de mayo de 1958 por la que se promulgan los principios del Movimiento nacional // Boletín Oficial del Estado. 19 de mayo de 1958. N 119. P. 4511–4512 (URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1958/119/B04511-04512.pdf>).

⁴⁴⁹ В ст. 1 Конкордата было указано, что религия католическая, апостольская, римская остается единственной религией Испанской нации и пользуется правами и прерогативами в соответствии с Законом Божьим и каноническим правом: Concordato entre la Santa Sede y España (1953) (URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19530827_concordato-spagna_sp.html).

⁴⁵⁰ Карпец В. И. Высшие органы государственной власти Испании: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 8.

Данное положение Закона, носившее главным образом перспективный и программный характер, выразило не только желание возвратиться к прежней форме правления, но и стремление юридически закрепить глубокие изменения в политической жизни Испании.

Некогда «новое», националистическое и синдикалистское государство было объявлено Законом 1947 г. «католическим, социальным и представительным», по традиции являвшимся королевством (ст. 1). Примечателен уход законодателя от термина «монархия» и применение традиционного для средневековых пиренейских королевств термина *Reino* (королевство). Таким образом Ф. Франко предотвратил дискуссии о форме правления в 1939–1947 г. После объявления Испании королевством нахождение Ф. Франко на посту главы государства могло быть лишь временным, поскольку в обязательном порядке предполагалось последующее его замещение королем, а в определенных случаях – регентством.

В Законе 1958 г. монархия определялась как «традиционная, католическая, социальная и представительная», и она была объявлена «политической формой» национального государства (ст. VII).⁴⁵¹ Характер испанского государства обосновывался не победой в гражданской войне как ранее, а правопорядком, объединяющим народ, который, в свою очередь, признавался комментаторами его «естественной политической инстанцией».⁴⁵²

Принципы Национального движения были возведены Законом 1958 г. в ранг основ правопорядка. Как заметил Н.Г. Хибриков, они стали «критерием законности всех остальных нормативных актов режима».⁴⁵³ Поэтому в условиях

⁴⁵¹ Примечательно, что законодатель использовал лексику К. Шмитта, который понимал под политической формой способ устройства положения народа, положения политического единства: *Schmitt C. Teoría de la Constitución. Madrid, 1996. P. 205.* – Очевидно, обнаруживается близость идей немецкого юриста потребностям франкистского законодателя. Исследователь значения творчества К. Шмитта для Испании отметил: «Когда звезда Карла Шмитта начала гаснуть в Германии, она поднялась в Испании» (*Kisoudis D. Carl Schmitt, pensador español // Carl-Schmitt-Studien. 2017. Vol. 1. N 1. S. 172;* о значении идей К. Шмитта также: *Fraga Iribarne M. Carl Schmitt: el hombre y la obra // Revista de Estudios Políticos. 1962. N 122. P. 5).*

⁴⁵² *Los Principios del Movimiento Nacional (Estudios sobre la Ley Fundamental de 17 de mayo de 1958) (comentario del art. VII – por J. Fueyo) // Revista de Estudios Políticos. 1958. N 99. P. 20.*

⁴⁵³ *Хибриков Н.Г. «Национальное движение» («Фаланга») и «Опус Деи» в системе франкистской диктатуры в Испании // Вестник Московского университета. 1974. N 6. С. 73.*

«восстановления» монархии и институционализации государства усилился, как заметил Г. Рольнерт Лиерн, легально-нормативный элемент легитимности Ф. Франко.⁴⁵⁴

Государство, организованное в королевство, определялось в ОЗГ 1967 г. как «верховное учреждение национального сообщества» (ст. 1.1). Это теоретическое положение должно было продемонстрировать качественно новое состояние испанского общества и отвечало идее институционализации государства.

Разновидности главы государства. Комментируя законодательство данного периода, А. Менендес Рексач указал на две разновидности института главы государства по «основным» законам: ординарную и экстраординарную.⁴⁵⁵ Х. Феррандо Бадиа выделил три разновидности института главы государства, указанные в Законе 1947 г.: каудильо, король и регентство.⁴⁵⁶ Г. Рольнерт Лиерн указывает на наличие пяти форм главы государства (ст. 7–8, 11), но признает полезным для проводимого им исследования сосредоточиться на двух ее видах: экстраординарной и ординарной.⁴⁵⁷

Терминологически обозначенный институт главы государства (*Jefatura del Estado*) Законом 1947 г. был наполнен содержанием, отражавшим его элементы: принципы деятельности, порядок замещения, полномочия, взаимоотношения с другими органами. Институт главы государства должен был реализоваться в деятельности главы государства: на момент принятия Закона 1947 г. – главы государства (*Jefe del Estado*) Ф. Франко, в будущем – короля или временно регентства. К королю и регентству в данном акте не применялся термин «глава государства», он использовался лишь по отношению к каудильо (ст. 2). Примечательно, что в Законе 1947 г. содержалось понятие «корона»: она

⁴⁵⁴ Г. Рольнерт Лиерн делает вывод о том, что «харизматическая и историко-политическая легитимность» Франко была персонализирована в «юридическую легитимность» согласно основным законам королевства, которые «превратились в конституционную законность режима» (*Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente*. P. 48).

⁴⁵⁵ *Menéndez Rexach A. La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español*. Madrid, 1978. P. 331, 332.

⁴⁵⁶ *Ferrando Badía J. El Régimen de Franco*. Madrid, 1985. P. 54–55.

⁴⁵⁷ *Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente*. P. 34.

восстанавливалась в «персоне короля» (ст. 11.1). Очевидно, что содержание данного понятия в указанном Законе отличалось от того, которое ему было свойственно в конституциях XIX в. Здесь термин «корона» обозначал институт, тогда как термин «король» подразумевал физическое лицо, осуществляющее его функции. Так по замыслу законодателя глава государства осуществлял функции одноименного института, а король – короны.

Институционализация главы государства по ОЗГ 1967 г. После одобрения проекта ОЗГ Кортесами 22 ноября 1966 г. глава государства издал декрет о проведении референдума 14 декабря 1966 г.⁴⁵⁸ Получив одобрение, Ф. Франко 10 января 1967 г. подписал ОЗГ.⁴⁵⁹

Он стал седьмым основным законом и завершил плеяду актов, в своей совокупности отражавших претензию на формальное создание полной некодифицированной формально-юридической конституции. В положениях основных законов были зафиксированы базовые принципы функционирования государства (Хартия труда, Закон 1958 г.), перечень признаваемых прав и свобод испанцев (Хартия труда и Хартия испанцев), основы организации государственной власти (Законы 1942, 1945, 1947 и 1967 г.). В связи с принятием ОЗГ 1967 г. были внесены изменения в ряд положений Хартии испанцев, Закона «Об учреждении Кортесов» и Закона «О преемстве поста главы государства». Ф. Франко использовал в своем законодательстве не термин «конституция», а историческое понятие «основные законы», признававшееся в XIX в. Юристы франкистской Испании делали вывод о том, что закрепленная в ОЗГ 1967 г. государственная «система» соответствовала образцу «ограниченной монархии» и должна была показать эволюцию испанского государства как «традиционной монархии».⁴⁶⁰ Следует отметить, что в советской литературе факт наличия

⁴⁵⁸ Decreto 2930/1966 de 23 de noviembre por el que se somete a referéndum de la Nación el proyecto de Ley Orgánica de Estado // Boletín Oficial del Estado. 24 de noviembre de 1966. N 281. P. 14791–14801 (URL:https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1966-17813).

⁴⁵⁹ Ley Orgánica del Estado 1/1967, 10 de enero // Boletín Oficial del Estado. N 9. 11 de enero de 1967. P. 466–477 (URL:<https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1967-5>).

⁴⁶⁰ *Fernández Carvajal F.* El Gobierno entre el Jefe del Estado y las Cortes // Revista de Estudios Políticos. 1972. N 183–184. P. 16–17.

конституции в Испании во время правления Ф. Франко не ставился под сомнение.⁴⁶¹

Каудильо называл начатый им процесс «институционализацией» государственности, для ведения которого, как было записано в преамбуле ОЗГ 1967 г., «наступил момент». Институционализация осуществлялась каудильо путем самоограничения власти.

Глава государства – каудильо. В ОЗГ 1967 г. имя Ф. Франко как главы государства называлось только в переходных положениях (ст. III) – это был еще один шаг к разрыву исключительной связи поста главы государства с каудильо.

Правление Ф. Франко могло прекратиться лишь в трех случаях: объявления каудильо неспособным к управлению, его смерти или добровольной отставки. Введенная Законом 1947 г. процедура признания главы государства неспособным управлять государством (ст. 14) вызывает особый интерес, прежде всего потому, что она была предписана актом, инициированным лицом, в отношении которого она могла быть реализована. В переходных положениях ОЗГ 1967 г. указано последствие прекращения экстраординарных полномочий: замещение поста главы государства королем или регентом. До этого Испания оставалась монархией без монарха.⁴⁶²

Экстраординарность правления Ф. Франко выражалась прежде всего в том, что он занимал нескольких должностей: главы государства, председателя Правительства (до 1973 г.), главы Национального движения и верховного главнокомандующего. Его деятельность опиралась не только на основные законы, но и на текущее законодательство – законы от 30 января 1938 г. и 8 августа 1939 г. (ст. II переходных положений), что обусловило более широкий круг полномочий, по сравнению с ординарным главой государства. Ф. Франко сохранял учредительную власть, однако она была ограничена необходимостью получить

⁴⁶¹ Конституции буржуазных государств Европы. С. 490; *Савин В.А.* История испанского государства франкистского режима... С. 12; *Хибриков Н.Г.* Государственный механизм франкистской диктатуры в Испании... С. 8.

⁴⁶² Николаев Ф.Н. Испания. Вводная статья // Конституции буржуазных государств Европы. С. 491.

согласие Кортесов и провести референдум для изменения или отмены основных законов (ст. 10 Закона 1947 г.).

Экстраординарность статуса Ф. Франко подчеркивалась званием «каудильо Испании». Его военно-миссионерское значение получило оформление путем дополнения, сделанного в 1947 г., к термину «каудильо»: «...и Крестового похода, генералиссимус вооруженных сил дон Франсиско Франко Баамонде» (ст. 2).

Перспектива появления ординарного главы государства. ОЗГ 1967 г., как и другие основные законы, был реализован. В последние годы правления Ф. Франко продолжались активные законодательные работы, нередко подвергаемые острой критике.⁴⁶³ Однако следует признать, что деятельность Ф. Франко по созданию «организованной диктатуры» обеспечила превращение главы государства из единоличного и неограниченного правителя в высший орган государственный власти с определенной компетенций в системе других органов государства.

На инициативу принятия Закона 1947 г. резко отреагировал дон Хуан Бурбон, сын Альфонса XIII, граф Барселонский, не признававший правления Ф. Франко. 7 апреля 1947 г. он опубликовал Манифест. В нем объявлялось, что традиционные правила не могут быть изменены «без совместного решения короля и нации, законно представленной Кортесами».⁴⁶⁴ Однако 25 августа 1948 г. состоялась встреча каудильо с доном Хуаном, на которой они договорились об объявлении его сына, Хуана Карлоса, преемником Ф. Франко. Обязательным условием стало его проживание и обучение в Испании под контролем каудильо. По достижении Хуаном Карлосом 30-летнего возраста, 22 июля 1969 г., Ф. Франко подписал закон, которым объявил его «принцем Испании и преемником на посту главы государства (ст. 1), предписал процедуру и последствия признания его главой государства, утвердил текст приносимой им

⁴⁶³ Clavero B. P Manual de Historia Constitucional de España. 235. – К числу законов, развивавших положения рассмотренного Закона, относятся: Органический закон Движения и его Национального совета 28 июля 1967 г., Органический закон о Совете королевства от 23 июля 1967 г. и др.

⁴⁶⁴ Manifiesto de Estoril de Don Juan, 7 de abril de 1947 // (URL: <https://el-rey-perjuero.webnode.com/products/los-manifiestos-de-don-juan-de-borbon-contra-el-regimen-franquista/>).

клятвы (ст. 2–4).⁴⁶⁵

Значение законодательства периода диктатуры Франко, и прежде всего основных законов, не может быть сведено к признанию его «приемлемой формой сохранения франкизма без Франко», как это представлялось некоторым современникам.⁴⁶⁶ Основные законы 1938–1967 г., как это ни парадоксально, подготовили испанское общество к мирному переходу от режима личной власти к режиму демократическому после смерти каудильо в 1975 г. Рассмотренное законодательство стало юридической базой восхождения на трон Хуана Карлоса и предпосылкой глубоких политических преобразований в стране.

Особенность испанской ситуации состояла в том, что сам Ф. Франко позаботился о завершённом легальном оформлении статуса «универсального» главы государства. Это обеспечило эффективность созданных норм и после его смерти, сохранение преемства власти короля и переход к эпохе реформ. Испанский опыт оказался уникальным. Мало кто из диктаторов позаботился о благополучном будущем своей страны и своего народа так тщательно, как это сделал Ф. Франко. Значимость проведенной работы, при любом к ней отношении, оценило время: все фундаментальные законодательные нормы, созданные каудильо, успешно «сработали» после его ухода из жизни.

§ 3. Институт короны по Конституции 1978 г.

Переход к «установленной» монархии. Переход Испании от режима личной власти каудильо к установлению парламентской монархии и демократического политического режима был основан на полной и точной реализации механизма замещения поста главы государства, предусмотренного франкистским законодательством. После смерти Ф. Франко, 20 ноября 1975 г., в соответствии с

⁴⁶⁵ Ley 62/1969 de 22 de julio, por lo que se provee lo concerniente a la sucesión en la Jefatura del Estado / Boletín Oficial del Estado. N 175, de 23 de julio de 1969, P. 11607–11608 (URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1969-915>).

⁴⁶⁶ Хибриков Н.Г. О некоторых проблемах политической системы франкистской Испании // Вестник Московского университета. 1973. № 2. С. 48.

ранее установленными правилами все полномочия главы государства временно перешли к Регентскому совету, который реализовал обязанность, возложенную на него Законом 1947 г. (ст. 7): он созвал Кортесы и Совет королевства, чтобы принять установленную присягу нового главы государства и провозгласить его королем. В день смерти каудильо, Регентский совет также присвоил «принцу Испании» высшие военные звания, издав об этом соответствующий декрет.⁴⁶⁷ 22 ноября 1975 г. на чрезвычайном заседании испанских Кортесов совместно с Советом королевства Хуан Карлос был приведен к присяге. После данного акта председательствующий объявил, что дон Хуан Карлос Бурбон-и-Бурбон провозглашен королем Испании Хуаном Карлосом I.⁴⁶⁸

Так после кончины Ф. Франко начался период «установленной» монархии. Название монархии «установленная» (*instaurada*) связано с юридической франкистской терминологией. Поскольку Закон 1947 г. упоминал о «короне», «установленной» в лице короля (ст. 11), в тексте указанного выше Закона от 22 июля 1969 г. последовательно использовался глагол *instaurar* (устанавливать, учреждать, вводить) по отношению к монархической форме правления в Испании.

Правовым фундаментом всех будущих преобразований, стал принятый Закон «О политической реформе». Он был одобрен Кортесами 18 ноября 1976 г.⁴⁶⁹ После этого акт был поддержан на референдуме, проведенном 15 декабря 1976 г.⁴⁷⁰ Как справедливо отметили отечественные испанисты Г.Н. Волкова и А.В. Дементьев, «результаты референдума оказались, по сути, вотумом народного доверия реформаторскому курсу правительства».⁴⁷¹ 4 января

⁴⁶⁷ Decreto (del Consejo de Regencia) 2938/1975 de 20 de noviembre, por el que se convoca sesión conjunta del Pleno de las Cortes Españolas y del Consejo del Reino // Boletín Oficial del Estado. 1975, 20 de noviembre. N 279. Art. 23878. P. 24324 (URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1975/11/20/pdfs/A24324-24324.pdf>).

⁴⁶⁸ Acta del Juramento y proclamación del Rey don Juan Carlos de Borbón y Borbón. Diario de las sesiones del pleno. Sesión Extraordinaria y Conjunta de las Cortes Extraordinarias con el Consejo del Reino para recibir juramento y proclamar Rey a S.A.R. Don Juan Carlos de Borbón y Borbón // Boletín Oficial de las Cortes Españolas. 1975, 22 de noviembre. N 21. P. 6–7 (URL: http://www.congreso.es/docu/PHist/docs/09cons/Diario%20Sesiones_22-11-1975.pdf).

⁴⁶⁹ *Palacios Bañuelos L.* España, del liberalismo a la democracia (1808–2004). Madrid, 2004. P. 272.

⁴⁷⁰ «Против» проголосовали 2,6 % непримиримых франкистов (*Вилар П.* История Испании. М., 2006. С. 212.).

⁴⁷¹ *Волкова Г.И., Дементьев А.В.* Политическая история Испании. С. 89.

1977 г. Закон был промульгирован королем.⁴⁷²

Термин «глава государства» в данном акте не использовался; речь шла только о «короле», в чем обнаружился отход от юридико-политического лексикона эпохи личной власти Ф. Франко. Нормы Закона определяли основы формирования Кортесов, их взаимоотношения с монархом, часть их компетенции. За королем признавалось право назначить часть сенаторов, председателей Кортесов и Совета королевства (ст. 2.3, 2.5). Он санкционировал и промульгировал законы (ст. 1.2). Особое правило устанавливалось в отношении процесса принятия закона о конституционной реформе: король должен был направить его проект до санкционирования на национальный референдум (ст. 3.3). Специалисты по конституционному праву Э. Альварес Конде и Р. Тур Аусина считают, что полномочия, закрепленные за королем законом «О политической реформе» 1977 г., создали условия для формирования в стране «президентской монархии», т. е. монархии, аналогичной президентской республике.⁴⁷³

При избрании депутатов Конгресса, нижней палаты Кортесов, 15 июня 1977 г., правые партии потерпели поражение. Победу одержала возглавляемая А. Суаресом Гонсалесом партия «Союз демократического центра», получившая 34 % голосов и 165 из 350 мест в Конгрессе; при этом поддержка 47 % голосов обеспечила ее представителям 105 из 207 мест в Сенате. Внушительным был и успех социалистов.⁴⁷⁴

В состав конституционной комиссии, созданной Конгрессом депутатов, вошли 36 представителей различных партий: 17 из них представляли правивший Союз демократического центра, 13 – Испанскую социалистическую рабочую партию, по 2 – Коммунистическую партию и Народный альянс, по одному –

⁴⁷² Закон 1/1977 от 4 января о политической реформе / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 292-295. – Офиц. опубликовано: Ley para Reforma Política. 1/1977. 4 de enero de 1977. // Boletín Oficial del Estado. N 9. 5 de enero de 1967. P. 170-171 (URL:<https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1977-165>).

⁴⁷³ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R.* Derecho constitucional español. P. 583.

⁴⁷⁴ *Temime E., Broder A. y Chastagnaret G.* Historia de la España contemporánea: Desde 1808 hasta nuestros días. Madrid, 2005. P. 368.

баскскую и каталонскую региональные группы.⁴⁷⁵

Конституционные принципы организации власти. Конституция 1978 г. явилась результатом сотрудничества партий и политических сил, заинтересованных в демократическом развитии страны. Кортесы утвердили ее проект 31 октября 1978 г. Затем он был вынесен на референдум и 6 декабря 1978 г. получил одобрение большинства испанцев (58,9 % от общего числа обладавших правом участвовать в голосовании).⁴⁷⁶

Форма государства. Испанские исследователи единодушны в признании отправной точки анализа института главы государства нормы о политической форме государства. При обсуждении проекта Основного закона Испанская социалистическая рабочая партия предлагала провозгласить республиканскую форму правления.⁴⁷⁷ Однако предложение не нашло поддержки у большинства участников дебатов, поскольку, по их мнению, республика не стала «платформой для сотрудничества» различных политических сил, в то время как «король, действительно, является королем всех испанцев».⁴⁷⁸ Вышеуказанная норма была связана и с признанием той роли, которую сыграл монарх в процессе перехода страны от франкистского авторитаризма к демократическому политическому режиму.

Положение о форме государства стало новеллой для текста монархической Конституции, хотя и не для истории испанского законодательства. Как отмечалось выше, в двух конституциях уделялось внимание форме правления. Так, Конституция 1812 г. объявляла Испанию (дословно: «правление испанской нации») «наследственной умеренной монархией» (ст. 14), а Конституция 1869 г. закрепила: «Формой правления испанской нации является монархия» (ст. 33). Однако в текст Конституции 1978 г. учредитель включил норму не о форме

⁴⁷⁵ Современная Испания / отв. ред. В.В. Загладин. М., 1983. С. 42.

⁴⁷⁶ Вступительная статья // Испания: Конституция и законодательные акты / под ред. Н.Н. Разумовича. М., 1982. С.13.

⁴⁷⁷ *Gómez Llorente L.* Intervención ante la Comisión de Asuntos Constitucionales del Congreso, el 11 de mayo de 1978 // Diario de sesiones del Congreso. 1978. N 64. P. 2195–2197.

⁴⁷⁸ *Alzaga Villaamil O.* Intervención en la Sesión de la Comisión de Asuntos Constitucionales del Congreso, el 11 de mayo de 1978 // Diario de sesiones del Congreso. 1978. N 64. P. 2205–2206.

правления (*forma del gobierno*), но о форме государства (*forma del estado*): «Политической формой испанского государства является парламентская монархия» (ст. 1.3). Примечательно, что в данном случае имеет место заимствование понятия, использованного в Законе «О принципах национального движения» 1958 г. (ст. VII) и работе К. Шмитта.⁴⁷⁹

Современная испанская конституционная доктрина так же, как и российская, рассматривает монархию как разновидность формы правления, а не государства. Вместе с тем, следует принять во внимание пояснение одного из авторов конституционного проекта: представление о форме правления главным образом связывается со статусом Правительства, в том числе с его ответственностью. Использованный же термин, по мнению одного из авторов проекта Конституции, отражает прежде всего статус «органа, воплощающего политическое единство» и называемого главой государства.⁴⁸⁰

Правоведы обращают внимание на значение прилагательного «политическая», определяющего монархию; оно вызывает аналогию с термином «политический режим», понимаемым в испанской юридической науке как «комплекс институтов, между которыми распределены механизмы принятия политических решений».⁴⁸¹

Признание Испании впервые в ее истории парламентской монархией стало конституционной новеллой.⁴⁸² Как отметил А. Коломер, указание на парламентскую разновидность монархии было редкостью в истории европейских основных законов.⁴⁸³ Впервые это было сделано в Конституции Королевства сербов, хорватов и словен (28 июня 1921 г.). В ней учредитель декларировал: «Сербо-хорвато-словенское государство есть конституционная, парламентская и

⁴⁷⁹ *Schmitt C.* Teoría de la Constitución. P. 205.

⁴⁸⁰ *Alzaga O.* La Constitución española de 1978 (comentario sistemático). P. 86.

⁴⁸¹ *Esteban J. (de).* Tratado de derecho constitución al. En 3 t. T. 1. P. 152.

⁴⁸² Новизна, например, отмечена Ф. Х. Диасом Реворио; он подчеркнул, что «исторические формы монархии, известные Испании», ранее не имели существенных черт парламентской монархии», закрепленной действующим Основным законом 1978 г. (*Javier Díaz Revorio F.* La Corona desde la perspectiva jurídico constitucional // *Revista Española de derecho constitucional.* 2004. N 71. P. 400).

⁴⁸³ *Colomer Viadel A.* El origen de la monarquía parlamentaria en España y el Anteproyecto constitucional // *Revista de Estudios políticos.* 1978. N 3. P. 101.

наследственная монархия» (ст. 1).⁴⁸⁴ Однако ко времени принятия Основного закона Испании 1978 г. в конституциях пяти из шести континентальных парламентских монархий (Бельгия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швеция) подобных положений не содержалось. Преобразование монархии в парламентскую в этих странах происходило как правило без формальных изменений текстов конституций, сохраняющих характеристики ограниченной (конституционной) монархии. Например, в редакции Конституции Нидерландов, действовавшей на момент принятия Конституции Испании 1978 г., было закреплено право короля назначать и увольнять министров «по своему усмотрению» и принимать у них присягу (ст. 86),⁴⁸⁵ хотя государство по форме правления фактически являлось парламентской монархией. Лишь в Конституции Люксембурга – шестой из парламентской монархии континентальной Европы – было закреплено: «В Великом герцогстве действует режим парламентской демократии» (ст. 51.1).⁴⁸⁶

Определение монархии как «парламентской» вызвало дискуссию во время обсуждения проекта депутатами и сенаторами по палатам. Делались предложения о замене данного прилагательного словами «конституционная» или «конституционно-демократическая», «демократическая, социальная и плюралистическая». Однако авторы конституционного проекта настаивали: монархическая форма правления и демократия совместимы исключительно при парламентской системе, в которой политическая власть по существу принадлежит парламенту и Правительству, ответственному перед ним, а не главе государства. Выступая в Сенате, Л. Санчес Ахеста предложил определить политическую форму Испании как монархию «конституционно парламентскую», обратив внимание на необходимость указать три ее элемента: монархия, король и парламент. Полемизируя с ним, А. Ольеро высказался за то, чтобы

⁴⁸⁴ Конституция Королевства сербов, хорватов и словен (28 июня 1921 г.) // Конституции буржуазных стран. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.; Л., 1936. С. 46.

⁴⁸⁵ На русском языке: Конституция [Королевства Нидерландов] 1972 года / пер. с англ. В.И. Лафитского // Конституции буржуазных государств Европы: В 3 т. Т. 2. М., 2001 г. С. 642.

⁴⁸⁶ Конституция Люксембурга // Конституции буржуазных государств Европы. С. 617–635.

охарактеризовать монархию как «конституционно демократическую с парламентским режимом» и подчеркнул, что такой акцент позволяет обратить внимание на отношения между властями. В результате было принято решение об определении монархии как парламентской вследствие того, что оно включает и ее конституционный характер.⁴⁸⁷

Для установленной формы государства характерна особая роль короля как органа «сдерживающей», а не исполнительной власти в системе высших органов государства, доминирующее значение в ней Кортесов и роль Правительства как «двигателя» политической системы.⁴⁸⁸ Принцип разделения властей в парламентской монархии, указывает испанский исследователь, заменяется введением отношений «контроля-сотрудничества между властями», а баланс между институтами – фундамент современных парламентских монархий, и глава государства должен функционировать с учетом данного обстоятельства.⁴⁸⁹ Правоведы выделяют главные характеристики объявленной формы государства: специфическую природу института главы государства, который реализуется в Испании наследственным монархом, наличие соревновательных отношений между законодательной и исполнительной властями, между Кортесами и Правительством.⁴⁹⁰ Таким образом, исследователи подчеркивают взаимосвязь формы государства и конституционного института главы государства, включая его реальную роль в осуществлении государственной власти.

Korona u Jefatura del Estado. Раздел II «О короне», состоящий из 10 статей (ст. 56–65), располагается в конституционном тексте после раздела «Об основных правах и обязанностях» и предшествует разделам, посвященным иным государственным органам (уместно напомнить, что в 1931 г. нормы о президентской власти были размещены после положений о Кортесах). Само название раздела представляло новеллу в истории испанского

⁴⁸⁷ Constitución Española. Trabajos parlamentarios. Vol. III. Madrid, 1980. P. 2998–2999.

⁴⁸⁸ Eseban J. (de), González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitucional. En 3 t. T. 3. P. 45–46.

⁴⁸⁹ Freixes Sanjuán T. La Jefatura del Estado monárquica // Revista de Estudios Políticos. 1991. N 73. P. 95.

⁴⁹⁰ Manual de Derecho Constitucional / coord.: M.A. Aparicio Pérez, M. Barceló i Serramalera. P. 121.

конституционализма, поскольку монархические конституции Испании традиционно содержали структурные элементы, называемые «О короле», включавшие, как правило, нормы о статусе короля и министров. Однако данное новшество не свидетельствует о влиянии британского конституционализма, поскольку законодатель не отождествляет корону и государство.⁴⁹¹

М. Гарсиа-Пелайо в свое время провел сравнительно-правовое исследование современного понятия «корона» в Великобритании и отметил два его значения: «корона» является воплощением государства как «юридической персоны», с одной стороны, и представляет собой понятие, имеющее технико-юридическое значение – с другой.⁴⁹² При этом испанский исследователь обратил внимание на различие между понятием «король», функционировавшим индивидуально, и короной, ассоциировавшейся с «королем, действовавшим в сотрудничестве или посредством министров или чиновников».⁴⁹³

В Испанской конституции корона предстает как конституционный институт, как разновидность института главы государства. В тексте Конституции 1978 г. термин *Jefatura del Estado* не встречается, хотя он продолжает использоваться в прежнем значении в доктрине, официальных документах, текстах нормативных актов и при промульгации законов. Король же является главой государства, обладателем, держателем короны (*titular* – дословно: титулованной особой). Его статус оформлен нормами Конституции, и они являются фундаментом института главы государства – короны.

Л. Мартин-Ретортильо Бакер в статье «О разделении и контроле властей в испанской конституционной системе» обратил внимание на то, что в Органическом законе «О Конституционном суде» применен термин «органы, учрежденные Конституцией», а также имеется раздел «О конституционных спорах», в котором перечислены возможные участники, в том числе органы,

⁴⁹¹ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R. Derecho constitucional español. P. 584.*

⁴⁹² *García-Pelayo M. Derecho Constitucional Comparado. P. 294.*

⁴⁹³ *Ibid. P. 295.*

учрежденные Конституцией (ст. 59.3).⁴⁹⁴ К числу таковых отнесены: Правительство, Конгресс депутатов, Сенат, Генеральный совет судебной власти и иные. В данном законе, как отметил автор статьи, в списке сторон рассматриваемых конфликтов не указан король, и поэтому он делает вывод: монарх не относится к числу «конституционных органов».⁴⁹⁵ С этим заключением трудно согласиться, поскольку король в данном случае лишь не признается участником споров, разрешаемых Конституционным судом. Это объясняется тем, что ему вручены арбитражная, «сдерживающая» и примирительная функции в отношении других государственных органов. Кроме того, к числу споров, подлежащих рассмотрению Конституционным судом, относятся те, в которых участвуют испанское государство, с одной стороны, и автономное сообщество, с другой стороны (ст. 59.1), а представителем первой является именно король.

Следует отметить, что применение термина «корона» вместо традиционного «король», более точно отражает содержание раздела Конституции: в нем представлен институт в целом, а не только статус ее обладателя.⁴⁹⁶ В рассматриваемом разделе объединены положения о функциях короля, его титуле, престолонаследии и досрочном прекращении правления, неприкосновенности, статусе супруга, регентстве, опекуне, вступлении на трон, наследном принце, компетенции короля, контрасигнации, материальном содержании короля.

С технико-юридической точки зрения начальная формулировка ст. 56.1 («Король является главой государства, символом его единства и постоянства») напоминает текст рассмотренной выше ст. 67 Конституции 1931 г. Термин «глава государства» использован для определения в данном случае места короля в системе высших органов государства и развивается в положении о его персонификации в международных отношениях, о его символической роли. Следует отметить, что Л. Санчес Ахеста критически отнесся к использованию

⁴⁹⁴ Органический закон от 5 октября 1979 года о Конституционном Суде // Испания. Конституция и законодательные акты / Под ред. Н.И. Разумовича. М., 1982. С. 135.

⁴⁹⁵ *Martín-Retortillo Baquer L.* De la separación y control de los poderes en el sistema constitucional español // *Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales.* 1989. N 4. P. 58.

⁴⁹⁶ *Esteban J. (de), González-Trevijano P.J.* Tratado de Derecho constitución al. En 3 t. T. 3. Madrid, 2000. P. 48–49.

понятия «глава государства» в Основном законе, как обозначавшего в свое время не только монарха, но и должность Ф. Франко, о чем видный юрист заявил и в научной публикации, и в Сенате при обсуждении проекта.⁴⁹⁷

Имя короля и династия на престоле. В тексте Конституции король объявлен «наследником исторической династии». Данный пассаж представляется историко-юридическим обоснованием признания Хуана Карлоса I законным монархом, занявшим престол экстраординарно, не в соответствии с традиционным для страны порядком. Формулировка должна была, по мнению одного из авторов конституционного проекта, устранить всякие сомнения в праве «действующего монарха на правление, ... и закрыть дверь для любых претензий... на возбуждение династического спора».⁴⁹⁸ Л. Санчес Ахеста обратил внимание на то, что рассматриваемое положение указывает на «существование исторической династии как на данность, которая имеет последствия».⁴⁹⁹ «Историческая династия» определяется Испанской королевской академией как «ряд суверенных принцев в определенной стране, которые принадлежат к одной семье»; они «призваны обеспечить «постоянство короны», некоторые из них, возможно, будут призваны на королевский трон, и поэтому они являются наследниками короля. Только члены династии могут иметь право на занятие престола».⁵⁰⁰ На момент принятия Конституции 1978 г. в Испании таковой являлась династия Бурбонов. Конституционное правление ее представителей было прервано Сентябрьской революцией 1868 г. и восстановлено в 1875 г., а затем прекратилось 14 апреля 1931 г. и было возобновлено 22 ноября 1975 г.

Титулы короля. В тексте в соответствии с традицией, сложившейся в Испании, было указано имя Хуана Карлоса I, находившегося на троне в момент принятия Конституции (ст. 57.1). Закрепленный Конституцией 1978 г. титул

⁴⁹⁷ *Sánchez Agesta L.* Significado y poderes de la Corona en el Proyecto Constitucional // Estudios sobre el Proyecto de Constitucionales. Madrid, 1978. P. 95.

⁴⁹⁸ *Alzaga O.* La Constitución española de 1978 (comentario sistemático). P. 391.

⁴⁹⁹ *Sánchez Agesta L.* La monarquía parlamentaria en la Constitución de 1978 // Revista de Estudios Políticos. 1986. N 18. P. 14.

⁵⁰⁰ *Serrano Alberca J. M.* La Corona, abdicaciones e renunciaciones (Artículo 57 de la Constitución española). Madrid, 2013. P. 14–15.

«король Испании» (*Rey de España*) являлся конституционной новеллой, при этом за монархом признавалось право «пользоваться иными титулами, которые соответствуют короне» (ст. 56.2). Последнее отражает национальную реальность: Испания состоит из «национальностей и районов» (ст. 2), исторически сложившихся областей, признанных автономными сообществами. В то же время норма о титулах соответствует характеру института короны. Поэтому и действующий король Филипп VI имеет множество титулов, связанных с регионами, входящими или ранее входившими в состав страны. Таковыми в частности являются титулы короля Кастилии, Леона, Арагона, Обеих Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки и Менорки, Севильи, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Алгарве, Алхесиреса, Гибралтара, Канарских островов, Восточной и Западной Индий, Индий и прилегающих островов. К ним относятся титулы герцога Австрии, Бургундии, Брабанте и Милана, графа Аугсбурга, Фландрии, Барселоны и Тироля, сеньора Бискайи и Молины, а также - Католического Величества.⁵⁰¹

Принц Астурийский. В статью, посвященную замещению поста главы государства, включено положение о наследнике престола – принце Астурийском (ст. 57.2). Титул был впервые использован в 1387 г. при разрешении спора о кастильском троне и утвержден Кортесами в 1388 г.⁵⁰² Хуан Карлос I никогда официально не был обладателем данного титула. Став королем, своим декретом от 21 января 1977 г. он объявил старшего сына Филиппа принцем Астурийским, не дожидаясь принятия Конституции.⁵⁰³ С учетом исторического опыта в ныне действующей Конституции указано: «Наследный принц со дня своего рождения или со времени, когда он будет провозглашен таковым, обретает достоинство принца Астурийского и другие титулы, традиционно относящиеся к наследнику

⁵⁰¹ В 1496 г. папа Александр VI своей буллой предоставил Изабелле Кастильской и Фердинанду Арагонскому титул *Reis Católicos*, указав на их роль «защитников» католической веры и католической церкви.

⁵⁰² *Serrano Alberca J. M.* La Corona, abdicaciones e renunciaciones (Artículo 57 de la Constitución española). P. 31.

⁵⁰³ Real Decreto 54/1977, de 21 de enero, sobre títulos y denominaciones que corresponden al heredero de la Corona // *Gómez Sánchez Y.* La monarquía parlamentaria: familia real y sucesión a la corona. Madrid, 2008. P. 231.

испанской короны».⁵⁰⁴

В соответствии с конституционным опытом страны в XIX в. в текст было включено положение о том, что супруга или супруг, соответственно, короля или правящей королевы, не может выполнять функции монарха, предусмотренные Конституцией, за исключением тех, что предусмотрены при осуществлении регентства (ст. 58). Данная норма оригинальна, поскольку не встречается в актах иных европейских государств, кроме Акта о наследовании короны в Великобритании.

В испанском законодательстве тщательно регламентировано правовое положение королевской семьи. Королевскими декретами, изданными в 1981 и 1987 г., соответственно, об актах гражданского состояния королевской семьи и титулах, содержании и почестях ее членов. Так, в 1981 г. был закреплен специальный порядок регистрации рождений, браков, смертей, а также иных юридических фактов, связанных с королем, королевой, его предками первой степени родства, потомками, а также с наследным принцем, в специальном реестре актов гражданского состояния, который должно вести Министерство юстиции.⁵⁰⁵ Королевским декретом, изданным в 1987 г., установлены официальные обращения к членам королевской семьи (королю и его супруге, принцу Астурийскому, иным детям – инфантам, а также внукам короля), а также ранг почестей, оказываемых им.⁵⁰⁶

Неприкосновенность короля. Конституция объявляет короля неприкосновенным и не подлежащим ответственности (ст. 56.3). Однако после отречения Хуана Карлоса, сделанного 11 июля 2014 г., был принят Органический закон, в котором указано, что после отречения бывший король, ранее являвшийся неприкосновенным, попадает в сферу юрисдикции и может предстать перед судом как ответчик или подсудимый, соответственно, в гражданском или

⁵⁰⁴ Подробный анализ статуса принца Астурийского представлен в труде: *Torres del Moral A. El Príncipe de Asturias. Su Estatuto jurídico.* Madrid, 2005. 232 p.

⁵⁰⁵ Real Decreto 2917/1981 de 27 de noviembre, sobre Registro Civil de la Familia Real // *Boletín Oficial del Estado.* 1981. N 297. P. 29061–29062.

⁵⁰⁶ Real Decreto 1368/1987 de 6 de noviembre, sobre régimen de títulos, tratamientos y honores de la Familia Real y de los Regentes // *Boletín Oficial del Estado.* 1987. N 271. P. 33717.

уголовном процессе перед Верховным судом – инстанцией, соответствующей статусу лица, бывшего королем Испании (преамбула, п. IV).⁵⁰⁷ Поэтому в Органический закон 1 июля 1985 г. «О судебной власти» было внесено дополнение (ст. 55 *bis.*), в соответствии с которым коллегиями по гражданским и уголовным делам Верховного суда подсудны гражданские и уголовные дела в отношении королевы – жены короля или мужа правящей королевы, принцессы Астурийской и ее супруга или принца Астурийского и его супруги, а также отрекшегося от трона короля или его супруги, отрекшейся от трона королевы или ее супруга. Данное правило аналогично тому, которое было установлено Конституцией Франции 1791 г.

Корона и функции государства. Королевская власть по Конституции 1978 г. не включена в классическую триаду разделения властей, и полномочия короны целесообразно классифицировать и рассматривать, прежде всего, по ее отношениям с органами, осуществляющими законодательную, исполнительную и судебную власти, что будет представлено в пятой главе.

В первой части ст. 56 определены основные функции короля: во-первых, он выступает арбитром и сдерживает другие институты при осуществлении их деятельности;⁵⁰⁸ во-вторых, он выступает высшим представителем Испании в международных отношениях, прежде всего в отношениях с государствами, состоявшими с ней в исторической общности; в-третьих, осуществляет иные функции, которые ему вручаются Конституцией и законами. Данные функции подчеркивают существенные отличия института главы государства от королевской власти в учении Б. Константа, которая рассматривалась им как власть «нейтральная» («сдерживающая»), но не арбитражная.⁵⁰⁹

⁵⁰⁷ Ley Orgánica 4/2014, de 11 de julio, complementaria de la Ley de racionalización del sector público y otras medidas de reforma administrativa por la que se modifica la Ley Orgánica 6/1985, de 1 de Julio, del Poder Judicial // BOE. N 169, de 12 de julio de 2014. P. 54647–54652.

⁵⁰⁸ Данная функция, оформленная посредством глаголов *arbitrar* (выступать арбитром, разрешать споры) и *moderar* (сдерживать, умерять) в переводах Конституции на русский язык, указанных в библиографии данного исследования, не вполне корректно представлено существительными («является арбитром и примирителем», «он – гарант правильного функционирования государственных институтов»).

⁵⁰⁹ В монографии, специально посвященной этим двум функциям короля по Конституции 1978 г.,

Король осуществляет полномочия, которые исчерпывающим образом перечислены в тексте Конституции 1978 г. (ст. 62, 63), а также «осуществляет функции, которые предоставлены ему Конституцией и законами» (ст. 56.1). Они вытекают из статуса короля как органа «нейтральной» («сдерживающей») власти, что подтверждается следующими характеристиками его статуса: король не должен участвовать в политической борьбе; у него имеются полномочия для поддержания нормального функционирования конституционных институтов, а в случае необходимости – сдерживания их (ст. 56.1); за ним закреплена «связующая» функция, т. е. функция по обеспечению взаимодействия всех властей в государстве.⁵¹⁰

Испанские юристы утверждают, что по Конституции институт главы государства является «вершиной государственной структуры», и, хотя у короля нет политических полномочий, он претендует более на социальное представительство, нежели на политическую власть.⁵¹¹ Г. Рольнерт Лиерн обращает внимание на значимость единства государства, которое символизирует король, и его разнообразные проявления. К таковым, прежде всего, относятся: целостность территории государства, включающего автономные сообщества с их историческими особенностями, и испанской нации; единая внешняя политика страны; установленный правопорядок.⁵¹² Благодаря указанной роли короля и его соответствующим полномочиям, он представляется, выразительно отмечает юрист, как бы «парящим» над другими государственными органами».⁵¹³

Комментируя нахождение короля вне триады властей, ставшей классической, профессор Мадридского университета *Complutense* Бакер М.-Р. делает вывод о том, что королю вручены «функции и компетенции, существенно

Г. Рольнерт Лиерн детально показал истоки закрепления, дискуссии и интерпретации арбитражной и «сдерживающей» ролей короля, закрепленных в ст. 56.1 Конституции (*Rollnert Liern G. El Arbitraje y Moderación Regios en la Constitución Española*). – Примером полномочия, отражающим функцию арбитра, является, отмечает юрист, деятельность по подготовке внесения кандидатуры председателя Правительства (ст. 99) (*Ibid.* P. 101).

⁵¹⁰ *Esteban J. (de), González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitucional. T. 3. P. 45.*

⁵¹¹ *Ibid.* C. 122.

⁵¹² *Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la constitución vigente. P. 167–187.*

⁵¹³ *Ibid.* C. 203.

отличающиеся от тех, которые соответствуют главе исполнительной власти». В этом смысле посредством Конституции был совершен «радикальный поворот» в отношении статуса главы государства: она выражает идею о «парламентском монархе».⁵¹⁴ Следует согласиться с мнением коллектива российских авторов, точно сформулировавших особенность Конституции 1978 г.: она «восприняла как испанские конституционные традиции, так и опыт других стран – доктринальный, выражающийся в заимствовании идей, и нормативный – в конкретном закреплении ряда институтов».⁵¹⁵

⁵¹⁴ *Baquer Martín-Retortillo L.* De la separación y control de los poderes en el sistema constitucional español // *Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales.* 1989. N 4. P. 57.

⁵¹⁵ *Иностранное конституционное право / под ред. В.В. Маклакова.* М., 1997. С. 192.

Глава 4. Институт главы государства в контексте принципов конституционного строя Испании

§ 1. Эволюция принципов замещения поста главы государства

Правила замещения поста главы государства, включая основания и порядок, занимали важное место во всех конституциях Испании и при всех формах правления на протяжении XIX–XX в. Л. Санчес Ахеста отметил, что преемство поста главы государства «всегда является базовым элементом» государственности и «необходимым фрагментом каждой конституции», поскольку он гарантирует «стабильность и преемство правопорядка и определяет законные процедуры» доступа к высшему посту в государстве.⁵¹⁶

На конституционно-монархическом этапе (1808–1931) правила занятия престола стали предметом тщательной регламентации. Специальные разделы «О наследовании короны» имелись в конституциях 1808 г. (ст. 2–7), 1812 г. (ст. 174–184), 1837 г. (ст. 50–55), 1845 г. (ст. 49–55), 1856 г. (ст. 55–59), 1869 г. (ст. 77–86), 1876 г. (ст. 59–65), а также в конституционных проектах Х. Браво Мурильо (ст. 29–34) и 1929 г. (ст. 32–37). При этом содержание норм характеризовалось в значительной степени традиционностью и единообразием, что отличало данный элемент от иных элементов института королевской власти.

Испанское преемство короны базировалось на началах единонаследия и непрерывности. Поясняя суть наследственного принципа, П.Г. Мижухев в своем сравнительно-правовом исследовании, отметил его характерную черту: «в монархиях глава государства... занимает свое высокое положение по праву наследства, вступает на трон по смерти своего предшественника и сам остается монархом до своей смерти».⁵¹⁷

Исторические корни. На конституционно-монархическом этапе развития института конституционное закрепление получил порядок наследования трона,

⁵¹⁶ *Sánchez Agesta L.* Curso de derecho constitucional comparado. P. 484.

⁵¹⁷ *Мижухев П.Г.* Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира. СПб., 1906. С. 5.

свойственный средневековой Кастилии и частично Арагону. Несмотря на наличие общих подходов, правила этих королевств отличались в части допуска женщин к наследованию короны.⁵¹⁸ В Кастилии (и Леоне) действовала когнатическая система, основанная на родстве по женской линии, она позволяла женщине занять трон при отсутствии нисходящих наследников мужского пола (Семь партид, II.15.2). Агнатическая система, закреплённая правом Арагона, была основана на родстве по мужской линии и не допускала женщин к занятию трона. Различие в правилах стали основой для вступления в союз с другим королевством посредством заключения брака, что и сделали Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская в 1469 г.

Указание династии и имени короля. Указание имени правящего монарха в разделе конституции, посвященной наследованию престола (кроме Королевского статута, не имевшего такого раздела) стало традиционным для Испании. Этим подчеркивалось наличие у короля «субъективного публичного права, основанного на установленном позитивном правопорядке».⁵¹⁹ От имени Жозефа (Хосе) была объявлена Конституция 1808 г., имя Фердинанда VII было названо в текстах декрета от 24 сентября 1810 г. и Конституции 1812 г. (ст. 179), Изабеллы II – во всех конституциях, принятых во время ее правления (ст. 1 Королевского статута 1834 г., ст. 50 Конституции 1837 г., ст. 49 Конституции 1845 г., ст. 55 Конституции 1856 г.), Альфонса XII – в Конституции 1876 г. (ст. 59).

Принципы наследования короны. Основные законы Испании содержали правила определения наследника короны, которые базировались на началах, закреплённых в первой национальной Конституции, принятой в 1812 г. Она стала образцом, на который ориентировались как умеренные, так и прогрессисты, разрабатывая свои проекты. Основной закон 1812 г. следовал принципу первородства (ст. 174), обеспечивающему, как отметил в свое время Н.М. Коркунов, «желательные устойчивость и постоянство» государственного

⁵¹⁸ *Sánchez Albornoz C.* La sucesión al trono en los reinos de León y Castilla // *Sánchez Albornoz C.* Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. En 3 vol. Vol. 2. Madrid: Espasa-Calpe, 1980. P. 1140.

⁵¹⁹ *Alzaga O.* La Constitución española de 1978 (comentario sistemático). P. 383.

управления.⁵²⁰ В соответствии с правилом первородства наследником короля является первый ребенок, рожденный в браке, а при отсутствии детей – старший из числа призываемых к наследованию. Преимущество первородства было тщательно обосновано еще в Семи партидах. В них было указано: «Преимущество быть рожденным первым – великий знак любви, который дает Бог ребенку короля, выделяя его из братьев, родившихся после него» (II.15.4). Как и в других европейских государствах в начале XIX в. в Испании трон могли занять только дети, рожденные в законном браке (ст. 175). Генеральные и чрезвычайные кортесы закрепили в Конституции 1812 г. общее правило предпочтения более близкой степени родства (ст. 176), что соответствовало общим принципам наследования согласно нормам частного права.⁵²¹ Родственники по боковой линии родства могли быть допущены к наследованию короны лишь при отсутствии наследников по прямой линии родства (ст. 178). В Конституции 1812 г. было четко зафиксировано применение права представления (ст. 177).

Генеральные и учредительные кортесы в 1812 г. конституционно оформили кастильскую систему наследования испанской короны, также определяемую как «минимальную» разновидность «салического закона». Несмотря на признание приоритета в одной степени родства лиц мужского пола перед лицами женского пола при преемстве трона, Кортесы не только не исключили из числа наследников женщин, но и указали: предпочтение должно отдаваться женщине, находящейся в более близком родстве по прямой линии или по степени, в отношении мужчины, являвшегося более дальним родственником умершего (ст. 176). Примечательно, что аналогичный подход нашел отражение в Акте о престолонаследии 1810 г. (ст. 1), ставшим составной частью Конституции Швеции.⁵²² «Кастильской» системы придерживались в то время в Великобритании, где правил Георг III (1760–1820).⁵²³ Испанские учредители отвергли «салический закон»,

⁵²⁰ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 176.

⁵²¹ Esteban J.(de), González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitucional. En 3 t. Т. 3. P. 51.

⁵²² Акт о престолонаследии 1810 г. [Швеция] // Конституции буржуазных государств Европы. С. 1100.

⁵²³ В соответствии с *Succession to the Crown Act*, принятым в 2013 г., значение пола при

закрепленный в Конституции Франции 1791 г. (ст. 1 отд. 1 гл. 2 разд. 3) и в дарованной Наполеоном I Конституции 1808 г. (ст. 2). Их положения содержали правила «салического закона» в его абсолютной («максимальной») разновидности,⁵²⁴ который не допускал женщин к занятию трона и отвергал передачу права на корону по женским линиям; предпочтение было отдано историческому кастильскому источнику и образцу государств-противников наполеоновской Франции.

Кастильская система стала антиподом «салической системы» в части отношения к возможности занятия испанского трона женщиной, а приверженность каждой из них обосновала борьбу между сторонниками правления Изабеллы II, а затем и ее наследника, с одной стороны, и ее дяди дона Карлоса и его преемников, с другой стороны, вылившуюся в карлистские войны 1830–1870-х годов. Данное противостояние отразилось в законодательстве периода правления Фердинанда VII в 1830–1833 г.

Порядок престолонаследия, закрепленный последующими конституциями, как отметил Б. Гонсалес Алонсо, «вращался вокруг принципов первородства и права представления».⁵²⁵ Исследователь сделал вывод о том, что формулировки всех конституций, начиная с 1837 г., стали более простыми и абстрактными по сравнению с положениями Конституции 1812 г.⁵²⁶ Они устанавливали универсальные правила предпочтения в линиях и степенях родства потенциальных претендентов на трон: более близкой линии родства - более дальней; в одной линии более близкой степени родства – более дальней; в той же степени мужчин – женщинам, среди однополых – лиц более старшего возраста – младшим (ст. 51 в Конституции 1837 г., ст. 50 в Конституции 1845 г., ст. 56 в Конституции 1856 г., ст. 77 в Конституции 1869 г., ст. 60 в Конституции 1876 г.). Во время действия Конституции 1876 г., после смерти Альфонса XII, принцип

наследовании короны в Соединенном королевстве устранено для лиц, рожденных после 28 октября 2011 г. (ст. 1) (URL:<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/20/contents/enacted>).

⁵²⁴ *Esteban J., González-Trevijano P.J.* Tratado de Derecho Constitucional. En 3 t. T. 3. P. 50.

⁵²⁵ *González Alonso B.* Historia de la sucesión en el trono y el artículo 57 de la Constitución de 1978 // Revista de Estudios Políticos. 1981. N 19. P. 31.

⁵²⁶ *Ibid.*

первородства при наследовании трона был распространен и на еще неродившегося наследника. Реализация нормы о правах *postumus*, разработанной в римском наследственном праве,⁵²⁷ была подкреплена политическим актом – «пактом в Пардо».

Следуя технико-юридическому приему 1812 г. (ст. 180), в конституциях 1837, 1845, 1856 г. после общих норм было закреплено специальное правило определения преемника правящей королевы: «При отсутствии законных нисходящих родственников у доньи Изабеллы II де Бурбон, ее наследниками становятся в соответствии с установленным порядком ее сестра, тети и дяди – братья и сестры ее отца, а также их законные нисходящие, если они не были исключены из числа наследников» (ст. 52 в Конституции 1837 г., ст. 50 в Конституции 1845 г., ст. 56 в Конституции 1856 г.). Специальная норма содержалась и в Конституции 1876 г. для определения правил передачи короны наследнику Альфонса XII (ст. 61).

По образцу и подобию положений Конституции 1812 г. (ст. 181) в основных законах рассматриваемого периода предусматривалось исключение «лиц, которые неспособны управлять государством или совершили проступки, влекущие утрату права на престол», из числа претендентов на него. Как и в Основном законе 1812 г., в конституциях 1837, 1856 и 1869 г., базировавшихся на принципе национального суверенитета, право сделать это исключение было отнесено к компетенции Кортесов (ст. 54, 58 и 80, соответственно).⁵²⁸ По конституциям 1845 и 1876 г., основанным на совместном суверенитете, такие постановления надлежало принимать в форме закона, что относилось к сфере деятельности Кортесов и короля (ст. 54 и 64, соответственно).

Конституция 1812 г. обязала Кортесы обратиться к нации при отсутствии наследников по всем линиям, чтобы выяснить ее предпочтения для решения

⁵²⁷ Известно, что Законы XII Таблиц установили, что законным сыном признается сын, рожденный не позднее 10 месяцев с момента смерти отца; поэтому он признавался наследником (*Voci P. Diritto ereditario romano. En 2 vol. Vol. 1. Milano, 1967. P. 402, 693*).

⁵²⁸ 18 мая 1812 г. они воспользовались этим правом в отношении инфанта дона Франсиско и инфанты доньи Марии Луизы, а также их потомков Decreto CXLII de 18 de marzo de 1812 // *Colección de los decretos y órdenes de las Cortes de Cádiz. Madrid, 1813. En 6 t. T. 3. P. 172–173*.

проблемы преемства власти (ст. 182). Данное положение Конституции 1812 г. не встречалось ни в одном акте конституционно-монархического этапа. Разрешение фактического или юридического сомнения в порядке наследования короны согласно нормам конституций 1812, 1837, 1856, 1869 г. осуществлялось исключительно Кортесами (соответственно, ст. 131.3, 40.2, 41.2, 58.2). В конституциях 1845 и 1876 г., основанных на совместном суверенитете, это делалось путем принятия закона (ст. 53 и 63, соответственно).

Юридические факты наследования короны. Нормы о наследовании короны, рассмотренные выше, в соответствии с конституциями XIX в. могли быть применены при наличии одного из двух ординарных оснований: смерть предыдущего короля или его отречение. Первое основание возникло в рассматриваемый период после смерти Фердинанда VII, наступившей 29 сентября 1833 г., и Альфонса XII, наступившей 25 ноября 1885 г. Второе основание для замещения престола – отречение предыдущего короля от власти – закреплено всеми испанскими монархическими конституциями. Процедура отречения требовала согласия Кортесов (ст. 172.3 Конституции 1812 г.) или издания специального закона, уполномочивающего на отречение (ст. 48.6 Конституции 1837 г., ст. 46.4 Конституции 1845 г., ст. 53.7 Конституции 1856 г., ст. 74.7 Конституции 1869 г., ст. 55.5 Конституции 1876 г.). При этом отречение производилось в пользу наследника короны (кроме Конституции 1869 г.). Однако отречения Карла IV и Фердинанда VII в 1808 г., Изабеллы II в 1870 г., Амадея I в 1873 г. не соответствовали действовавшим в соответствующий момент конституционным нормам, и их последствия, как отмечалось, оказались различными.

В Конституции 1869 г. было предусмотрено третье – новое для испанского конституционализма – основание занятия трона: выборы короля (ст. 1 переходных положений). На конституционно-монархическом этапе также имело место и экстраординарное занятие престола. Таковым стало провозглашение королем Альфонса XII 29 декабря 1874 г в ходе пронунсиаменто восставшими военными.

Регентство. Конституции рассматриваемого периода закрепили создание регентства, призванного временно заменить монарха, осуществляя при этом полномочия короля от его имени. Наличие данного института предусматривалось всеми монархическими основными законами страны: 1812 г. (ст. 186–190, 192 и 194), 1837 г. (ст. 57, 58), 1845 г. (ст. 57, 61), 1856 г. (ст. 61, 62). Их положения вводили два вида регентства: на время несовершеннолетия короля и на случай признания его Кортесами неспособным выполнять обязанности по управлению государством.

Король считался несовершеннолетним до достижения возраста, указанного в Конституции: 18 лет - 1808 г. (ст. 6), 1812 г. (ст. 185), 1869 г. (ст. 82); 14 лет - 1837 г. (ст. 56), 1845 г. (ст. 56), 1856 г. (ст. 60); 16 лет - 1876 г. (ст. 66). Однако исключение из общего правила было сделано, как отмечалось выше, в отношении 13-летней Изабеллы II, когда 8 ноября 1843 г. сенаторы и депутаты Конгресса объявили ее совершеннолетней.

В соответствии с Конституцией 1812 г. физическая или умственная неспособность короля являлась основанием для назначения регентства (ст. 187). Если же она длилась два года, а наследник достигал возраста совершеннолетия, Кортесы могли назначить его регентом (ст. 188). В Конституции 1837 г. указывалось лишь на то, что неспособность короля «по каким-либо причинам управлять» признавалась поводом для созыва чрезвычайных Кортесов (ст. 28) и назначения регентства (ст. 57), а в конституциях 1845 и 1856 г. (ст. 61), 1869 г. (ст. 83), 1876 (ст. 71) – лишь для назначения регентства.

Следует вспомнить, что основания создания регентства стали предметом размышлений профессора Римского университета и министра В. Орландо. Комментируя соответствующие положения Пьемонтского статута 1848 г. (ст. 12–16),⁵²⁹ он отметил наряду с несовершеннолетием «физическую невозможность» короля выполнять свои обязанности, а к ее проявлениям отнес, прежде всего, душевную болезнь, а также «иные недуги (уродство, слепота, глухота и немота)»,

⁵²⁹ Статут Королевства [Италия] (4 марта 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. / под ред. П.Н. Галанзы. С. 467–475.

которые должны быть приняты во внимание «по поводу каждого отдельного случая».⁵³⁰

На рассматриваемом этапе к регентству прибегали довольно часто. Особое место занимали регентские советы, созданные в связи с отсутствием Фердинанд VII. Во время правления Изабеллы II имели место регентства, осуществляемые ее матерью Марией Кристиной, генералом Б. Эспартеро, временным Министерством-регентством. Во время несовершеннолетия Альфонса XIII в течение 16 лет регентшей была его мать Мария Кристина Габсбург.

Начало правления. В двух первых конституциях уделялось пристальное внимание королевской присяге, приносимой Кортесам. Ее должен был принести преемник, достигший совершеннолетия, вступая на трон. Это правило было заимствовано из Конституции Франции 1791 г. (ст. 4 отдела I главы второй раздела третьего). В Конституции 1808 г. указывалось, что присяга должна быть принесена в присутствии Сената, Государственного совета, Кортесов и Королевского совета, называемого Кастильским (ст. 5), и закреплялся ее точный текст (ст. 7). По Конституции 1812 г. король должен был принести предписанную клятву в Кортесах (ст. 173). В остальных основных законах лишь указывалось их право принимать присягу короля, наследника престола и регентства в соблюдении Конституции и законов (конституции 1837 г. (ст. 40.1), 1845 г. (ст. 39.1), 1856 г. (ст. 41.1), 1869 г. (ст. 58.1), 1876 г. (ст. 45.1). Основной закон 1869 г. также содержал бланкетную норму, отсылая к акту Кортесов, которым они установят «порядок и срок ее принесения для первого монарха, который займет трон» в соответствии с данной Конституцией» (ст. 79).

В остальном регулирование порядка престолонаследия, начиная с Конституции 1812 г., отличалось строгой последовательностью в закреплении его принципов и правил и знаменовало наличие сформировавшейся традиции. К отказу от нее не привел недолгий перерыв, вызванный революцией 1868 г. и установлением Первой Республики. Во время третьего периода конституционно-

⁵³⁰ Орландо В. Принципы конституционного права. С. 170–171.

монархического этапа истории рассматриваемого института (1868–1931) имели место поиски новых вариантов оформления порядка замещения поста главы государства. Они были обнаружены в зарубежном и национальном конституционном законодательстве и использованы испанскими учредителями при двух попытках отхода (частичного и полного) от сложившейся национальной традиции. Однако отказ от апробированных правил не прижился в Испании, что привело к возвращению представителей династии Бурбонов и к прежнему порядку занятия трона.

На республиканском этапе был совершен отход от сложившейся традиции, и нормы о порядке престолонаследия были заменены положениями, устанавливающими процедуру проведения выборов и требования, предъявляемые к кандидатам на должность. Основанием для занятия должности президента, являлось избрание в установленном порядке и принесение им присяги Кортесам (ст. 72). Это действие знаменовало начало исполнения конституционных обязанностей, а их завершало принесение присяги следующим избранным президентом.

Выборы президента проводились в связи с истечением срока его полномочий или при их досрочном прекращении. Обеспечивая непрерывность и преемство президентской власти, учредитель установил, что выборы проводятся за 30 дней до истечения срока полномочий главы государства (ст. 73). А в случае досрочного освобождения поста президента новые выборы назначались в течение восьмидневного срока и проводились в течение 30 дней (ст. 74). Соблюдение данного порядка должно было предотвратить возможную ситуацию отсутствия в Испании главы государства.

Конституция 1931 г. четко закрепила требования, предъявляемые к кандидату в президенты республики (ст. 69-70). Он должен быть испанцем, обладающим всей полнотой гражданских и политических прав и достигшим 40-летнего возраста. Следует отметить *большую* строгость по сравнению с конституционным проектом 1873 г.: минимальный возраст оказался увеличен на

10 лет. Также были установлены препятствия для замещения вышей должности в государстве, ее не могли занять: а) военнослужащие, находившиеся на службе или в запасе, или вышедшие в отставку, если не прошло по крайней мере десять лет с момента оставления ими службы; б) духовные лица, церковнослужители различных конфессий и монахи; в) члены королевских семей, находящихся или ранее находившихся у власти в других странах (ст. 71). Данными положениями законодатель исключил появление во главе государства представителя одного из институтов, столь печально влиявших на судьбу Испании в течение всей ее конституционной истории: церкви, армии, королевского двора.⁵³¹ Особое опасение вызывало влияние военных на политическую жизнь страны, которое они оказывали в течение всего XIX – первой трети XX в., в том числе путем армейских выступлений и восстаний.⁵³²

Согласно Конституции 1931 г. президент избирался на совместном заседании однопалатных Кортесов и выборщиков, количество которых равнялось числу депутатов (ст. 68). При этом выборщики, как и депутаты, избирались путем всеобщих прямых выборов при тайном голосовании в соответствии с процедурой, установленной законом (ст. 52, 68). Закон от 1 июля 1932 г. развивал конституционные положения и установил, что избирателями и избранными выборщиками могут быть испанцы обоих полов, достигшие 23 лет, обладающие всей полнотой гражданских и политических прав и проживающие на территории муниципалитета. Выборщики избирались в воскресный день, назначенный Правительством, между тридцатым и сороковым днями, предшествующими президентскими выборам. Кандидаты в выборщики выдвигались: 1) одной десятой от общего числа членов муниципального совета округа, 2) двадцатой частью избирателей округа.⁵³³

В соответствии с порядком, установленным Основным законом, 10 мая

⁵³¹ *Pinto M.* La Constitución de la República Española. Buenos Aires, 1933. P. 49.

⁵³² *Ibid.* P. 11.

⁵³³ Ley disponiendo que pueden elegir y ser elegidos compromisarios, para los efectos del artículo 68 de la Constitución de la República, los españoles de uno y otro sexo, mayores de veintitrés años, que se hallen en el pleno goce de sus derechos civiles y políticos y sean vecinos de un municipio (1 de julio de 1932) (URL:<http://www.ub.edu/ciudadania/textos/electoral/1932.htm>).

1936 г. был избран на должность президент М. Асанья Диас, ставший вторым президентом Республики. Опыт замещения поста главы государства путем выборов является историческим сюжетом, который не нашел своего дальнейшего развития в конституционном законодательстве и политической практике в Испании в связи с начавшейся гражданской войной.

Этап личной власти каудильо Ф. Франко При аксиоматическом отношении к своему правлению как к пожизненному Ф. Франко обратился к данному вопросу после принятия решения о восстановлении монархии.

В Законе 1947 г., исходя из перспективы развития испанской государственности, законодатель закрепил два порядка замещения поста главы государства: после Ф. Франко и после появления в Испании короля. Первый порядок являлся экстраординарным, временным и рассчитанным на однократную реализацию. В королевстве, в котором еще не было короля, следующим главой государства должен был стать назначенный Ф. Франко преемник с титулом короля или регента, которого утверждали Кортесы; при этом каудильо в любой момент мог отменить ранее сделанное назначение (ст. 6). Свободу выбора кандидата он самоограничил определенными требованиями: королем или регентом мог стать лишь испанец мужского пола, достигший 30-летнего возраста, исповедующий католическую религию, обладающий качествами, необходимыми для выполнения его высокой миссии, и принесший клятву в верности основным законам, а также принципам Национального движения (ст. 9). Преемник должен был стать королем или регентом в одном из трех случаев: после смерти каудильо, а также при признании его недееспособным или при его добровольной отставке.

Законодатель детально регламентировал действия государственных органов при отсутствии такого назначения. Правительство и Совет королевства на закрытом совместном заседании двумя третями голосов определяли кандидатуры будущего короля из числа лиц, имеющих королевское происхождение. Принятое решение представлялось на одобрение Кортесов, оно считалось полученным, если кандидата поддержали две трети прокуратуров. Если подобное решение

не принималось, регентом назначалось лицо, которые «по своему престижу, способностям и при вероятной поддержке нации должно было занять этот пост» на определенный срок и с определенными условиями (ст. 8).

Ординарный порядок замещения поста главы государства – наследование короны - базировался на принципах, ставших традиционными для испанского конституционного права XIX в. (ст. 11): первородства, права представления, с привычными приоритетами линий и степеней, однако с одним существенным отличием. Оно состояло в том, что женщины не допускались к наследованию трона, но передавали это право своим наследникам мужского пола. Тем самым закреплялась «салическая система» престолонаследия в ее средней разновидности.⁵³⁴

Исключение из числа наследников «лиц королевского происхождения, которые не обладают способностями, необходимыми для занятия престола, или своим явным пренебрежением к основным принципам государства, или своими действиями заслуживают лишения прав наследования», производилось Кортесами по представлению главы государства, предварительно заслушавшего мнение Совета королевства (ст. 13). Недееспособность главы государства устанавливалась Правительством по решению двух третей его членов, сообщаемым Совету королевства. Согласие последнего нуждалось в одобрении Кортесов (ст. 14). К их полномочиям также относилось определение срока и условий действия регентства (ст. 8), отречение от престола нуждалось в их утверждении (ст. 12). Данные полномочия были традиционны для испанских Кортесов и отражали стремление придать всевластие Ф. Франко квазиконституционный облик. Вместе с тем, порядок замещения поста главы государства, введенный в 1947 г., был реализован после кончины каудильо и обеспечил мирный переход Испании к новому этапу развития страны.

На парламентско-монархический этапе порядок замещения главы государства определяется системой норм и включает: имя короля, установление

⁵³⁴ Esteban J. (de), González-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitucional. En 3 t. T. 3. P. 50.

принципов и правил наследования престола (общих и специальных для конкретного короля), указание возраста его совершеннолетия и принесения присяги Кортесам как основания для занятия трона, норму о досрочном завершении правления, о принце Астурийском, регентстве и опекуне. Данные положения закреплены в ст. 57 Конституции 1978 г., состоящей из пяти частей и посвященной собственно наследованию короны.

Прежде всего, в ней закреплено общее правило: «Корона Испании наследуется преемниками Его Величества дона Хуана Карлоса I де Бурбон, законного наследника исторической династии» (ст. 57.1). Указание имени короля и наследования как ординарного основания для занятия престола было характерно не только для всех монархических конституций Испании (кроме 1869 г.), но и для аналогичных актов других стран, действовавших во время разработки испанской Конституции. Например, в Конституции Нидерландов было указано: «Корона Нидерландов вверена Его Величеству Виллему Федерику, Принцу Оранскому-Нассау, и остается за ним с тем, чтобы Он и Его законные потомки владели ею по наследству...» (ст. 10).⁵³⁵

В Конституции 1978 г. закреплены принципы первородства и права представления при наследовании короны, а также приоритеты при определении наследников с предпочтением более близкой линии родства перед более дальней, в одной линии – более близкой степени родства, при одной и той же степени родства – мужчине перед женщиной, старшему – перед младшим (ст. 57.1). В XXI в. специалисты по конституционному праву стали обращать внимание на несоответствие приоритета мужчин перед женщинами принципу юридического равенства всех испанцев, закрепленному в самой Конституции (ст. 14), в том числе независимо от пола, а также предлагать отказаться от преимущества мужчин при определении наследника престола в связи с внесением

⁵³⁵ Конституция Королевства Нидерландов // Конституции буржуазных государств Европы. С. 663–664. – В Конституции Королевства Нидерландов 17 февраля 1983 г. было указано: «Право на престол передается по наследству и принадлежит законным наследникам Короля Вильгельма I, принца Оранского-Нассау» (ст. 24) (Конституция Королевства Нидерландов 17 февраля 1983 г. / пер. с англ. В.И. Лафитского // Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2. С. 613).

соответствующих изменений в тексты конституций Швеции (1980), Норвегии (1990), Бельгии (1991)⁵³⁶.

Действующая Конституция Испании упоминает об отречении, как об одном из предметов регулирования нормами органического закона (ст. 57.5). Данное правило, явно заимствованное из исторических конституций, предписывавших, что король должен быть уполномочен на отречение специальным законом (в Конституции 1812 г. – Кортесами), подвергалось критике по поводу необходимости издания конституционного вида закона для данного казуса.⁵³⁷ Отречение рассматривается как односторонний акт, имеющий характер личный и окончательный. В результате отречения король утрачивает полномочия и функции, которые передаются наследнику короны.⁵³⁸ Данное конституционное положение было реализовано в 2014 году. 2 июня король Хуан Карлос I объявил о своем отречении. После соблюдения процедуры принятия его отречения был издан Органический закон.⁵³⁹ Он был принят Конгрессом депутатов 11 июня 2014 г.⁵⁴⁰ и одобрен Сенатом 17 июня.⁵⁴¹ 18 июня 2014 г. Закон был санкционирован и промульгирован во время торжественного акта в Королевском дворце в Мадриде. Акт состоял из единственной статьи, включавший два пункта. Он объявлял о признании отречения монарха (п. 1) и о приобретении им юридической силы в момент вступления Закона в действие (п. 2). 19 июня 2014 г. королем Испании был объявлен Филипп VI, ранее принц Астурийский. Следует

⁵³⁶ *Gómez Sánchez Y.* La Sucesión a la Corona // *Las monarquías europeas en el siglo XXI* / dir. por G. Rollnert Liern. Madrid, 2007. P. 157–158.

⁵³⁷ *Torres del Moral A.* En torno a la abdicación de la Corona // *Revista Española de Derecho Constitucional*. 2014. N 102, septiembre-diciembre. P.15–16.

⁵³⁸ *Serrano Alberca J. M.* La Corona, abdicaciones e renunciaciones (Artículo 57 de la Constitución española). P. 47.

⁵³⁹ Ley orgánica 3/2014 de 18 de junio, por la que hace efectiva la abdicación de Su Majestad el Rey Don Juan Carlos I de Borbón // *Boletín Oficial del Estado*. Art. 6476. N 148. Jueves 19 de junio de 2014. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. 19 de junio de 2014. P. 46396–46398.

⁵⁴⁰ Las Cortes Generales aprueban el proyecto de Ley Orgánica de abdicación de S.M. el Rey don Juan Carlos, 17 de junio de 2014 (URL: http://www.congreso.es/portal/page/portal/Congreso/Congreso/SalaPrensa/NotPre?_piref73_7706063_73_1337373_1337373.next_page=/wc/detalleNotaSalaPrensa&idNotaSalaPrensa=13146&anyo=2014&mes=6&pagina=1&mostrarvolver=S&movil=null).

⁵⁴¹ Proyecto de Ley Orgánica de abdicación de S.M. el Rey don Juan Carlos // *Diario de sesiones del Senado*, 17 de junio de 2014. N 116. P. 10919 (URL: http://www.senado.es/legis10/publicaciones/pdf/senado/ds/DS_P_10_116.PDF).

отметить, что в 2013 г. в Европе произошло несколько случаев отречения от престола: например, королевы Нидерландов Биатрикс после 33 лет пребывания на троне и бельгийского короля Альберта II после 20 лет правления.⁵⁴² Все они, включая Хуана Карлоса I, передали власть более молодым преемникам.

В действующей Конституции не устанавливается специальный возраст, по достижении которого король считается совершеннолетним, поэтому в отношении него действует общая норма, закрепленная в гражданском законодательстве. Вступая на трон, король приносит присягу перед Генеральными кортесами (ст. 61.1).

Конституция содержит положения о регентстве (ст. 59) и об опеке несовершеннолетнего короля (ст. 60), источниками которых стали основные законы конституционно-монархического этапа.

Таким образом, бурная конституционная история Испании слабо отразилась на оформлении правил замещения поста главы государства. Они отражали традицию, имеющую исторические корни. Все испанские монархические конституции, включая ныне действующую, содержали соответствующие нормы, отражавшие в содержательном смысле обстоятельность и преемственность, свойственные эволюции испанского конституционализма. Поэтому порядок замещения поста главы государства является существенным фактором обеспечения стабильности не только самого института главы государства, но и испанской государственности в целом.

§ 2. Принцип суверенитета в конституционной истории Испании: концептуальное осмысление и легальное оформление

В испанской литературе по истории конституционного права неоднократно подчеркивалось значение принципа суверенитета для конституционного оформления статуса главы государства на различных этапах эволюции

⁵⁴² *Torres del Moral A.* En torno a la abdicación de la Corona // *Revista Española de Derecho Constitucional.* 2014. N 102, septiembre – diciembre. P. 18.

государственности.⁵⁴³ Также исследователями отмечалось отсутствие одного «стабильного» юридического понятия суверенитета и его субъекта (по-испански: *titular* – держатель, обладатель) на протяжении конституционной истории страны.⁵⁴⁴

Идейные источники провозглашения принципа суверенитета. Во время государственно-правовых преобразований в Испании вопрос о субъекте суверенитета вызывал бурную дискуссию. На его разрешение повлияли два основных идейных источника: концепция суверенитета, получившая развитие во Франции в XVIII–XIX в., и учение Г.М. Ховельяноса.

Особое внимание к определенности содержания термина «суверенитет» у Г.М. де Ховельяноса обнаружилось в связи с началом деятельности Генеральных и чрезвычайных кортесов в 1810 г. Мыслитель различал понятия «национальный суверенитет» (*soberanía nacional*) / «верховенство» (*supremacía*) и «политический суверенитет» (*soberanía política*) / суверенитет (*soberanía*). Национальный суверенитет – «верховное, первоначальное и неотъемлемое право, которым обладают нации для того, чтобы сохранять и защищать свою конституцию», и он проявлялся в законодательной власти». Политический суверенитет – «независимая и высшая власть по руководству общей деятельностью». «Политический» суверенитет ассоциировался с исполнительной властью, осуществляющий ее король «суверенно руководит» общими делами, хотя и функционирует в соответствии с законами. Г.М. де Ховельянос также указал на участие короля в законотворчестве, в котором главную роль все же должны играть Кортесы.⁵⁴⁵ При этом для него, как отмечали исследователи творчества

⁵⁴³ *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 110; *Esteban J (de).* Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. P. 161–167; *Varela Suanzes-Carpegna J.* Política y Constitución en España (1808-1978). P. 19–22; *Moreno García S.* La concepción y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978 (Tesis doctoral). Madrid, 2006. P. 353–361 et al.

⁵⁴⁴ *Pérez Serrano N.* El concepto clásico de Soberanía y su revisión actual // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1933. Vol. 16. N 63. P. 289-327; *Moreno García S.* La concepción y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978 (Tesis doctoral). P. 13; *Turégano I.* Soberanía // Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. N 4. P. 154 et al.

⁵⁴⁵ *Jovellanos G.M. (de).* Obras. T. 5. Aclaraciones del Autor. Madrid, 1845. En 8 t. T. 5. P. 576–578, 583–584, 586–587.

государственного деятеля, осуществление власти суверена основывается на верховенстве народа или нации.⁵⁴⁶

Из французской доктрины суверенитета испанскими учредителями было воспринято признание абстрактного, неперсонализованного характера суверенитета и «рационализация политической власти».⁵⁴⁷ Особое значение имел французский опыт по законодательному оформлению принципа суверенитета – как национального (по Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Конституции 1791 г.), так и народного (по Конституции 1793 г.).

*Виды суверенитета.*⁵⁴⁸ Испанская доктрина суверенитета в том варианте, в котором она утвердилась в XIX в., уделила немало внимания проблематике конституционного оформления принципа суверенитета. Так, Х.-Ф. Пачеко отметил три современных ему значения термина «суверенитет». Прежде всего, он ассоциировался с верховенством публичной власти, и как таковой был назван «учрежденным» суверенитетом (*soberanía constituida*). Под «первоначальным» (или «исходным») суверенитетом (*soberanía originaria*) юрист понимал источник (каузу, принцип) публичной власти. Наконец, термин «суверенитет» охватывал и учредительную власть, имеющую право самостоятельно устанавливать основные законы, поэтому Х.-Ф. Пачеко выделил «учредительный» суверенитет (*soberanía constituyente*).⁵⁴⁹

«Учрежденный» суверенитет, по мнению юриста, был связан с принятием законов, а закон рассматривался им как «выражение» суверенитета, и его обладателем признавался орган, принимающий законы.⁵⁵⁰ Позднее указанные три

⁵⁴⁶ *Sánchez Corredera S.* Jovellanos y el jovellanismo, una perspectiva filosófica: estudio histórico y filosófico sobre Jovellanos, en la Perspectiva del materialismo filosófico, desde la ética, la política y la moral. Fundación Gustavo Bueno, 2004. P. 475.

⁵⁴⁷ *Turégano I.* Soberanía // *Eunomía*. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. N 4. P. 156.

⁵⁴⁸ Современный отечественный взгляд на проблему видов суверенитета представлен в статье (и библиографии к ней) специалиста по конституционному праву: *Овсепян Ж.И.* Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правопонимания // *Весті Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2016. № 4. С. 99–109; в монографии историка права: *Исаев И.А.* Суверенитет: закрытое пространство власти. М.: Проспект, 2017. 160 с.

⁵⁴⁹ *Pacheco J.F.* Lecciones de derecho político constitucional. P. 58–59.

⁵⁵⁰ *Ibid.* P. 59.

вида были отмечены также В. Сантамария де Паредес.⁵⁵¹ Предложенная классификация весьма полезна для выявления значимости принципа суверенитета в истории института главы государства.

Принцип суверенитета на конституционно-монархическом этапе развития института главы государства. На данном этапе идея божественного «первоначального» суверенитета не подвергалась сомнению, что выражалось в признании короля правящим «по воле Бога» (или «по воле Бога и в соответствии с Конституцией»). На два источника указывалось и в текстах конституций 1812, 1837, 1845, 1876 г. В текстах «нерожденной» Конституции 1856 г. и Основного закона 1869 г. упоминание божественного происхождения королевской власти отсутствовало.

«Учредительный» суверенитет был представлен тремя разновидностями: королевский, национальный и совместный, каждая из них предопределяла особенности «учрежденного» суверенитета и его реализации, а также своеобразие статуса короля.

Исторический фон начального периода конституционной истории Испании породил специфику понимания суверенитета и выбора его субъекта (носителя). В условиях национально-освободительной войны испанцев против наполеоновских войск возник, как отметил Х. Касанова, плюрализм суверенитетов: он был представлен суверенитетом короля («дарованного» монарха Жозефа Наполеона), Генеральных и чрезвычайных кортесов и народа, воевавшего против французов.⁵⁵² Действительно, народ фактически стал субъектом суверенитета в условиях национально-освободительной войны и обеспечил саму возможность радикальных политико-правовых преобразований, проведенных Генеральными и чрезвычайными кортесами. Данное обстоятельство, наряду с указанными идейными источниками, стало основой для признания национального суверенитета исходным началом преобразований организации власти,

⁵⁵¹ *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 110–114.

⁵⁵² *González Casanova J.A.* La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. P. 295.

«реквизитом» испанского конституционализма,⁵⁵³ сохранившего свое значение на протяжении последующих десятилетий.

В Конституции 1808 г. и Королевском статуте 1834 г. термин «суверенитет» и указание его носителя отсутствовали. Королевский суверенитет, называвшийся в литературе XIX–начала XX в. «монархическим принципом», логично выводился из факта октроирования монархами данных актов. «Учрежденный» суверенитет по Конституции 1808 г. был предопределен незначительным самоограничением короля в осуществлении власти путем привлечения к этому процессу указанных в ее тексте органов. Хорхе де Эстебан определил разновидность суверенитета, лежащего в основе Статута 1834 г., как «традиционный» (*soberanía tradicional*), т. е. связанный с доконституционной политико-правовой традицией Испании: власть принадлежит королю, однако он осуществляет ее в соответствии с ограничениями, определенными нормами акта, при этом последнее слово, всегда остается за королем.⁵⁵⁴ В отличие от Х. Эстебана некоторые исследователи характеризуют суверенитет по Конституционному статуту 1834 г. как совместный. Сторонники этой позиции исходят из представления о положенной в основу Статута «исторической» конституции Испании. В его тексте, действительно, содержались точные ссылки на конкретные статьи законодательства XVI в. (ст. 1, 30, 34), а также на Семь партий (ст. 1, 27), которые подтверждали право монарха созывать Кортесы, а также их участие в вотировании налогов, в принятии клятвы наследника престола, в обсуждении «затруднений, серьезность которых, по мнению короля, требовала консультаций с ними». Именно последнее стало главным аргументом Х. Томаса Вильярройи в пользу тезиса о совместном суверенитете короля и Кортесов.⁵⁵⁵ Однако текст Статута показывает, что в решении важных для страны вопросов роль Кортесов была совещательной. Общей характеристикой Конституции 1808 г. и

⁵⁵³ Данный выразительный термин-характеристика использован в статье: Masferrer A. Soberanía nacional en las Cortes gaditanas: su debate y aprobación // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años. En 2 t. T. 2 / Dir. J.A. Escudero. Madrid, 2011. P. 639.

⁵⁵⁴ Esteban J. (de). Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. P. 164.

⁵⁵⁵ Tomás Villarroya J. El sistema político del Estatuto Real (1834–1836). P. 127.

Королевского статута 1834 г., основанных на королевском «учредительном» суверенитета, является и та, что оба акта не основывали систему организации власти на принципе разделения властей, хотя и закрепили функциональные разграничения компетенции высших органов государства.

Национальный «учредительный» суверенитет, заменивший королевский суверенитет, закреплен в основных законах 1812 г. (ст. 3), 1837 г. (преамбула), 1856 г. (ст. 1), 1869 г. (ст. 32), и он стал основой конституционного оформления королевской власти (короля) как учреждаемого института. Он также предопределил главную характеристику «учрежденного» суверенитета – значительную роль Кортесов в осуществлении государственной власти. Его проповедниками в XIX в. были прогрессисты, демократы, республиканцы. Примечательно, что при разработке и принятии конституций в 1812 и 1869 гг. король физически отсутствовал в Испании, а в 1837 и 1856 гг. королева не принимала участия в процессе разработки и обсуждения конституционных текстов.⁵⁵⁶

Впервые декларация о национальном суверенитете появилась в декрете 24 сентября 1810 г. («и пусть национальный суверенитет принадлежит Кортесам»), и она стала фундаментом учредительной миссии представительного органа. По вопросу о субъекте суверенитета депутаты Генеральных и чрезвычайных кортесов, придерживались различных точек зрения. Среди них были приверженцы национального, королевского, совместного суверенитета. В острой дискуссии победу одержали радикально настроенные либералы – сторонники национального суверенитета, считавшие, что нация ни при каких обстоятельствах не может от него отказаться.⁵⁵⁷

Конституция 1812 г. объявляла: “Суверенитет по существу принадлежит нации” (ст. 3). Данная формулировка была явно заимствована из французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 3) и Конституции 1791 г.

⁵⁵⁶ На этот важный факт обращено особое внимание: *Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España (1808-1978). P. 20.*

⁵⁵⁷ *Fernández García A. La cuestión de la soberanía nacional // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2002. Vol. 24. P. 48.*

(ст. 1 вводной части раздела третьего «О государственных властях».⁵⁵⁸ Однако, несмотря на текстуальное совпадение, учредительные Кортесы вкладывали иное содержание в понятие нации как носителя суверенитета. Х. Варела Суансес-Карпенья выделил три основных подхода к пониманию нации в Генеральных и чрезвычайных кортесах.⁵⁵⁹ Так, защитники королевских прерогатив (*realistas*) считали таковой «нерушимый союз короля и народа». Депутаты от колоний в Америке представляли нацию объединением индивидов и (народов) провинций, из которых состояло королевство. Для либералов из Испании нация не была простым множеством индивидов, ее составляющих, но «существом чисто идеальным, фиктивным, простым субъектом ответственности за власть»; вместе с тем, общая воля нации выявлялась из «объединения воли индивидов».⁵⁶⁰ Данное понимание нации частично напоминало взгляды значительной части Учредительного собрания, принявшего первую Конституцию Франции.

Очевидно, депутатам было хорошо знакомо представление Э.-Ж. Сийеса о «нации» как «обществе людей, живущих под общим законом и представленном одним законодательным учреждением».⁵⁶¹ Однако в иных исторических реалиях Кортесы не могли полностью принять его подход с отождествлением нации и третьего сословия.⁵⁶² В тексте Конституции 1812 г. не получило отражения и представление о нации как о юридическом лице, что было свойственно французским учредителям при разработке Конституции 1791 г.⁵⁶³ Генеральные и чрезвычайные кортесы определили испанскую нацию как состоявшее из индивидов «объединение испанцев обоих полушарий» (ст. 1) (ст. 12).

⁵⁵⁸ Конституция 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств / под ред. П.Н. Галанзы. С. 255.

⁵⁵⁹ Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. N 87 (Constitución y representación en las Cortes de Cádiz. Los diputados aragoneses). P. 13–15. – Данная статья также вошла в книгу: Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España (1808-1978). P. 197–223.

⁵⁶⁰ Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. N 87. Constitución y representación en las Cortes de Cádiz. Los diputados aragoneses. P. 13–15.

⁵⁶¹ Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / сост. М.Б. Певзнер. СПб., 2003. С. 160.

⁵⁶² Там же. С. 159, 162.

⁵⁶³ История буржуазного конституционализма XVII–XVIII в. М., 1983. С. 207.

Примечательно, что счастье нации было признано целью Правительства, и оно понималось как благополучие ее членов (ст. 13). Для вхождения в состав нации лицо должно было удовлетворять требованиям, указанным в Конституции (ст. 5). Законодатель выделил «граждан» – испанцев, обладающих правом избирать депутатов Кортесов (ст. 27), занимать муниципальные должности и избирать на них в установленном порядке (ст. 23). При этом Кортесы были определены как собрание депутатов, представляющих нацию (ст. 27). Ни Кортесы в целом, ни король не объявлялись «представителями» нации, как это было сделано в Конституции Франции 1791 г.

В труде, опубликованном на следующий год, после принятия Конституции, Ф. Мартинес Марина сформулировал дефиницию нации как «объединения или коллективного образования всех членов государства».⁵⁶⁴ Комментируя рассуждения Ф. Мартинеса Марины, Х.-А. Мараваль отметил, что государство представлялось им как «политическая организация», и «верховная власть» нации всегда связана с государством.⁵⁶⁵

Особенность испанской терминологии проявилась в том, что Кортесы связывали понятие нации с населением страны, территорией, состоящей из исторических областей (ст. 10), с католической религией (ст. 12) и монархической формой правления (ст. 14). Либералы в Кортесах демонстрировали приверженность политико-правовой традиции страны, глубокие преобразования они «интеллектуально подводили к средневековью» и одновременно к представлению о «современном государстве».⁵⁶⁶ Нация как субъект суверенитета в понимании депутатов Кортесов имела два аспекта: историческое и конституционное.⁵⁶⁷ Примечательно, что 25 августа 1811 г. депутат Льянерас

⁵⁶⁴ *Martínez Marina F.* Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos León y Castilla. T. 1. P. 241.

⁵⁶⁵ *Maravall J.A.* Estudio Preliminar // *Martínez Marina F.* Discurso sobre el origen de la Monarquía y sobre la naturaleza del gobierno español / Ed. y Estudio Preliminar de J.A. Maravall. Madrid, 1988. P. 46.

⁵⁶⁶ *García de Cortázar F.* Presentación // *Nación española: historia y presente* // Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales. 2001. N 63. P. 9.

⁵⁶⁷ *Coronas S.M.* Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812. Fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: Nazione, rivoluzione e costituzione. Rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / a cura di A. Romano e F.V. Caffarelli. Palermo, 2012. 2v. Vol. 1. P. 299.

предложил следующую формулировку ст. 1: «Испанская нация есть объединение всех испанцев, живущих по одним и тем же законам и при одном и том же главе (*cabeza*), каковым является король».⁵⁶⁸ Во время дискуссии депутат Льямас заявил: «Испанский народ [...] и наш любимый суверен сеньор дон Фердинанд VII, который является его главой (*cabeza*), образуют моральное тело (*cuerno moral*), которое я называю нацией или Испанской монархией».⁵⁶⁹

В текст Конституции не вошла предложенная формулировка о праве нации изменять свою форму правления. Однако Ф. Мартинес Марина полемизировал с учредителями: нация имеет на это право, поэтому может требовать, чтобы король отрекся от права на корону;⁵⁷⁰ если же он злоупотребляет властью и нарушает ее границы, установленные нацией и основными законами, он утрачивает свой статус, титул и права.⁵⁷¹

Испанские исследователи отметили две аспекта провозглашенного суверенитета: внешнюю и внутреннюю.⁵⁷² Внешняя была отражена с учетом конкретно-исторической ситуации в следующем положении: «Испанская Нация свободна и независима, она не есть и не может быть предметом собственности какой-либо семьи или отдельного лица» (ст. 2). Помимо общего смысла, данная норма имела конкретно-историческое содержание и обосновывала признание неправомерными решений, принятых членами королевской семьи Бурбонов и Наполеоном Бонапартом в 1808 г. Тем самым испанские учредители отказались от разновидности монархии, которую спустя десятилетия немецкий мыслитель Г. Еллинек определил формулой «монарх как собственник государства».⁵⁷³

Внутренняя сторона суверенитета выражалась в отмеченном ранее

⁵⁶⁸ Sesión del 25 de agosto de 1811 // Diario de sesiones de las Cortes Generales y extraordinarias. T. IX. Madrid, 1874. N 327. P. 1690.

⁵⁶⁹ Ibid. P. 1687.

⁵⁷⁰ *Martínez Marina F.* Teoría de las Cortes o grandes juntas nacionales de los reinos León y Castilla. T. 2. P. 430.

⁵⁷¹ Ibid. P. 433, 464.

⁵⁷² *Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G.* La forma de Gobierno en la Constitución de Cádiz // Ibid. P. 713–714.

⁵⁷³ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. С. 639. – Иные два типа определялись мыслителем формулами: «монарх как Божество или наместник Божества», «монарх как член государства и государственный орган».

исключительном праве нации устанавливать основные законы (ст. 3), а также вносить в нее изменения. Процедура принятия и исполнения соответствующего решения детально зафиксирована в тексте в Конституцию 1812 г. (ст. 375-384). Участие короля в данном процессе не предусматривалось: он должен был опубликовать внесенные поправки и довести их до сведения должностных лиц и населения страны (ст. 384).

В конституциях 1837, 1856 и 1869 гг. «учредительный» национальный суверенитет не нашел столь последовательного и завершенного оформления как в 1812 г. В преамбуле Конституции 1837 г. было указано, что «в соответствии с волей нации [...] на основе ее суверенитета» Генеральные кортесы приняли, и Мария Кристина от имени малолетней дочери (королевы «по милости Бога и Конституции Испанской монархии») промульгировала Основной закон. Х.-Ф. Пачеко, комментируя Конституцию 1837 г., указал на то, что она базировалась на «учредительном» суверенитете нации, который «отрицал» наличие суверенитета у составляющих ее частей, а также отдельных индивидов.⁵⁷⁴

Конституции 1856 и 1869 гг. были приняты учредительными Кортесами, как отмечалось выше, в результате революций без участия королевы. Формулировка принципа национального суверенитета в Конституции 1856 г., была заимствована из Конституции 1812 г.: суверенитет принадлежащим «по существу нации», и лишь она обладает «исключительным правом устанавливать свои основные законы». Кроме того, норма была усилена дополнением: «все государственные власти исходят от нации» (ст. 1). Учредители в 1869 г. частично воспроизвели положение 1856 г.: «Суверенитет по существу принадлежит нации, из которой исходят все власти» (ст. 32). Формулировка стала результатом острейших дебатов о выборе вида суверенитета: совместного, национального или народного. Некоторые депутаты настаивали на следовании идее совместного суверенитета короля и Кортесов. Прогрессисты, «унионисты» и демократы были убеждены, что нация должна установить Основной закон, предусматривающий

⁵⁷⁴ Pacheco J.F. Lecciones de derecho político constitucional. P. 78.

соответствующую организацию власти и модель королевской власти.⁵⁷⁵

Ослабление позиций прогрессистов выразилось в Конституции 1837 г. и в том, что она не регламентировала порядок внесения в нее изменений и дополнений. Таковые были введены в тексты конституций 1856 г. (ст. 87–92) и 1869 г. (ст. 110–112). В отличие от положений первого национального Основного закона 1812 г., эти акты создали базу для участия короля в данном процессе. Так, «Кортесы совместно с королем» могли инициировать внесение поправок по Конституции 1856 г. (ст. 87), а Кортесы или король - согласно Конституции 1869 г. (ст. 110).

Идею совместного «учредительного» суверенитета короля и Кортесов в XIX в. проповедовали умеренные либералы и альфонсисты и реализовали ее в конституциях 1845 и 1876 гг. Характерная черта этих актов – отсутствие четкого легального закрепления самого принципа суверенитета и его носителей. Основанием для его доктринальной проработки в испанской юридической науке стали преамбулы указанных основных законов. В 1845 г. на совместный суверенитет указывало упоминание о «воле» (*voluntad*) королевы и Кортесов, о «фуэрос и свободах» пиренейских королевств, которые учредители вознамерились «упорядочить и привести в соответствие с существующими потребностями».

В преамбулу Конституции 1876 г. была включена ссылка на «союз и согласие» короля с Кортесами, что демонстрировало исходный совместный «учредительный» суверенитет, о приверженности которому заявлял А. Кановас.⁵⁷⁶ Он явился сущностью “внутренней” конституции Испании.⁵⁷⁷ Комментируя указанные новеллы, Л. Санчес Ахеста отметил, что законодатель, вручив короне учредительную власть, признал ее «сувереном наряду с Кортесами», отождествил учредительные власти с властями учрежденными.⁵⁷⁸

⁵⁷⁵ Bolaños Mejías C. Soberanía nacional y soberanía compartida en la estructura política de la Constitución española de 1869 // Boletín de la Facultad de Derecho. 1998. N 13. P. 187.

⁵⁷⁶ Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España (1808–1978). P. 521.

⁵⁷⁷ Sánchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español. P. 191.

⁵⁷⁸ Sánchez Agesta L. Los perfiles históricos de la monarquía constitucional en España // Revista de

В конституциях 1845 и 1876 гг., как и в основных законах, основанных на королевском «учредительном» суверенитете, отсутствовали нормы, предусматривающие порядок внесения в них изменений. Согласно данным актам совместным был не только «учредительный», но и «учрежденный» суверенитет. Логичным следствием избранного вида суверенитета явилось усиление королевской власти в соотношениях с Кортесами и применение принципа «сотрудничества» властей.

Во время действия Конституции 1876 г. В. Сантамария де Паредес активно разрабатывал проблематику государственного суверенитета. По его мнению, «учредительный» суверенитет принадлежал государству, которое признавалось формой организации общества как культурно-исторической общности (*nacionalidad*). Поэтому суверенитет государства-нации был охарактеризован им как национальный суверенитет. «Учрежденный» суверенитет предопределял, согласно взглядам юриста, осуществление власти от имени государства определенными субъектами. Суверенитет являлся атрибутом власти и реализовался в функционировании ее отдельных ветвей, не утрачивая при этом своего единства.⁵⁷⁹

Поиск соотношения понятий «нация» и «государство» в конце рассматриваемого этапа имел место и на законодательном уровне. Важный шаг был сделан в конституционном проекте, разработанном во время директории М. Примо де Риверы в 1929 г. В нем Испания была определена как «нация, конституированная в государство» (ст. 1). Суверенитет объявлялся принадлежащим государству (ст. 4), а принципом его функционирования являлась «дифференциация и координация властей» (ст. 5). Суверенитет (как верховная и независимая власть) был признан свойством государства, исходным и высшим принципом его функционирования. Таким образом, принцип национального

Estudios políticos. 1987. N 55. P. 15.

⁵⁷⁹ Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 109–110.

суверенитета отождествлялся с государственным.⁵⁸⁰

Народный суверенитет на республиканском этапе. В преамбуле Конституции 1931 г. было указано, что «Испания, используя свой суверенитет, и будучи представленной учредительными Кортесами, принимает и санкционирует» Основной закон.

Примечательно, что предложение об упоминании в преамбуле «нации» так же, как и «народа» было отвергнуто, введение «Испании» представлялось более компромиссным в условиях, когда многие требовали признания существования «региональных» наций.⁵⁸¹ Вместе с тем, понятие «нация» не было забыто учредителями: президент республики, определенный как глава государства, «олицетворяет нацию» (ст. 67). Она осталась и предметом внимания ученых-правоведов. Участник революционных преобразований 1931 г. А. Посада, определил нацию как политическую общность, представлявшую собой объединение людей, проживающих на определенной территории и сотрудничающих между собой в соответствии с целями их союза, а также имеющих автономию в управлении своей жизнью и в обеспечении своей самобытности.⁵⁸² «Нация» и в терминологии законодателя, и в доктрине сохраняла самостоятельное значение, по-прежнему не представляя собой ни абстракцию по отношению к населению страны и жителям ее различных регионов, ни синоним термина «народ».

У современников возникло и укрепилось понимание народного суверенитета как конституционного принципа,⁵⁸³ и в тексте Основного закона народ объявлялся «источником всех властей» (ч. 2 ст. 1). Тем самым наряду с «Испанией» он также признавался носителем «учредительного» суверенитета. Право внести изменения в Конституцию, т. е. реализовать суверенитет Испании

⁵⁸⁰ *González Casanova J.A.* La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 1998. N 1. P. 317.

⁵⁸¹ *Pérez Serrano N.* La Constitución española, 9 diciembre 1931: antecedentes, texto, comentarios. P. 49.

⁵⁸² *Posada A.* Tratado de Derecho político. Madrid, 1935. P. 120.

⁵⁸³ *Pérez Serrano N.* La Constitución española, 9 diciembre 1931: antecedentes, texto, comentarios. P. 60.

(и народа), признавалось за учредительными Кортесами (ст. 125). Реализация народного суверенитета как «учрежденного» предполагала конституционное оформление разграничения функций органов власти как по горизонтали, так и по вертикали, но не провозглашение разделения властей, при этом термин «власть» применялся лишь в отношении Кортесов. Президент являлся главой государства, но и не мог участвовать во внесении изменений в Конституцию (ст. 125). Он не являлся гарантом учрежденного конституционного правопорядка, таковым стал Суд конституционных гарантий, учрежденный по образцу Конституционного суда Австрийской республики в соответствии с идеей Г. Кельзена о специальном юрисдикционном органе, осуществляющем конституционный надзор и независимым от других органов власти.⁵⁸⁴ Президент не принимал участия в деятельности данного Суда и его формировании.

Полновластие каудильо и национальный суверенитет. В период личной власти Ф. Франко в Испании имел место выделяемый в политической науке суверенитет харизматического типа. В течение трех десятилетий вопрос о его законодательном закреплении не стоял на повестке дня. Принцип полновластия главы государства был подобен «монархическому принципу», королевскому суверенитету, в прошлом известному Испании.⁵⁸⁵ Р. Фернандес-Карвахаль, кроме того, усматривал его аналогию с суверенитетом, который был свойственен до 1918 г. различным германским государствам с монархической формой правления.⁵⁸⁶

Однако при разработке ОЗГ 1967 г. как кодифицированного акта его авторы посчитали целесообразным закрепить традиционный для испанского

⁵⁸⁴ Об идеях австрийского мыслителя и юриста: *Кельзен Г.* Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция). Ч. 1 // *Право и политика.* 2006. № 8. С. 5-14; Ч. 2 // *Право и политика,* 2006, № 9. С. 5-18; *Кельзен Г.* Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. *Государство: право и политика* / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М., 2013. С. 359-410; *Кельзен Г.* Судебный контроль законодательства: сравнительное исследование австрийской и американской конституций / пер. с англ. А.А. Краевского // *Правоведение.* 2012. № 2. С. 190–202; *Антонов М.В.* Ганс Кельзен (1881–1973): основные вехи интеллектуального пути // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2013. № 1. С. 9.

⁵⁸⁵ *Linde Paniagua E., Herrero Lera M.* Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // *Revista de Administración Publica.* 1978. N 5. P. 53.

⁵⁸⁶ *Fernández-Carvajal R.* La Constitución española, Madrid, 1969. P. 53.

конституционного законодательства базовый принцип, и после долгого перерыва в стране был законодательно декларирован национальный суверенитет, при этом впервые он объявлялся «единым и неделимым», без возможности его «делегирования или уступки» (ст. 2.1).

Упоминание национального суверенитета порождало воспоминания о конституциях XIX в., способствовало легализации института главы государства, правления каудильо и его преемства в будущем при переходе власти королю, а также придавало закрепленному государственному строю фундаментальную теоретическую основу. Национальный суверенитет в данном случае являлся «первоначальным» суверенитетом. В политико-юридическом лексиконе тех лет широко использовалось определение «национальный»: помимо термина «национальное государство», также были введены в оборот «национальное движение», «национальный совет», «национальное правительство» и т. д. Глава государства был объявлен верховным представителем нации, воплощавшим национальный суверенитет (ст. 6 ОЗГ 1967 г.).

ОЗГ 1967 г. содержал понятие «национальная общность», а испанское государство декларировалось ее «верховным институтом» (ст. 1.1). Данная конструкция отражала представление о государстве как политической форме организации «нации» и была связана с учением Ж. Бодена, в котором одно из значений понятия *etat* охватывало не только территорию, но и, как отмечают исследователи, обозначало «устойчивый политический институт».⁵⁸⁷

Эта концепция государства развивалась провозглашением принципов единства власти⁵⁸⁸ и координации функций органов, входящих в его «институциональную систему» (ст. 2.2.). Х. Касанова усмотрел аналогию периода личной власти Ф. Франко с периодом Реставрации, поскольку, по его мнению, во время действия Конституции 1876 г. субъектом суверенитета уже признавалось

⁵⁸⁷ Кола Д. Политическая семантика «*Etat*» и «*etat*» во французском языке // Понятие государства в четырех языках: Сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб.; М., 2002. С. 86.

⁵⁸⁸ В данном случае имеется некоторое сходство положений ОЗГ 1967 г. с нормами Конституции Италии, введенной в действие на 20 лет ранее, согласно которой президент республики, определенный как глава государства, представлял национальное единство (ст. 87).

государство, хотя согласно ее тексту и имелась в виду нация.⁵⁸⁹

Государство предстало субъектом «учрежденного» суверенитета, осуществляемого «посредством его органов» (ст. 1.2). Глава государства в 1967 г. стал одним из них, его статус был законодательно оформлен, и при этом он не отождествлялся с государством. Следует отметить, что юристы, разъяснявшие положения «основных законов», обратили внимание на то, что и современные им монархи как представители всей нации в то время более явно демонстрировали стремление к деперсонализации государств, чем выборные президенты.⁵⁹⁰

ОЗГ 1967 г., по мнению исследователей, предполагал добровольную передачу генералиссимусом Ф. Франко суверенитета государству, к его реализации он лишь допускал иные органы, сохраняя свое исключительное положение среди них. Предполагаемая идея «перехода» имела символический характер вплоть до ноября 1975 г., когда после смерти каудильо суверенитет стал осуществляться государственными органами «без исключительного и верховного положения какого бы то ни было из них».⁵⁹¹ При этом курс, взятый на обеспечение единства государства и унификацию правопорядка, исключал разделение властей.

В преамбуле ОЗГ 1967 г. глава государства указал, что акт был принят вследствие осуществления им законодательных полномочий, согласно решению Кортесов о его разработке и в соответствии с «мнением испанского народа», выраженном на референдуме. Однако несмотря на указание трех субъектов, «учредительный» суверенитет в тот момент принадлежал каудильо Ф. Франко, два других субъекта лишь одобрили его волю.

«Учредительный» суверенитет главы государства Ф. Франко имел аспект, весьма знаменательный для политико-юридической истории Испании. Каудильо

⁵⁸⁹ *González Casanova J.A.* La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // *Fundamentos: Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional.* 1998. № 1. P. 295.

⁵⁹⁰ *Escobar y Kirkpatrick J.I.* El jefe del estado en la Ley Orgánica // *Revista de Estudios Políticos.* 1967. N 152. P. 36.

⁵⁹¹ *Linde Paniagua E., Herrero Lera M.* Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // *Revista de Administración Pública.* 1978. N 5. P. 53.

не только учредил новый государственно-организованный порядок, но и предусмотрел для главы государства, т. е. себя самого и своих преемников, функцию гаранта его сохранения. В десятом титуле (ст. 59–66) ОЗГ 1967 г. был закреплен механизм контроля незыблемости государственного строя, установленного основными законами, и он мог быть приведен в действие в случае, если «законодательные акты и общие распоряжения Правительства» противоречат принципам Национального движения и другим основным законам королевства (ст. 59.1). Глава государства обладал прерогативой принятия решения по данному вопросу. Несомненно, изучив опыт конституционного контроля во Второй Республике (статус Суда конституционных гарантий) и зарубежных странах, включая Францию и Италию, испанский законодатель частично использовал его, исходя из близкого ему учения К. Шмитта о главе государства как гаранте конституции «в институциональном смысле».⁵⁹²

Парламентско-монархический этап. Законом «О политической реформе» 1977 г. было предвосхищено конституционное значение принципа народного суверенитета, в нем содержалось указание на «выражение суверенной воли народа» (ст. 1.1). Выбор народного «учредительного» суверенитета продемонстрирован в преамбуле Основного закона 1978 г. В ней объявлено, что Конституция одобрена двумя субъектами - реальными участниками процесса по ее принятию: Кортесами и народом («Кортесы одобрили и испанский народ утвердил»). Поэтому проведение референдума является обязательным для полного пересмотра Конституции или изменения ее структурных элементов, содержащих фундаментальные положения конституционного строя (ст. 168), а при определенном условии – и для внесения в нее иных изменений (ст. 167.3). В тексте Конституции также декларировано, что от народа «исходят все власти государства» (ст. 1.2).

Вместе с тем, испанские учредители включили в текст (ст. 1.2) положение, дословно заимствованное из французской Конституции V Республики 1958 г.:

⁵⁹² Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика. М., 2013. С. 54.

«Национальный суверенитет принадлежит народу» (ст. 3).⁵⁹³ Данная норма может создать впечатление о том, что учредитель так и не сделал выбор между двумя принципами суверенитета, национальным и народным. Однако в этом усматривается ответ на давление, которое оказывали регионалисты, рассматривавшие национальности, проживающие в Испании, как нации.⁵⁹⁴ Испанские юристы, обращают внимание на понятие нации как источника суверенитета и народа как источника «политической власти» в Конституции 1978 г.⁵⁹⁵ Таким образом учредители показали, что национальный суверенитет, как и в Конституции 1931 г., выступает в роли «первоначального» суверенитета, и это подчеркивается в тексте преамбулы при объявлении целей принятия Основного закона.

Упоминание о национальном суверенитете соответствовало сложившейся политико-правовой традиции Испании и обостренному отношению к понятию «нация».⁵⁹⁶ Конституционным принципом объявлено «нерушимое единство испанской нации, общее и нераздельное Отечество всех испанцев» (ст. 2). Комментаторы отмечают, что он реализован в организации государственной власти на территории всей страны. Центральная власть сохраняет верховенство в отношении автономных сообществ, а также в отношении местных властей.⁵⁹⁷

Формулировка вышеуказанной ст. 2 позволяет выделить два значения понятия «нация» по Конституции 1978 г.: «государство» и Испания. На заседании Конгресса депутатов 12 мая 1978 г. обращалось внимание на то, что в современном мире существует два понятия нации: нация-государство и нации без государственности, которые именуется национальностями, имеющими

⁵⁹³ Конституция Французской республики (4 октября 1958 г.) // Конституции буржуазных государств / Сост. В.В. Маклаков. М., 1982. С. 90.

⁵⁹⁴ *Esteban J.* Tratado de derecho constitucional. En 3 t. T. 1. P. 166.

⁵⁹⁵ *Alzaga Villaamil O., Gutiérrez Gutiérrez I., Reviriego Picón F., Salvador Martínez M., Alguacil González-Aurioles J.* Derecho político español según la Constitución de 1978. T. 1. Constitución y fuentes del Derecho. Madrid, 2016. P. 119.

⁵⁹⁶ *Peces-Barba G.* La idea de Nación en la Constitución española // España: Nación y Constitución y otros estudios sobre Extremadura / coord. por Félix Iñesta Mena, Francisco J. Mateos Ascacibar. Llerena, 2012. P. 46.

⁵⁹⁷ Комментарий размещен на официальном сайте Конгресса депутатов испанских Кортесов: URL: <http://www.congreso.es/consti/constitucion/indice/sinopsis/sinopsis.jsp?art=2&tipo=2>

собственную историческую и культурную самобытность.⁵⁹⁸ Очевидно с учетом этого тезиса депутат Х. Мариас предложил определить главу государства как «символ единства и постоянства нации». А С. Ольеро сформулировал три дополнения, поясняющих значение статуса короля: «символ и верховный представитель испанской нации», он «олицетворяет испанскую нацию», «представляет испанскую нацию».⁵⁹⁹ При этом депутаты нередко приводили в пример Конституцию Испанской республики 1931 г. и действующую Конституцию Италии.⁶⁰⁰ Данные предложения не были поддержаны и не вошли в текст Основного закона 1978 г. Несмотря на то, что при обсуждении текста Конституции в Сенате высказывалась мысль о том, что монархия является «исторической персонификацией национального единства», король как глава государства по Конституции 1978 г. не олицетворяет собой нацию, как ранее глава государства-каудильо.⁶⁰¹

На парламентско-монархическом этапе «учрежденный» суверенитет принадлежит государству, а именно – его органам. Он связан прежде всего с Генеральными кортесами, представляющими испанский народ и осуществляющими законодательную власть (ст. 66.1-2), королем как главой государства (ст. 56.1) и Правительством, реализующим исполнительные и распорядительные функции (ст. 97).

Король не признается гарантом конституционной стабильности, в этом активную роль играет учрежденный Конституционный суд (ст. 159–165 раздела IX «О Конституционном суде»), статус которого был определен Органическим законом в 1979 г.⁶⁰² Вместе с тем, именно король фактически сыграл выдающуюся роль в сопротивлении восстановлению франкистского режима и исполнил эту миссию в связи с попыткой государственного переворота

⁵⁹⁸ Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados. Comisión de Asuntos Constitucionales y libertades Públicas. 12 de mayo de 1978. N 66. P. 2275.

⁵⁹⁹ Ibid. P. 98–99.

⁶⁰⁰ Ibid. P. 97–98.

⁶⁰¹ *Rollnert Liern G.* La Jefatura del Estado: Símbolo e integración política en la Constitución vigente. P. 94.

⁶⁰² Органический закон от 5 октября 1979 года о Конституционном Суде // Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 112–157.

23-24 февраля 1981 г.

Таким образом, закрепление суверенитета, как справедливо отметил Х. Варела Суансес-Карпенья, имело «решительные последствия» в виде оформления конституционной государственности и «включения» в нее института короны и главы государства.⁶⁰³

⁶⁰³ *Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España (1808-1978). P. 20.*

Глава 5. Глава государства в системе органов государственной власти в Испании

§ 1. Глава государства и Кортесы

Важнейшие характеристики института главы государства выявлялись в его взаимодействии с Кортесами и Правительством, а оно, в свою очередь, определялось принципом разделения властей, его реализацией на практике и отражением в соответствующей форме правления. Выше отмечалась связь принципа суверенитета, а точнее, соответствие избранного его «учредительного» вида, и разделения властей. Она в конечном счете детерминировала модель отношений главы государства и Кортесов.

Конституционно-монархический этап. В рамках конституционно-монархического этапа (1808–1931), соответствующего, как отмечалось, доктринальному пласту в развитии понятия главы государства, тремя видами «учредительного» суверенитета были предопределены модели королевской власти с собственными характеристиками отношений короля и Кортесов, находящихся в отношениях конкуренции.

Первая модель была представлена в конституционных актах, базировавшихся на королевском «учредительном» суверенитете (1808 и 1834 гг.). В них отсутствовал принцип разделения властей, королю придавался статус верховного органа власти. Все иные органы, не ограничивая короля, были предназначены лишь для выполнения делегированных им функций.

Вторая модель взаимоотношений короля с Кортесами зафиксирована в конституциях, базировавшихся на принципе национального суверенитета. В них четко декларирован принцип разделения властей и отмечалось стремление к закреплению верховного положения Кортесов в системе органов государственной власти. В то же время, отношения короля и Кортесов были различными. В 1812 и 1869 гг. Кортесы обладали явным верховенством в осуществлении публичной

власти, а в 1837 и 1856 гг. несколько усилилось значение королевской власти.

Третья модель была представлена в конституциях, основанных на совместном «учредительном» суверенитете короля и Кортесов (1845 и 1876 г.). Она предполагала наличие двух равнозначных субъектов осуществления государственной власти и принципа не разделения, но взаимодействия властей. Однако реализация Конституции 1876 г., как ранее Королевского статута 1834 г., привела к появлению конституционной практики, существенно отличавшейся от предусмотренной формально-юридически в ее тексте. Рассмотрим, как проявились эти модели по наиболее важным линиям взаимодействия короля и Кортесов.

Участие короля в формировании Кортесов было максимальным в первой указанной модели, основанной на королевском «учредительном» суверенитете. Для нее характерно активное воздействие короля на формирование состава и организацию деятельности Кортесов. По Конституции 1808 г. 25 представителей от духовенства и 25 от дворянства участвовали в деятельности сословного представительного органа на основе личных приглашений короля. Он также имел широкие возможности по воздействию на процесс формирования сословия «народа» (из 122 депутатов). За монархом оставалось право назначать председателя Кортесов из избранных абсолютным большинством голосов трех кандидатов (ст. 77). Начиная с 1834 г., король формировал часть верхней палаты Кортесов – Палаты пэров (ст. 3–12). Королевским статутом предусматривалось присутствие в ней: пэров – архиепископов и епископов согласно их статусу в церковной иерархии; наследственных пэров – грандов Испании; а также пэров, назначенных королем пожизненно, число которых не ограничивалось. Однако он не мог действовать произвольно, будучи обязанным соблюдать некоторые условия. В Статуте были четко указаны четыре категории назначаемых пэров с перечислением требований, которым они должны были удовлетворять (ст. 3).

Роль короля в формировании Сената⁶⁰⁴ - верхней палаты Кортесов – была

⁶⁰⁴ Данное название было заимствовано из Франции и впервые в Испании введено в текст

весьма высокой и соответствовала конституциям, основанным на принципе совместного «учредительного» суверенитета (третья модель). Так, по Конституции 1845 г. он был связан требованиями, предъявляемым к кандидатам, обеспечивающими ее аристократический характер (ст. 15). По Конституции 1845 г. помимо сыновей короля и сыновей наследника престола, достигших 25-летнего возраста (ст. 18), в верхней палате Кортесов заседали назначенные королем сенаторы, количество которых зависело лишь от его усмотрения (ст. 14). Соответственно, выборное начало, предусмотренное в Конституции 1837 г. для определенного числа сенаторов, было упразднено. По оценке Р. Бертелсена Репетто, введенный порядок формирования состава верхней палаты стал средством, направленным на усиление трона.⁶⁰⁵

По Конституции 1876 г. участие короля в формировании Сената уменьшилось. В ней предусматривалось три группы сенаторов: в силу личного права, назначенные короной и избранные корпорациями и основными налогоплательщиками (ст. 20). Королем могли быть назначены в Сенат только те лица, которые относились к одной из 12 групп, выделенных по знатности (гранды), по занимаемому посту, принадлежности к научным сообществам, значительности выплаченных налогов или имущественного положения (ст. 22). По сравнению с Королевским статутом 1834 г. и Конституцией 1845 г., Конституция 1876 г. закрепила максимальное общее количество сенаторов в силу личного права и назначаемых королем – 180 человек.

В конституциях, основанных на принципе национального суверенитета (вторая модель), участие короля в формировании Сената было менее значительным. Согласно Конституции 1837 г. основная часть испанских сенаторов назначалась королем из тройного списка кандидатов, сформированного во время выборов депутатов в каждой провинции (ст. 15). Данный порядок отличался от того, который установила Бельгийская конституция – важный юридический источник указанного Основного закона Испании, она

Конституции 1837 г. вместо палаты пэров по Королевскому статуту 1834 г.

⁶⁰⁵ Bertelsen Repetto R. El Senado en España. P. 274.

не предусматривала участие монарха в формировании Сената. При тенденции превращения верхней палаты из аристократической в представительную, в ее состав все же входили сыновья короля и непосредственного наследника престола по достижении ими 25-летнего возраста, (ст. 20) (в Бельгии это право принадлежало наследнику короля, достигшему 18 лет – ст. 58).⁶⁰⁶

По конституциям 1856 г. (ст. 18) и 1869 г. (ст. 60) Сенат стал палатой, формируемой путем выборов, король не обладал прежними возможностями по участию в ее комплектовании. Однако в соответствии с Основным законом 1856 г. в Сенате сохранилось присутствие сыновей короля и сыновей наследника, достигших 25-летнего возраста, данное положение отсутствовало в акте 1869 г.

Права созывать и распускать Кортесы, приостанавливать их заседания еще в средние века признавались исключительными правами королей в пиренейских королевствах. В XIX в. при первой модели взаимоотношений короля и представительного органа устанавливались отдельные правила их осуществления. Так, Конституция 1808 г. обязывала короля созывать Кортесы, «по крайней мере, один раз в три года» (ст. 76). По Королевскому статуту 1834 г. королевским декретом определялись: дата, место заседаний Кортесов, а также вопросы, подлежащие их рассмотрению (ст. 24, 25, 31). Однако созыв представительного органа по Статуту 1834 г. в ряде случаев становился обязанностью монарха: при возникновении «серьезных затруднений» (ст. 30), для вотирования налогов в течение установленного срока (ст. 35), в случае смерти короля (ст. 27), если наследник является несовершеннолетним (ст. 28), для принесения клятвы опекунами короля (ст. 29). В период действия Королевского статута 1834 г. сложилась практика зачитывания обращений королевы к Кортесам, что нашло формальное закрепление в регламентах двух палат.

Конституции 1808 г. не ограничивала какими бы то ни было нормами право короля приостанавливать заседания Кортесов или распускать их. Он мог совершать эти действия по своему усмотрению. Аналогичный порядок характерен

⁶⁰⁶ *Constitución belga de 1831 // Textos básicos de la historia constitucional comparada / Edición, Prólogo e Introducción de J. Varela Suanzes. Madrid, 1998. P. 275.*

и для Статута 1834 г. Исключительно монарху принадлежало право распустить Кортесы, при этом решения об их роспуске и приостановлении деятельности обеих палат подлежали оформлению королевскими декретами, контрассигнованными председателем Совета министров (ст. 37, 40). Учитывая положения Статута (ст. 35), можно предположить, что правление короля без Кортесов, деятельность которых была приостановлена, не могло продолжаться более двух лет. А их роспуск обязывал короля созвать Кортесы в течение года (ст. 44).

Второй модели взаимоотношений монарха и Кортесов, основанной на принципах национального суверенитета и разделения властей, соответствовало скрупулезное ограничение реализации королем его исторических прав в отношении Кортесов и ее детальная регламентация. Конституция 1812 г. создала гарантии наибольшей независимости Кортесов от королевского усмотрения, заложила традицию лимитации королевской власти в данной сфере с точки зрения формы и содержания. В ней была установлена дата ежегодного открытия заседаний Кортесов – 1 марта (ст. 106). Аналогичная норма Конституции 1837 г. носила компромиссный характер: закрепление 1 декабря как даты созыва Кортесов имело значение лишь в том случае, если король не созовет их ранее (ст. 27); а в Законе об отношениях между палатами было четко указано: дату, время и место начала заседаний обеих палат определял король (ст. 2). В свою очередь, Конституции 1856 и 1869 гг. закрепили обязательный ежегодный созыв представительного органа, не позднее, соответственно, 1 ноября (ст. 28) и 1 февраля (ст. 43).

Для обеспечения независимости однопалатных Кортесов от королевской власти в Конституции 1812 г. была установлена трехмесячная продолжительность ежегодных сессий (ст. 106), а в основных законах 1856 и 1869 г. – минимальная их продолжительность в четыре месяца (ст. 29 и 43, соответственно). По Конституции 1812 г. король не мог откладывать, приостанавливать сессии, распустать однопалатные Кортесы, препятствовать их деятельности и

выполнению их решений. При этом тот, кто «подстрекал короля к указанным действиям или содействовал их совершению», объявлялся предателем и преследовался как таковой (ст. 172.1).

В Конституции 1837 г., испытавшей влияние не только первой национальной Конституции, но и Королевского статута, а также в конституциях 1856 и 1869 гг. за королем признавалось право приостанавливать заседания Кортесов. В 1837 г. оно не было связано какими бы то ни было условиями (ст. 26). Напротив, по основным законам 1856 и 1869 г. король был поставлен в строгие рамки. В Конституции 1856 г. (ст. 29) установила два ограничения: срок, на который приостанавливалась деятельность Кортесов (не более 30 дней, даже в случае неоднократного использования королем указанного права), и обязательная длительность их сессии (при возобновлении заседаний Кортесов они должны были продолжаться в общей сложности не менее четырех месяцев). В соответствии с Конституцией 1869 г. король мог приостановить деятельность Кортесов без согласия самих палат лишь один раз, при этом сохранялось правило о четырехмесячной продолжительности их сессии (ст. 43, 71).

В указанных трех конституциях регламентировался и роспуск Кортесов королем. По конституциям 1837 и 1856 г. он мог сделать это лишь в отношении нижней палаты Кортесов – Конгресса депутатов. Распуская его, король должен был созвать новые Кортесы и открыть их заседания в течение краткого срока – трех и двух месяцев, соответственно, (ст. 26 Конституции 1837 г. и ст. 28 Конституции 1856 г.). Основной закон 1869 г. впервые предоставил королю право распускать одну из палат или обе палаты одновременно (ст. 42). В декрете о роспуске король также должен был объявить о созыве новых Кортесов в составе двух палат в течение трехмесячного срока (ст. 72).

В Конституции 1812 г. имелись нормы о созыве экстраординарных (чрезвычайных) Кортесов для разрешения одной из трех проблем: вакантность престола, неспособность короля управлять государством или его отречение от престола в пользу наследника и необходимость, по мнению короля, созвать их в

«критический момент и при затруднительной ситуации» (ст. 162). Решение о созыве принималось, однако, не королем, а постоянной депутацией Кортесов. Конституции 1837 г. (ст. 28), 1856 г. (ст. 30), 1869 г. (ст. 44) предусматривали созыв Кортесов в случае вакантности престола или неспособности короля управлять государством. Так, еще одно историческое право короля было сохранено, однако подверглось тщательной конституционной регламентации.

Третья модель влияния короля на организацию Кортесов проявилась в его усилении и, следовательно, в ослаблении самостоятельности представительного органа. В Конституции 1845 г. воспроизведены положения Конституции 1837 г. о ежегодном созыве Кортесов, однако без гарантии их самостоятельного созыва до определенной даты, если король этого не сделает (ст. 26). Данное положение было включено и в Конституцию 1876 г. (ст. 32). Королевские акты не устанавливали минимальной продолжительности сессий Кортесов и закрепляли право короля приостановить их заседания (ст. 26 Конституции 1845 г. и ст. 32 Конституции 1876 г.) без введения каких-либо дополнительных условий. В текст Конституции 1845 г. было включено положение из Основного закона 1837 г. о праве короля распустить Конгресс депутатов с обязанностью созвать Кортесы в течение трех месяцев (ст. 27). В Конституции 1876 г. данная норма была воспроизведена с дополнением, заимствованным из Основного закона 1869 г. о праве короля распустить Конгресс депутатов, выборную часть Сената или двухпалатные Кортесы в целом (ст. 32).

На конституционно-монархическом этапе развития института главы государства король мог вмешиваться в деятельность Кортесов *путем назначения председателей и заместителей председателей одной или обеих палат и путем утверждения их регламентов*. Так, председатель назначался королем из трех кандидатов, выдвинутых самими Кортесами (ст. 77 Конституции 1808 г.). Согласно Королевскому статуту председатели обеих палат и их заместители назначались королем (ст. 12), при этом для палаты депутатов – из пяти кандидатур, избранных самими депутатами (ст. 21). Регламенты палат (ст. 11, 23)

утверждались королем. Все эти правила обнаруживали влияние текста французской Хартии 1814 г. (ст. 43, 29).

По Конституции 1812 г. вышеуказанное право принадлежало самим Кортесам так же, как и принятие их регламента (ст. 118, 127). Известная самостоятельность сохранилась и в Конституции 1837 г. для избрания председателя и заместителей Конгрессом депутатов, а также для принятия регламентов обеих палат Кортесов (ст. 29, 30). Король лишь формально назначал избранных председателя Сената и его заместителей (ст. 31). В свою очередь, конституции 1856 г. (ст. 31, 32) и 1869 г. (ст. 45) закрепили полную самостоятельность палат в решении этих вопросов их внутренней организации. Основанные на принципе совместного суверенитета, конституции 1845 г. (ст. 28–30) и 1876 г. (ст. 34–36) воспроизвели компромиссные вышеуказанные положения Конституции 1837 г.

Воздействие Кортесов на короля. Как уже отмечалось, в монархических конституциях первой модели король безраздельно доминировал в системе высших государственных органов, в том числе в отношениях с Кортесами, которые, в свою очередь, не имели полномочий по воздействию на него.

Противоположную тенденцию закрепили основные законы второй модели. В Конституции 1812 г. вводилось 12 ограничений королевской власти (ст. 172). Учредители предусмотрели перечень запретов королю совершать определенные действия, которые относились как к нему лично, так и к осуществлению им своих полномочий. К первой группе ограничений относились запреты покидать королевство и вступать в брак без согласия Кортесов (ст. 172.2 и 172.12). Вторая группа представляла собой казуистично сформулированный перечень, ограничивающий короля в реализации прерогатив, которые принадлежали его предшественникам в доконституционный период. Так, королю запрещалось совершать акты по вмешательству в деятельность Кортесов, которые в Средневековье могли осуществлять монархи (препятствовать их созыву, откладывать, приостанавливать их заседания, распускать их, иным образом

препятствовать их деятельности или выполнению их решений (ст. 172.1). В области внешней политики король лишался права заключать торговые договоры, вступать в наступательные союзы с иностранными государствами, заключать договоры о предоставлении займов другим государствам без согласия Кортесов, отчуждать, уступать или обменивать провинции, иные населенные пункты или части территории (ст. 172.4–172.6). В экономической сфере ему запрещалось отчуждать и уступать национальное имущество без согласия Кортесов, устанавливать налоги и собирать подати, если они не введены Кортесами, предоставлять исключительные привилегии отдельным лицам и корпорациям, изымать собственность физических лиц и корпораций, вмешиваться во владение и пользование имуществом (ст. 172.7–172.10). В сфере правосудия король не мог лишить лицо свободы или наложить наказание (ст. 172.11).

Нарушение запретов первой группы рассматривалось как отречение от трона, т. е. имело прямо предусмотренное Конституцией последствие лично для короля. Последствием нарушений запретов второй группы, очевидно, являлась ничтожность его актов. Тем не менее, замечание декабриста Н.И. Тургенева, написавшего после ознакомления с Конституцией 1812 г.: «Кортесы – все, король – весьма немного»⁶⁰⁷, – представляется преувеличенным.

В Конституции 1837 г. данный технико-юридический прием не использовался: вместо запрета совершать самостоятельно определенные акты для короля устанавливалось требование быть уполномоченным специальным законом на шесть видов действий (ст. 48), при этом сам монарх принимал участие в законодательном процессе. В Конституции 1856 г. список действий, требующих принятия специального закона, разрешающего их совершить, был расширен до восьми пунктов (ст. 53). В 1869 г. к данному перечню лишь добавились присоединение к Испании какой-либо территории и амнистия (ст. 74).

В конституциях, базирующихся на принципе совместного суверенитета, контроль Кортесов за отдельными актами короля был ослаблен. Так, Конституция

⁶⁰⁷ *Тургенев Н.И.* Дневники и письма за 1816–1824 годы. Т. 3 // Архив братьев Тургеневых. Вып. 5 / под ред. Е.И. Тарасова. Пг., 1921. С. 227–228.

1845 г. воспроизвела в сокращенном виде список королевских актов, для совершения которых требовалось принятие специального уполномочивающего закона. По сравнению с Конституцией 1837 г (ст. 46) он уменьшился с шести до четырех пунктов. Новые правила были установлены в 1845 г. для вступления в брак короля и наследника престола (ст. 47). Король лишь должен был сообщить о данном намерении Кортесам. К их компетенции относилось одобрение брачных соглашений и контрактов, что должно было стать предметом принятия соответствующего закона. Из списка действий, требующих уполномочия, был исключен выезд короля за пределы Испании. В Конституции 1876 г. (ст. 55) перечень 1845 г. пополнился пунктом о присоединении к Испании какой-либо территории, заимствованным из Конституции 1869 г.

На республиканском этапе развития института главы государства было пересмотрено его место в системе организации государственной власти, с чем были связаны изменения в отношениях глава государства – Кортесы. Для их обеспечения Конституция зафиксировала базовые элементы взаимодействия президента и Конгресса депутатов. Кортесы вместе с выборщиками участвовали в избрании президента. Он приступал к исполнению конституционных обязанностей, принося присягу Кортесам, знаменовавшую начало его мандата (ст. 72). А их председатель исполнял обязанности президента, если его пост оказывался вакантным, в случае наличия временных препятствий к исполнению им своих обязанностей или в связи с отсутствием на территории страны (ст. 74).

Досрочное прекращение президентом своих обязанностей было возможно лишь при соответствующем решении Кортесов. Они могли инициировать рассмотрение вопроса об отрешении президента от должности, а решение принимали вместе с корпусом выборщиков президента, равном нормативной численности депутатов (ст. 82). Конгресс депутатов также мог инициировать, если за это проголосовало не менее трех пятых его членов, возбуждение уголовного преследования президента за преступное нарушение его конституционных обязанностей, направив обвинение в Суд конституционных

гарантий для рассмотрения дела по существу (ст. 85). А после двух досрочных роспусков Конгресса депутатов президентом третьей Кортесы должны были начать свою деятельность с проверки обоснованности действий главы государства, которая могла завершиться его отрешением от должности, что и произошло в 1936 г.

Президент, как отмечалось выше, не участвовал в комплектовании выборного однопалатного Конгресса депутатов, не вмешивался в организацию его деятельности. А его полномочие по созыву носило технико-организационный характер, так как даты начала заседаний были четко определены (ст. 58), как это было сделано в первой национальной Конституции 1812 г. (ст. 106) и в конституционном проекте 1873 г. (ст. 55).

Президент, как ранее король (кроме не имевшего таких прав монарха по Конституции 1812 г.), наделялся правом приостанавливать и распускать Кортесы с соблюдением установленных правил. Он мог приостановить заседания в период зимне-весенней сессии на один месяц, а осенней – на 15 дней, при этом подлежала исполнению норма о минимальной продолжительности заседаний – не менее трех месяцев в первый период и не менее одного во второй (ст. 81, 58). Данные ограничения были аналогичны тем, которые устанавливали две Конституции, основанные на принципе национального суверенитета: 1856 г. (ст. 29) и 1869 г. (ст. 43 и 71), а также конституционный проект 1873 г. (ст. 55).

Президент ограничивался в возможности распускать Кортесы. Он мог сделать это, как уже отмечалось, не более двух раз за период своих полномочий посредством издания мотивированного декрета с одновременным назначением выборов депутатов в течение 60 дней (ст. 81.2-3). Данные правила свидетельствуют о следовании нормам конституций той модели, которая базировалась на принципе национального суверенитета – 1837 г. (ст. 26), 1856 г. (ст. 28), 1869 г. (ст. 72), - и обязывала короля созвать Кортесы в течение определенного срока после роспуска. Также очевидно следование образцу Конституции Германской империи 1919 г., ограничившей президента в его праве

распускать рейхстаг однократно по одному и тому же поводу и обязавшей после этого акта организовать проведение выборов депутатов в течение 60 дней (ст. 25). Неисполнение президентом Испанской Республики обязанности по назначению новых выборов не становилось препятствием для созыва Кортесов: они могли собраться самостоятельно и действовать как законная власть с момента, когда президент должен был исполнить указанную обязанность в сроки, установленные Конституцией (ст. 59).

Конституция 1931 г. предоставила президенту право в случае необходимости созвать экстраординарные Кортесы (ч. 1 ст. 81), что соответствовало его роли как «резервной» власти в сложных для страны ситуациях.

Кортесы контролировали «неотложные меры, которые требовались для обеспечения целостности или безопасности нации», предпринятые президентом, обязанным представить немедленный отчет об этом Кортесам (п. «d» ст. 76).

Отношения президента и Кортесов носили взаимно сдерживающий характер. При этом Кортесы не вторгались в его частную жизнь (брак, передвижения); данное вмешательство предусматривалось в отношении короля на конституционно-монархическом этапе эволюции рассматриваемого института.

*На этапе личной власти каудильо Ф. Франко (1939–1975) Кортесам отводилась вспомогательная роль в системе государственной власти и зависимость от своего учредителя; они лишь осуществляли порученную им деятельность. Кортесы, введенные Законом от 17 июля 1942 г., существенно отличались как от исторического образца, так и от органа, закрепленного испанскими конституциями XIX в. В их составе были предусмотрены не *deputados* (депутаты), а *procuradores* (уполномоченные, депутаты) – так в октроированном Королевском статуте 1834 г. были названы члены палаты депутатов королевства (*El Estamento de Procuradores del Reino*). В составе однопалатных Кортесов выделялись три группы уполномоченных: 1) занимающие определенные должности; 2) назначенные каудильо за особые заслуги или из*

числа лиц, которые по своему положению в церковной, военной, административной или социальной иерархии - в количестве не более 50; 3) выборные от муниципалитетов, провинций, коллегий, корпораций и ассоциаций, включая ректоров университетов и представителей интеллектуальных кругов страны (ст. 2 Закона 1942 г. с последующими изменениями).

Глава государства созывал Кортесы и председательствовал на открытии их сессии; по согласованию с Правительством выступал на данной церемонии и обращался к ним с посланиями; продлевал по предложению Кортесов или Правительства, заслушав мнение Совета королевства, заседания Кортесов (п. «а» и «п. «b» ст. 7 ОЗГ 1967 г.). Он назначал их председателя на шестилетний срок из трех уполномоченных, предложенных Советом королевства (ст. 7 Закона «Об учреждении Кортесов», п. «d» ст. 7 ОЗГ 1967 г.), и освобождал его от должности. Данные полномочия были подобны тем, что имели короли в модели, основанной на королевском суверенитете.

Кортесы являлись, отмечали исследователи, лишь законосовещательным органом.⁶⁰⁸ А. Реиг Тапиа усматривает в их введении реализацию принципа разделения труда в законодательном процессе и «рационального осуществления политической власти».⁶⁰⁹ Действительно, Кортесы учреждались для обсуждения законов определенных видов (ст. 10), но впоследствии они стали принимать их.

Кортесы также принимали присягу главы государства и наследника престола по достижении им 30-летнего возраста, разрешали проблемы, возникающие в связи с преемством поста главы государства (ст. 50). Также они выполняли совещательную функцию при ратификации международных договоров, заключаемых главой государства, по вопросам, регулируемым посредством принятия законов (ст. 14). Впоследствии было предусмотрено, что

⁶⁰⁸ В советской литературе данные Кортесы были определены как «пародия» на парламент (*Савин В.А.* История испанского государства франкистского режима (доктрина и конституционное развитие): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. С. 16).

⁶⁰⁹ *Reig Tapia A.* Aproximación a la teoría del caudillaje en Francisco Javier Conde // *Revista de Estudios Políticos.* 1990. N 69. P. 78.

ратификация договоров, затрагивающих вопросы суверенитета и целостности испанской территории, требуют принятия законов, одобренных на пленарном заседании Кортесов (ч. 2 ст. 14). Закон 1947 г. расширил компетенцию Кортесов и предоставил им право принимать решения по представлению Правительства, поддержанное Советом королевства, о признании недееспособности главы государства, а также, заслушав мнение Совета королевства (ст. 14), исключать из числа претендентов на престол отдельных членов королевской семьи (ст. 13). В июле 1946 г. к этим полномочиям присоединилось право в известной мере контролировать деятельность министров посредством направления членами Кортесов соответствующих запросов. Упомянутые полномочия напоминали, хотя и частично, о прежней компетенции представительного органа.

Конституция 1978 г. Закон «О политической реформе» 1977 г. предусмотрел право короля назначать для каждой легислатуры до пятой части от общего числа избранных сенаторов (ст. 2.3).

Однако *в соответствии с ныне действующей Конституцией* король не участвует в комплектовании Кортесов в целом и Сената в частности. Его члены избираются в провинциях (по четыре от каждой) путем всеобщих, свободных, равных, прямых выборов при тайном голосовании (ст. 69.2).

Королю принадлежат в отношении представительного органа традиционные полномочия: созыв Кортесов, их роспуск, объявление выборов. Однако они подвергнуты строгой регламентации и имеют символический характер, сохраняя некоторый потенциал для реализации в случае необходимости его «сдерживающей» власти. Так, Основной закон предписывает: после проведения выборов депутатов Конгресс должен быть созван в течение 25 дней (ст. 68.6), а на очередные сессии палаты собираются дважды в год: первая проводится в сентябре – декабре, вторая – в феврале – июне (ст. 73.1). Монарх торжественно открывает легислатуру, обращаясь с посланием к Кортесам, созванным на совместное заседание. В отличие от президента по Конституции 1931 г. он не обладает правом созвать экстраординарные Кортесы – это право вручено Правительству,

постоянной комиссии и абсолютному большинству любой из палат (ст. 73.2).

Король не наделен правом приостанавливать деятельность Кортесов и его палат, подобно президенту по Конституции 1931 г. Он вправе распустить Кортесы (обе палаты), но вправе сделать это в трех случаях, предусмотренных Конституцией: 1) если по истечении двухмесячного срока с момента голосования о назначении председателя Правительства ни один из кандидатов не получит одобрения Конгресса депутатов (ст. 99.3); 2) по инициативе председателя после предварительного обсуждения вопроса в Совете министров (ст. 115.2); 3) если предложение о пересмотре Конституции получило одобрение необходимого большинства членов обеих палат Кортесов (ст. 168.1). Все три случая выступают способом разрешения возникших конфликтных ситуаций. Во всех рассмотренных случаях король объявляет выборы в Кортесы, и акт монарха нуждается в подписи члена Правительства (ст. 64.1).

Воздействие же Кортесов на корону определяется прежде всего потребностью обеспечить преемство власти в будущем, а не действительно ограничить его полномочия (ст. 57.3–57.5, 59–61).

Очевидно, что способы взаимодействия главы государства и Кортесов на данном этапе немногочисленны по сравнению с предыдущими этапами истории рассматриваемого института. Соперничество короля и Кортесов за верховенство в политической жизни Испании, существенно влиявшее на их статус в течении конституционно-монархический этапа, ушло в прошлое.

§ 2. Глава государства и Правительство

Для характеристики отношений королевской власти и министров на конституционно-монархическом этапе представляется полезным анализ, основанный на хронологическом подходе, поскольку история их взаимодействия связана не только с конституционными нормами, но, прежде всего и главным образом, с конституционной практикой, формировавшейся в конкретной

социально-политической обстановке.

Конституционно-монархический этап. В Конституции 1808 г., не основанной на принципе разделения властей и созданной под влиянием наполеоновского законодательства и учения Э.-Ж. Сийеса, было воспроизведено, как отметил Т. Куадра-Сальседо, заимствованное отличие двух видов государственной деятельности: управления и исполнения законов.⁶¹⁰ По Конституции 1808 г. министры, назначаемые на должности и смещаемые с них королем, возглавляли девять министерств, исчерпывающе перечисленных в тексте (ст. 27); они не объединялись в коллегиальный орган – Правительство, что аналогично французскому опыту начала XIX в. Один из министров (государственный секретарь) должен был подписывать декреты короля в соответствии с правилами контрасигнатуры (ст. 28), заимствованными в Великобритании⁶¹¹. Король осуществлял управление, а министры объявлялись ответственными за исполнение законов и королевских указов в подведомственных им сферах управления (ст. 31), за что они были ответственны исключительно перед королем (ст. 31), Кортесам лишь позволяется инициировать рассмотрение вопроса о привлечении министра к ответственности (ст. 84–85). Однако оно имело для монарха лишь рекомендательный характер.

Указанные исходные начала нашли отражение в первой национальной Конституции, а через нее и в последующих основных законах. По Конституции 1812 г., основанной на принципе разделения властей (ст. 15–17), королевская власть была связана с властью исполнительной, что было подготовлено разработками Г.М. де Ховельяноса, настаивавшего на принадлежности королю высшей и постоянной исполнительной власти.⁶¹² Примечательно, что «офранцузенные» признавали обязательное участие короля в реализации правосудия - путем назначения судей и осуществления помилования - и в

⁶¹⁰ *Quadra-Salcedo T.* El Consejo de Estado en las Constituciones de Cádiz y Bayona // Documentación administrativa. 1996. N 244–245. P. 37–45.

⁶¹¹ Акт об устройении, 12 июня 1701 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств / под ред. П.Н. Галанзы. С. 135–136.

⁶¹² *Суховерхов В.В.* Г.М. де Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М., 2012. С. 263–266.

законотворчестве вместе с Кортесами.⁶¹³

При значительном заимствовании принципов и норм Конституции Франции 1791 г. в Основном законе 1812 г., учредительные Кортесы не воспроизвели ее положение об участии министров в осуществлении исполнительной власти. В Конституции 1812 г. содержалось положение: «Исполнительная власть вверяется королю» (ст. 16). Оно стало юридической основой оформления выделяемой доктриной конституционного права разновидности «единой» (*unitaria*) исполнительной власти.⁶¹⁴ Отношение испанских учредителей к назначению министров подчеркивалось и терминологически: в тексте были использованы по отношению к ним два термина: *Secretarios del despacho* и *Ministros*. М. Крус Сеоне пояснил, что Кортесы в основном применяли первое понятие для того, чтобы показать, что министры уполномочены принять самостоятельное решение, а второе, когда подчеркивали, что они действуют в соответствии с волей короля.⁶¹⁵

По мнению авторов конституционного проекта, министры должны были сделать эффективной ответственность управляющих за обеспечение надлежащего функционирования «огромной власти, вручаемой священной персоне короля», поэтому, заявляли они, «в действительности вся она находится в руках министров».⁶¹⁶ В Предварительной записке конституционной комиссии пояснялась, что в компетенцию каждого из них входит деятельность в определенной области управления.⁶¹⁷ Но поскольку исполнительная власть была связана лично с королем, следует признать точность оценки М. Кальехон, указавшей, что роль министров была «в чистом виде инструментальной».⁶¹⁸

⁶¹³ *Sarasola I.F.* La división de poderes en la historia constitucional española // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2009. N 5. P. 173.

⁶¹⁴ Модель «единой» исполнительной власти, отмечают исследователи, предполагает одного носителя, при этом он действует через министров, ответственных исключительно перед ним. Она свойственна ограниченным (дуалистическим) монархиям и президентским республикам (*Esteban J. (de), González-Trevijano P.* Tratado de derecho constitucional. Т. III. P. 265).

⁶¹⁵ *Cruz Seone M.* El primer lenguaje constitucional español. Madrid, 1968. P. 108.

⁶¹⁶ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 52.

⁶¹⁷ Ibid.

⁶¹⁸ *Callejón M.L.* La división de poderes en la Constitución de Cádiz de 1812 // Revista de derecho

Конституция формально заложила отношение к министрам как к должностным лицам, помогающим королю в его деятельности, которое присуще всем испанским конституциям XIX в.

Конституция 1812 г. содержала главу «О министрах» (ст. 222–230) в разделе «О короле». Как и в 1808 г. учредительные Кортесы закрепили исчерпывающий список министров: иностранных дел, внутренних дел, по делам заморских провинций, юстиции, финансов, по военным делам, по морским делам (ст. 222). Король не мог вносить изменения в данный перечень. К компетенции Кортесов, но не короля, относились: корректировка системы министерств (ст. 222), а также определение компетенции министров (ст. 224). Следующие Конституции не восприняли данный опыт, перечень министерств ни одна из них не содержала.

Министры по Конституции 1812 г. не входили в единый коллегиальный орган, однако тенденция развития в данном направлении все же весьма заметна. Так, в тексте Предварительной записки участие министров в осуществлении исполнительной власти обосновывалось тем, что они образовывали «орган, близкий королю».⁶¹⁹ Определяя правовой статус министров, Генеральные и чрезвычайные кортесы, несомненно, учитывали опыт французских учредителей 1791 г. Король назначал и освобождал от должности министров из числа полноправных граждан Испании (ст. 171.16). Реализуя идею разделения властей, учредитель запретил совмещать министерскую и депутатскую деятельность (ст. 223). Допускалось их присутствие в Кортесах во время дебатов в случае, если они выступали с предложениями от имени короля, но не разрешалось присутствие при голосовании (ст. 125).

Конституция закрепила правило контрасигнатуры: все приказы короля приобретали юридическую силу лишь после подписи их министром, к компетенции которого относится данный вопрос. В противном случае ни суд, ни должностное лицо не вправе исполнять приказ короля (ст. 225). Поскольку

político. 2012. N 83. P. 33.

⁶¹⁹ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 52.

король признавался особой священной и неприкосновенной, Основной закон 1812 г. ввел персональную юридическую ответственность министров за приказы короля, противоречащие Конституции и законам; при этом они не могли ссылаться на его волю (ст. 226). В Конституции определены основы процедуры привлечения министров к уголовной ответственности, но об их политической ответственности вопрос не ставился (ст. 228–229). Процесс начинался постановлением однопалатных Кортесов, после чего министр приостанавливал свою деятельность, а материалы дела направлялись в Верховный суд для рассмотрения и принятия решения.

Положения Конституции 1812 г. об осуществлении исполнительной власти и управления были заимствованы при разработке последующих основных законов Испании на конституционно-монархическом этапе.

*Стремление к «дуалистической» исполнительной власти.*⁶²⁰ Все конституции времени правления Изабеллы II закрепили трехэлементную систему разделения властей и положение, подобное тому, которое имелось в Конституции 1812 г., о вручении королю исполнительной власти (1837 г. (ст. 45), 1845 г. (ст. 43), 1856 г. (ст. 49)). Ее содержание во всех указанных основных законах, подобно Конституции 1812 г., раскрывалось через перечисление полномочий короля (ст. 47, 45, 52, соответственно). Все они, по мнению современного историка права, имели три основных направления: поддержание общественного порядка, приведение в исполнение законов, гармонизация закона и общего интереса.⁶²¹ В осуществлении этих полномочий королю помогали министры.

Во время правления Изабеллы II произошли существенные изменения в отношениях между королем (королевой) и министрами. Основой этих изменений стало признание в конституционной практике Совета министров коллегиальным органом, терминологическое обозначение которого получило законодательное

⁶²⁰ Модель «дуалистическая» имеет место, согласно современной конституционно-правовой доктрине там, где исполнительную власть осуществляют два органа, например, глава государства (король или президент) и правительство, ответственное перед парламентом (*Esteban J. (de), González-Trevijano P. Tratado de derecho constitucional. Т. 3. P. 266.*

⁶²¹ *Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. P. 558.*

оформление, и становление основных правил его организации и функционирования.

Вехой в истории формирования отношений короля и министров стал декрет Фердинанда VII от 19 ноября 1823 г. Он предписал собраться на следующий день в определенное им время руководителям перечисленных отраслей управления (*Secretarios de Estado y del Despacho*), формализовав их совместные заседания для обеспечения «единства» управления и тем самым учредив орган, официально названный Советом министров (*Consejo de Ministros*).⁶²² Во время правления Изабеллы II были сделаны первые шаги по формированию конституционно-правового статуса данного органа, что нашло отражение в конституционных нормах и конституционной практике. Начало процессу было положено Королевским статутом 1834 г. В нем констатировалось наличие Совета министров и упоминался его председатель (ст. 26, 37, 40). Впоследствии основные законы 1837, 1845 и 1856 гг. основывались на сложившейся системе высших государственных органов и упоминали о наличии Совета министров (ст. 58, 59, 62, соответственно). В ряде статей использовалось иное название органа – Правительство (ст. 72, 75, 79, соответственно), видимо, обозначавшего не только членов Совета, но и иных руководителей отраслевого управления.

Королевский статут 1834 г. не вводил порядок назначения на должность председателя Правительства и министров, что, очевидно, означало сохранение данной прерогативы за королем. В список полномочий, осуществляемых королем самостоятельно, по конституциям 1837, 1845, 1856 гг. было включено право назначать на должность и освобождать от должности министров (ст. 47.10, 45.10, 52.9, соответственно).

Как отмечено выше, в рассматриваемый период имело место развитие конституционной практики в направлении, прямо не предусмотренном конституционными текстами. Правительница королевства Мария Кристина после

⁶²² Real decreto disponiendo que con los Secretarios de Estado y del Despacho, el de Gracia y Justicia, Guerra, Marina y Hacienda se forme un Consejo que se denominará Consejo de Ministros. 19 de noviembre de 1823 // Gaceta de Madrid. N 114, jueves. 20 de noviembre de 1823. P. 423. – Коммент. см.: Escudero J.A. Los orígenes del Consejo de Ministros en España. Madrid, 2001. P. 10.

подписания Статута 1834 г. играла важную роль в формировании всего состава Совета министров. Однако в ее деятельности сложился обычай: назначенный королевой председатель представлял затем кандидатов для назначения на должности министров. Несмотря на то, что формально участие Кортесов в данном процессе не предполагалось, в Испании укоренился принцип «двойного доверия» Правительству как со стороны королевской власти, так и Кортесов. Частая смена составов Совета министров демонстрировала его значение в период действия Королевского статута.⁶²³

Несмотря на начальный уровень развития политических партий, стало очевидно: орган, принимающий коллегиальное решение, мог эффективно функционировать, если его члены были объединены одинаковыми политическими идеалами и целями деятельности. А все конституционное развитие страны в целом и института королевской власти в частности определялось во время правления Изабеллы II соперничеством прогрессистов и умеренных, стремившихся к занятию министерских мест. Это свидетельствовало о движении в направлении введения в Испании так называемой «парламентской системы правления» и, следовательно, к изменению статуса королевской власти, в том числе корректировке его отношений с министрами.

Конституции времени правления Изабеллы II не содержали специальных положений, систематизировано закреплявших компетенцию Совета министров и его членов. Вместе с тем основные законы 1837, 1845 и 1856 гг. предусматривали исполнение Советом министров роли временного регентства в указанных случаях (ст. 58, 59, 62, соответственно). Особое внимание было уделено финансовой и бюджетной проблематике в его деятельности. Конституции возлагали на Правительство обязанность по ежегодному представлению Кортесам проекта бюджета на следующий год с указанием предполагаемых доходов и расходов, а также по предоставлению отчета о выполнении предыдущего бюджета (ст. 72, 75,

⁶²³ Совет министров возглавляли: Ф. Мартинес де ла Роса (15 января 1834 – 7 июня 1835), Х.-М. Кеипо де Льяно (7 июня – 14 августа 1835), М. Риккардо де Алава (14 августа – 25 сентября 1835), Х. Альварес Мендисабаль (25 сентября 1835 – 15 мая 1836), Ф.-Х. Истурис (15 мая – 14 августа 1836).

79, соответственно).

Публично-политическая реальность вызвала необходимость, введения постоянно действующих механизмов взаимодействия исполнительной и законодательной властей и преодоления «климата недоверия» между ними». ⁶²⁴ Совету министров в данном процессе была отведена ключевая роль: именно он отражал изменения в отношениях между королем и Кортесами. Одним из них стало закрепленное Конституцией 1837 г. дозволение министрам становиться депутатами и сенаторами, а также участвовать в дебатах в любой из палат Кортесов (ст. 62). Данная норма была воспроизведена в конституциях 1845 г. (ст. 65), 1856 г. (ст. 66). Так, в Испании было признано одно из начал классического парламентаризма.

Конституции 1837, 1845, 1856 гг., как и Основной закон 1812 г., зафиксировали правило контрасигнатуры (ст. 61, 64, 65, соответственно). Положение о неприкосновенности личности короля и ее компенсации ответственностью министров (ст. 44, 42, 48, соответственно) поддерживалось нормами об основах процедуры привлечения к ответственности министров, в которой участвовали Кортесы.

Во время действия Королевского статута под влиянием неписаной конституции Великобритании регламенты обеих палат закрепили право Кортесов привлекать к уголовной ответственности министров за противоправные деяния, совершенные при осуществлении их деятельности. В процедуре участвовали обе палаты: Палата депутатов возбуждала дело, а Палата пэров осуществляла разбирательство; такие же процессуальные правила предписывались ст. 55 французской Хартии 1814 г. Примечательно, что при отсутствии специального закона о процедуре реализации министерской ответственности за время действия Статута дважды вставал вопрос о возбуждении преследования в отношении членов правительства Ф. Мартинеса де ла Роса.

Основы процедуры привлечения к ответственности министров нашли

⁶²⁴ *Sarasola I.F.* La división de poderes en la historia constitucional española // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2009. N 5. P. 186.

закрепление в последующих конституциях: Конгресс депутатов выдвигал обвинение, а Сенат судил (ст. 40.4 Конституции 1837 г.). Закон от 19 июля 1837 г. уточнял: если Конгресс депутатов возбуждает дело против министра, он должен назначить депутатов, которые будут поддерживать обвинение перед Сенатом (ст. 12).⁶²⁵ Конституционное положение 1837 г. было воспроизведено в последующих основных законах 1845 г. (ст. 39.3) и 1856 г. (ст. 41.4).

Ни одна из испанских конституций рассматриваемого периода не ввела принцип «ответственного правительства». Но утвердившийся в Великобритании еще в XVIII в., он был признан конституционной практикой в Испании во время действия Статута 1834 г.⁶²⁶ Размышляя о ней, А. Алькала Гальяно в 1843 г. настаивал на том, что министры за допущенные нарушения наряду с юридической ответственностью должны подвергаться вотуму недоверия.⁶²⁷

Как отмечалось, впервые вопрос о доверии Правительству обсуждался по инициативе Мендисабалья на заседании палаты депутатов 31 декабря 1835 г.⁶²⁸ в связи с обсуждением внесенного избирательного закона. Впервые вотум недоверия Совету министров, возглавляемому Ф.-Х. Истурисом, был выражен Конгрессом депутатов 21 мая 1836 г. Предложение исходило от 66 депутатов и было поддержано всей палатой.⁶²⁹ Мария Кристина разрешила возникший конфликт не путем отставки Правительства, а роспуском Кортесов, о чем 22 мая 1836 г., т. е. на следующий день после выражения вотума недоверия, она издала соответствующий декрет.⁶³⁰

Еще при критическом осмыслении начального конституционного опыта в

⁶²⁵ Закон об отношениях между палатами кортесов от 19 июля 1837 года / пер. с исп. . Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. С. 164-166.

⁶²⁶ *Sánchez Agesta L.* Perfiles históricos de la monarquía constitucional // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 13-14.

⁶²⁷ *Alcalá Galiano A.* Lecciones de Derecho Político Constitucional. Madrid, 1843 P. 209.

⁶²⁸ Sesión del Estamento de procuradores. Jueves, 31 de diciembre de 1835 // Diario de las sesiones de cortes. Legislatura 1835-1836. N 22. P. 201-216.

⁶²⁹ Sesión del Estamento de procuradores. Sábado, 21 de mayo de 1836 // Diario de las sesiones de cortes. Legislatura 1836. N. °38. P. 497-498.

⁶³⁰ Декрет о роспуске Кортесов был зачитан 23 мая 1836 г. на заседании палаты депутатов: Sesión del Estamento de procuradores. Lunes, 23 de mayo de 1836 // Diario de las sesiones de cortes. Legislatura 1836. N 40. P. 517.

Испании Р. Салас, опираясь на идеи Б. Констана, разграничил власть «министерскую» («исполнительную в узком смысле») и власть «нейтральную» («королевскую или регулирующую»). Король, по мнению юриста, был удален от политической власти, осуществляемой министрами.⁶³¹ Такой подход к королевской власти нашел благодатную почву во время правления малолетней королевы и неумелой регентши: Правительство приобрело самостоятельность в сфере управления, и эта тенденция прослеживалась в Испании в последующие годы.

При создании основных законов 1869 и 1876 гг. испанские учредители в значительной мере следовали сложившейся традиции определения формально-юридического характера отношений король – Правительство. Реальное же значение Правительства в системе государственных органов, проявлявшееся в конституционной практике, продолжало возрастать. В Конституции 1869 г. имелся одноименный структурный элемент из четырех статей (раздел VI «О министрах», ст. 87–90). Кроме того, учредительные Кортесы впервые установили, что король осуществляет исполнительную власть «посредством министров» (ст. 35). Данная новелла отразила роль министров в осуществлении полномочий королевской власти, однако она не в полной мере соответствовала ранее сложившейся в Испании политической практике, признававшей самостоятельность Правительства и значимость его председателя. Позднее в Конституции 1876 г. появился раздел «О короле и его министрах», что свидетельствовало о развитии статуса министров как должностных лиц, осуществляющих королевские полномочия в соответствующих сферах управления. Конституции 1869 и 1876 г. сохраняли дуализм в наименовании данного органа (Совет министров и Правительство), возглавляемого председателем (ст. 84 и 70, соответственно) и прерогативу короля назначать на должности министров и освобождать их от должностей (ст. 68 Конституции 1869 г. и ст. 54.9 Конституции 1876 г.).

⁶³¹ *Salas R.* Lecciones de Derecho Público Constitucional par a las escuelas de España. En 2 vol. Vol. 2. P. 127.

Конституция 1869 г., как отмечено выше, объявила о вручении королю исполнительной власти (ст. 35), в Основном законе 1876 г. такое положение отсутствовало. Однако оба акта содержали норму о принадлежности королю полномочий по исполнению законов и «распространению его власти на все то, что связано с обеспечением общественного порядка и внешней безопасности государства» (ст. 69 и 50, соответственно).

Вместе с тем, в данный период в доктрине проявилась тенденция к осмыслению и обобщению «дуализма» исполнительной власти - ее осуществления двумя самостоятельными органами: королем и Советом министров. Изменения места монарха в системе высших органов государства, отразившиеся в нормах позитивного права и в конституционной практике, позволили В. Сантамария де Паредес определить назначение королевской власти как «гармонизирующей», обязанной обеспечить единство всех властей.⁶³² Л. Санчес Ахеста выделил три главных «вида» действовавших тогда источников конституционного права: 1) Конституция 1876 г., оформившая конституционную монархию; 2) «внутренняя» конституция - фундамент наследственной представительной монархии; 3) совокупность конституционных обычаев - основа «парламентского режима».⁶³³ Именно последний вид зафиксировал устоявшееся правило о «двойном доверии» Правительству и двухпартийной системе, определявшей порядок формирования Кортесов и Правительства. Оно было присуще и «внутренней» конституции страны с ее признанием «институционального дуализма» король – Кортесы в политической жизни страны.⁶³⁴

Следует еще раз подчеркнуть значение включения в текст Конституции 1869 г. положения: «законодательные палаты вправе выразить вотум недоверия Правительству» (ст. 53), - не нашедшего своего развития в ее последующем тексте. Тем не менее оно демонстрировало стремление к признанию принципа

⁶³² *Santamaría de Paredes V.* Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. P. 353, 355.

⁶³³ *Sánchez Agesta L.* Historia del constitucionalismo español. P. 325–326.

⁶³⁴ *Fernández Segado F.* Las Constituciones históricas españolas. P. 388.

«ответственного правительства».

В тексты конституций 1869 и 1876 гг. были включены нормы, заимствованные из прежних основных законов: о Совете министров – временном регентстве (ст. 84 и 69–70, соответственно); о бюджете (ст. 100 и 85–86, соответственно); о контрасигнатуре (ст. 87 и 49, соответственно), компенсировавшей объявленную неприкосновенность монарха (ст. 67 и 48–49, соответственно); а также о допустимости совмещения министерской должности с депутатской деятельностью или местом в Сенате по Конституции 1876 г. (ст. 58). В Конституции 1869 г., вновь усилившей разделение властей, содержался запрет министрам присутствовать на заседаниях Кортесов, если они не являются членами одной из законодательных палат (ст. 88). Также Конституции 1869 и 1876 гг. предписывали процедуру привлечения к ответственности министров (ст. 89 и 45.3, соответственно). Как и в 1812 г., в Конституции 1869 г., помимо процедуры, было зафиксированы основания уголовной ответственности министров, а именно: преступления, совершенные ими при осуществлении своих функций (ст. 89).

Изменение в отношении статуса главы государства отразилось в конституционном проекте М. Примо де Риверы. В нем было указано, что король осуществляет исполнительную власть с обязательным участием ответственных министров (раздел VII «Об исполнительной власти»). Авторы предлагали конституционно оформить право председателя представить королю список кандидатов для назначения на должности министров. В проекте закреплялись случаи, когда Совет министров должен был принять участие в реализации перечисленных полномочий короля (ст. 71). Министры объявлялись индивидуально ответственными за собственные действия, совершенные при исполнении обязанностей, а Совет министров в целом нес коллективную ответственность (ст. 74). Данная попытка изменений в осуществлении управления в Испании осталась только на бумаге.

Таким образом, на конституционно-монархическом этапе развития

испанского института главы государства не была завершена конституционная институционализация Совета министров, не были закреплены конституционные основы деятельности министров: их продолжали рассматривать как помощников короля в реализации его компетенции, хотя на практике их роль в системе осуществления власти изменилась.

Республиканский этап. Президент и Совет министров. В период Второй Республики тенденция к удалению главы государства от осуществления управления, наметившаяся в XIX в., нашла завершенное конституционное оформление. Это отражала и структура Конституции 1931 г.: положения о высшем органе управления содержались в разделе VI «Правительство». Его образовывали председатель Совета министров, проводивший и представлявший его общую политику, и министры, осуществлявшие высшее руководство и управление публичными делами в различных отраслях управления (ст. 87). В связи с этим, специалисты по конституционному праву отметили наличие дуализма в осуществлении управления («исполнительной власти»), подобного прежнему монархическому. Однако он имел место в новой разновидности: в связи с тем, что управление стало осуществляться Советом министров и Администрацией, разделенной на департаменты во главе с министрами.⁶³⁵ При этом у президента было право по предложению председателя Совета назначить одного или нескольких министров без портфеля (ст. 88).

Установленный Конституцией 1931 г. порядок формирования Совета министров, фактически сложившийся ранее, сохранил за президентом ту роль, которую прежде играл король (ст. 75). Однако он утратил право самостоятельно освобождать председателя и министров от должностей и был обязан отправить их в отставку в случае выражения парламентом вотума недоверия (ст. 75). Члены Совета министров не были ответственны перед президентом, как ранее перед королем. Они были ответственны перед Кортесами солидарно за политику Правительства и индивидуально за деятельность каждого члена (ст. 91).

⁶³⁵ *Esteban J. (de), González-Trevijano P. Tratado de derecho constitucional. T. III. P. 268.*

Предусмотренная указанной Конституцией политическая ответственность министров, фактически ставшая традиционной в Испании, также была формализована (ст. 64) и отражала усиление связи Кортесов и Совета министров. К его компетенции прежде всего относилась разработка законопроектов, осуществление распорядительной деятельности и обсуждение всех вопросов, представляющих публичный интерес (ст. 92).

К компетенции президента, исполнявшего, как отмечают исследователи, роль «сдерживающей» власти и находившегося «над другими конституционными органами», было отнесено участие в создании «специфических правительственных норм»⁶³⁶: закреплено право подтверждать своей подписью декреты, принятые Советом министров. По предложению Правительства глава государства объявлял декреты, регламенты и инструкции, необходимые для исполнения законов (ст. 79). Они требовали контрасигнации соответствующим министром (п. «а» ст. 76) и могли быть обжалованы в установленном порядке в случае их незаконности (ст. 101). Единогласно принятое решение Правительства обязательно предваряло издание президентом в период между заседаниями Кортесов декретов по вопросам, относящимся к компетенции Конгресса депутатов, если они требуют незамедлительного решения или если это необходимо для обороны Республики (ст. 80). Президент, в свою очередь, мог направить проект декрета, предложенный Советом министров в порядке «делегированного законодательства», в Кортесы, если он усматривал противоречие акта действующим законам (п. «с» ст. 76).

Указанные конституционные нормы предполагали, что король и Правительство будут взаимно сдерживать друг друга в определенных точках соприкосновения, что могло иметь значение также для обеспечения баланса между усиливающимся парламентом и потребностью в обеспечении мобильности правительственной власти.

Глава государства и Правительство на этапе личной власти каудильо

⁶³⁶ Varela Díaz S. Partidos y Parlamento en la II República Española. Madrid, 1978. P. 102.

Ф. Франко (1939–1975). 30 января 1938 г. Ф. Франко, учреждая Администрацию государства, разграничил должности главы государства и председателя Правительства, оставив их за собой. На тот момент министры вместе с ним образовывали «Правительство нации» (ст. 16).⁶³⁷ ОЗГ 1967 г. институционализировал Совет министров, статус которого был определен в разделе III «Правительство нации». Отношения главы государства с Советом министров определялись положением, близким нормам XIX в.: он руководил управлением делами государства посредством данного органа (ст. 13.1). Он формировал Правительство: его председатель назначался из тройного списка кандидатов, предложенных Советом королевства, а министры - по предложению председателя (ст. 14, 17) из числа кандидатов, соответствующих установленным требованиям (ст. 14.1, 17.1). Все они были обязаны принести клятву верности главе государства, принципам Движения и основным законам (ст. 19). Прекращение их полномочий также в значительной степени зависело от его воли. В частности, досрочное прекращение полномочий председателя Правительства могло иметь место в связи с решением главы государства, согласованным с Советом королевства, или по его собственной инициативе, если его отставка принималась главой государства, предварительно заслушавшим мнение Совета (п. «b» и «c» ст. 15). Председатель мог инициировать отставку членов Правительства, и она нуждалась в одобрении главой государства (п. «b» ст. 18).

Правительство, выполнявшее при каудильо порученные ему функции управления, должно было приобрести большую самостоятельность при ординарном главе государства. Республиканский опыт оказал влияние на статус Совета министров, к компетенции которого было отнесено определение национальной политики, применения законов, осуществление распорядительной власти. Вместе с тем, законодатель подчеркнул совещательную роль Совета министров: он консультировал главу государства по административным и политическим вопросам (ст. 13.2).

⁶³⁷ Ley de 30 de enero de 1938 // Boletín oficial del Estado. Burgos, 31 de enero de 1938. N 467 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1938/467/A05514-05515.pdf>).

Парламентско-монархический этап. Следуя испанскому опыту XX столетия, в Конституции 1978 г. законодатель не использовал термин «исполнительная власть», король не был объявлен ее носителем. Исполнительную власть, отождествляемую в широком смысле с управлением, осуществляет коллегиальный орган – Правительство. В тексте Конституции за ним (а не за королем) закреплена исполнительная функция (*función ejecutiva*) и распорядительные полномочия (*potestad reglamentaria*) в соответствии с Конституцией и законами. Компетенция реализуется в пяти направлениях: внутренняя политика, внешняя политика, гражданская и военная администрация, оборона государства (ст. 97), которыми руководит Правительство. Такое конституционно оформленное значение Правительства, создало основание для его нового места в системе высших государственных органов - оно стало «мотором системы», всего государственного механизма.⁶³⁸

Отношения король – Правительство по Конституции 1978 г. имеют лишь три аспекта: участие короля в формировании его состава, согласование в Совете министров королевских декретов, а также правило контрасигнатуры. Основной закон Испании установил: акты короля скрепляются подписью председателя Правительства или министров, к компетенции которых они относятся (*ministros competentes*); они и несут ответственность за подписанный акт (ст. 64). В Конституции четко определено, что акты с предложением кандидата и назначением председателя Правительства, а также роспуск обеих палат Кортесов и объявление выборов должны быть контрасигнованы председателем Конгресса депутатов (ст. 64.1, 99.5). Соблюдение правила контрасигнатуры обязательно для всех актов короля, кроме тех, что прямо указаны в ее тексте: назначение военных и гражданских служащих королевского двора (ст. 65.2).

Участие короля в формировании Правительства представлено весьма оригинально по сравнению с другими конституционными монархиями в Европе, в основных законах которых традиционно указывается, что король назначает

⁶³⁸ *Esteban J. (de), González-Trevijano P. Tratado de derecho constitucional. T. 3. P. 269.*

председателя Совета и министров без указания «источника» кандидатур (например, ст. 96 Конституции Бельгии, ст. 43 Конституции Нидерландов).⁶³⁹ Согласно действующей Конституции парламентской монархии король вправе лишь после “предварительных консультаций с представителями политических групп в Кортесах” предложить кандидатуру председателя Правительства для одобрения Конгрессом депутатов. Король делает это в четырех случаях: после выборов обеих палат или Конгресса депутатов, в связи с утратой доверия, в связи с добровольной отставкой председателя, в связи с его смертью (ст. 101). Только при наличии вотума доверия со стороны Конгресса депутатов лицо может быть назначено королем на должность – особенности парламентской монархии предполагают наличие доверия Конгресса депутатов председателю Правительства. Помимо представления кандидатуры председателя, король назначает на должность и смещает с должности по его предложению остальных членов Правительства (ст. 100).

Усилившееся взаимодействие Кортесов и Правительства нашло отражение в специальном разделе V «Об отношениях между Правительством и Генеральными кортесами» (ст. 108–116), положениями которого закреплён принцип «ответственного правительства», обязанность отвечать на их запросы, порядок принятия постановления о вотуме недоверия и его последствиях. В Конституции устанавливаются основы процедуры возбуждения уголовного дела (выдвижения обвинения) Конгрессом депутатов по факту совершения измены или иного преступления против безопасности государства во время осуществления членами Правительства своих обязанностей (ст. 102). Король лишен права помилования в отношении таких членов Правительства, уголовные дела которых подсудны Верховному суду. В Конституции отражено историко-символическое взаимодействие короля и Правительства с сохранением некоторого потенциала его «сдерживающей» власти. Конституционные нормы нашли развитие в

⁶³⁹ *Cotino Hueso L.* La recepción del nexo Corona y Poder Ejecutivo en las monarquías europeas // *Las monarquías europeas en el siglo XXI* / dir. por G. Rollnert Liern. Madrid, 2007. P. 95.

Органическом законе «О Правительстве».⁶⁴⁰

§ 3. Глава государства и судебная власть

В конституционном испанском государстве правосудие перестало быть функцией королевской власти и выделилось в качестве специальной сферы деятельности исключительно судов. На *конституционно-монархическом этапе* развития института главы государства отношение короля к осуществлению судебной власти определялось тремя следующими положениями: судебная власть вершилась его именем, он назначал судей и осуществлял помилование. Первое положение нашло закрепление во всех конституционных текстах: 1808 г. (ст. 98), 1812 г. (ст. 257), 1837 г. (ст. 68), 1845 г. (ст. 71), 1856 г. (ст. 72), 1869 г. (ч. 2 ст. 91), 1876 г. (ст. 74).

Судьи и магистраты судов, образовавших достаточно стройную систему в результате проведенных реформ, назначались королем согласно всем принятым конституциям. Однако король не мог сделать это произвольно. В Конституции 1808 г. был определен порядок назначения, начинавшийся представлением председателя или прокурора Королевского совета (ст. 99, 100). Конституция 1812 г. предписывала назначать судей лишь по представлению Государственного совета (ст. 171.4) из числа уроженцев Испании, достигших 25-летнего возраста, при этом указывалось, что иные требования устанавливаются законом (ст. 251), что и было сделано Декретом от 3 июня 1812 г. Аналогичная бланкетная норма содержалась и в конституциях 1837 г. (ст. 64), 1845 г. (ст. 67), 1856 г. (ст. 68), 1876 г. (ст. 78). Основным законом 1869 г., в значительной степени ограничившим власть короля, было установлено, что назначение судей осуществляется на конкурсной основе по предложению Государственного совета в соответствии с органическим законом о судах. Однако король мог назначить без конкурса до

⁶⁴⁰ Ley Orgánica 50/1997, de 27 de noviembre, del Gobierno // Boletín Oficial del Estado. N 285. 28 de noviembre de 1997. P. 35082–35088 (URL:<https://www.boe.es/eli/es/l/1997/11/27/50/con>).

одной четверти магистратов аудиенций и Верховного суда, соблюдая при этом правила об участии в процедуре членов Государственного совета и руководствуясь требованиями, предъявляемыми к кандидатам в соответствии с законом (ст. 94).

В конституциях XIX в. содержались важные гарантии несменяемости судей и их независимости от иных органов и должностных лиц. В Основном законе 1812 г. различалось освобождение судьи от должности вследствие вынесения приговора суда за совершение преступления и временное отстранение судьи от должности в связи с предъявлением ему обвинения до вынесения судебного приговора (ст. 252). Последнее могло иметь место по решению короля, который, заслушав мнение Государственного совета, направлял дело в суд для рассмотрения его по существу (ст. 253). В последующих конституциях 1837 г. (ст. 66), 1845 г. (ст. 69), 1856 г. (ст. 70) допускалось освобождение судьи от занимаемой должности на определенный срок или без определения такового в соответствии с приговором, а также отстранение от занимаемой должности по постановлению суда или по решению короля с направлением дела для судебного разбирательства (при этом не упоминалось об обязанности учитывать мнение какого бы то ни было иного органа). Конституция 1869 г. вновь установила требование наличия предварительного согласования решения короля об отстранении судьи от должности с определенными органами; таковыми являлись Совет министров и Государственный совет (ст. 95). В Конституции 1876 г. ввели бланкетную норму, отсылающую к органическому закону о судах, закреплявшему основания и порядок освобождения и отстранения от должности судей (ст. 80).

Право помилования принадлежало исключительно королю. По Конституции 1808 г. оно осуществлялось им в установленном порядке с обязательным заслушиванием мнения министра юстиции при условии заседания в Совете, состоящем из министров, двух сенаторов, двух государственных советников, двух членов Королевского совета (ст. 112). В дальнейшем законодатель ограничивался указанием на необходимость осуществлять

помилование в соответствии с законом (1812 г. (ст. 171.13), 1837 г. (ст. 47.3), 1845 г. (ст. 45.3), 1856 г. (ст. 52.10), 1869 г. (ст. 73.6), 1876 г. (ст. 54.3)).

Следует отметить, что Конституция 1869 г. запретила помилование министров (ст. 73.6), очевидно, следуя примеру конституционного права Великобритании, не допускавшего такого по делам об импичменте.⁶⁴¹

В республиканский период вмешательство президента в сферу осуществления правосудия было весьма незначительным по сравнению с королевскими полномочиями в XIX – первой трети XX в. По Конституции 1931 г. оно должно было вершиться именем государства (а не его главы) судьями, независимыми при осуществлении своих функций, которые подчиняются только закону (ст. 94). В Конституции было установлено назначение главой государства только председателя Верховного суда, что делалось по предложению ассамблеи, созываемой в порядке, предписанном законом, из числа испанцев с высшим юридическим образованием, достигших 40 лет и не имеющих препятствий к занятию судейской должности (ст. 96). Закон от 8 октября 1932 г. определил, что данное собрание должно было состоять из председателей коллегий Верховного суда, представителей прокуратуры, председателей территориальных аудиенций, некоторых судей первой инстанции и следственных судей, пятнадцати назначенных депутатов Кортесов, руководителей коллегий адвокатов главных городов провинций с населением, превышающим 50 000 жителей, деканов юридических факультетов университетов, президентов национальных академий общественных и политических наук, юриспруденции и законодательства (ст. 1).⁶⁴²

В отличие от президентов Германии и Франции (ст. 49 Конституции Германской империи, ст. 3 Закона об организации государственных властей) испанский президент не наделялся типичным для глав государств правом помилования, что отличало его компетенцию от той, что была присуща испанским королям. Он мог сделать это только в отношении лиц, совершивших

⁶⁴¹ Акт об устройении, 12 июня 1701 г. // *Конституции* и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. С. 136.

⁶⁴² Ley relativa al nombramiento de Presidente del Tribunal Supremo // *Gaceta de Madrid*. N 292. 18 de octubre de 1932. P. 394-395 (URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1932/292/A00394-00395.pdf>).

особо тяжкие преступления, предварительно получив заключение Верховного суда, и по предложению Правительства (ч. 2 ст. 102).

Олицетворение государства с его главой *во время правления Ф. Франко* имело своим следствием закрепление в ОЗГ 1967 г. положения об осуществлении правосудия именем главы государства (ст. 6, 29). Он назначал на должность председателя Верховного суда из тройного числа кандидатов, предложенных Советом королевства (ст. 58.1). К компетенции главы государства относилось и разрешение споров о подсудности, возникающих между судами (ст. 57), а также осуществление помилования (ст. 6).

Для *парламентско-монархического этапа* характерно частичное заимствование монархической традиции отношения короля к сфере судебной власти. Так, в соответствии с Конституцией 1978 г. правосудие вершится от его имени (ст. 117.1), ему же принадлежит право помилования в соответствии с законом (п. «i» ст. 62). Данное положение, по оценке Х. де Эстевана и П. Гонсалеса-Тревихано, имело два основания: историческое (его наличие в монархических конституциях XIX в.) и современное. Авторы связывают последнее с тем, что король играет роль символа единства и постоянства государства.⁶⁴³

§ 4. Эволюция полномочий главы государства

Проблема классификации полномочий. Испанские специалисты по политическому, публичному и административному праву еще XIX в. классифицировали полномочия главы государства, руководствуясь предметным принципом. Данный вопрос тщательно разрабатывался в последние десятилетия нахождения у власти Ф. Франко. Так, Л. Санчес Ахеста подразделил их на учредительные, правительственные, законодательные, юрисдикционные, административные и полномочия по руководству вооруженными силами, а также

⁶⁴³ Esteban J. (de), González-Trevijano P. J. Tratado de Derecho Constitucional. T. 3. P. 645.

связанные с чрезвычайными ситуациями.⁶⁴⁴ В то же время Х.-А. Гарсиа Тревихано разграничил политические и административные права главы государства, отметил, что «во многих случаях невозможно провести разделительную линию» между ними.⁶⁴⁵ Р. Эстрена Куэста указал на законодательные, юрисдикционные и исполнительные полномочия главы государства и особо выделил его право применять чрезвычайные меры.⁶⁴⁶

Историк права Х. Санчес-Арсилья Берналь классифицировал полномочия при анализе истории конституционного развития страны, руководствуясь степенью самостоятельности главы государства при их осуществлении, и выделил: 1) собственные прерогативы, 2) полномочия, которые он осуществляет при условии соблюдения определенных условий, 3) полномочия, осуществляемые с согласия Кортесов.⁶⁴⁷ Подобный подход отражен и в современной литературе по конституционному праву.

В настоящем параграфе с учетом цели исследования целесообразно рассмотреть полномочия главы государства в рамках выделенных этапов развития института, прежде всего, с учетом отмечаемого включения главы государства в осуществление законодательной, административной и судебной функций, а также функции представителя Испанского государства. При этом следует принять во внимание, что многоаспектно представленные в истории испанского конституционализма полномочия по участию в формировании и функционировании Кортесов и Правительства, а также во взаимоотношениях с ними рассмотрены в предыдущем параграфе.

Конституционно-монархический этап развития института. «Мощной законодательной функцией» во всей ее полноте, как выразительно отметил И. Сарасола, наделила короля Конституция 1808 г.⁶⁴⁸ В ней отсутствовали четко

⁶⁴⁴ *Sánchez Agesta L.* Derecho Constitucional Comparado. P. 491–492; Curso de Derecho Constitucional comparado. Madrid, 1973. P. 475.

⁶⁴⁵ *García Trevijano J.A.* Tratado de Derecho Administrativo. En 3 t. T. 2. Madrid, 1971. P. 533.

⁶⁴⁶ *Entrena Cuesta R.* Curso de Derecho Administrativo. Madrid, 1974. P. 207–208.

⁶⁴⁷ *Sánchez-Arcilla Bernal J.* Manual de Historia del Derecho. P. 562.

⁶⁴⁸ *Sarasola I.F.* La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 66 (URL: <http://hc.rediris.es/09/index/html>).

сформулированные положения о законодательном процессе. Король, по существу, имел право законодательной инициативы и промульгировал законы. Более того, у него было право до созыва Кортесов издавать декреты, имевшие силу законов, после обязательной консультации с Государственным советом (ст. 60).

Начиная с 1812 г. конституции рассматриваемого этапа подробно определяли участие короля в законотворчестве. Король «совместно» с Кортесами, признавался его субъектом в конституциях 1812 г. (ст. 15), 1837 г. (ст. 12), 1845 г. (ст. 12), 1856 г. (ст. 15) и 1876 г. (ст. 18). В демократичной Конституции 1869 г. законодательная власть закреплялась только за Кортесами; при этом была четко указана роль короля: он санкционировал и промульгировал принятые законы (ст. 34).

Участие короля в законодательном процессе было различным по основным законам XIX в. Положение Конституции 1812 г., уполномочивающее его «делать предложение Кортесам о законах и реформах, которые он считал подходящими для блага нации, чтобы они были рассмотрены в предписанной форме» (ст. 171.14), рассматривается некоторыми исследователями как закрепление его права законодательной инициативы.⁶⁴⁹ Однако представляется, что в данном случае речь идет не о праве короля внести законопроект, обязательный для рассмотрения в Кортесах в соответствии с установленной процедурой, а только о предложении в отношении развития нормотворчества. Это вытекает из сравнения процитированной нормы с четким закреплением права законодательной инициативы за депутатами однопалатных Кортесов (ст. 132) в главе «О создании законов и королевской санкции», а также с формулировками последующих конституций Испании. Кроме того, в Регламенте Кортесов, принятом в развитие конституционных норм и утвержденном декретом от 4 сентября 1813 г.,⁶⁵⁰ законодательный процесс детализировался, в том числе была указана форма внесения депутатами законодательных предложений (ст. LXXXVI). Порядок

⁶⁴⁹ *Marcuello Benedicto J.I.* División de poderes y proceso legislativo en el sistema constitucional de 1812 // *Revista de Estudios políticos.* 1996. N 93. P. 221-222.

⁶⁵⁰ Decreto CCXCIII de 4 de septiembre de 1813 (Reglamento para el gobierno interior de las Cortes) // *Colección de los decretos y órdenes de las Cortes de Cádiz: En 6 t. T. 4.* Madrid, 1813. P. 193–229.

рассмотрения предложения, сделанного королем (*propuesta del Rey*), не был регламентирован данным актом (VIII, ст. LXXXVI-XCVI).

В тексте Статута 1834 г. не четко указан субъект, наделенный правом законодательной инициативой. В этой части имелось отличие от ставшей образцом Французской хартии 1814 г., закрепившей положение: «Закон предлагается королем» (ст. 16); это правило, по мнению Н.И. Лазаревского, соответствовало «требованиям монархического принципа».⁶⁵¹ Авторы проекта Статута пояснили: «Королевская власть, как наиболее совершенная вследствие своего высокого положения, знает общие потребности государства и средства их удовлетворения, и поэтому она должна предлагать Кортесам вопросы для обсуждения».⁶⁵² В свою очередь, представительный орган обладал правом на петиции, которыми «он пользовался всегда», т. е. на обращение с предложением (или просьбой) о принятии определенного акта (ст. 32). В данном случае, законодатель следовал французскому образцу, подробно регулировавшему реализацию данной возможность (ст. 19–21 Хартии 1814 г.), а также историческому опыту Испании (пример 1789 г. был рассмотрен выше). М. Артола обращал внимание на то, что это право – единственное, которое палаты могут использовать по своей собственной инициативе.⁶⁵³ Оно стало весьма активно применяться на практике: с июля 1834 по май 1835 г. было подготовлено 56 петиций.⁶⁵⁴

Начиная с Конституции 1837 г., испытавшей влияние французской конституционной Хартии 1830 г. (ст. 15), все последующие основные законы XIX в. в Испании, наделяли короля правом законодательной инициативы наряду с палатами двухпалатных Кортесов. Так, в Конституции 1837 г. декларировалось: «Король и каждая из палат имеют право законодательной инициативы» (ст. 36). Данная норма впоследствии была дословно воспроизведена во всех

⁶⁵¹ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. С. 138.

⁶⁵² Exposición del Consejo de Ministros a S.M. la Reina – Gobernadora // Constituciones Históricas: Edición Oficial / edit. Rico Linaje R. P. 78.

⁶⁵³ Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. Т. 1. P. 221.

⁶⁵⁴ Ibid.

монархических основных законах XIX в.: 1845 г. (ст. 35), 1856 г. (ст. 37), 1869 г. (ст. 54), 1876 г. (ст. 41).

Генеральные и чрезвычайные кортесы ограничили участие короля в законотворческом процессе санкционированием и промульгацией законов. Конституция 1812 г. наделили монарха правом отлагательного вето в отношении закона, принятого представительным органом. Учредители использовали опыт Основного закона США 1787 г. (ст. 1 раздела 7)⁶⁵⁵ и соответствующие положения Конституции Франции 1791 г. В Конституции 1812 г. установлен 30-дневный срок, в течение которого король мог отказать в санкционировании закона; просрочка означала, что санкция короля получена (ст. 145). Конституция императивно предписывала точные формулировки королевских ответов при санкционировании закон (ст. 143) или отказе в санкции (ст. 144), в последнем случае он должен был изложить причины своего решения. Используя полномочие, предусмотренное Конституцией, испанский король мог затормозить принятие закона на два года – срок немалый, но в три раза меньший, чем тот, на который максимально мог приостановить процесс принятия закона король французов по Конституции 1791 г. Авторы проекта Конституции 1812 г. рассматривали королевскую санкцию как «коррективу», участие же короля в законодательном процессе – как средство и гарантию исправления, избавления законов от «порывистости, которая обязательно преобладает в многочисленном органе».⁶⁵⁶

Последующее конституционное законодательство иным образом регулировало санкционирование законов королем. В Королевском статуте 1834 г., в отличие от текста Хартии 1814 г. (ст. 22), отсутствовало указание на абсолютное вето короля. Однако на это было указано в официальном представлении проекта Статута, подготовленном Правительством.⁶⁵⁷ Сравнение формулировки 1834 г. с

⁶⁵⁵ Конституция Соединенных Штатов // Соединенные штаты Америки: Конституция и законодательные акты. С. 32.

⁶⁵⁶ Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 44.

⁶⁵⁷ Exposición del Consejo de Ministros a S.M. la Reina – Gobernadora // Constituciones Históricas:

аналогичными статьями Конституции 1812 г. (ст. 145–151), закрепившими вето монарха, также приводят к выводу о его абсолютном характере. Конституционная практика, вместе с тем, скорректировала законодательную норму: во время действия Статута министры никогда не советовали правительнице королевства Марии Кристине отказывать в санкционировании закона, и она, как и короли Великобритании, не пользовалась своим правом.

Следуя линии, намеченной Статутом, учредитель при принятии Конституции 1837 г. закрепил следующее положение: «Если законопроект не принимается одной из законодательных палат или король отказывает в санкции, проект закона по тому же вопросу не может быть вновь внесен в данную легислатуру» (ст. 39). Согласно этой норме король наряду с палатами являлся участником законодательной деятельности. Н.И. Лазаревский по аналогичному поводу заметил: теория разделения властей первоначально предполагала понимание королевской санкции как помехи со стороны исполнительной власти изданию законов, нарушавших ее права, или же законов «тиранических».⁶⁵⁸ Положение об обязательной поддержке законопроекта королем отстаивалось партией умеренных и формально сохранялось в конституциях 1845 г. (ст. 38), 1856 г. (ст. 40) и 1876 г. (ст. 44); вето монарха отсутствовало лишь в Конституции 1869 г.

Последняя стадия законотворческого процесса – промульгация закона – также относилась к компетенции короля. Конституция 1812 г. устанавливала ее сроки (немедленно после получения информации об «оглашении в Кортесах») и форму (ст. 155). Далее король отдавал необходимые приказы о направлении текста закона одним из министров в соответствующие инстанции. В конституциях 1837 г. (ст. 46), 1845 г. (ст. 44), 1856 г. (ст. 50), 1869 г. (ст. 34), 1876 г. (ст. 51) лишь указывалось, что «король санкционирует и промульгирует законы».

Помимо участия в законодательной деятельности король наделялся правом издавать акты для обеспечения исполнения законов. По Конституции 1812 г. он

мог издавать подзаконные нормативные акты, как и король по Конституции Франции 1791 г.: декреты, распоряжения, инструкции, которые сочтет полезными для исполнения законов (ст. 171.1). Данное положение было воспроизведено в конституциях 1837 г. (ст. 47.1), 1845 г. (ст. 45.1), 1856 г. (ст. 52.1) и 1876 г. (ст. 54.1).

Полномочия короля в сфере исполнительной власти. Традиционное для российской юридической литературы утверждение о близости главы государства к исполнительной власти справедливо лишь для конституционно-монархического этапа его развития в Испании. Кроме Конституции 1808 г. и Королевского статута 1834 г., все основные законы XIX в. вверили королю исполнительную власть. Текст Конституции 1812 г. содержал норму (ст. 16), заимствованную из Французской конституции 1791 г. Комментируя указанное положение, авторы конституционного проекта в своей записке Генеральным и чрезвычайным кортесам подчеркнули: король является «депозитарием», т. е. хранителем, поверенным в осуществлении исполнительной власти в ее полном объеме.⁶⁵⁹ В Конституции 1812 г. было определено и ее содержание: врученная королю исполнительная власть «распространялась на все, что связано с обеспечением общественного порядка внутри страны и ее внешней безопасностью в соответствии с Конституцией и законами» (ст. 170). Буквально она не была ограничена сферой исполнения законов в узком смысле, но имела более обширное содержание. В доктрине, как отметил Л. Санчес Агеста, ее определили как функцию по управлению королевством.⁶⁶⁰ Сами авторы проекта назвали короля в своей записке «главой управления и первым магистратом нации».⁶⁶¹

Его полномочия по реализации исполнительной власти, можно объединить в пять групп: по организации ее осуществления, в сфере внешней политики,

⁶⁵⁹ Discurso preliminar leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. P. 21.

⁶⁶⁰ *Sánchez Agesta L.* Poder Ejecutivo y división de poderes // Revista de derecho constitucional. 1981. N 3. P. 17.

⁶⁶¹ Discurso preliminar leído en las Cortes... P. 45.

правосудия, военного дела, экономики и отношений с церковью.⁶⁶² В сфере организации исполнения законов король наделялся правами: издавать подзаконные акты для исполнения законов (ст. 171.1); назначать на все гражданские и военные должности, включая министров (в соответствии с перечнем, указанным в ст. 222 Конституции) и членов Государственного совета по предложению Кортесов в соответствии с установленными правилами (ст. 171.16 и 233, 232), при этом введение государственных должностей относилось к исключительной компетенции Кортесов (ст. 171.5 и 131.9); присваивать звания и знаки отличия (ст. 171.7). Монарх также заботился о быстром и полном отправлении правосудия (ст. 171.2), он назначал судей по представлению Государственного совета (ст. 170.4), объявлял помилование в соответствии с законом (ст. 171.13). Он мог для обеспечения благополучия и безопасности государства произвести арест лица, которое в течение 48 часов должно было предстать перед судьей (ст. 171.11). Король осуществлял командование армией и флотом (ст. 171.8), определял дислокацию вооруженных сил (ст. 171.9), назначал на все военные должности (ст. 171.5), ежегодно вносил в Кортесы предложения о численности вооруженных сил для утверждения ими (ст. 131.10). В королевском ведении находилась национальная милиция в пределах территории соответствующей провинции, однако ее использование за ее пределами было возможно лишь с согласия Кортесов (ст. 365). Заслушав мнение Государственного совета, король объявлял войну и заключал мир, представляя об этом отчет Кортесам (ст. 171.3 и 236), осуществлял руководство дипломатическими и торговыми отношениями с иностранными государствами и назначал дипломатических представителей (ст. 171.10). В сфере экономики монарх осуществлял контроль за выпуском монет, вес, стоимость, пробу, образцы и наименования которых определяли Кортесы (ст. 171.11, 131.19), утверждал расходы по сферам государственного управления по предложению министров (ст. 12, 227, 341), а также выражал свое мнение по предложению о налогах,

⁶⁶² *Sánchez Agesta L. Poder Ejecutivo y división de poderes // Revista de derecho constitucional. 1981. N 3. P. 21.*

собираемых для их покрытия (ст. 343). Король по Конституции 1808 г. предоставлял право проживать в Испании иностранцам, которые «служат государству своими талантами, имеют изобретения, учредили производство, а также обладают собственностью, дающую доход в размере не менее установленного». Данное право монарх мог предоставить после консультаций с министром внутренних дел и Государственным советом (ст. 125). Эта норма Конституции 1808 г. не была заимствована в 1812 г., и право принять решение о натурализации иностранца, осуществляющего полезную для Испании деятельность, закреплялось за Кортесами (ст. 21, 22). В сфере церковной жизни король мог выдвигать по представлению Государственного совета кандидатуры епископов и других священнослужителей (ст. 171.6), принимать решения о действии соборных постановлений и папских грамот, содержащих общие правила, заслушав мнение Государственного совета и при согласии Кортесов (ст. 171.15).

Учредители предусмотрели перечень запретов королю совершать определенные действия. В области внешней политики он лишался права заключать торговые договоры, вступать в наступательные союзы с иностранными государствами, заключать договоры о предоставлении займов другим государствам без согласия Кортесов, отчуждать, уступать или обменивать провинции, иные населенные пункты или части территории (ст. 172.4–172.6). В экономической сфере ему запрещалось отчуждать и уступать национальное имущество без согласия Кортесов, устанавливать налоги и собирать подати, если они не введены Кортесами, представлять исключительные привилегии отдельным лицам и корпорациям, изымать собственность физических лиц и корпораций, вмешиваться во владение и пользование имуществом (ст. 172.7–172.10). Проанализировав королевские полномочия и их ограничения, А.Д. Градовский верно заметил, что испанскому королю были предоставлены права, «составляющие обыкновенно атрибуты исполнительной власти».⁶⁶³

⁶⁶³ Градовский А. Собр. соч. Т. 4. С. 532.

Впоследствии создатели всех испанских конституций XIX в. скрупулезно закрепляли перечень правомочий и ограничений власти короля, применяя технико-юридический прием, апробированный учредителями в 1812 г. Содержательно они игнорировали, изменяли или копировали нормы первого национального Основного закона.

Вышеуказанные положения показывают, что Испания в XIX в. относилась к той группе конституционных монархий, в которых королям, как отмечал Н.И. Лазаревский, «принадлежит только определенная сумма государственных полномочий, а именно только тех полномочий, которые им прямо предоставлены конституцией»; они отличались от тех, что обладали «всею государственной властью, поскольку она у них не ограничена прямыми постановлениями конституций».⁶⁶⁴ Ко второй группе в начале XX в., например, относились германские государства, Дания («королю принадлежит верховная власть по всем делам королевства с теми ограничениями, которые установлены настоящей конституцией» (ст. 11)),⁶⁶⁵ Бельгия («король не имеет других полномочий, кроме тех, которые принадлежат ему, согласно конституции или особым законам, изданным в силу той же конституции» (ст. 78)),⁶⁶⁶ Греция («король не имеет других полномочий, кроме тех, которые формально предоставлены ему конституцией» (ст. 44)).⁶⁶⁷

Все испанские Конституции XIX в., вверяя королю исполнительную власть, распространяли его компетенцию на все, что «касается охраны общественного порядка и внешней безопасности государства в соответствии с Конституцией и законами» (конституции 1812 г. (ст. 170), 1837 г. (ст. 45), 1845 г. (ст. 43), 1856 г. (ст. 49), 1869 г. (ст. 69), 1876 г. (ст. 50)).

⁶⁶⁴ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. В 2 т. Т. 1. С. 123.

⁶⁶⁵ Конституция Датского королевства 5 июня 1915 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.–Л., 1936. С. 536.

⁶⁶⁶ Конституция Бельгии 7 февраля 1831 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. С. 485 (перевод в данном издании: «Король не имеет других правомочий кроме тех, которые ему формально предоставляют конституции и отдельные законы, изданные в силу той же конституции» (ст. 78)).

⁶⁶⁷ Конституция Эллинского королевства 1 июня 1911 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.–Л., 1936. С. 114.

Полномочия короля в области международных отношений. Король выполнял согласно всем испанским конституциям роль представителя испанского королевства на международной арене, в отношениях с другими государствами и правителями. Они, как отметил Н.М. Коркунов, имея в виду исторические и современные ему конституционные монархии, всегда составляли «прерогативу монархической власти и подвергались наименьшим ограничениям».⁶⁶⁸

Королю принадлежало право объявлять войну и заключать мир, предоставляя об этом документальный отчет Кортесам (ст. 47.4 в Конституции 1837 г.; ст. 45.4 в Конституции 1845 г.; ст. 52.3 в Конституции 1856 г.; ст. 54.4 в Конституции 1876 г.). Конституции XIX в. ограничивали короля в подписании некоторых видов соглашений. Он не мог без полномочия, предусмотренного специальным законом, заключать договоры о наступательных союзах, торговые договоры и договоры о предоставлении займов иностранному государству (ст. 48.3 Конституции 1837 г.; ст. 46.3 Конституции 1845 г.; ст. 53.3 Конституции 1856 г.). По конституциям 1869 г. (ст. 74.4) и 1876 г. (ст. 55.4) список был дополнен договорами, которые создавали обязанности для отдельных испанцев. В конституциях XIX в. содержались и специальные указания на то, что король осуществляет руководство дипломатическими и внешнеэкономическими отношениями (ст. 47.6 Конституции 1837 г.; ст. 45.6 Конституции 1845 г.; ст. 52.3 Конституции 1856 г.; ст. 73.4 Конституции 1869 г.; ст. 54.5 Конституции 1876 г.).

Иные традиционные полномочия короля. Традиционно конституционное оформление получали права короля по командованию армией и флотом: он был вправе определять дислокацию вооруженных сил по конституциям 1837 г. (ст. 47.5), 1845 г. (ст. 45.5), 1856 г. (ст. 52.4), 1869 г. (ст. 70 и 73), 1876 г. (ст. 52). Особое значение военные полномочия короля имели во время правления Альфонса XII, получившего достойное военное образование в Великобритании. Своим участием в военных походах он завоевал симпатии соотечественников и

⁶⁶⁸ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. С. 382.

стал называться «миротворцем».⁶⁶⁹

Как глава исполнительной власти король должен заботиться о том, чтобы чеканилась монета (в конституциях: 1837 г. (ст. 47.7), 1845 г. (ст. 45.7), 1856 г. (ст. 52.6), 1869 г. (ст. 73.1), 1876 г. (ст. 54.6)). Он был наделен правом своим декретом оформлять решения о направлении средств в каждую отрасль управления в соответствии с планом расходов, утвержденным Кортесами (в конституциях 1837 г. (ст. 47.8), 1845 г. (ст. 45.8), 1856 г. (ст. 52.7), 1876 г. (ст. 54.7)). Данное правомочие не упоминалось в Конституции 1869 г.

Король также обладал прерогативами назначения на государственные должности, гражданские и военные, а также предоставления званий и отличий (в конституциях 1812 г. (ст. 171.5 и 171.7), 1837 г. (ст. 47.9), 1845 г. (ст. 45.9), 1856 г. (ст. 52.8), 1869 г. (ст. 73.2), 1876 г. (ст. 54.8)).

Глава государства как символ нации и ее государственности. Представление о короле как символе Испании *de facto* имело место в XIX в. Оно отражалось в частности в его конституционных полномочиях и в целом в его статусе, представленном титулом, а также в указании на его ответственность, в формулах промульгации законов, особых правилах вступления на престол и в признании принца Астурийского, клятвах, произносимых им в Кортесах, а также присягах в верности монарху, приносимых населением и должностными лицами. Особую духовную и интеллектуальную роль сыграл образ Фердинанда VII как символа свободы и независимости Испании во время национально-освободительной войны с Францией в 1808–1814 г. Альфонс XII фактически символизировал реставрацию Испании Бурбонов. Однако очевидное и не вызывающее сомнений олицетворение своего государства королем, «по милости Бога и Конституции», не нуждалось в его конституционном оформлении.

Республиканский этап. Конституция 1931 г. существенно изменила роль главы государства в сфере нормотворчества. Законодательная власть объявлялась принадлежащей народу и осуществляемой им посредством Кортесов

⁶⁶⁹ Испанские короли. С. 394.

(ст. 51). Из трех полномочий, которые закреплялись за королями в области законодательного процесса, президенту вверялась лишь промульгация законов, принимавшихся Кортесами по собственной инициативе или по инициативе Правительства. При этом законы, признанные неотложными по решению не менее двух третей депутатов Кортесов, подлежали немедленной промульгации президентом. Однако в отношении законов, не признанных Кортесами неотложными, у главы государства было право возвратить их в Кортесы с мотивированным предложением о новом рассмотрении. По существу, это означало применение отлагательного вето в результате реализации полномочия по санкционированию закона, принятого Кортесами; и оно могло быть преодолено повторным принятием закона большинством в две трети голосовавших, обязывавшим президента его промульгировать (ст. 83). Такое участие президента в законодательном процессе отличалось от образцов, которыми руководствовались учредители. Президент по Конституции Германии 1919 г. был «обязан облекать в должную форму законы, принятые сообразно конституции и обнародовать их» в месячный срок; вместе с тем, до обнародования у него было право поставить принятый рейхстагом закон на народное голосование (ст. 70, 73), которое отсутствовало у президента Испанской республики. Президент Третьей республики во Франции обладал правом законодательной инициативы (ст. 3 Закона об организации государственных властей 1875 г.) и обнародования принятых законов в месячный срок. Вместе с тем, у него имелась возможность в течение данного периода «обратиться к обеим палатам с мотивированным посланием о новом обсуждении», в котором ему не могло быть отказано (ст. 7 Закона об отношениях государственных властей).

Полномочия президента в сфере управления. Полномочия президента республики в данной сфере по Конституции 1931 г. могут быть объединены в следующие группы: 1) в области подзаконного нормотворчества, 2) в области собственно управления, 3) по формированию других государственных органов и

участию в их деятельности.⁶⁷⁰

Президент также по предложению Правительства объявлял декреты, регламенты и инструкции, необходимые для исполнения законов (ст. 79). Они могли быть обжалованы в случае незаконности в порядке, устанавливаемом законом (ст. 101). В межсессионный период президент издавал декреты по вопросам, требующим незамедлительного решения или если это необходимо для обороны Республики (ст. 80), но они не были актами, созданными им индивидуально. Их издание президентом придавало декретам авторитет и сдерживало возможное усиление Правительства в данное время. По своему значению они отличались от делегированного законодательства, т.к. имели высшую юридическую силу, но, как указывалось выше, лишь до принятия Кортесами соответствующего решения или закона. Подобных положений, регулирующих участие президента в нормотворчестве, не было ни в конституционных законах Третьей Республики, ни в Конституции Германии. Следует еще раз отметить право президента направить проект декрета, подготовленного Правительством, в Кортесы, если он считал, что таковой противоречит действующим законам (п. «с» ст. 76).

Участие президента в законодательном процессе и создании «специфических правительственных норм» может рассматриваться не только как проявление его «сдерживающей» власти, но и как свидетельство более высокого положения по сравнению с другими высшими органами власти.⁶⁷¹

Полномочия президента управленческого характера, ранее называвшиеся «в сфере исполнительной власти», были весьма ограничены. Они были представлены правом президента осуществлять назначения на гражданские и военные должности (п. «b» ст. 76), которое являлось традиционным для главы государства и, например, нашло закрепление в конституциях Третьей Республики во Франции (ст. 3 Закона об организации государственных властей) и Веймарской республики (ст. 46). Президент также мог присваивать профессиональные звания в

⁶⁷⁰ *Fernández Segado F.* Las Constituciones históricas españolas. P. 661–664.

⁶⁷¹ *Varela Díaz S.* Partidos y Parlamento en la II República Española. P. 102.

соответствии с законами и регламентами (п. «b» ст. 76). Президент Испанской республики не объявлялся верховным главнокомандующим, что являлось важнейшей особенностью его статуса, отличающей его от королей в XIX в.

Среди новелл Конституции 1931 г. выделяется право главы государства на *чрезвычайные* (*urgentes* – дословно: «срочные») *меры* (п. «d» ст. 76). Данное полномочие президента служило проявлением его предназначения как «резервной» власти и осуществлялось с обязательным контролем со стороны Кортесов, которым немедленно направлялся соответствующий отчет. Новизна заключалась в предоставлении президенту права принять неотложные, по его мнению, меры для обеспечения целостности (прежде всего, в случае внешней опасности) и безопасности (главным образом, при наличии внутренней угрозы) Испанского государства. Истоки данного полномочия обнаруживались в ст. 48 Конституции Германской империи 1919 г., предусматривавшей конкретные возможные действия президента Германской империи, о которых он должен был уведомить рейхстаг и отменить их по его требованию (ч. 3 ст. 48). Испанский учредитель полностью не заимствовал данную норму, лишь в общем виде сформулировав норму о праве президента в указанных ситуациях принимать неотложные меры. В испанской Конституции 1931 г. их перечень не устанавливался, тем самым их выбор был оставлен на усмотрение президента. Среди них могли быть и действия по приостановлению конституционных гарантий прав личности, которые могло, как и в XIX в., в установленном порядке осуществлять Правительство (ст. 42).

Следует отметить, что ни в XIX, ни в XX столетии в Испании не было предусмотрено право главы государства на введение чрезвычайного положения, известное некоторым европейским конституциям. Вместе с тем, такое право было фактически использовано Альфонсом XIII путем издания декрета 15 сентября 1923 г. об отмене конституционных гарантий и учреждении военного Правительства – Директории во главе в М. Примо де Риверой.

В области внешней политики президенту как главе государства вверялись

следующие полномочия: объявлять войну и заключать мир (п. «а» ст. 76), заключать международные договоры, а также контролировать их исполнение на всей территории государства (п. «е» ст. 76). Их реализация была поставлена в строгие международно-правовые и конституционные рамки, которые появились в регламентации деятельности президента впервые.

Президент по Конституции 1931 г. *мог объявить войну* с соблюдением правил, закрепленных в Уставе Лиги Наций, после применения всех процедур примирительного и невоенного характера, предусмотренных международными договорами, участницей которых являлась Испания, а также при наличии специального полномочия, зафиксированного в законе (ст. 77). Право президента заключить мир подобными оговорками не сопровождалось, и он, очевидно, должен был руководствоваться общими нормами о заключении договоров, представляя Испанию, в соответствии с нормами Конституции. При этом и в данном случае он был связан не только необходимостью в определенных случаях получить поддержку со стороны Кортесов, но и правилами международно-правового общения, что было подробно рассмотрено выше.

Таким образом, президент Республики не обладал рядом полномочий, прежде конституционно закрепляемых за королем. В то же время его компетенция соответствовала задачам, поставленным учредителями перед институтом президентской власти. По мнению Э. Аха и Х. Соле Тура, фигура президента Республики занимала положение, среднее между королем в парламентской монархии и главой государства «при президентской системе».⁶⁷²

В целом полномочия президента Республики были нацелены на обеспечение гармоничного осуществления власти и взаимодействия различных государственных органов. Однако, как показала недолгая практика реализации Конституции 1931 г., врученных ему полномочий оказалось недостаточно для органа, обеспечивающего слаженную работу всей системы государственных органов в сложной социально-политической обстановке.

⁶⁷² Solé Tura J. y Aja E. Constituciones y períodos constituyentes en España. 1808–1936. P. 105.

Этап личной власти каудильо. Закон 30 января 1938 г. на длительный период зафиксировал принадлежность Ф. Франко, ранее объявленному главой государства, «высшей власти издавать юридические нормы общего характера» (ст. 17). При этом было выделено два вида актов: законы – акты, издаваемые по вопросам «органической структуры государства или содержащие основные нормы правовой системы страны», и все иные – декреты. Несложная «законодательная» процедура включала: предложение министра, ответственного за соответствующую отрасль, его обсуждение Правительством и принятие решения главой государства, не связанного никакими правилами. Министры были уполномочены издавать приказы в пределах своих административно-распорядительных полномочий. Через несколько месяцев после окончания гражданской войны, Законом 8 августа 1939 г.,⁶⁷³ Ф. Франко закрепил свою законодательную монополию, зафиксировав право издавать законы и декреты без консультаций с Правительством, «когда это диктуется безотлагательными соображениями» (ст. 7). В таких случаях он был лишь обязан сообщать последнему о них.

Законом 1942 г. «Об учреждении Кортесов» глава государства возложил на Кортесы «подготовку и разработку законов» (ст. 1). При этом не умалялась монополия главы государства на законодательную инициативу, утверждение и промульгацию законов. В акте исчерпывающим образом были предусмотрены вопросы, регулирование которых требовало соблюдения законодательной формы (ст. 10, 12). Однако во время войны или «по соображениям срочности» Правительство (его главой являлся Ф. Франко), но не глава государства, могло издавать декреты-законы, лишь информируя об этом Кортесы после промульгации (ст. 13). В переходных положениях (п. 1.2) ОЗГ 1967 г. объявлялось о сохранении Ф. Франко полномочий, предоставленных главе государства Законами 30 января 1938 г. и 8 августа 1939 г.

Следующий шаг по делегированию полномочий в сфере законодательства

⁶⁷³ Ley de 8 de agosto de 1939 // Boletín oficial del Estado. 9 de agosto de 1939. N 221. P. 4326–4327 (URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/221/A04326-04327.pdf>).

был сделан Законом 1947 г. В его тексте зафиксировано разделение законов на основные и обычные. Для основных законов был введен особый порядок внесения в них изменений и отменены: для этого помимо согласия Кортесов требовалось проведение референдума (ст. 10). Данные правила закрепили некоторую связанность власти, по существу – главы государства, нормами основных законов, которые он не мог впредь самостоятельно аннулировать или изменить.

Общий порядок, устанавливаемый для Испании при будущем ординарном главе государства, состоял в том, что обычные законы в соответствии со ст. 1 Закона 1942 г. в редакции 1967 г. требовали принятия их Кортесами и санкционирования королем. Кроме того, отказ санкционировать закон требовал получения предварительного заключения Совета королевства и должен был сопровождаться мотивированным письмом, сопровождавшим направление закона в Кортесы для повторного изучения (ст. 17). По ОЗГ 1967 г. глава государства обладал правом законодательной инициативы, он представлял Кортесам акты, предварительно заслушав мнение Совета королевства (п. «а» ст. 10), а также санкционировал и промульгировал законы в течение месяца после их принятия Кортесами (ст. 16). При отказе санкционировать закон глава государства, получив заключение Совета королевства, мог вернуть его в Кортесы, сопроводив пояснительным письмом с указанием мотивов (ст. 17 Закона «Об учреждении Кортесов»). Мнение Совета королевства глава государства должен был заслушать и для направления законопроектов на национальный референдум (п. «е» ст. 10 ОЗГ 1967 г.).

Глава государства осуществлял высшую политическую и административную власть. Он должен был обеспечить надлежащее функционирование высших органов государства и должную координацию их деятельности. В соответствии с данной функцией глава государства наделялся юрисдикционными полномочиями: он разрешал споры о компетенции, возникающие между администрацией государства и судами, между счетной палатой, с одной стороны, и администрацией или судами, с другой стороны

(ст. 57). Политические полномочия главы государства прежде всего были направлены на обеспечение фундамента франкистского государства: он возглавлял Национальное движение и гарантировал соблюдение его Принципов и иных основных законов, неразрывную связь государства и Национального движения (ст. 6). Глава государства проявлял заботу об общественном порядке внутри страны и внешней безопасности государства, обладал полномочиями, которыми ранее наделялись испанские короли: он являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами, предоставлял знаки отличия, аккредитовывал и принимал дипломатических представителей других государств, осуществлял помилование. Значение главы государства в сфере правосудия выражалось в том, что оно вершилось от его имени, а не от имени государства, как предписывалось в 1931 г.

Законодатель заимствовал особое право («резервной» власти) президента Второй Республики: он был уполномочен принимать чрезвычайные меры в случаях угрозы внешней безопасности, независимости нации, целостности территории или институциональной системе королевства, заслушав мнение Совета королевства. О принятом решении сообщалось Кортесам, но не предоставлялся отчет, как было закреплено в ст. 6 Конституции 1931 г.

С формально-юридической точки зрения полномочия ординарного главы государства были разделены в тексте Органического закона на три вида: осуществляемые самостоятельно (ст. 7), после издания специального закона или с согласия Кортесов (ст. 9); наконец, те, которые осуществляются после получения заключения Совета королевства (ст. 10). К первой группе были отнесены его права созывать Кортесы и председательствовать на открытии их сессии, обращаться к ним с посланиями, продлевать по требованию Кортесов и Правительства срок полномочий легислатуры, когда этого требуют серьезные обстоятельства, препятствующие обновлению состава Кортесов; направлять в особых случаях на референдум проекты законов; назначать и освобождать от должности председателя Правительства и министров, председателя Кортесов и

других высших должностных лиц; созывать Совет министров и Хунту национальной обороны и председательствовать на их заседаниях; получать заключения и заслушивать мнения Совета королевства, получать информацию от Национального совета.

По Закону 1942 г. при ратификации международных договоров, затрагивающих вопросы, регулирование которых требовало принятия законов, мнение Кортесов, сформулированное в результате обсуждения на пленарном заседании или в комиссиях, было признано обязательным к заслушиванию (ст. 14). Впоследствии было предусмотрено, что ратификация договоров, затрагивающих вопросы суверенитета и целостности испанской территории требует принятия закона на пленарном заседании Кортесов (ч. 2 ст. 14).

Специальное полномочие, зафиксированное в законе или согласованное с Кортесами, требовалось главе государства для объявления войны и заключении мира (ст. 9). Мнение Совета королевства должно было быть заслушано для того, чтобы предложить Кортесам проекты законов, продлить срок деятельности Кортесов, принять чрезвычайные меры, когда этого требовала внешняя безопасность, независимость нации, целостность территории королевства (Кортесам направляется об этом отчет), а также для того, чтобы направить на национальный референдум проекты важных законов (ст. 10).

Глава государства назначал на должность председателя Верховного суда из тройного числа кандидатов, предложенных Советом королевства, а также на основании его заключения он выносил окончательное решение по жалобам на незаконность актов (ст. 59.2).

Отношение к главе государства как к гаранту отразилось в закреплении за ним полномочий по рассмотрению жалоб на «законодательные акты и общие распоряжения Правительства», противоречащие принципам Национального движения и другим основным законом королевства (ст. 59.1). В предписанной процедуре рассмотрения (ст. 59–66) немалую роль играл Совет королевства, организуя подготовку решения, которое мог принять лишь глава государства.

Данная мера, обеспечивающая стабильность учрежденного государственного строя, демонстрирует отношение учредителя к его гаранту, отличное от того, что было присуще Второй Республике, Конституция которой, как отмечалось выше, предусмотрела создание специализированного юрисдикционного органа - Суда конституционных гарантий.

В наделении главы государства полномочиями по применению чрезвычайных мер в случаях, когда имеется серьезная и непосредственная угроза внешней безопасности, независимости нации, целостности территории или институциональной системе королевства (п. «d» ст. 10) усматривается одно из проявлений признания его гарантом установленного порядка для «сохранения и спасения государства и наличного [...] строя», известного из рассуждений К. Шмитта.⁶⁷⁴ Следует отметить, что ОЗГ 1967 г. устанавливалось два условия: предварительное заслушивание мнения Совета королевства и документальный отчет о принятом решении, представляемый Кортесам. В отличие от Конституции Германской империи 1919 г. ОЗГ 1967 г. не содержал указания о характере данных действий (ст. 48).

Таким образом, обширные полномочия главы государства, в том числе и будущего ординарного, были определены с учетом монархического и республиканского прошлого страны на основе ранее изданных франкистских законов и принятой идеологии.

Полномочия короля по Конституции 1978 г. Э. Альварес Конде и Р. Аусина Тур выделяют два вида полномочий короля: строго соответствующие Конституции и законам (представлены главным образом в ст. 62) и не указанные в них, но осуществляемые в силу его конституционного статуса, предусмотренного ст. 56.1 Конституции.⁶⁷⁵

Значение функции представительства главы государства – предмет

⁶⁷⁴ Кондуров В.Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 5. С. 71.

⁶⁷⁵ Álvarez Conde E., Tur Ausina R. Derecho constitucional español. P. 588.

пристального внимания специалистов в области конституционного права.⁶⁷⁶ Г. Рольнерт Лиерн, анализируя положения действующей Конституции 1978 г., утверждает, что представительская функция испанского монарха («юридико-политическое представительство государства»), вытекает из признания короля символом государства. Фактически данное явление имело место и до принятия Конституции и проявилось, в частности, в деятельности короля Хуана Карлоса в конкретной исторической ситуации по установлению, а затем и защите конституционного строя Испании.⁶⁷⁷

Испанские исследователи уделили значительное внимание представительской функции короны, поясняя, что именно король символизирует государство в его единстве и целостности,⁶⁷⁸ и их мнение следует подкрепить ссылками на рассуждения Г. Кельзена⁶⁷⁹ и Г. Еллинека.⁶⁸⁰ В связи с возросшим значением международных отношений в современном мире, король Испании призван осуществлять «высшее представительство испанского государства в международных отношениях» (ст. 56.1).⁶⁸¹ В соответствии со сложившейся традицией король назначает послов и других дипломатических представителей, при нем аккредитуются иностранные представители в Испании (ст. 63.1). Король также «объявляет о принятии Испанией на себя международных обязательств посредством договоров в соответствии с Конституцией и законами» (ст. 63.2). Однако предварительное согласие Кортесов необходимо для заключения договоров пяти видов: политических, военных, затрагивающих территориальную целостность или основные права и свободы личности, налагающие финансовые обязательства на государство, а также предполагающих изменение или отмену какого-либо закона, или требующих принятие законодательных мер для их

⁶⁷⁶ Глава государства / отв. ред. А.М. Осавельюк. М., 2021. С. 106.

⁶⁷⁷ *Rollnert Liern G.* La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente. P. 232.

⁶⁷⁸ *Rollnert Liern G.* Las Coronas europeas y sus funciones representativas // *Las Monarquías en el siglo XXI* / dir. por Rollnert Liern G. P. 30.

⁶⁷⁹ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 192–193.

⁶⁸⁰ *Kelsen H.* General theory of law and state. Т. 1. New Brunswick; London, 2009. P. 182.

⁶⁸¹ Данной функции в сфере международных отношений посвящена статья: *Sánchez Ferris R.* Jefatura de Estado y representación internacional // *Las Monarquías en el siglo XXI* / dir. por Rollnert Liern G. P. 59–86.

осуществления (ст. 94). К компетенции короля как представителя испанского государства отнесено и право объявить войну и заключить мир. Однако оно может быть реализовано лишь с согласия Генеральных кортесов (ст. 63.3).

Самобытность территориальной организации Испании определяет специфику выполнения королем роли символа единства и постоянства Испанского государства.⁶⁸² Он наделен правами по обеспечению его единства во взаимоотношениях с автономными сообществами. Король приносит присягу и среди его обещаний – уважать права граждан и автономных сообществ (ст. 61.1); он санкционирует и промульгирует их принятые Статуты (ст. 151.2.4); назначает председателей автономных сообществ, избранных их законодательными ассамблеями (ст. 152.1).

По Конституции 1978 г. королю принадлежат три правомочия в законотворческом процессе: санкционировать, промульгировать и публиковать законы. Они реализуются путем подписания закона королем в 15-дневный срок и в распоряжении о его немедленном обнародовании (п. «а» ст. 62, 91). Аналогичные нормы на момент принятия Основного закона Испании содержатся лишь в двух конституциях, предусматривавших королевскую санкцию, в Люксембурге (ст. 34) и Лихтенштейне (ст. 19). В то же время Конституции Норвегии (ст. 77), Дании (ст. 22) предусматривали санкционирование королем законопроекта, одобренного парламентом, а Конституция Нидерландов предписывала: «Проект становится законом в момент, когда он одобрен Генеральными штатами и санкционирован королем» (ст. 87.2). При этом в Дании и Нидерландах король признавался субъектом законодательной власти.⁶⁸³ В испанской юридической литературе обращается внимание на отличие права короля санкционировать принятый закон, что предусмотрено Конституцией Испании, от известного истории королевского одобрения законопроекта.⁶⁸⁴ Но

⁶⁸² О значении символической роли: *Rollnert Liern G.* El arbitraje y moderación regios en la Constitución española. P. 185-194.

⁶⁸³ *García Soriano M.* Reyes y Parlamentos: sanción y promulgación de las leyes // *Las Monarquías en el siglo XXI* / dir. por Rollnert Liern G. P. 123.

⁶⁸⁴ *Rodríguez-Zapata J.* Sanción, promulgación y publicación de las leyes. Madrid, 1987. P. 109.

испанский король не стал реальным участником законодательного процесса, и его подпись – лишь формальный декларативный акт, соответствующий сложившейся конституционной практике.⁶⁸⁵ Он может лишь задержать введение закона в действие в пределах срока, имеющегося для его подписания.⁶⁸⁶

Комментируя перевод Конституции Испании на русский язык, российские юристы отметили, что “отсутствие королевского вето теоретически не исключает возможности отказа в подписании”. Поскольку закон не может вступить в силу без королевской подписи, а возвращение его в парламент не предусмотрено, монарх может воспользоваться своим правом объявить о проведении референдума (п. «с» ст. 62, 92).⁶⁸⁷ Промульгация закона, закрепленная во всех конституциях Испании, и по сей день рассматривается в качестве мандата на применение и исполнение закона.⁶⁸⁸

Незначительные полномочия короля в сфере управления весьма традиционны. Так, помимо его прав по формированию Правительства, рассмотренных выше (п. «d» и «e» ст. 62), он издает подзаконные акты – декреты, согласованные в Совете министров, назначает на гражданские и военные должности, осуществляет награждения и присваивает знаки отличия (п. «f» ст. 62); оказывает покровительство королевским академиям (п. «j» ст. 62). Король уполномочен получать информацию о государственных делах и председательствовать на заседаниях Совета министров по просьбе его председателя (п. «g» ст. 62). При этом испанская доктрина весьма категорична в указании на то, что такое председательствование не означает его участия в принятии решений Советом министров.⁶⁸⁹

Текст Конституции 1978 г. содержит перечень должностей, на которые назначения осуществляет король (члены Совета министров, Генерального совета

⁶⁸⁵ *Esteban J. (de), González-Trevijano P. J. Tratado de Derecho constitución al. En 3 t. T. 3. P. 122–123.*

⁶⁸⁶ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R. Derecho constitucional. P. 589.*

⁶⁸⁷ Конституция Испании. Вступительная статья // Конституции государств Европы / под ред. Л. А. Окунькова. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 41.

⁶⁸⁸ *García Soriano M. Reyes y Parlamentos: sanción y promulgación de las leyes // Las Monarquías en el siglo XXI / dir. por Rollnert Liern G. P. 131.*

⁶⁸⁹ *Álvarez Conde E., Tur Ausina R. Derecho constitucional español. P. 591.*

судебной власти (ст. 122.3, 123.2), председатель Верховного суда (ст. 122.3), Генеральный прокурор государства (ст. 124.4), председатель и члены Конституционного суда (ст. 59.16), послы и другие дипломатические представители (ст. 63.1), председатели автономных сообществ, избранные их законодательными ассамблеями (ст. 152.1).

Король является верховным главнокомандующим (п. «h» ст. 62). Сохранение данного традиционного права за главой государства следует принимать во внимание с учетом осуществления Правительством руководства военной администрацией и защитой государства (ст. 97). В связи с этим роль короля представляется более почетной, а не реальной и не дает ему возможности, отмечают испанские конституционалисты, использовать вооруженные силы так, как например, делает это президент США.⁶⁹⁰ Король не обладает полномочием по принятию «неотложных мер» подобно президенту Испанской республики и главе государства франкистской эпохи. По Конституции 1978 г. он не наделен правами на введение чрезвычайного положения и приостановление конституционных гарантий прав личности, которые вручались монархам и президентам отдельных государств в конце 1970-х годов.⁶⁹¹

Таким образом, рассмотренная компетенция демонстрирует путь развития главы испанского государства от единственного обладателя исполнительной власти до главного представителя государства, сохраняющего отдельные традиционные полномочия, которые поддерживают равновесие и гармонию в процессе функционирования всей системы органов государственной власти.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 592.

⁶⁹¹ Данные особенности отмечаются российскими специалистами по конституционному праву при проведении сравнительно-правовых исследований, например, см.: Сравнительное конституционное право. С. 372.

Заключение

Начало юридическому оформлению института главы государства как публично-правового института с собственным наименованием было положено в иберо-американских государствах. Первый опыт имел место в Бразильской империи, и он нашел продолжение в Португальском королевстве. Начальная стадия развития института в этих странах в XIX в. была связана с реализацией идеи Б. Константа об отграничении власти монарха от власти исполнительной с приданием ей «сдерживающего» характера. При таком подходе возникала потребность в поиске адекватного названия и определения природы данной ветви власти и соответствующего государственного органа.

На второй стадии (1930–1940-е годы; в Испании – до смерти Ф. Франко) институт главы государства в странах романской языковой группы обеспечивал потребность в закреплении сильной личной (диктаторской) власти отдельных правителей и придавал ей особо значимый социально-политический характер.

В это время обнаружилось влияние испанского опыта на эволюцию публично-правового института главы государства в странах Европы и Америки, и институт главы государства вновь, как и в XIX в., оказался востребованным в иберо-американских странах. Тон вновь задавала Португалия, связанная с Испанией средневековым прошлым и общей правовой традицией. 28 мая 1926 г. в Португалии произошел государственный переворот, в результате которого временным президентом стал генерал Антониу Оскару ди Фрагушу Кармоне, позднее он четыре раза переизбирался президентом страны и находился на посту до своей смерти в 1951 г. В 1932 г. премьер-министром был назначен профессор – специалист по финансам, ставший с 1929 г. министром финансов, Антониу ди Оливеру Салазар. Его Правительство подготовило проект новой конституции, которая была направлена на народное голосование. Из 1 014 150 избирателей, насчитывавшихся в 1933 г. в Португалии, 580 379 проголосовали «за», 5 505 – «против», 427 686 – воздержались. Правительство, учитывая социальную

обстановку, приняло решение считать последних молчаливо согласившимися.⁶⁹² Конституция 1933 г. легализовала режим «нового государства» – *Estado Novo* (1926–1974), для которого был характерен крайний авторитаризм.

Конституция декларировала принцип суверенитета нации, реализуемого ее органами: главой государства (*Chefe do Estado*), национальным собранием, Правительством и судами (ст. 71).⁶⁹³ Отдел «О главе государства» предшествовал иным структурным элементам, посвященным статусу других высших органов, что подчеркивало его бóльшую значимость в системе организации власти в Португалии по сравнению с Испанией (в Конституции 1931 г. раздел, посвященный президенту, был расположен после раздела «Кортесы»). Португальский законодатель использовал термин, содержащийся в испанской Конституции 1931 г., хотя учрежденный институт отличался существенными особенностями.

Очевидно, используя национальный опыт – Конституции Португалии 1891 г., учредитель закрепил положение: «Главой государства является президент Республики, избранный нацией (ст. 72)». В данной формулировке термин «глава государства» обозначал должность, а не определял ее. В отличие от президента Второй Испанской республики, глава государства в Португалии избирался путем прямых выборов, на 7 лет, как и президент Германской империи по Конституции 1919 г. Поэтому он нес ответственность «непосредственно и исключительно перед нацией за действия, совершенные при исполнении своих обязанностей», при этом исполнение обязанностей и «сама магистратура объявлялись независимыми от голосований в национальном собрании» (ст. 78). Президент должен был оставаться независимым от национального собрания – Конституция обеспечивала и эту независимость, и его верховенство.

Как и в Испании, в Португалии отсутствовал вице-президент, поэтому в случае необходимости президентские обязанности исполнял Совет министров.

⁶⁹² Сарайва Ж.-Э. История Португалии. М., 2007. С. 336–337.

⁶⁹³ Constituição de 11 de Abril de 1933 (URL:<https://www.parlamento.pt/Parlamento/Documents/CRP-1933.pdf>); Политическая конституция Португальской республики 19 марта 1933 г. // Конституции буржуазных стран. Т. 2. С. 384–414.

Участие в нормотворчестве, как и в Испании, входило в круг полномочий президента (ст. 81): он был вправе обнародовать и опубликовывать законы и резолюции национального собрания, принимать декреты, регламенты и инструкции, предоставляемые ему Правительством. Примечательно, что, как и испанская Конституция 1931 г., Основной закон Португалии 1933 г. закрепил право законодательной инициативы за Правительством и членами национального собрания. Президент также имел для обнародования законов 15 дней. Как и в Испании, он, по существу, обладал правом отлагательного вето; отсутствие обнародования в указанный срок означало, что акт вновь направляется на рассмотрение Национального собрания и становился законом при условии, что получал одобрение не менее чем двух третей голосов его членов (ст. 98). В Конституции была признана и контрасигнатура: акты президента должны скрепляться отдельным министром или Правительством в целом, без этого они признавались недействительными (ст. 82).

Португальский президент назначал и увольнял председателя Совета министров, а по его предложению – и министров (ст. 81, 106). Правительство объявлялось ответственным лишь перед президентом республики и не зависело от «каких бы то ни было голосований Национального собрания» (ст. 111). Отказ от принципа ответственного Правительства также отличал данный акт от положений Конституции Испании. Кроме того, устанавливалось, что министры несут персональную политическую, гражданскую, уголовную ответственность за действия, которые они «утвердили или совершили». При этом их дела рассматривали обычные суды (ст. 113).

В области международных отношений глава государства наделялся полномочиями по представлению нации и руководству внешней политикой государства, заключению международных соглашений и ведению переговоров о мирных и союзных, арбитражных и торговых договорах, представляя их на одобрение Национального собрания. Он обладал правом помилования и смягчения наказаний, что отличало его компетенцию от испанского коллеги.

Президенту вверялись следующие полномочия по воздействию на Национальное собрание: устанавливать в соответствии с законом день выборов, предоставлять ему учредительные права в соответствии с Конституцией, обращаться с посланиями, созывать в чрезвычайном порядке заседания, отсрочивать его сессии, распускать представительный орган, когда этого требуют высшие интересы нации (ст. 81). Реализация последнего права не сопровождалась ограничениями, известными Конституции Испании 1931 г.

Таким образом, опираясь на испанский опыт, португальский законодатель в 1933 г. назвал главой государства президента, обладавшего большими полномочиями и занимавшего верховное положение в системе государственных органов, что и отдалило его от зарубежного образца.

Идея создания «нового государства», провозглашенная франкистами, и введение ими в законодательство термина «глава государства», собирательно обозначавшего статус лица, занимавшего нескольких высших должностей в государстве и армии, нашли единомышленников в Латинской Америке и Европе. 10 ноября 1937 г. президент Бразилии Жетулио Варгас октроировал Конституцию «Нового государства».⁶⁹⁴ Однако в ней президент, наделенный мощной властью, был охарактеризован лишь как «высшая власть в государстве» (*autoridade suprema do Estado*). По Конституции он «координирует деятельность представительных органов», «руководит внутренней и внешней политикой», обеспечивает соблюдение национального интереса в «законодательной политике», руководит управлением страны (ст. 73). В данном случае концентрация власти была терминологически выражена абстрактным понятием, в котором традиционная для бразильского конституционного лексикона «нация» была заменена более соответствующим моменту понятием «государство».

В свою очередь на юге Франции после подписания 22 июня 1940 г. перемирия с Германией, установился «режим Виши». Правителем этой «Свободной Франции» Национальное собрание 10 июля 1940 г. назначило

⁶⁹⁴ *Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil (de 10 de Novembro de 1937)* // www.bd.camera.gov.br/bd/bitstream/handle/bdcamera/1765/constituicao_1937_texto.pdf?sequence=6

маршала Ф. Петэна. Согласно закону, принятому подавляющим большинством депутатов, Правительству Республики «под властью и за подписью маршала Петэна» были предоставлены все полномочия для «промульгации одним или несколькими актами новой конституции Французского государства. Она должна гарантировать права, относящиеся к труду, семье и родине».⁶⁹⁵ Ф. Петэн был назван главой французского государства (*Chef d'État Français*), и ему была передана вся полнота власти. Таковым он оставался до августа 1944 г. С 11 июля 1940 г. по 28 ноября 1942 г. Ф. Петэн промульгировал 13 конституционных законов. Они могут быть объединены в две группы. Первые десять из них устанавливали систему единоличного правления главы государства (собственно «петэновский», «вишистский» режим). Обширные полномочия главы государства закреплял Конституционный акт № 2 от 10 июля 1940 г. Три последних акта, принятые в указанный период устанавливали систему «диархии»: полномочия по управлению закреплялись как за главой государства, так и за главой Правительства.⁶⁹⁶ Активная деятельность по законодательному обеспечению правления главы государства Ф. Петэна также вызывает аналогию с нормотворчеством Ф. Франко.

Следующий шаг в создании самостоятельного института главы государства, обнаруживающий влияние испанского законодательного опыта, имел место в Италии, близкой Испании с культурно-исторической точки зрения. После Второй мировой войны Италия стала республикой в соответствии с результатами референдума, проведенного 2 июня 1946 г. В ст. 87 Конституции, разработанной Учредительным собранием и принятой в 1947 г.,⁶⁹⁷ провозглашалось: «Президент Республики является главой государства и представляет национальное единство» (впоследствии данное положение будет заимствовано почти дословно при формулировке ст. 56 Конституции Испании 1978 г.). При обсуждении проекта

⁶⁹⁵ Прело М. Конституционное право Франции / пер. с фр. Ф.А. Кублицкого; под ред. и с предисловием А.З. Манфреда. М., 1957. С. 293–294.

⁶⁹⁶ Там же. С. 297–298.

⁶⁹⁷ Конституция Итальянской республики (22 декабря 1947 г.) // Конституции государств Европы / под общ. ред. Л.А. Окунькова. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 95–133.

Основного закона Италии указанное положение вызвало острую дискуссию. 22 октября 1947 г. на заседании учредительного собрания депутат-социалист Л. Прети указал на недемократичность данного понятия. Он пояснил, что оно является наследством конституционных монархий XIX в. и уместно для обозначения «так называемого главы государства» как «суверенного органа». Депутат отметил, что «юридически неверно говорить о главе государства, поскольку главным органом в государстве является, как все знают, парламент; вне его нет “главы”». ⁶⁹⁸ Следует отметить, что президент Италии не наделялся полномочиями, позволяющими оценить его власть как «интенсивную», не стал институтом, высшим по отношению к другим. ⁶⁹⁹ Его главная роль – представлять Итальянское государство, выполняя функцию символа национального единства и государственности. Также он обладает потенциалом «сдерживающей» власти. В этом смысле Конституция Италии 1947 г., создатели которой были хорошо знакомы с испанским опытом, стала важной вехой в развитии института главы государства и впоследствии повлияла на учредителей в Испании при разработке проекта ныне действующей конституции.

Следует отметить, что позднее президент Франции Шарль де Голль называл себя «главой государства», хотя данный термин отсутствовал в Конституции Пятой республики. ⁷⁰⁰ Дефиниция президента как главы государства является «традиционной и для конституций многих зарубежных государств, хотя и выражается иногда в различных формулировках (руководитель государства – в Литве; регулятор государственного строя – в Греции; глава государства и первое лицо Республики – на Кипре и пр.). ⁷⁰¹

Значение испанского опыта формирования института главы государства не исчерпывается влиянием на зарубежные конституции. Он также важен для

⁶⁹⁸ Atti Assemblea Costituente, seduta pomeridiana 22 ottobre 1947. P. 1445 (URL:http://www.camera.it/_dati/Costituente/Lavori/Assemblea/sed268/sed268.pdf). – О дискуссии в Учредительном собрании см.: *Frisotti I. I lavori dell' Assemblea Costituente con riferimento alla forma di governo // Revista bimestrale dell' Amministrazione provinciale di Bari. 1992. N. 3/4. P. 73–92.*

⁶⁹⁹ *Diritto costituzionale / A cura di S. Mangiameli. Milano, 2008. P. 935.*

⁷⁰⁰ *Dictionnaire constitutionnel / publié sous la direction de O. Duhamel, Y. Mény. Paris, 1992. P. 123.*

⁷⁰¹ *Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 4-е изд. М., 2010. С. 379.*

историко-теоретического осмысления конституционного оформления института главы государства.

Прежде всего, испанский опыт дает пример внимательного отношения учредителей к юридической терминологии, формированию конституционно-правового лексикона, что обеспечило филолого-лингвистический стержень традиции институционализации главы государства. Термин как форма наполнялся содержанием конкретно-исторического характера, и это обеспечило формирование института в соответствии с определенными обстоятельствами, его приспособление к изменяющимся социальным условиям и адекватность политическим запросам. На всех этапах эволюции института главы государства испанские учредители успешно заимствовали то, что соответствовало потребностям общества.

Первоначально представлению о главе государства, выработанному в доктрине и воспринятому в политической практике, соответствовал институт королевской власти на конституционно-монархическом этапе. Данную власть осуществлял король, статус которого был зафиксирован в действующих конституциях. Король признавался главой исполнительной власти и сохранял участие в законодательном процессе. Не утрачивая претензии на роль органа, определяющего развитие Испании, король конкурировал в этом с Кортесами, опираясь на министров, образовавших в этот период коллективный орган – Совет министров. Правительство и его председатель постепенно стали играть все более важную роль, принимая решения, проводившиеся от имени короля. Однако эффективность деятельности Правительства стала зависеть не только от воли короля, но и от поддержки представительного органа – Кортесов. В подобных условиях эволюция конституционного статуса короля проходила в направлении концепции Б. Констана, рассматривавшего королевскую власть в качестве нейтральной и «сдерживающей».

Неслучайно начало доктринальной разработки идеи Б. Констана приходится в Испании на последнюю треть XIX в., хотя в политическом лексиконе термин

«глава государства» встречался и ранее. В связи с размышлениями месте Кортесов и Правительства в системе высших органов государства в условиях роста социальных конфликтов и центробежных тенденций в его территориальной организации, а также усиления значения международных аспектов политики, испанские интеллектуалы задумались о роли короля как представителя государства и значении его полномочий, призванных гармонизировать функционирование системы государственных органов и жизнь общества.

Концепция института главы государства, разработанная французским мыслителем на основе английского политического материала, была апробирована в Бразилии, но оказалась привлекательной и для Испании. Однако законодательный опыт Франции и германских государств, рассматривавших главу государства как носителя верховной власти, для Испании был неприемлем в XIX в. в силу особенностей политического развития страны.

«Нейтральная» роль короля и наделение его потенциалом «резервной» власти вытекали из наличия в понятии «глава государства» также некоторого приоритета (*jefe*) королевской власти и ее носителя, что оказалось особенно востребованным в XX в. В данной интерпретации идея главы государства с ее монархическим происхождением была подхвачена в период Второй Республики в Испании. Конституция 1931 г. закрепила статус президента как «главы государства». Данный термин в конкретном контексте отражал суть должности: президент не был носителем исполнительной власти и субъектом управленческой деятельности, и не объявлялся носителем власти законодательной. Ему вручались отдельные полномочия при осуществлении этих «властей», имевших ограниченный функционал и исторически принадлежащих королю, которого и заменил президент в результате революционных событий и при отсутствии отречения короля, отбывшего в эмиграцию. Учредитель ставил задачу создания поста президента как представителя Испанского государства, обладающего, прежде всего, «сдерживающей» властью в системе государственных органов. Но с этой целью ему было вручено право использовать неотложные меры в

экстраординарных условиях.

В период личной власти Ф. Франко понятие главы государства оказалось чрезвычайно востребованным для институционализации поста неограниченного правителя и обеспечения эффективного функционирования авторитарного политического режима в сложных внешнеполитических условиях. На данном этапе была воспринята законодательная конструкция главы государства как верховного правителя, созданная во Франции в период Легитимной монархии и II Империи и прижившаяся в германских государствах в XIX в. Однако после Второй мировой войны институт главы государства оказался пригодным для выполнения задачи бесконфликтной реставрации монархической формы правления. Для этого был сконструирован институт, отличный от физического лица, осуществляющего его функции. Данная юридическая конструкция оказалась адекватной новым публично-правовым реалиям и обеспечила успешный политический транзит от авторитаризма к либеральной демократии в Испании.

Реформа, задуманная Ф. Франко, подготовила оптимальные условия для мирного осуществления радикальных преобразований и учреждения парламентской монархии. Заимствовав также опыт Второй Республики и зарубежных стран, испанский учредитель использовал термин «глава государства» для определения роли короля и названия института, функции которого он реализует. Корона представлена в современной Конституции Испании как разновидность института главы государства. Вместе с тем отсутствие у ее обладателя многих полномочий, ранее присущих королям или президенту Второй Республики, свидетельствуют об усилении роли монарха как символа и официального представителя Испании, осуществляющего «нейтральную» власть, направленную на гармонизацию политических отношений в стране.

Испанский опыт эволюции института главы государства показывает, таким образом, удивительную гибкость данного института и вместе с тем присущую ему

поразительную способность сохранять преемственность в условиях глубоких перемен в государственном строе, периодически происходивших в XIX–XX вв. Он демонстрирует конструктивную роль и весомый потенциал рассмотренного института, который зависит не только от конституционных положений, но и от конкретной социально-политической обстановки, адекватного целеполагания и личности главы государства.

Источники и литература

Нормативные акты

1. Акт об устройении 12 июня 1701 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.: сб. документов / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 134-136.
2. Акт о престолонаследии 26 сентября 1810 г. (Швеция) // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 1099-1102.
3. Вестготская правда (Книга приговоров). Текст. Перевод. Комментарии // Вестготская правда / под общ. ред. О.В. Аурова, А.В. Маря. М.: РФССН, 2012. С. 245-806.
4. Версальский мирный договор / пер. с фр. под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. С. 7–15.
5. Декрет генеральных и чрезвычайных кортесов от 24 сентября 1810 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 105-107.
6. Декрет СXXXVII от 14 марта 1812 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Кадисская конституция 1812 г. Из истории русско-испанских отношений: В 2 т. / сост. Т.А. Алексеева. Т.2. М.: Центр книги Рудомино, 2013. С. 97-98.
7. Декрет СXXXVIII от 18 марта 1812 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Кадисская конституция 1812 г. Из истории русско-испанских отношений: В 2 т. / Сост. Т.А. Алексеева. Т.2. М.: Центр книги Рудомино, 2013. С. 99-100.
8. Декрет СXXXIX от 18 марта 1812 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Кадисская конституция 1812 г. Из истории русско-испанских отношений: В 2 т. / сост. Т.А. Алексеева. Т.2. М.: Центр книги Рудомино, 2013. С. 101-103.
9. Декрет об утверждении «Хартии труда», 9 марта 1938 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под

ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 499 – 507.

10. Документ о Правлении 6 июня 1809 г. [Швеция] // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 1026-1059.

11. Закон об отношениях между палатами кортесов от 19 июля 1837 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 164-166.

12. Закон «О выборах короля» от 8 июня 1870 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 211-213.

13. Закон главы государства об учреждении испанских кортесов, 17 июля 1942 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 508–513.

14. Закон главы государства об утверждении “Хартии испанцев”, 17 июля 1945 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 514–525.

15. Закон главы государства о народном референдуме, 22 октября 1945 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 520

16. Закон главы государства о наследовании поста главы государства, 26 июля 1947 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. С. 521–525.

17. Закон 1/1977 от 4 января о политической реформе / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 292-295.

18. Конституционная Хартия 4 июня 1814 года (с изменениями 1830 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв.:

Госюриздат / под ред. проф. П. Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 438–446.

19. Конституционная хартия [Португалии] 29-го апреля 1826 г. // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 1. Конституционные монархии / пер. под ред. и со вступ. очерками В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. СПб., 1905. С. 353–382.

20. Конституционный акт Баварского Королевства, 26 мая 1818 года // Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. В 2 т. Т. 1. Конституционные монархии / пер. под ред. и со вступ. очерками В.М. Гессена и Б.Э. Нольде. СПб., 1905. С. 45-76.

21. Конституционный акт Великого Герцогства Баденского, 22 августа 1818 года // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 484-497.

22. Конституционные законы Французской республики (Закон об организации государственных властей 25 февраля 1875 г., Закон об организации сената 24 февраля 1875 г., Закон об отношениях государственных властей 16 июля 1875 г.) // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935-1936. С. 66-70.

23. Конституция [Австрии] 1 октября 1920 г. // Дурденевский В.Н. Послевоенные конституции Запада. Вып. 2. Л.: Госиздат, 1924. С. 78-84.

24. Конституция Бельгии 7 февраля 1831 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.–Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 475-492.

25. Конституция Бельгии 7 февраля 1831 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 95-115.

26. Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 1. Великие державы и западные соседи СССР. М.–Л.:

Соцэкгиз, 1935-1936. С. 83-115.

27. Конституция Германской империи 28 марта 1849 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы. С. 519-545.

28. Конституция Датского королевства 5 июня 1915 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 535-547.

29. Конституция [Испании] от 6 июля 1808 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 87-105.

30. Конституция испанской монархии от 23 мая 1845 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 167-177.

31. Конституция испанской монархии 1856 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 182-193.

32. Конституция Испанской монархии от 1 июня 1869 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 193-210.

33. Конституция испанской монархии от 30 июня 1876 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 230-244.

34. Конституция испанской республики // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 349–377.

35. Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 244–273.

36. Конституция Испании (1978 г.) / пер. с исп. яз. Т.И. Ильинской // Испания: Конституция и законодательные акты / под ред. Н. Н. Разумовича. М.: Прогресс, 1982. С. 29–99.

37. Конституция Испании (1978 г.) / пер. с исп. В.И. Карпеца // Конституции буржуазных государств / сост. и вступ. ст. В.В. Маклаков. М.: Юридическая литература, 1982. С. 276–329.

38. Конституция Испании (1978 г.) / пер. с исп. А.С. Автономова // Конституции государств Европы / под ред. Л.А. Окунькова. В 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 50–94.

39. Конституция Итальянской республики (22 декабря 1947 г.) // Конституции буржуазных государств / сост. и вступ. ст. В.В. Маклаков. М.: Юрид. лит., 1982. С. 124 – 158.

40. Конституция Люксембурга // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 617-635.

41. Конституция [Королевства Нидерландов] 1972 года / пер. с англ. В.И. Лафитского // Конституции буржуазных государств Европы: В 3 т. Т. 2. М.: Норма, 2001. С. 640-644.

42. Конституция Королевства Нидерландов 17 февраля 1983 г. / пер. с англ. В.И. Лафитского // Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 2001. С. 613-639.

43. Конституция Норвежского Королевства, принята Государственным Собранием в Эйдсволе 17 мая 1814 г. // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 713-739.

44. Конституция РСФСР 1918 года // Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М.: Юрайт, 2018. С. 195–208.

45. Конституция Королевства сербов, хорватов и словен (28 июня 1921 г.) // Конституции буржуазных стран. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.-

Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 46-72.

46. Конституция США // США: Конституция и законодательные акты / сост. В.И. Лафитский; под ред. и со вступ.сл. О.А. Жидкова. М.: ИГ «Прогресс», «Универс», 1993 С. 29–49.

47. Конституция Франции 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 250-282.

48. Конституция Французской Республики 22 февраля VII года (13 декабря 1799 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 422–432.

49. Конституция Французской республики (4 ноября 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX в. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 446–460.

50. Конституция [Франции] от 14 января 1852 года / пер. с фр. А. К. Волкова // Правоведение. 2008. № 1. С. 212–216.

51. Конституция Французской республики (4 октября 1958 г.) // Конституции буржуазных государств / сост. В.В. Маклаков. М.: Юрид. лит., 1982. С. 88-112.

52. Конституция Чехословацкой республики / вступ. ст. Э. Марэк // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 12–39.

53. Конституция Эллинского королевства 1 июня 1911 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 108-125.

54. Королевский статут о созыве Генеральных кортесов Королевства, изданный Ее Величеством Королевой-правительницей 10 апреля 1834 года для

исполнения / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 149–155.

55. Органический закон государства от 1 января 1967 года / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. Р. 273–292.

56. Органический закон от 5 октября 1979 года о Конституционном Суде / пер. с исп. яз. В.А. Савина // Испания. Конституция и законодательные акты / под ред. Н.И. Разумовича. М.: Прогресс, 1982.

57. Органический сенатус-консулт 28 флореаля XII года Республики (18 мая 1804 года) / пер. с фр. В.А. Томсинова // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало-М, 2018. С. 241-245.

58. Политическая конституция испанской монархии, промульгированная в Кадисе 19 марта 1812 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 108-149.

59. Политическая конституция испанской монархии от 18 июня 1837 г. / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 155-164.

60. Политическая конституция Португальской республики 19 марта 1933 г. // Конституции буржуазных стран. В 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны. М.–Л.: Соцэкгиз, 1936. С. 384–414.

61. Статут Королевства (Италия) (4 марта 1848 г.) // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Государственное издательство юридической литературы С. 467–475.

62. Указ об опубликовании текста пересмотренной Конституции 11 сентября 1956 г. Королевства Нидерландов // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 662-708.

63. Acte additionnel aux constitutions de Empire de 1815. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/acte-additionnel-aux-constitutions-de-l-empire-du-22-avril-1815> (дата обращения: 18.03.2021).

64. Carta constitucional da Monarchia Portugueza decretada, e dada pelo Rei de Portugal e Algarves D. Pedro, Imperador do Brasil, aos 29 de Abril de 1826. URL: <https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/518735/000113519.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (дата обращения: 18.03.2021).

65. *Constant B. Esquisse de Constitution // Constant B. Collection complète des ouvrages. Vol. 1. Paris: P. Plancher, 1818. 250 p.*

66. Constitución belga de 1831 // Textos básicos de la historia constitucional comparada / edición, prólogo e introducción de J. Varela Suárez. Madrid: El centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 1998. P. 269–286.

67. Constitución política de Bolivia (1826) // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi // Quaderno Latinoamericani. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. 1994. XI. P. 185–200.

68. Constituição politica do Imperio do Brasil (1824). Rio de Janeiro: Na tipografia nacional, 1824. 47 p. URL: <https://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/514067/000062419.pdf?sequence=7&isAllowed=y> (дата обращения: 18.03.2021).

69. Constituição da Republica dos Estados Unidos do Brasil (24 de Fevereiro de 1891) / URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/consti/1824-1899/constituicao-35081-24-fevereiro-1891-532699-publicacaooriginal-15017-pl.html> (дата обращения: 17.04.2021).

70. Constituição da República dos Estados Unidos do Brasil (de 10 de Novembro de 1937). URL: www.bd.camara.gov.br/bd/bitstream/handle/bdcamera/1765/constituicao_1937_texto.pdf?sequence=6 (дата обращения: 17.04.2021).

71. Constituição de 11 de Abril de 1933 [de Portugal]. URL: <http://www.parlamento.pt/Parlamento/Documents/CRP-1933.pdt> (дата обращения: 18.03.2021).

72. Constitución (1808) // Gaceta de Madrid. 27-30 de julio de 1810: N 99. P. 906-910 (URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/099/A00906-00910.pdf>); N 100. P. 912-917. URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/100/A00912-00917.pdf>); N 101. P. 923-925. URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/101/A00923-00925.pdf>) (дата обращения: 16.01.2020); N 102. P. 930-934. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/102/A00930-00934.pdf>) (дата обращения: 10.01.2021).

73. Constitución política de la Monarquía Española promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. Cádiz: Imprenta Real, 1812. 134 p.

74. Constitución de la Monarquía Española (1837) // Gaceta de Madrid, sábado, 24 de junio de 1837. N 935. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1837/935/A00001-00002.pdf> (дата обращения: 10.05.2021).

75. Constitución de la Monarquía Española (1845) // Suplemento a la Gaceta de Madrid. Viernes, 23 de mayo de 1845. N 3904. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1845/3904/C00001-00002.pdf> (дата обращения: 22.06.2021).

76. Constitución de la Monarquía Española (1856) // Constituciones de España. 1808-1978. Madrid, 2000. P. 137-153.

77. Constitución (1869) // Gaceta de Madrid. 7 de junio de 1869. N 158. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1869/158/A00001-00002.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

78. Constitución de la Monarquía Española (1876) // Gaceta de Madrid. 2 de julio de 1876. N 184. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1876/184/A00009-00012.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

79. Constitución de la República española // Gaceta de Madrid N 344. 10 diciembre 1931. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1931/344/A01578-01588.pdf> (дата обращения: 01.07.2021).
80. Constitución Española (1978) // Boletín Oficial del Estado, N 311, de 29 de diciembre de 1978. P. 29313-29424.
81. Constitución (política del Estado) de Venezuela de 1819 // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / A cura di M. Sassi // Quaderno Latinoamericani. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. 1994. XI. P. 145–183.
82. Constitution du 14 janvier 1852. URL:<http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/les-constitutions-de-la-france/constitution-de-1852-second-empire.5107.html> (дата обращения: 18.02.2021).
83. Decreto del 24 de septiembre 1810 // Colección de los decretos y órdenes de las Cortes de Cádiz: En 6 vol. Vol. 1. Madrid: En la Imprenta Nacional, 1813. P. 1-3.
84. Decreto CCCIX de 13 de septiembre de 1813: Que se note el año corriente de la Constitución en todos los documentos en que se exprese el del reinado de Fernando VII // Colección de los decretos y órdenes de las Cortes Cádiz. Vol. IV. Madrid: En la Imprenta Nacional, 1813. P. 269.
85. Decreto del 15 de agosto de 1819 [Venezuela] // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. 1994. XI. P. 183-184.
86. Decreto [27 de agosto de 1828, Colombia], que debe servir de Ley Constitucional del Estado hasta el año de 1830 // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli, 1994. XI. P. 138-139.
87. Decreto de renuncia de Doña María Cristina de Borbón, 12 de octubre de 1840 // Boix V. Historia de la Ciudad y Reino de Valencia. T. III. Valencia: Imprenta de Benito Monfort, 1847. P. 567.

88. Decreto convocando Córtes Constituyentes y señalando los días en que se ha de proceder a la elección de los Diputados para las mismas // Gaceta de Madrid. N 342. 7 de diciembre de 1868. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1868/342/A00001-00002.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

89. Decreto declarando disueltas la Cortes Constituyentes de 1873. [Gaceta de Madrid](#). N 9. 09 de enero de 1874. P. 70. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1874/009/A00070-00070.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

90. Decreto nombrando las personas que han de formar el Ministerio-Regencia que ha de gobernar el Reino hasta la llegada á Madrid del Rey D. Alfonso // Gaceta de Madrid. N 365. 31 de diciembre de 1874. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1874/365/A00843-00843.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

91. Decreto N 1. 15 de novembro de 1889. URL:<https://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1824-1899/decreto-1-15-novembro-1889-532625-publicacaooriginal-14906-pe.html> (дата обращения: 18.03.2021).

92. Decreto del Comité político de la República, nombrando Presidente del Gobierno provisional de la República a D. Niceto Alcalá-Zamora y Torres. 15 de abril, 1931 // Gaceta de Madrid. N 105. 15 abril 1931. P. 193. URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1931/105/A00193-00193.pdf>) (дата обращения: 18.03.2021).

93. Decreto 1 de la Junta de Defensa Nacional de 24 de julio de 1936 // Boletín Oficial de la Junta de Defensa Nacional de España. 25 de julio de 1936. Gobierno Civil de Burgos. 1936. N 1. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1936/001/J00001-00001.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

94. Decreto 138 de la Junta de Defensa Nacional de 29 de septiembre // Boletín oficial de la Junta de Defensa Nacional de España. N 32. 30 de septiembre de 1936. URL:

<http://www.pedea.org/Memo%20historica/02102016%20jesús%20navarro%20jiménez%20adjunto%20B.%20O.%20JUNTA%20DEFEDNSA%20NACIONAL%20de%2030%20septiembre%20de%201936.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

95. Decreto N 255 del 19 de abril de 1937 (de unificación de Falange Española Tradicionalista y de las Juntas Ofensivas Nacional Sindicalistas) // Boletín del Estado. N 182. 20 de abril de 1937. P. 1033-1034. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1937/182/A01033-01034.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

96. Decreto de 31 de julio de 1939 aprobando los Estatutos modificados de Falange Española Tradicionalista y de las JONS // Boletín Oficial de Estado. N. 216. 4 de agosto de 1939. P. 4238–4247. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/216/A04238-04247.pdf> (дата обращения: 16.08.2021).

97. Decreto de 8 de junio de 1947 por el que se somete a referéndum de la Nación el Proyecto de Ley aprobado por las Cortes Españolas, que fija las normas para la Sucesión en la Jefatura del Estado // Boletín Oficial de Estado. N 190. 9 junio de 1947. P. 3272-3273. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1947/160/A03272-03273.pdf> (дата обращения: 18.03.2021)).

98. Decreto 2930/1966 de 23 de noviembre por el que se somete a referéndum de la Nación el proyecto de Ley Orgánica de Estado // Boletín Oficial del Estado. 24 de noviembre de 1966. N 281. P. 14791-14801. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1966-17813 (дата обращения: 10.08.2021)).

99. Decreto (del Consejo de Regencia) 2938/1975 de 20 de noviembre, por el que se convoca sesión conjunta del Pleno de las Cortes Españolas y del Consejo del Reino // Boletín Oficial del Estado. N 279. 20 de noviembre de 1975. P. 24324. URL:<https://www.boe.es/boe/dias/1975/11/20/pdfs/A24324-24324.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

100. Estatuto Real para la convocación de las Cortes Generales del Reino,

mandado observar por S. M. la Reina Gobernadora en 10 de abril de 1834 // Gaceta de Madrid. N 55. 16 de Abril de 1834. P. 251-252. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1834/055/A00251-00252.pdf> (дата обращения: 16.02.2021).

101. Fuero del trabajo // Boletín Oficial del Estado. 10 de marzo de 1938. N 505. P. 6178-6181. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1938/505/A06178-06181.pdf> (дата обращения: 8.04.2021)).

102. Fuero de los Españoles (17 de julio de 1945) // Boletín Oficial de Estado. 18 de julio de 1945. N 199. P. 358-360. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1945/199/A00358-00360.pdf> (дата обращения: 8.04.2021).

103. Grobherzoglich badische Verfassung, vom 17. Dezember 1820. URL:<http://www.documentarchiv.de/nzjh.html> (дата обращения: 18.03.2021).

104. Königlich württembergische Verfassung, vom 25. September 1819 URL:<http://www.documentarchiv.de/nzjh.html> (дата обращения: 18.03.2021).

105. Las Siete Partidas del Rey Don Alfonso El Sabio (2.1.5): En 3 t. T.2. Madrid (Real Academia de la historia): En la Imprenta Real, 1807. 834 p.

106. Ley sancionada autorizando al Gobierno para que pueda declarar en suspenso el art. 7.º de la Constitución // Gaceta de Madrid. N 4933. 15 de marzo de 1848. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1848/4931/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

107. Ley para la elección de Rey (1870) // Gaceta de Madrid. 11 de junio de 1870. N 162. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1870/162/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

108. Ley disponiendo que pueden elegir y ser elegidos compromisarios, para los efectos del artículo 68 de la Constitución de la República, los españoles de uno y otro sexo, mayores de veintitrés años, que se hallen en el pleno goce de sus derechos civiles y políticos y sean vecinos de un municipio (1 de julio de 1932). URL:

<http://www.ub.edu/ciudadania/textos/electoral/1932.htm> (дата обращения: 18.03.2021).

109. Ley relativa al nombramiento de Presidente del Tribunal Supremo // Gaceta de Madrid. N 292. 18 de octubre de 1932. P. 394-395. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1932/292/A00394-00395.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

110. Ley que regula el procedimiento para exigir la responsabilidad criminal del Presidente de la República. 1 de abril de 1933 // Gaceta de Madrid. N 98. 8 de abril de 1933. P. 202–204. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1933/098/A00202-00204.pdf> (дата обращения: 25.04.2021).

111. Ley del Orden público y de los órganos de su conservación. 28 de Julio de 1933 // Gaceta de Madrid. 1933. 30 de Julio de 1933. N 211. P. 682 – 690. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1933/211/A00682-00690.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).

112. Ley de 1 de octubre de 1936 // Boletín oficial del Estado. Gobierno de Burgos. N 1. 2 de octubre de 1936. URL: www.unizar.es/ice/uez/wp-content/uploads/2008/10/guerra-boe-2-10-36.doc (дата обращения: 18.08.2021)).

113. Ley de 30 de enero de 1938 // Boletín oficial del Estado. Burgos. N 467. 31 de enero de 1938. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1938/467/A05514-05515.pdf> (дата обращения: 18.08.2021)).

114. Ley de 8 de agosto de 1939 // Boletín oficial del Estado. N 221. 9 de agosto de 1939. P. 4326-4327. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1939/221/A04326-04327.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).

115. Ley de 17 de julio de 1942 de creación de las Cortes Españolas // Boletín Oficial del Estado. N 200. 19 de julio de 1942. P. 5301-5303. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1942/200/A05301-05303.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

116. Ley del 22 de octubre de 1945 por la que el jefe del Estado podrá someter a referéndum aquellas Leyes que su transcendencia lo aconseje o el interés: público lo

demande // Boletín Oficial del Estado. N 297. 24 de octubre de 1945. P. 2522.
URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1945/297/A02522-02522.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

117. Ley de 9 de marzo de 1946 por la que se modifica la de 17 de julio de 1942 // Boletín Oficial del Estado. 11 de mayo 1946. N 70. P. 1907.
URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1946/070/A01907-01907.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

118. Ley de 18 de diciembre de 1946 sobre acuñación de un nuevo sistema monetario // Boletín Oficial del Estado. N 353. 19 di diciembre de 1946. P. 8842-8844.
URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1946/353/A08842-08844.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

119. Ley de Sucesión en la Jefatura del Estado. 26 de julio de 1947 // Boletín Oficial del Estado. N 208. 27 de julio de 1947. P. 4238-4239.
URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1947/208/A04238-04239.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

120. Ley fundamental de 17 de mayo de 1958 por la que se promulgan los principios del Movimiento nacional // Boletín Oficial del Estado. N 119. 19 de mayo de 1958. P. 4511-4512. URL: <http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1958/119/B04511-04512.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).

121. Ley Orgánica del Estado 1/1967, 10 de enero // Boletín Oficial del Estado. N 9. 11 de enero de 1967. P. 466-477. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1967-5> (дата обращения: 1.10.2021)).

122. Ley 62/1969, de 22 de julio, por la que se provee lo concerniente a la sucesión en la Jefatura del Estado // Boletín Oficial del Estado. N 175. 23 de julio de 1969. P. 11607 – 11608. URL:<https://www.boe.es/buscar/pdf/1969/BOE-A-1969-915-consolidado.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).

123. Ley para Reforma Política. 1/1977. 4 de enero de 1977. // Boletín Oficial del Estado. N 9. 5 de enero de 1967. P. 170-171.

URL:<https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1977-165> (дата обращения: 1.10.2021).

124. Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial // *Boletín Oficial del Estado*. N 157. 2 de julio de 1985. P. 20632–20678. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/1985/BOE-A-1985-12666-consolidado.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).

125. Ley Orgánica 50/1997, de 27 de noviembre, del Gobierno // *Boletín Oficial del Estado*. N 285. 28 de noviembre de 1997. P. 35082–35088. URL:<https://www.boe.es/eli/es/l/1997/11/27/50/con> (дата обращения: 1.10.2021).

126. Ley orgánica 3/2014 de 18 de junio, por la que hace efectiva la abdicación de Su Majestad el Rey Don Juan Carlos I de Borbón // *Boletín Oficial del Estado*. N 148. Jueves 19 de junio de 2014. P. 46396 – 46398. URL:<https://www.boe.es/boe/dias/2014/06/19/pdfs/BOE-A-2014-6476.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).

127. Ley Orgánica 4/2014, de 11 de julio, complementaria de la Ley de racionalización del sector público y otras medidas de reforma administrativa por la que se modifica la Ley Orgánica 6/1985 de 1 de Julio, del Poder Judicial // *Boletín Oficial del Estado*. N 169. 12 de julio de 2014. P. 54647–54652. URL:<https://www.boe.es/boe/dias/2014/07/12/pdfs/BOE-A-2014-7368.pdf> (дата обращения: 1.10.2021).

128. Nuevo reglamento sobre la sucesión (D. Philippe V en Madrid á 10 de Mayo de 1713) // *Novísima Recopilación de las Leyes de España*. Libro III, título I, ley V: En 5 t. T. 2. Empresa en Madrid, 1805. P. 4-6.

129. Real decreto abdicando Carlos IV la corona en su heredero el Príncipe de Asturias, 19 de marzo de 1808 // *Gaceta de Madrid*. N 25. 25 de marzo de 1808. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/025/A00297-00298.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

130. Real órden acordando la Junta suprema y central de gobierno se le dé en cuerpo el tratamiento de Majestad y al Sr. Presidente que ahora es ó por tiempo fuere y

á sus individuos en particular, 4 de octubre de 1808 // Gaceta de Madrid. 18 de octubre. 1808. N 135. P. 1305–1306. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/135/A01305-01306.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

131. Real decreto de 4 de mayo de 1814 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / por Don Josep María de Nieva. Vol. 18. Madrid: En la Imprenta Real, P. 114–115; El Marqués de Miraflores (Fernández de Pinedo M.P.) Documentos a los que se hace referencia en los Apuntes Histórico-críticos sobre la Revolución de España. T. 1. Londres: En la oficina de Ricardo Taylor, 1834. P. 32–38.

132. Real decreto disponiendo que con los Secretarios de Estado y del Despacho, el de Gracia y Justicia, Guerra, Marina y Hacienda se forme un Consejo que se denominará Consejo de Ministros. 19 de noviembre de 1823 // Gaceta de Madrid. N 114. 20 de noviembre de 1823. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1823/114/C00423-00423.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

133. Real decreto de Fernando VII, 13 de octubre de 1830 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / por Don Josep María de Nieva. T.15. Madrid: Imprenta real, 1831. P. 393-394.

134. Real decreto de 4 de abril de 1833 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales: En 37 vol. / por Don Josep María de Nieva. T. 18. Madrid: En la Imprenta Real, 1834. P. 84-85.

135. Real decreto de 10 de Abril de 1834, mandando que se guarde, cumpla y observe el Estatuto Real para la convocación de las Cortes generales del Reino // Gaceta de Madrid. N 54. 15 de abril de 1834. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1834/054/A00247-00247.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

136. Real decreto para la elección de Procuradores a las Cortes generales del Reino // Gaceta de Madrid. N 525. 26 de mayo de 1836.

URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1836/525/A00002-00003.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

137. Real decreto ordenando y mandando que se publique la Constitución política del año de 1812 (13 de agosto de 1836) // Gaceta extraordinaria del lunes 15 de agosto de 1836. N 607. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1836/607/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

138. Real decreto de 4 de diciembre de 1836 con la autorización de las Cortes para el reconocimiento de la independencia de las Américas // Decretos de S.M. la Reina Doña Isabel II / recop. Por Don Josef María Nieva. T. 21. Madrid: Imprenta nacional, 1837. P. 584-585.

139. Real decreto. Se disuelve el Congreso de los Diputado. 4 de julio de 1844 // Gaceta de Madrid. N 3587. 10 de julio de 1844. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1844/3587/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).

140. Real decreto de 26 de marzo de 1848, declarando en suspenso en toda la monarquía las garantías que establece el artículo 7 de la Constitución // Boletín oficial de Madrid. N 3037. 28 de marzo de 1848. URL:http://bibliotecavirtualmadrid.org/bvmadrid_publicacion/i18n/catalogo_imagenes/grupo.do?path=1071229 (дата обращения: 18.03.2021).

141. Real decreto disolviendo el Congreso de los Diputados. 6 de abril 1851 // Gaceta de Madrid. N 6112. 8 de abril de 1851. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1851/6112/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

142. Real decreto admitiendo la renuncia que de los cargos de Presidente del Consejo de Ministros y Ministro de Hacienda ha presentado D. Juan Bravo Murillo // Gaceta de Madrid. N 6750, miércoles, 15 de diciembre de 1852. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1852/6750/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

143. Real decreto restableciendo la Constitución promulgada en 25 de Mayo de 1845 (15 de septiembre de 1856) // Gaceta de Madrid. № 1352. 16 de septiembres de 1856. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1856/1352/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

144. Real Decreto nombrando el Presidente del Consejo de Ministros y ministros // Gaceta de Madrid. N 10. 10 de enero de 1875. P. 83. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1875/010/A00083-00083.pdf> (дата обращения: 1.07.2021).

145. Real decreto confiriendo al Teniente general D. Miguel Primo de Rivera y Orbaneja, Marqués de Estella, el cargo de Presidente del Directorio Militar; determinando la forma en que queda constituido dicho Directorio; suprimiendo los cargos de Presidente del Consejo de Ministros, Ministros de la Corona y los de Subsecretario de la Presidencia y de los demás Ministerios // Gaceta de Madrid. N 259. 16 de septiembre de 1923. P. 1114. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1923/259/A01114-01114.pdf> (дата обращения: 1.07.2021).

146. Real Decreto de 15 de septiembre de 1923 confiriendo a D. Miguel Primo de Rivera la Presidencia del Directorio Militar, y suprimiendo el Consejo de Ministros // Gaceta de Madrid. N 259. 16 de septiembre de 1923. P 1114. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1923/259/A01114-01114.pdf> (дата обращения: 1.07.2021).

147. Real Decreto de 3 de diciembre de 1925 restaurando el Consejo de Ministros // Gaceta de Madrid. N 338. 4 de diciembre de 1925. P. 1219. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1925/338/A01219-01219.pdf> (дата обращения: 1.07.2021).

148. Real decreto admitiendo la dimisión del cargo de Presidente del Consejo de Ministros a D. Miguel Primo de Rivera y Orbaneja, Marqués de Estella // Gaceta de Madrid. N 31. 31 de enero de 1930. P. 763. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1930/031/A00763-00763.pdf> (дата обращения:

1.07.2021).

149. Real Decreto 54/1977, de 21 de enero, sobre títulos y denominaciones que corresponden al heredero de la Corona // Boletín Oficial del Estado. N 19. 22 de enero de 1977. P. 1542. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1977-1909> (дата обращения: 16.08.2021).

150. Real Decreto 2917/1981, de 27 de noviembre, sobre Registro Civil de la Familia Real // Boletín Oficial del Estado. N 297. 12 d diciembre de 1981.P. 29061-29062. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1981-28756> (дата обращения: 18.08.2021).

151. Real Decreto 1368/1987 de 6 de noviembre, sobre régimen de títulos, tratamientos y honores de la Familia Real y de los Regentes // Boletín Oficial del Estado. 1987. N 271. 12 de noviembre de 1987. P. 33717. URL: <https://www.boe.es/eli/es/rd/1987/11/06/1368/con> (дата обращения: 18.08.2021).

152. Orden convocatoria a la Deputación General de españoles // Actas de la Deputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808. Madrid: Imprenta y función de J.A. García. 1874. P. 5-6.

153. Sénatus-consulte du 21 mai 1870 // Journal du Palais: Lois, ordonnances, règlements et instructions d'interêt général. Deuxième partie, Том X. Paris: Bureaux de l'administration, 1890. P. 783-789.

154. Succession to the Crown Act of 2013. URL:<http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/20/contents/enacted> (дата обращения: 10.01.2021).

155. Verfassung des deutschen Reiches, vom., 28. März 1849. URL:<http://www.verfassungen.de/de/de06-66/verfassung48-i.htm> (дата обращения: 10.03.2021).

156. Wiener Schlubakte vom 15. Mai 1820. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh.html> (дата обращения: 10.01.2021)

Иные документы

157. Агирре М. Конституционные законы, соблюдение которых является

непререкаемой обязанностью для всех людей, составляющих общество. Статьи / пер. с исп. Юрчик Е.Э. // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории / отв. ред. С.П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 221–228.

158. Боливар С. Речь в Ангостуре // Боливар С. Избранные произведения: речи, статьи, письма, воззвания, 1812 – 1830. М.: Наука, 1873. 280 с.

159. Конституционный проект 1873 года / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанской конституции. М.: Проспект, 2021. С. 214–213.

160. Предложение закона, провозгласившего республику / пер. с исп. Т.А. Алексеевой // Алексеева Т.А. История испанских конституций. М.: Проспект, 2021. С. 214.

161. Проект конституции для испано-американских колоний [1798, 1801, 1808] (перевод с исп. яз. Т.А. Алексеевой) // Сравнительно-правовой подход при анализе источников права // Труды Лаборатории сравнительно-правовых исследований. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 51-76.

162. Проект конституции Х. Браво Мурильо 1 декабря 1852 г. (перевод с исп. яз. Т.А. Алексеевой) // Сравнительно-правовой анализ в исследованиях правовых институтов и явлений в отраслевом, страноведческом и временном аспектах. Ч. II. // Труды лаборатории сравнительно-правовых исследований. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2012. С. 59-64.

163. Исидор Севильский. Этимологии, или о началах // Латинская словесность Средних веков и Возрождения. Хрестоматия (Антология мысли) / автор-сост. Н.А. Федоров. М.: Litres, 2022. С. 74-84.

164. Abdicación de Alfonso XIII. URL: <http://www.historiasiglo20.org/HE/texto-abdicacionalfonsoXIII.htm>(дата обращения: 18.03.2021).

165. Abdicación de Amadeo I // Gaceta de Madrid. N 43. 12 de febrero de 1873. P. 495. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1873/043/A00495-00496.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

166. Acta de la instalación pe la Junta Central Suprema y Gubernativa del

Reino, 25 de setiembre de 1808 // Gazeta extraordinaria de Madrid. N 129. 29 de setiembre de 1808. P. 1217-1219. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/129/A01217-01219.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

167. Acta del Juramento y proclamación del Rey don Juan Carlos de Borbón y Borbón. Diario de las sesiones del pleno. Sesión Extraordinaria y Conjunta de las Cortes Extraordinarias con el Consejo del Reino para recibir juramento y proclamar Rey a S.A.R. Don Juan Carlos de Borbón y Borbón // Boletín Oficial de las Cortes Españoles. N 21. 22 de noviembre de 1975. P. 6–7. URL: https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/09cons/Diario%20Sesiones_22-11-1975.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

168. Alocución dirigida por el Gobierno Provisional á los electores // Gaceta de Madrid. N 12. 12 de enero de 1969. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1869/012/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

169. Anteproyecto de la Constitución de la República española [1931]. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/anteproyecto-de-constitucion-de-la-republica-espanola-de-1931/html/490eae19-ba06-405a-9428-b6cbef5c2f12_2.html#I_11_ (дата обращения: 25.04.2021).

170. Artículos adicionales al tratado llamado de la Cuádruple Alianza ajustado entre España, Inglaterra, Francia y Portugal en 22 de abril de 1834 // Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio: que han hecho con las potencias extranjeras los monarcas españoles de la casa de Borbón: desde el año de 1700 hasta el día / puestos en orden por A. del Castillo. Madrid: Imprenta de Alegría y Charlain, 1843. P. 855-857.

171. Artículo de oficio // Gaceta de Madrid. N 1. 1 de enero de 1833. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/001/A00001-00001.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

172. Atti Assemblea Costituente, seduta pomeridiana 22 ottobre 1947. P. 1445. URL: http://www.camera.it/_dati/Costituente/Lavori/Assemblea/sed268/sed268.pdf (дата обращения: 25.08.2021).

173. Carta de Fernando VII a su padre, Carlos IV (1 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 130-131.

174. Carta de Carlos IV a su hijo, Fernando VII (2 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 131-134.

175. Carta de Fernando VII a su padre, en respuesta d la anterior (4 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 134-137.

176. Carta de Fernando VII a su padre Cárlos IV (6 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 137.

177. [Carta de] Sr. D. Fernando VII, dirigido a la Suprema Junta de Gobierno // Gaceta de Madrid. N 46. 13 de mayo, 1808. P. 458-459. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/046/A00453-00460.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

178. Certificación de la Declaración del Rey nuestro Señor, en que anula S.M. el decreto derogatorio de la pragmática sanción de 29 de marzo de 1830 // Decretos del Rey Fernando VII y reales órdenes, resoluciones y reglamentos generales / por Don Josep María de Nieva. T.17. Madrid: Imprenta real, 1833. P. 313-316.

179. Concordato celebrado entre Su Santidad el Sumo Pontífice Pío IX y S.M. Católica Doña Isabel II, Reina de las Españas // Fort C.R. El Concordato de 1851 comentado y seguido de un resumen de las disposiciones adoptadas por el gobierno de S.M. sobre materias eclesiásticas: desde la celebración de aquel convenio hasta enero de 1853. Madrid: Imprenta y Fundación de Don Eusebio Aguado, 1853. P. 5-31.

180. Concordato entre la Santa Sede y España (1953). URL: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/archivio/documents/rc_seg-st_19530827_concordato-spagna_sp.html (дата обращения: 25.08.2021).

181. Constitución Española. Trabajos parlamentarios. Vol. III. Madrid: Cortes Generales. Servicio de Estudios y Publicaciones. 1980.

182. Copia del tratado entre Cárlos IV y el Emperador de los franceses (5 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 138-139.

183. Copia del tratado entre el Príncipe de Asturias y el Emperador de los franceses (6 de mayo de 1808) // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / Presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 141-142.

184. Crónica parlamentaria de la Constitución de 1837 / prep. por M. Victoria Garcia-Atance // Revista de Derecho Político. 1983 – 1984. № 20. P. 173-174.

185. Dictamen de la comisión sobre reforma de la Constitución // Diario de las sesiones de Cortes (5 de noviembre de 1844). Congreso de los diputados. Legislatura 1844-1845. Apéndice segundo al N 23. T.1 Madrid: Imprenta y Fundición de la viuda é hijos de J. Antonio García, 1876. P. 285-292.

186. Dictamen de la mayoría de la Comisión. Proyecto de Constitución federal de la República española (1873). 15 p.

187. Discurso de Angostura pronunciado por el General Bolívar a Congreso General de Venezuela en el acto de su instalación (1819) // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. P. 1–28.

188. Discurso del Libertador al Congreso Constituyente de Bolivia // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. 1994. XI. P. 89-102.

189. Discurso preliminar y leído en las Cortes al presentar la Comisión de Constitución el proyecto de ella. Cádiz: Imprenta Tormentaria, 1812. 120 p.

190. Disposición restableciendo la dignidad de Capitán General en el Ejército y en la Armada // Boletín Oficial del Estado. N 18. 18 de julio de 1938. P. 257. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1938/018/A00257-00257.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).

191. Donoso Cortes J. Proyecto de la ley sobre estados excepcionales presentado á las Córtes por el Ministerio de diciembre (publicado en la Revista de Madrid en el año de 1839) // Donoso Cortes J. Obras: En 5 t. / Ord. por G. Tejado. T. 2. Madrid: Imprenta de Tejado, 1854. P. 191-208.

192. El documento de Calomarde (Transcripción del documento manuscrito de caligrafía legible que se encuentra en el Archivo General del Palacio Real de Madrid // Montes Gutiérrez R. Cuestión sucesoria de Fernando VII // Revista Educativa y Cultural Contraclave. 2008. Septiembre. URL:<http://www.contraclave.es/historia/calomarde.pdf>; URL:<http://www.rafaelmontes.net/wp-content/uploads/2014/02/Cuestion-sucesoria-de-Fernando-VII.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

193. El Rey, el Príncipe de Asturias, y SS.AA. los Infantes D. Carlos y D. Antonio han renunciado la corona y sus derechos á ella, como consta por los documentos que siguen. 29 de mayo de 1808. N. 48. P. 482-484. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/048/A00482-00484.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

194. Exposición del Consejo de Ministros a S.M. la Reina – Gobernadora // Constituciones Históricas: Edición Oficial / Edit. Rico Linaje R. Sevilla, 1999. P. 71-79.

195. Exposición preliminar al Estatuto real // Tomás Villarroya J. El sistema político del Estatuto real (1834 – 1836). Madrid: Instituto de Estudios políticos, 1968. P. 619-631.

196. Felicidades dirigidas á S.M. por la publicación de las actas de Cortes de 1789 // Gaceta de Madrid. N 41. 4 de abril de 1833. URL: <https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/041/A00179-00180.pdf> (дата обращения:

18.03.2021); Gaceta de Madrid. N 45. 11 de abril de 1833. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1833/045/A00191-00192.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

197. Junta provisional de Gobierno, 3 de octubre de 1868 // Gaceta de Madrid. N 279. 5 octubre de 1868. P. 1. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1868/279/A00001-00002.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).

198. He aquí el texto del documento que el Rey entregó al presidente del último Consejo de ministros, capitán general Aznar // “ABC”. Madrid. 17 de abril de 1931. P. 3. URL: <https://www.abc.es/archivo/periodicos/abc-madrid-19310417.html>(дата обращения: 10.06.2021).

199. Manifiesto de los notables. 9 enero de 1876 // Artola M. Partidos y programas políticos, 1808 – 1936. T.2: Manifiestos y programas políticos. Madrid: Alianza Editorial, 1991. P. 112–115.

200. Manifiesto de Estoril de Don Juan, 7 de abril de 1947. URL: <https://el-rey-perjuro.webnode.com/products/los-manifiestos-de-don-juan-de-borbon-contra-el-regimen-franquista/> (дата обращения: 25.08.2021).

201. Nombramiento del Presidente de la Republica // Gaceta de Madrid. N 132. 11 de mayo de 1936. P. 1379. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE/1936/132/B01379-01379.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

202. Nombramiento del Regente del Reino // Gaceta de Madrid. Viernes, 18 de junio de 1869. Año CCVIII. N. 169. URL: <https://www.boe.es/datos/imagenes/BOE/1869/169/A00001.tif> (дата обращения: 25.05.2021).

203. Observaciones que sobre el proyecto de Constitución presentado de orden del Emperador & las Juntas de españoles celebradas en Bayona, hicieron los miembros de éstas // Actas de la Diputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808. Madrid: Imprenta y función de J.A. García. 1874. P. 61-115.

204. Orden de la Junta Técnica de Estado (Estableciendo la "Fiesta Nacional del Caudillo") // Boletín Oficial del Estado. Burgos. 28 septiembre de 1937. N 343. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1937/343/A03570-03571.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

205. Pragmática sanción en fuerza de ley decretada por el Señor Rey Don Carlos IV á petición de las cortes del año de 1789, y mandado publicar por S.M. reinante para la observancia perpetua de la ley 2ª, título 15, partida 2ª, que establece la sucesión regular de la corona de España // Gaceta de Madrid. N 40, Sábado, 3 de abril de 1830. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1830/040/A00167-00168.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).

206. Proyecto de Constitución // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española (18 de agosto de 1931). Legislatura 1931-1933. Apéndice cuarto al N 22. T. I. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. P. 7-9.

207. Proyecto de Constitución para la República Boliviana (1826) // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane. 1994. XI. P. 103–135.

208. Proyecto de Constitución para la República de Venezuela, formado por el Jefe Supremo, y presentado al Segundo Congreso Constituyente para su examen // Modelo Romano e formazione del pensiero politico di Simon Bolivar. Testi costituzionali / a cura di M. Sassi. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1994. XI. P. 45-77.

209. Proyecto de Estatuto constitucional presentado de orden de S.M.I.V.R. Napoleón, Emperador de los franceses e Rey de Italia, en la Junta de españoles celebrada en Bayona á 20 de junio de 1808 // Actas de la Diputación General de españoles que se juntó en Bayona el 15 de junio de 1808. Madrid: Imprenta y función de J.A. García. 1874. P. 12-60.

210. Proyecto de Ley Orgánica de abdicación de S.M. el Rey don Juan Carlos // Diario de sesiones del Senado, 17 de junio de 2014. N 116. P. 10919. URL:

http://www.senado.es/legis10/publicaciones/pdf/senado/ds/DS_P_10_116.PDF (дата обращения: 18.03.2021).

211. Reales Decretos del 5 de mayo, citados por el Sr. Ceballos a las páginas 41 y 42 de su exposición a la Junta de Gobierno // *Jovellanos G. A sus compatriotas. Memoria en que se rebaten las calumnias divulgados contra los individuos de la Junta Central del Reino, y se da razón de la conducta y opiniones del autor desde que se recobró su libertad. Con notas y apéndices.* Coruña: En la Oficina de D. Francisco Cándido Perez Prieta, 1811. P. 64-65.

212. Se proclama Rey de España y de las Indias á Josef Napoleón, actualmente Rey de Nápoles y de Sicilia // *Gaceta de Madrid.* N 57. 14 de junio, 1808. P. 568-569. URL:<http://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1808/057/A00568-00569.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

213. Sentencia número 5/1987 [del Tribunal Constitucional], de 27 de enero // *Boletín Oficial del Estado.* 1987. N 35. Suplemento. Art. 3664. P. 17-22. URL: <https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-T-1987-3664> (дата обращения: 25.09.2021).

214. Sesión del día 24 de setiembre de 1810 // *Diario de Sesiones de las Cortes generales y extraordinarias. Legislatura 1810-1813. T. 1. N. 1.* Madrid: Imprenta de J. Antonio García, 1874. P. 1-4.

215. Sesión del 25 de agosto de 1811 // *Diario de sesiones de las Cortes generales y extraordinarias. Legislatura 1810-1813. T. IX. N 327.* Madrid: Imprenta de J. Antonio García, 1874. P. 1683-1691.

216. Sesión del Estamento de procuradores. Jueves, 31 de diciembre de 1835 // *Diario de las sesiones de Cortes. Estamento de Procuradores. Legislatura 1835–1836. N 22.* Madrid: Imprenta de J.A. García, 1869. P. 201–216.

217. Sesión del Estamento de procuradores. Sábado, 21 de mayo de 1836 // *Diario de las sesiones de Cortes. Estamento de Procuradores. Legislatura 1836. N 38.* Madrid: Imprenta de J.A. García, 1869. P. 493-512.

218. Sesión del Estamento de procuradores. Lunes, 23 de mayo de 1836 // Diario de las sesiones de cortes. Estamento de Procuradores. Legislatura 1836. N 40. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1869. P. 517.

219. Sesión regia de apertura celebrada el lunes 24 de octubre 1836 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1836-1837. T. I. N 6. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1870. P. 29-32.

220. Sesión del jueves 27 de octubre 1836 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1836-1837. Apéndice tercero al N. 9. T. I. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1870. P. 1-2.

221. Sesión celebrada en el Palacio del Senado el sábado 8 de Mayo 1841 para el nombramiento de Regencia // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1841. T. II. N 43. Madrid: Imprenta y Fundición de J. Antonio García, 1875. P. 845-852.

222. Sesión del miércoles 8 de Noviembre de 1843 para la votación de la mayoría de edad de S.M. Reina Doña Isabel II // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1843-1844. N 23. Tomo único. Madrid: Imprenta y Fundición de J. Antonio García, 1876. P. 165-170.

223. Sesión regia celebrada el viernes 10 de Noviembre de 1843. Juramento de la Reina Doña Isabel II // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1843-1844. N 24. Tomo único. Madrid: Imprenta y Fundición de J. Antonio García, 1876. P. 171-172.

224. Sesión del miércoles 4 de diciembre de 1844 // Diario de las Sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura de 1844-1845. N 47. T. I. Madrid: Imprenta y Fundición de la viuda é hijos de J. Antonio García, 1876. P. 807-823.

225. Sesión del sábado 4 de marzo de 1848 // Diario de las Sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1847-1848. N 77. T. III. Madrid: Imprenta y Fundición de la viuda é hijos de J. Antonio García, 1877. P. 1631-1665.

226. Sesión del jueves 4 de enero de 1849 // Diario de las Sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1848-1849. N 13. T. I. Madrid: Imprenta y fundación de la viuda e hijos de J.A. García, 1877. P. 149-172.

227. Sesión del sábado 30 de noviembre de 1854 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1854-1856. N 23. T. I. Madrid: Imprenta y fundación de la viuda e hijos de J.A. García, 1880. P. 259-294.

228. Sesión del jueves 20 mayo de 1869 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1869-1871. N 78. T. IV. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1870. P. 2103-2147.

229. Sesión del miércoles 16 de noviembre de 1870 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes. Legislatura 1869-1871. N 316. T. XIV. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1870. P. 9143-9170.

230. Sesión del lunes 10 de febrero de 1873 // Diario de la Asamblea Nacional. Segundo período de la legislatura 1872-1873. N 1. Tomo único. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1873. P. 1-58.

231. Sesión del domingo 8 de junio de 1873 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española de 1873. Legislatura 1873-1874. N 9. T. I. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1874. P. 89-102.

232. Sesión del viernes 2 de enero de 1874 // Diario de Sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura 1873-1874. N 99. T. IV. Madrid: Imprenta de J.A. García, 1874. P. 2453-2519.

233. Sesión del sábado 11 de marzo de 1876 // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los Diputados. Legislatura 1876-1877. N 20. T. I. Madrid: Imprenta y fundación de la viuda e hijos de J. Antonio García, 1877. P. 355-376.

234. Sesión plenaria celebrada el sábado 6 de julio de 1929 // Diario de las sesiones. Asamblea nacional. Legislatura 1927-1929. N 48. T. II. P. 767-800.

235. Sesión celebrada el día 28 de julio de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. N 10. T. I. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1933. P. 167-190.

236. Sesión celebrada el día 3 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931-1933. N 67. T. IV. Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. P. 2077-2110.

237. Sesión celebrada el día 26 de noviembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931-1933. N 81. T. V. Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. P. 2643-2701.

238. Sesión celebrada el día 9 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931-1933. N 88. T V. Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. P. 2895-2913.

239. Sesión celebrada el día 10 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931-1933. N. 89. T V. Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. P. 2915-2929.

240. Sesión celebrada el día 15 de diciembre de 1931 // Diario de sesiones de las Cortes Constituyentes de la República Española. Legislatura de 1931-1933. N 90. T. V. Madrid: Cesores de Rivadeneyra, 1933. P. 2931-2933.

241. Sesión celebrada el martes 7 de abril de 1936 // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Legislatura 1936. N. 15. T. I. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1936. P. 237-272.

242. Sesión celebrada el martes 12 de mayo de 1936 // Diario de las sesiones de Cortes. Congreso de los diputados. Legislatura 1936. N 28. T. I. Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1936. P. 683-686.

243. Sesión número 4 celebrada el jueves, 11 de mayo de 1978 // Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados. Comisión de Asuntos Constitucionales y libertades Públicas 1978. N 64. P. 2159-2223. URL:https://www.congreso.es/public_oficiales/L0/CONG/DS/C_1978_064.PDF) (дата обращения: 11.01.2022).

244. Sesión número 5 celebrada el viernes, 12 de mayo de 1978 // Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados. Comisión de Asuntos Constitucionales y libertades Públicas 1978. N. 66. P. 2259-2326. URL:

https://www.congreso.es/public_oficiales/L0/CONG/DS/C_1978_066.PDF (дата обращения: 11.01.2022).

245. Telegramas. Barcelona, 9 (de enero de 1875) // Gaceta de Madrid. Domingo 10 de enero de 1875. URL:<https://www.boe.es/datos/pdfs/BOE//1875/010/A00083-00083.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

246. Testamento de Fernando VII, y Herencia de Cristina. URL:https://www.congreso.es/docu/PHist/docs/03Regen/muerte_fernando_VII.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

247. Tratado de la Cuádruple Alianza entre España, la Inglaterra, Francia y el Portugal, firmado en Londres el 22 de abril de 1834 // Tratados, convenios y declaraciones de paz y de comercio que han hecho con las potencias extranjeras los monarcas españoles de la casa de Borbón desde el año de 1700 hasta el día / por Cantillo A. Madrid: Imprenta de Alegría y Charlain, 1843. P. 853-855.

248. Tratado de Valenzay (Valençay) entre el Emperador Napoleon y el Rey Fernando de 11 de diciembre de 1813 // El Marqués de Miraflores (Fernández de Pinedo M.P.). Documentos a los que se hace referencia en los Apuntes Histórico-críticos sobre la Revolución de España. En 2 t. T.1. Londres: En la oficina de Ricardo Taylor. 1934. 331 p.

249. Tratado secreto entre el rey de España y el emperador de franceses, relativo á la suerte futura del Portugal // Conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España / presentación de J. Varela Suanzes-Carpegna. Madrid: CEPC, 2008. P. 18-19.

250. 27 puntos de la Falange Española // URL: <https://www.heraldicahispanica.com/XXVIpuntos.pdf> (дата обращения: 25.08.2021).

Книги

251. Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / сост. и пер. М.Б. Певзнера. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.

252. Автономов А.С. Правовая онтология политики: к построению системы категорий. М.: Инфограф, 1999. 384 с.
253. Алексеев А.С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1910. 121 с.
254. Алексеев А.С. Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст. Ч. 1. Французская конституционная хартия 1814 г. М., 1914. 112 с.
255. Альперович М.С., Слёзкин С.Ю. История Латинской Америки: с древнейших времен до начала XX века. М.: «Высшая школа», 1991. 286 с.
256. Альтамира-и-Кревеа Р. История современной Испании / пер. с исп. Е.А. Вадковской и О.М. Гармсен. СПб.: Евразия, 2003. 608 с.
257. Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М.: Международные отношения, 2014. 504 с.
258. Аннерс Э. История европейского права / пер. со швед. яз. Р.Л. Валинского, А.М. Волкова, М.А. Иваева, Т.Л. Шенявской. М.: Наука, 1996. 395 с.
259. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 264 с.
260. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. М.: Магистр: ИНФРА-М., 2010. 829 с.
261. Баглай М.В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: Роль, порядок выборов, полномочия. М.: Норма, 2008. 144 с.
262. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Р. Никоновой при участии Н.Н. Деева. М., 1998. 624 с.
263. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б.А. Ситникова. 2-е издание. М.: Весь Мир, 2014. 560 с.
264. Вилар П. История Испании / пер. с фр. И. Борисовой. М.: АСТ. Астрель, 2006. 222 с.

265. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Политическая история Испании. М.: Высшая школа. 2005. 191 с.
266. Волосюк О.В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1997. 198 с.
267. Вольфрам Х. Готы / пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Неврасова. СПб., 2003. 656 с.
268. Егер О. Всемирная история: В 4 т. Т. 4. Новейшая история. СПб. – М.; Полигон - Аст, 1999. 768 с.
269. Галан Х. М. Крушение монархии в Испании (1917-1931). М.: Соцэкгиз, 1959. 136 с.
270. Гарридо Ф. Современная Испания: ее умственный и материальный прогресс в XIX в. / пер. с нем. под ред. И. Рождественского. СПб.: Издание Н.М. Котомина, 1869. 420 с.
271. Глава государства /отв. ред. А.М. Осавелюк. М.: Проспект, 2021. 400 с.
272. Градовский А.Д. Государственное право важнейших европейских держав // Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 4. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. 816 с.
273. Градовский А.Д. Политические теории XIX в. Парламентаризм во Франции // Собр. соч. В 9 т. Т. 3. СПб., 1896. С. 1-268.
274. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1996. 400 с.
275. Додолев М.А. Россия и Испания: 1808-1823. М.: Наука, 1984. 286 с.
276. Доносо Кортес Х. Сочинения / пер. с исп. А.П. Шурбелева, О.В. Журавлева, М.Ф. Сотсковой. М., 2006. 634 с.
277. Дурденевский В.Н. Иностранное конституционное право в избранных образцах (с приложением текстов конституций). Л.: Государственное издательство, 1925. 263 с.

278. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. с фр. А. Яценко, В. Каснокутского и Б. Сыромятниова; с предисл. к рус. пер. П. Новгородцева и автора. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
279. Еллинек Г. Общее учение о государстве / пер. под ред. В.М. Гессена и Л.В. Шалланда. Вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. 752 с.
280. Исаев И.А. Суверенитет: закрытое пространство власти. М.: Проспект, 2017. 160 с.
281. Испанские короли / пер. с нем. С. Прилипского, под ред. В.Л. Бернекера, К.Кольядо Сейделя и П.Хозера. Ростов-на-Дону, 1998. 512 с.
282. История буржуазного конституционализма XVII – XVIII вв. / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Издательство «Наука», 1983. 296 с.
283. История буржуазного конституционализма XIX в. / отв. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Наука, 1986. 280 с.
284. История Испании: В 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. М.: Индрик, 2012. 696 с.
285. История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик. М.: Индрик, 2014. 872 с.
286. История XIX в. / под ред. проф. Э. Лависса и А. Рамбо; пер. с фр. под ред. проф. Е.В. Тарле: В 8 т. М.: ГСЭИ. Т. 7. 673 с.
287. Казула Ф. Третий подход к истории / пер. с ит. А. Маврушина. Pisa: Edizione ETS, 2000. 203 с.
288. Канторович Э. Два тела короля: Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 752 с.
289. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: ист. очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / предисл. А. В. Сазанова. М.: ГПИБ России, 2014. 624 с.

290. Ковалевский М.М. История монархии и монархических доктрин. СПб.: Санкт-Петербургский Политехнический институт. 1912. 146 с.

291. Констан Б. Принципы политики, пригодные для всякого правления // Классический французский либерализм: Сборник / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.; Частный взгляд. Общепольный журнал для чтения. 2001. № 2. URL: http://sapov.ru/journal/02/constant_1to9.htm (дата обращения: 18.03.2021).

292. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 т. (1893-1897). Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. 415 с.

293. Коркунов Н.М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Государство и его элементы. М.: Ленанд, 2015. 168 с.

294. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: «Зерцало», 2004. С. 3-206.

295. Красиков А. Испания и мировая политика: полвека дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1989. 350 с.

296. Ксенофонтов И. Н. Испания: новый этап борьбы. М., 1969. 144 с.

297. Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2013. 560 с.

298. Леже Р. Великие правовые системы современности / пер. с фр. Грядова А.В. М.: Волтерс Клувер, 2010. 592 с.

299. Льюренте Х.-А. История испанской инквизиция. В 2 т. Т. 1–2. М.: Ладомир. АСТ, 1999. 607 с.

300. Майский И. М. Испания 1808–1917. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 457 с.

301. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 574 с.

302. Мигель А. (де). 40 миллионов испанцев 40 лет спустя / пер. с исп., ком. и послесловие Х. Кобо; предисл. А.А. Красикова. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

303. Мижуев П.Г. Глава государства. Организация высшей исполнительной власти в главных странах современного мира. СПб.: Всеобщая библиотека Г.Ф. Львовича, 1906. 96 с.
304. Моль Р. Энциклопедия государственных наук / пер. с нем. А. Попова. СПб., Издание книгопродавца Маврикия Осиповича Вольфа, 1868. 591 с.
305. Норвич Д. Срединное море. История Средиземноморья / пер. с англ. А.В. Короленкова. М.: АСТ: Астрель, 2011. 797 с.
306. Орландо В. Принципы конституционного права. М.: Издание В.М. Саблина, 1907. 297 с.
307. Пискорский В.К. История Испании и Португалии // История Испании и Португалии / сост. С. Шумов и А. Андреев. М.; Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 5-206.
308. Плавский З.И. Испанская литература XVII – сер. XIX в. М.: Высшая школа, 1978. 293 с.
309. Платошкин Н. Гражданская война в Испании (1936–1939). М.: ОЛМА-Пресс; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2005. 479 с.
310. Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 410 с.
311. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», 1998. 560 с.
312. Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. М.: Наука, 1989. 288 с.
313. Прело М. Конституционное право Франции / пер. с фр. Ф.А. Кублицкого; под ред. и с предисловием А.З. Манфреда. М., 1957. 671 с.
314. Престон П. Франко: Биография / пер. с англ. Ю.В. Бехтина. М.: ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1999. 702 с.
315. Сарайва Ж.Э. История Португалии / пер. с порт. М.Е. Кабицкого, А.Н. Пак, Г.Е. Петрова, А.А. Токарева. М.: Издательство «Весь мир», 2007. 384 с.
316. Современная Испания / отв. ред. Загладин В.В. М.: Политиздат, 1983.

383 с.

317. Суховерхов В.В. Г.М. Ховельянос: философско-теологические и социально-политические воззрения. М.: Мысль, 2012. 434 с.

318. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Изд-во «Пресса», 1992. 640 с.

319. Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. Т. 1 / пер. В.М. Смирин; отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1989. 576 с.

320. Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юринформцентр, 1995. 365 с.

321. Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1816–1824 годы. Т. 3 // Архив братьев Тургеневых.^[1] Вып. 5 / под ред. и с примечаниями Е.И. Тарасова. Пг.: Академическая двенадцатая государственная типография, 1921. 528 с.

322. Тойнби А. Постижение истории: Сборник / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф. 2001. 640 с.

323. Трачевский А. Испания девятнадцатого века. М., Ч.1. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1872. 403 с.

324. Фаусту Б. Краткая история Бразилии / пер. с порт. Л.С. Окуновой и О.В. Окуновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2013. 448 с.

325. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; комм. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс - Традиция, 1997. 416 с.

326. Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2011. 728 с.

327. Цицерон М.Т. Диалоги: О государстве. О законах / пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, ст. С.Л. Утченко / отв. ред. С.Л. Утченко. М.: Наука, 1966. 226 с.

328. Чиркин В.Е. Глава государства: Сравнительно-правовое исследование. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 240 с.

329. Чиркин В.Е. Конституционная терминология. М.: Норма: ИНФРА – М.: Норма: Инфра-М, 2016. 272 с.

330. Шмитт К. Диктатура. От современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца; вступ. ст. А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик. 2018. 326 с.

331. Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 27-225.

332. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / пер. с нем. Д.В. Куницына. СПб.: «Владимир Даль», 2006. 300 с.

333. Шубин А.В. Великая испанская революция. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 640 с.

334. Alcalá Gallano A. Derecho político constitucional. Madrid: Imprenta de D. I. Voix, 1843. 476 p.

335. Alonso A.M., Rubio Nuñez R. Fuentes para la Historia del constitucionalismo español: Colección bibliográfica de la Universidad Complutense de Madrid. Madrid: UC, 2006. 135 p.

336. Álvarez Conde E., Tur Ausina R. Derecho constitucional español. Tecnos, 2015. 944 p.

337. Alzaga O. La Constitución española de 1978 (comentario sistemático). Madrid: Edición del Foro, 1978. 1002 p.

338. Alzaga Villaamil O., Gutiérrez Gutiérrez I., Reviriego Picón F., Salvador Martínez M., Alguacil González - Auriolles J. Derecho político español según la Constitución de 1978. T. 1. Constitución y fuentes del Derecho. Madrid: Editorial Centro de Estudios Ramón Areces, 2016. 728 p.

339. Artola M. Antigua régimen y revolución liberal. Barcelona, 1978. 318 p.

340. Artola M. La España de Fernando VII. Madrid: SLU Espasa Libros, 1999. 808 p.

341. Artola M. La burguesía revolucionaria. 1808–1869. M., 1973. 434 p.

342. Artola M. Los afrancesados. Madrid: Edición Turner, 1976. 347 p.

343. Artola M. Partidos y programas políticos. 1808 – 1936. En 2 vol. Vol. 1. Madrid: Aguilar, 1974. 706 p.
344. Bahamonde A., Martínez J. Historia de España. Siglo XIX. Madrid: Cátedra, 1994. 638 p.
345. Barberis M. Benjamin Constant: Rivoluzione, costituzione, progresso. Bologna: Il Mulino, 1988. 333 p.
346. Barrio A. La modernización de España (1917 – 1939). Política y sociedad. Madrid: Síntesis, 2004. 319 p.
347. Bergareche Gros A. Il concepto de constitución interna en el constitucionalismo de la Restauración española. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales. 2002. 293 p.
348. Bertelsen Repetto R. El Senado en España. Madrid: Instituto de Estudios Administrativos, 1974. 541 p.
349. Bolaños Mejías C. El Reinado de Amadeo de Saboya y la Monarquía Constitucional. Madrid: Universidad Nacional de Educación a Distancia, 1999. 341 p.
350. Calero A.M. Monarquía y democracia en las Cortes de 1869. Discursos parlamentarios. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales. 1987. 232 p.
351. Casula F.C. La terza via della storia. Il caso Italia. Pisa: Edizioni ETS, 1997. 455 p.
352. Carr R. España 1808 – 1975. Barcelona: Editorial Ariel, 1992. 826 p.
353. Cavero Lataillade I., Zamora Rodríguez T. Constitucionalismo Histórico de España. Madrid, 1995. 328 p.
354. Cervati A. Per uno studio comparative del diritto costituzionale. Torino: Giappichelli, 2009. 264 p.
355. Clavero B. Evolución histórica del constitucionalismo español. Madrid, Tecnos, 1984. 175 p.
356. Comellas J.L. Los moderados en el poder. 1844-1854. Madrid: CSIC, 1970. 370 p.
357. Conde García F.J. Contribución a la doctrina del caudillaje. Madrid:

370. Esteban J.(de), Gonzáles-Trevijano P.J. Tratado de Derecho Constitución. En 3 t. T. 3. Madrid: Universidad Complutense, 2000. 920 p.
371. Fernández-Carvajal R. La Constitución española. Madrid: Editora Nacional, 1969. 182 p.
372. Fernández Domínguez A. Leyes electorales españolas de diputados a cortes en el siglo XIX: estudio histórico y jurídico-político. Madrid: Editorial Civitas. 1992. 219 p.
373. Fernández Segado F. Las Constituciones históricas españolas. Madrid: Editorial civitas, 1992. 824 p.
374. Ferrando Badía J. El Régimen de Franco. Madrid: Tecnos, 1984. 304 p.
375. Ferrando Badía J. La Primera República Española. Madrid: EDICUSA, 1973. 401 p.
376. Fernando de Meer Lecha-Marzo G. La Constitución de la II República. Pamplona: Edit. Eunsa, 1978. 322 p.
377. Fraile Clivillés M. Introducción al Derecho Constitucional Español. Madrid: Alcaná Libros, 1975. 695 p.
378. García Costa F.M. Algunas originalidades y aportaciones del constitucionalismo español. Barcelona: Atelier, 2015. 170 p.
379. García Costa F.M. La ciencia española del Derecho político-constitucional en sus textos (1808-1939). Valencia: Tirant lo Blanch, 2008. 389 p.
380. García de Cortazar F. y González Vesga J.M. Breve Historia de España. Madrid, 2000. 781 p.
381. García-Pelayo M. Derecho Constitucional Comparado. Madrid: Manuales de la Revista de Occidente, 1959. 648 p.
382. Gil Novales A. Del Antiguo al Nuovo Régimen de España. Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1986. 312 p.
383. Guerrero Latorre A., Perez Garzón S., Rueda Hernanz G. Historia política. 1808– 1874. Madrid: Ediciones Istmo, 2004. 479 p.
384. Gómez Sánchez Y. La monarquía parlamentaria: familia real y sucesión a

la corona. Madrid: Hidalguía, 2008. 308 p.

385. González Muñiz M. Constituciones, Cortes y Elecciones españolas. Historia y anécdota (1810 – 1936). Madrid: Edición Júcar, 1979. 314 p.

386. Guillén Kalle G. Carl Schmitt en la Segunda República Española. Madrid: Editorial Reus, 2018. 149 p.

387. Hegel G.W.F. Kritik der Verfassung Deutschlands. Aus dem handschriftlichen Nachlässe des Verfassers herausgegeben von Dr.G. Mollat. Cassel, 1893. 143 s.

388. Hegel G.W.F. Scritti Politici (1798–1831) / a cura di. C.Cesa. Torino: G. Einaudi, 1972. 357 p.

389. Jellinek G. Allgemeines Staatslehre. Berlin. Verlag von O.Häring. 1914. 837 p.

390. Joannis Saresberiensis. Policraticus, sive de nugis curialium, et vestigiis philosophorum, libri octo. Policraticus, sive de nugis curialium, et vestigiis philosophorum, libri octo. Lugduni Batavorum, Ex Officina Plantiniana, Apud Franciscum Raphelengium, 1595. 597 p.

391. Kelsen H. General theory of law and state. T. 1. New Brunswick-London, 2009. 516 p.

392. Lerroux A. La pequeña historia. Apuntes para la historia grande vividos y redactados por el autor (1930-1936). Buenos Aires: Címera, 1945. 618 p.

393. Lions Signoret M. Algunos aspectos del constitucionalismo francés contemporáneo. Xalapa: Universidad Veracruzana, 1959. 137 p.

394. Lombardi G. La nuova Costituzione di Spagna. Torino: G. Giappichelli-Editore, 1979. 120 c.

395. Lovett G. Napoleon and the Birth of Modern Spain. In 2 vol. Vol. 2. New York: University Press, 1965. 884 p.

396. Marichal C. La revolución liberal y los primeros partidos políticos en España: 1834 – 1844. M., 1980. 334 p.

397. Marín Pérez P. El Caudillaje Español (Ensayo de construcción histórico-jurídico). Madrid, 1960. 221 p.
398. Martínez Cuadrado M. Elecciones y partidos políticos en España, 1868 – 1931. En 2 v. Madrid: Taurus, 1969. 1001 p.
399. Martínez Marina F. Teoría de las cortes o grandes juntas nacionales de los reinos de León y Castilla: monumentos de su constitución política y de la soberanía del pueblo con algunas observaciones sobre la lei fundamental de la monarquía española sancionada por las Cortes Generales y extraordinarias, y promulgada en Cádiz a 19 de marzo de 1812. En 3 t. Madrid: En la Imprenta de D. Fermín Villalpando, 1813. T. 1. 311 p. T.2. 490 p. T. 3. 260 p.
400. Menéndez Rexach A. La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español. Madrid: Instituto Nacional de Administración Pública, 1979. 535 p.
401. Monerri Molina B. Las Cortes del Estatuto Real (1834-1836). Madrid: Editorial Dykenson, 2019. 559 p.
402. Pacheco J.F. Lecciones de derecho Político Constitucional pronunciadas en el Ateneo de Madrid en 1844 y 1845. Madrid: Imprenta y librería de D. Ignacio Boix, 1845. 250 p.
403. Palacios Bañuelos L. España, del liberalismo a la democracia (1808 – 2004). Madrid: Editorial DILEX, 2004. 687 p.
404. Pérez Serrano N. La Constitución Española (9 diciembre 1931). Antecedentes. texto. comentarios. Madrid: Revista de Derecho Privado. 1932. 347 p.
405. Petschen S. Iglesia–Estado. Un cambio político. Las Constituyentes de 1869. Madrid: Taurus, 1974. 432 p.
406. Pi y Margall F. La República de 1873: apuntes para escribir su historia. Madrid: Estereotipia y Galvanoplastia de Aribau y Comp.^a, 1874. 165 p.
407. Pi y Margall F. Nacionalidades. Madrid: Sáez Hermanos, 1936. 407 p.
408. Pinto M. La Constitución de la Republica Española. Buenos Aires, 1933. 54 p.

409. Posada A. El régimen constitucional: esencia y forma. Principios y técnica. Madrid: Victoriano Suarez, 1930. 208 p.
410. Posada A. Guía para el estudio y aplicación del derecho constitucional de Europa y América. Madrid: Victoriano Suarez, 1894. 280 p.
411. Posada A. Tratado de Derecho Político: En 2 vol. Madrid Victoriano Suárez, 1935. 1180 p.
412. Posada A. Teorías Políticas. Madrid: Daniel Jorro, Editor, 1905. 256 p.
413. Prescott W. Historia del reinado de los Reyes Católicos. En 2 t. T. 1. Mexico, 1854. 588 p.
414. Pufendorf S. Statu imperii Germanici. Editio posthuma, 1721. 112 p.
415. Rico y Amat J. Historia política y parlamentaria de España. En 3 vol. T.1. Madrid: Imprenta de las Escuelas Pías, 1860 – 1861. T. 1. 802 p. T. 2. 576 p. T. 3. 576 p.
416. Robinson R. The origins of Franco's Spain: The right, the Republic and Revolution, 1931 – 1936. Pittsburg, 1970. 475 p.
417. Rodríguez-Zapata J. Sanción, promulgación y publicación de las leyes. Madrid: Editorial Tecnos, 1987. 183 p.
418. Rollnert Liern G. La Jefatura del Estado: símbolo e integración política en la Constitución vigente. Valencia: Minim edicions, 2002. 283 p.
419. Rollnert Liern G. El Arbitraje y Moderación Regios en la Constitución española. Valencia: Universitat de València, 2005. 209 p.
420. Salas R. Lecciones de Derecho Público Constitucional par a las escuelas de España, en 2 vol. Vol. 2. Madrid: Imprenta de Censor, 1821. 305 p.
421. Sánchez Agesta L. Curso de derecho constitucional comparado. Madrid: Universidad de Madrid, Facultad de Derecho, 1974. 526 p.
422. Sánchez Agesta L. Derecho Constitucional Comparado. Madrid: Editora nacional, 1963. 532 p.
423. Sánchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español. Madrid: Instituto de Estudios políticos, 1964. 461 p.

424. Sánchez Agesta L. Principios de teoría política. Madrid: Editora Nacional, 1979. 596 p.
425. Sánchez Corredera S. Jovellanos y el jovellanismo, una perspectiva filosófica: estudio histórico y filosófico sobre Jovellanos, en la Perspectiva del materialismo filosófico, desde la ética, la política y la moral. Fundación Gustavo Bueno, 2004. 860 p.
426. Sánchez Ferriz R. La Restauración y su Constitución política. Valencia: Universidad de Valencia, 1984. 496 p.
427. Santamaría de Paredes V. Curso de Derecho Político según la filosofía política moderna, la historia general de España y la legislación vigente. Madrid: Establecimiento tipográfico de Ricardo Fé, 1890. 859 p.
428. Santos J. La Constitución de 1931. Madrid: Iustel, 2009. 520 p.
429. Serrano Alberca J. M. La Corona, abdicaciones e renunciaciones (Artículo 57 de la Constitución española). Madrid: Real Academia de Jurisprudencia y legislación, 2013. 110 p.
430. Sevilla Andrés D. Constitución es y otras leyes y proyectos políticos de España. En 2 vol. Vol. 1. Madrid: Editora Nacional, 1969. 700 p.
431. Schmitt C. Teoría de la Constitución / trad. por F. Ayala. Madrid: Alianza Editorial, 1996. 376 p.
432. Solé Turá J. y Aja E. Constituciones y periodos constituyentes en España. 1808 – 1936. Madrid: Siglo XXI de España Editores, 1977. 175 p.
433. Suárez F. De Legibus. IV. De Iure Gentium. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1973. 418 p.
434. Suarez F. El proceso de la convocatoria a Cortes (1808-1810). Pamplona: Edición Universitaria de Navarra, 1982. P. 528 p.
435. Temime E., Broder A. y Chastagnaret G. Historia de la España contemporánea: Desde 1808 hasta nuestros días. Barcelona: Editorial Ariel, 2005. 388 p.

436. Tomás y Valiente F. Códigos y constituciones (1808 – 1978) // Tomás y Valiente F. Obras completas: En 6 vol. Vol. 3. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1997. P. 1903–2054.
437. Tomás y Valiente F. Constitución: escritos de introducción histórica // Tomás y Valiente F. Obras completas: En 6 vol. Vol. 3. Madrid: Centro de estudios constitucionales, 1997. P. 2485–2647.
438. Tomás Villarroya J. Breve historia del constitucionalismo español. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales, 1997. 162 p.
439. Tomás Villarroya J. El Estatuto Real de 1834 y la Constitución de 1837. Madrid.: Fundación Santa Maria, 1985. 96 p.
440. Tomás Villarroya J. El sistema político del Estatuto Real (1834 – 1836). Madrid: Instituto de Estudios políticos, 1968. 649 p.
441. Torres del Moral A. Constitucionalismo histórico español. Madrid: Universidad Complutense, 1999. 246 p.
442. Torres del Moral A. Estado de derecho y democracia y de partidos. Madrid: Editorial Universitas, 2015. 627 p.
443. Torres del Moral A. El Príncipe de Asturias. Su Estatuto jurídico. Madrid: Congreso de los Diputados, Departamento de Publicaciones, 2005. 232 p.
444. Trujillo G. El federalismo español. Madrid: Cuadernos para el dialogo, 1967. 213 p.
445. Tuñón de Lara M. La España del siglo XIX. Paris: Librería Española, 1971. 429 p.
446. Ubieto A., Regla J., Jover J.M., Seco C. Introducción a la Historia de España. Barcelona: Teide, 1970. 1062 p.
447. Vera Santos J.M. Primo de Rivera: de la monarquía decadente a la deseada " república". Madrid: Dykinson S.L., 2019. 280 p.
448. Varela Díaz S. Partidos y parlamento en la Segunda república. Barcelona: Editorial Ariel, 1978. 310 p.

449. Varela Suanzes-Carpegna J. Política y Constitución en España. Madrid: Centro de Estudios políticos y constitucionales, 2007. 650 p.

450. Vilar P. Historia de España / trad. por M. Tuñon de Lara y J. Suso Soria. Barcelona: Crítica, 1999. 180 p.

451. Voci P. Diritto ereditario romano: En 2 vol. Vol. 1. 2ed. Milano: Giuffrè Editore, 1967. 835 p.

Статьи

452. Александров Г.Ф. Из истории испанской философии (VIII-XIX вв.) // Под знаменем марксизма. 1939. N 2. P. 152-176.

453. Антонов М.В. Ганс Кельзен (1881-1973): основные вехи интеллектуального пути // 2013. N 1. С. 3-15.

454. Ауров О.В. Королевство вестготов в истории средневекового Запада // Вестготская правда (Книга приговоров) / под общ. ред. О.В. Аулова, А.В. Марья. М.: РФССН, 2012. С. 32-48.

455. Ауров О.В. Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды) // Вестготская правда (Книга приговоров) / под общ. ред. О.В. Аулова, А.В. Марья. М.: РФССН, 2012. С. 60-95.

456. Бабурин С.Н. К вопросу о правоприменении: влияние римского права на российский конституционализм // Правоприменение. 2020. Т. 4. N 1. С. 5-13.

457. Василенко Ю.В. Королевский статут Ф. Мартинеса де ла Росы и становление нового порядка в Испании в первой половине XIX века // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Т. 18. Вып. 2. С. 55-68.

458. Василенко Ю.В. Дон Гаспар Мельчор де Ховельянос как основоположник либерального консерватизма в Испании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Т. 10. С. 329-345.

459. Василенко Ю.В. Первая «Лекция по политическому праву» Х. Доносо Кортеса // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. N 2. С. 23-30.

460. Василенко Ю.В. Третья лекция по политическому праву Х. Доносо Кортеса // Философия. Журнал «Высшей школы экономики». 2017. Т. 1. N 2. С. 123-135.

461. Гегель Г. Конституция Германии (Последняя редакция 1802 г.) // Гегель Г. Политические произведения (Памятники философской мысли) / под ред. Д. Керимова. Вступ. ст. и примечания В.С. Нерсисянца. М.: Наука, 1978. С. 65-184.

462. Доносо Кортес Х. Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция первая (22 ноября 1836 г.): Об обществе и правительстве/ пер. с исп. яз.. Ю.В. Василенко, пер., комментарии, редактирование А. Марья // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. N 2. С. 31-40.

463. Доносо Кортес Х. Лекции по политическому праву, прочитанные в Мадридском Атенео. Лекция вторая (29 ноября 1836 г.): О народном суверенитете / пер. с исп. Ю.В. Василенко, пер., комментарии, редактирование А. Марья // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. N 3. С. 80-92.

464. Доносо Кортес Х. Речь в конгрессе депутатов / пер. А.П. Сотсковой // Доносо Кортес Х. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 321-338.

465. Доносо Кортес Х. Теория деспотизма: третья лекция из цикла «Лекции по публичному праву», прочитанная в Мадридском Атенео 6 декабря 1836 г. / пер. с исп. Ю. Василенко, под ред. А. Марья // Философия. Журнал «Высшей школы экономики». 2017. Т. 1. N 2. С. 136-154.

466. Карпец В.И. Конституционный статус главы государства в Испании // Практика буржуазного конституционализма: Критические очерки. М.: ИГП АН СССР, 1982. С. 75-90.

467. Карпец В.И. Новая конституция Испании // Социальное развитие и право / отв. ред. В.А. Патюлин. М.: ИГП АН СССР, 1980. С. 124-129.

468. Карпец В.И., Савин В.А. Новая конституция Испании // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 117-122.

469. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. О.В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 359-410.

470. Кельзен Г. Судебный контроль законодательства: сравнительное исследование австрийской и американской конституций / пер. с англ. А.А. Краевского // Правоведение. 2012. N 2. С. 190-202.

471. Кола Д. Политическая семантика “Etat” и “etat” во французском языке / пер. с фр. Д. Калугина // Понятие государства в четырех языках: Сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб.–М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге – Летний сад, 2002. С. 75-113.

472. Кирсанова Н. В. Представление о нации и национальное сознание в Испании. XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М.: ИКД «Зерцало – М»; Издательский дом «Вече», 2005. С. 287–313.

473. Клейне М. Образы королевской власти в творчестве Альфонсо X: Rex iustus // Исторический вестник. Альфонсо X: Политика и право. Т. 12 (159). Ч. 1. М., 2015. С. 158–207.

474. Кондуров В.Е. Основания действительности правопорядка и проблема юстициальности «политического»: К. Шмитт о границах юстиции // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. N 5. С. 63–91.

475. Краснов М.А. «Монархизация» президентской власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. N 5 (108). С. 87-103.

476. Краснов М.А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала Президента // Государство и право. 2015. N 2. С. 5-17.

477. Кудрявцев А.Е. Испанская революция 1808-1814 гг.: Исторический очерк // Ученые записки кафедры новой и средней истории. Т. 22. Л.: Ленинградский ГПИ им. А.И. Герцена. С. 5-44.

478. Лиянов Д. Маркс и Энгельс о революции в Испании // Советское государство. 1938. N 4. 135-140.

479. Лившиц С. Испанская революция 1868-1874 гг. // Борьба классов. 1935. N 3. С. 109-121.
480. Майский И. Из истории освободительной войны испанского народа 1808 – 1814 гг. // Новая и новейшая история. 1958. N 5. С. 23-32.
481. Маркс К. Революционная Испания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 423-480.
482. Мерин Б.М. Испанская конституция 1812 г. // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1961. Т. 101. С. 121-139.
483. Минлос Б. Испанская буржуазная и буржуазно-демократическая революция XIX-XX вв. // Историк-марксист. 1937. N 1. С. 98-124.
484. Немытина М.В. Пространство сравнительно-правовых исследований // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции 30 марта 2012 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М., 2013. С. 26-29.
485. Николаев Ф.Н. Испания. Вводная статья // Конституции буржуазных государств Европы / сост. Ф.А. Кублицкий; пер. под ред. Г.С. Гурвича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. Р. 489-498.
486. Овсепян Ж.И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правопонимания // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2016. N 4. С. 99–109.
487. Осавелюк А.М. Монарх – глава государства // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. N 6 (46). С. 24-33.
488. Пожарская С.П. Борьба испанского народа за свержение монархии 14 апреля 1931 г. // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1957. № 3. С. 79-103.
489. Пожарская С.П. Вступительная статья // Сориа Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939 / вступ.ст. и ред. С.П. Пожарской: В 2 т. Т. 1. М.: «Прогресс», 1987. С. 8-15.

490. Пожарская С.П. Династия Бурбонов // Монархи Европы: Судьбы династий / ред.-сост. Н. В. Попов. М.: «Терра»-«Терра», 1997. 624 с. С. 143-169.
491. Пожарская С.П. Конституция 1931 г. // Из истории европейского парламентаризма. Испания и Португалия / редкол.: С.П. Пожарская и др. М.: ИВИ РАН 1996. С. 53-66.
492. Пожарская С.П. Особенности формирования национально-государственного комплекса на Пиренейском полуострове (на примере Испании) // Проблемы испанской истории / отв. ред. С.П. Пожарская. М.: «Наука», 1984. С. 5–18.
493. Пожарская С.П. От диктатуры к демократии: о роли испанского короля Хуана Карлоса I // Европейские монархии в прошлом и настоящем, XVIII-XIX века // редкол.: Е.В. Котова и др. СПб.: Алетейя, 2001. С. 129-136.
494. Пожарская С.П. Становление испанского либерализма // Европейский либерализм в новое время: Теория и практика. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 81-89.
495. Разумович Н.Н., Савин В.А. Вступительная статья // Испания: Конституция и законодательные акты / сост. В.А. Савин; под ред. Н.Н. Разумовича. М., 1982. С. 10-28.
496. Рознатовская А.Г. Хосе Антонио Примо де Ривера: основные положения и историки его идеологии // Испанский альманах. Вып. 2. История и современность. М.: Наука, 2010. С. 86-99.
497. Савин В.А. Франкистская диктатура и «Органический закон государства» 1967 г. // Советское государство и право. 1974. № 5. С. 121-126.
498. Сийес Э.Ж. Что такое третье сословие // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / пер. с фр., сост., вступ. ст. М.Б. Певзнера. СПб.: Алетейя, 2003. С. 155-217.
499. Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках: Сборник статей / под ред. О. Хархордина. СПб.–М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге – Летний сад, 2002. С. 12-74.

500. Суховерхов В.В. О предпосылках IV буржуазной революции в Испании 1854 – 1856 // Проблемы испанской истории / под ред. И.М. Майского, Х. Вивенса и др. М.: «Наука», 1975. С. 99-122.

501. Темкин В. А. Франсиско Пи-и-Маргаль как теоретик испанского федерализма // Проблемы испанской истории / отв. ред. С. П. Пожарская. М.: Наука, 1984. С. 130–145.

502. Тихомиров Ю.А. О критериях сравнительного анализа в конституционном праве // Конституционное право и конституционная компаративистика в системе российского юридического образования: Сборник докладов. М.: ИППП, 2009. С. 168-173.

503. Томсинов В.А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права (Сборник научных трудов в честь юбилея Н.А. Крашенинниковой) / отв.ред. В.А. Томсинов. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2009. С. 9-44.

504. Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 1640-1660 годов // Проблемы истории государства и права (Сборник научных трудов в честь юбилея Н.А. Крашенинниковой) / отв.ред. В.А. Томсинов. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2009. С. 45-75.

505. Томсинов В.А. Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII века и Петиция о праве 1628 года // Проблемы истории государства и права (Сборник научных трудов в честь юбилея Н.А. Крашенинниковой) / отв.ред. В.А. Томсинов. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2009. С. 93-109.

506. Трайнин И.П. О главе государства // Советское государство. 1938. № 1. С. 90-116.

507. Трайнин И.П. Из истории испанских революций (Революция 1808–1814 гг.) // Новый мир. 1937. N 1. С. 207–220.

508. Трайнин И.П. Испанская конституция // Советское государство. 1936. N 1. С. 57-67.

509. Туманов В.А. О развитии сравнительного правоведения // Туманов

В.А. Избранное. М.: Нома: Инфра-М, 2010. С. 530-544.

510. Туманова А.С. Компаративный подход в историко-правовых исследованиях: возможности и пределы использования // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 30 марта 2012 г. / под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: РУДН, 2013. С. 168-177.

511. Филатов Г.А. Доктрина «испанидад» и ее роль в отношениях франкистской Испании со странами Латинской Америки в 1940-х годах // Новая и новейшая история, 2014. Т 5. С. 63-71.

512. Хибриков Н.Г. «Национальное движение» («Фаланга») и «Опус Деи» в системе франкистской диктатуры в Испании // Вестник Московского университета. 1974. N 6. С. 71- 78.

513. Хибриков Н.Г. О некоторых проблемах политической системы франкистской Испании // Вестник Московского университета. 1973. N 2. С. 48-55.

514. Цветков Г. Испанские революции в первой половине 19 в. // Исторический журнал. 1938. N 7. С. 109-119.

515. Шмитт К. Политическая теология (4 главы к учению о суверенитете) // Шмитт К. Политическая теология: Сборник / пер. с нем. Сост. А. Филиппов. М.: КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 280-408.

516. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. N 1. С. 37-67.

517. Юрчик Е.Э. «Конституционный кодекс» Мануэля Агирре // Века. Испанский Альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории / отв.ред. С.П. Пожарская. М.: Наука, 2008. С. 215–220.

518. Юрчик Е.Э. «Последнее суверенное деяние»: отречение испанских Бурбонов от престола в публицистике 1808 г. // Очерки истории стран европейского Средиземноморья. К юбилею В.П. Смирнова. Сер.: Труды Исторического факультета МГУ. СПб.: Алетейя, 2020. С. 322-351.

519. Abril Castello V. Derecho – Estado-Rey: Monarquía y democracia en Francisco Suárez // *Revista de Estudios Políticos*. 1976. N 210. P. 129–188.
520. Ambrosini G. Un tipo intermedio di Stato tra l'unitario e il federale caratterizzato dall'autonomia regionale // *Revista di Diritto Pubblico*. 1933. N 25/1. P. 93-103.
521. Aragón Reyes M. Un Nuevo rey en nuestra monarquía parlamentaria // *El cronista del Estado Social y Democrático de Derecho*. 2014. N 47. P. 46–51.
522. Bar Cendón A. La Constitución de 1812: Revolución y tradición // *Revista Española de la Función Consultiva*. 2013. N 19. P. 41-82.
523. Bergareche Gros A. Il concetto di costituzione interna nel costituzionalismo della Restaurazione spagnola // *Democrazia e diritto: trimestrale de Centro di studi e iniziative per la riforma dello stato*. 2006. N 1. P. 133-158.
524. Bolaños Mejías C. Soberanía nacional y soberanía compartida en la estructura política de la Constitución española de 1869 // *Boletín de la Facultad de Derecho*. 1998. N 13. P. 183–199.
525. Cabrera Valverde J.M. San Isidro de Sevilla: puente entre la Antigüedad y la Edad Media // *Filología y Lingüística*. 1996. XXII (2).
526. Callejón M.L. La división de poderes en la Constitución de Cádiz de 1812 // *Revista de Derecho Político*. 2012. N 83. P. 17-41.
527. Casado Sánchez A., Moreno Seco M. María Cristina de Borbón y María Cristina de Habsburgo: dos regentes entre los modos aristocráticos y los burgueses // *Historia y política*. 2014. N 31. P. 113-138.
528. Cendón A. La Constitución de 1812: Revolución y tradición // *Revista Española de la Función Consultiva*. 2013. N 19. P. 56. P. 41-82.
529. Colomer Viadel A. El origen de la monarquía parlamentaria en España y el Anteproyecto constitucional // *Revista de Estudios políticos*. 1978. Nº 3. P. 101–120.
530. Conde E. La Constitución Española de 30 de junio de 1876: Cuestiones previas // *Revista de Estudios Políticos*. 1978. N 3. P. 79-100.

531. Corcuera Atienza J. El constitucionalismo de entreguerras y la Constitución española de 1931 // *Historia contemporánea*. 1991. N 6. P. 15-46.
532. Coronas González S. Príncipe y Principado de Asturias: Historia dinástica y territorial de un título // *Anuario de historia del derecho español*. 2001. N 71. P. 49-74.
533. Coronas S.M. Nación histórica y nación constitucional en la España de Cádiz // 1812. Fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: Nazione, rivoluzione e costituzione. Rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / a cura di A. Romano e F.V. Caffarelli. Palermo: Regione siciliana, Assessorato dei beni culturali e dell' identità siciliana, Dipartimento dei beni culturali e dell' identità siciliana, 2012. 2v. Vol. 1. P. 299-312.
534. Cotino Hueso L. La recepción del nexo Corona y Poder Ejecutivo en las monarquías europeas // *Las monarquías europeas en el siglo XXI / dir. por G. Rollnert Liern*. Madrid, 2007. P. 117-134.
535. Crespo Montes L.F. España, 1º de octubre de 1936 // *Revista de Estudios Políticos*. 1998. N 102. P. 231–258.
536. Cuadrado M. La elección general para Cortes Constituyentes de 1869 // *Revista de Estudios Políticos*. 1963. N 132. P. 65-102
537. Dalmau R. Soberanía y poder constituyente en Cádiz // *Revista Española de la Función Consultiva*. 2013. N 19. P. 317-336.
538. Díaz Díaz G. Georg Wilhem Friedrich Hegel en las letras españolas. Notas bibliográficas // *Logos. Anales del Seminario de Metafísica*. 1981. N 16. C.137-154.
539. Elorza A. Las ideas políticas // *Enciclopedia de Historia de España*. T. 3. Madrid, 1988. P. 174-179.
540. Escobar y Kirkpatrick J.I. El jefe del estado en la Ley Orgánica // *Revista de Estudios Políticos*. 1967. N 152. P. 33-56.
541. Escudero J.A. Las Cortes de Cádiz: génesis y reformas // *Anuario de Estudios Atlánticos*. 2013. N 59. P. 161–199.
542. Esposito C. Capo dello stato // *Enciclopedia del Diritto*. Vol. 6. Milano, 1970. P. 224–246.

543. Fernández Almagro M. Del Antiguo Régimen a las Cortes de Cadiz // Revista de Estudios políticos. 1962. N 126. P. 9-30.
544. Fernández Carvajal F. El Gobierno entre el Jefe del Estado y las Cortes // Revista de Estudios Políticos. 1972. N 183 – 184. P. 5-24.
545. Fernández García A. La cuestión de la soberanía nacional // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2002. Vol. 24. P. 41-59.
546. Fernández Sarasola I. La división de poderes en la historia constitucional española // Fundamentos. Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2009. N 5. P. 167-202.
547. Fernández Sarasola I. La forma de Gobierno en la Constitución de Bayona // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 61-80. URL:<https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695353> (дата обращения: 11.01.2021).
548. Fernández Segado F. Las disposiciones de excepción en la década moderada // Revista de Estudios Políticos. 1976. N 205. P. 81-118.
549. Fernández Segado F. Pragmatismo jurídico y constitución política: dos ideas-clave en la obra de los Constituyentes de 1837 // Revista de Derecho Público. 1983. N 20. P. 33-65.
550. Fernández Sanz J. Restauración. El reinado de Alfonso XII (1874-1885) // Historia de España contemporánea / coord. por F.J. Paredes Alonso. Madrid, 2009. P. 407-432.
551. Ferrando Badía J. Vicisitudes e influencias de la Constitución de 1812 // Revista de Estudios Políticos. 1962. N 126. P. 169-191.
552. Fraga Iribarne M. Carl Schmitt: el hombre y la obra // Revista de Estudios Políticos. 1962. N 122. P. 5-18.
553. Francisco Olmos J.M. (de). La última acuñación de Fernando VII (1833). Imagen documental e una nueva realidad política // Revista General de Información y Documentación. 2007. Vol.17. N 1. P. 165-199.

554. Franco Pérez A.-F. La “cuestión americana” y la Constitución de Bayona (1808) // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. N 9. P. 109-126. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695355> (дата обращения: 11.01.2021).

555. Freixes Sanjuán T. La Jefatura del Estado monárquica // Revista de Estudios Políticos. 1991. N 73. P. 83-118.

556. Frisotti I. I lavori dell’Assemblea Costituente con riferimento alla forma di governo // Revista bimestrale dell’Amministrazione provinciale di Bari. 1992. N 3/4. P. 73–92.

557. García Canales M. La Constitución de 1931 y su aplicación (bibliografía comentada) // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31-32. P. 209–264.

558. García Canales M. La prerrogativa regia en el reinado de Alfonso XIII: interpretaciones constitucionales // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 317–362.

559. García Soriano M. Reyes y Parlamentos: sanción y promulgación de las leyes // Las Monarquías en el siglo XXI / dir. por Rollnert Liern G. Madrid, 2007. P. 117-134.

560. García de Cortázar F. Presentación // Nación española: historia y presente / coord. por F. García de Cortázar. Madrid: Papeles de la Fundación para el Análisis y los Estudios Sociales. 2001. N 63. P. 9-17.

561. García-Pelayo M. La división de poderes y su control jurisdiccional // Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales. 1983. N 18-19. P. 7-16.

562. Gómez Sánchez Y. La Sucesión a la Corona // Las monarquías europeas en el siglo XXI / dir. por G. Rollnert Liern. Madrid: Editorial Sanz y Torres, 2007. P. 147-177.

563. González Casanova J.A. La cuestión de la soberanía en la historia del constitucionalismo español // Fundamentos: Cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 1998. N 1. P. 295–328.

564. Goicoechea Zabala J. L. La imago regis en las Partidas Alfonsinas // Saberes: Revista de estudios jurídicos, económicos y sociales. 2003. N 1. URL: https://www.uax.es/publicaciones/archivos/SABFUN03_001.pdf (дата обращения: 18.03.2021).

565. González Alonso B. La historia de la sucesión en el trono y el artículo 57 de la Constitución de 1978 // Revista de Estudios Políticos. 1981. N 19. P. 7–42.

566. Gonzáles Fuertes M.A. Igual, pero diferente: perspectiva institucional de la jura de la Infante María Isabel Luisa (1833) // Cuadernos de Historia Moderna. 2000. N 24. P. 55-83.

567. Guerrero C. Laberintos de la independencia grancolombiana: polémica entre Constant y De Pradt // Cuadernos Americanos. 2008. N 125. P. 87–106.

568. (Don) Gumersindo de Azcárate. El poder del jefe del Estado en Francia, Inglaterra y los Estados Unidos // Folletos. 1878. N 2. Sevilla, 1882. 85-101. Gumersindo de Azcárate. El poder del jefe del Estado en Francia, Inglaterra y los Estados Unidos // 6ª Conferencia (20 de enero de 1878). Madrid, 1878. P. 85–101.

569. Hernández Moreno A. Legislación del Parlamento catalán en materia de derecho privado durante la Republica española de 1931 // Nazionalità, popoli e autonomie nelle tradizioni d'Italia e di Spagna. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, Quaderni mediterranei (N 5), 1978. P. 109–114.

570. Javier Díaz Revorio F. La Corona desde la perspectiva jurídico constitucional // Revista Española de Derecho Constitucional. 2004. N. 71. P. 397-409.

571. Jovellanos M.G. Notas a los apéndices a la Memoria en Defensa de la Junta Central. Primera nota // Jovellanos M.G. Obras completas: En 14 t. T. 11. Escritos políticos. Edit. por el Ayuntamiento de Gijón, el Instituto Feijoo de Estudios del Siglo XVIII. P. 785 — 802.

572. Jovellanos G.M. (de). Aclaraciones del Autor. Obras: En 8 t. T.5. Madrid: Establecimiento tipográfico de D.F. de P. Mellado, Editor, 1845. P. 576 – 577.

573. Kisoudis D. Carl Schmitt, pensador español // Carl-Schmitt-Studien. 2017. Vol. 1 N.1. S. 171-175.

574. Kleine M. Imágenes del poder real en la obra de Alfonso X (II): Rex iustus // De Medio Aevo. 2014. Vol. 3. N 2. P. 39–80.

575. La Parra López E. La restauración de Fernando VII en 1814 // Historia constitucional: Revista Electrónica de Historia Constitucional. 2014. N 15. P. 205-222. URL: <http://www.historiaconstitucional.com> (дата обращения: 18.03.2021).

576. Le Roy Y. Las Siete Partidas del rey de Castilla Alfonso X el Sabio y el origen de la fórmula de Guy Coquille “le roy m’a point de compagnon...” // GLOSSAE. European Journal of Legal History. 2012. No 9. P. 82-95.

577. Linde Paniagua E. y Herrero Lera M. Titularidad y ejercicio de la soberanía en la elaboración y reforma de las Leyes Fundamentales // Revista de Administración Publica. 1978. N 5. P. 29-71.

578. Los Principios del Movimiento Nacional (Estudios sobre la Ley Fundamental de 17 de mayo de 1958) (J. Fueyo) // Revista de Estudios Políticos. 1958. N 99. P. 5-32.

579. López Barja de Quiroga P.M. El cuerpo político: la fábula de Menenio Agripa // Gerión. 2007. Vol. 25. Número Extraordinario 1. P. 243-253.

580. López García J.A. La presencia de Carl Schmitt en España // Revista de Estudios Políticos. 1996. N 91. P. 139-168.

581. López Sánchez C. La soberanía compartida de 1876 frente a la soberanía nacional de 1812 // Revista de Historiografía. 2014. N 20. P. 189-198.

582. Maravall J.A. Estudio Preliminar // Martínez Marina F. Discurso sobre el origen de la Monarquía y sobre la naturaleza del gobierno español / ed. y estudio preliminar de J.A. Maravall. Madrid: Centro de Estudios Constitucionales, 1988. P. 5-78. (edición electrónica: 2011. URL: <http://www.cepc.gob.es/docs/actividades-bicentenario1812/discurorigenmonar.pdf?sfvrsn=2> (дата обращения: 25.08.2021).

583. Marcuello Benedicto J.I. Gobierno y “parlamentarización” en el proceso político de la monarquía constitucional de Isabel II // Revista de Estudios Políticos. 2005. N 130. P. 5–33.

584. Martín-Retortillo Baquer L. De la separación y control de los poderes en el sistema constitucional español // Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales. 1989. N 4. P. 47–77.

585. Martínez Llorente F. “Como si del Rey se tratase”. El ejercicio de Regalías premiales por las Juntas Supremas, Regencia y Cortes de Cádiz (1808-1814) // Cádiz 1812. Origen del Constitucionalismo español / dir. por L. Palacios Bañuelos, I. Ruiz Rodríguez. Madrid: Editorial Dykinson, 2013. P. 193-272.

586. Martiré E. La importancia institucional de la Constitución de Bayona en el constitucionalismo hispanoamericano // Historia constitucional (revista electrónica). 2008. № 9. P. 109-126. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2695356> (дата обращения: 10.01.2021).

587. Masferrer A. Soberanía nacional en las Cortes gaditanas: su debate y aprobación // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años: En 3 t. T. 2 / dir. J.A. Escudero. Madrid: Espasa. 2011. P. 639-672.

588. Maqueda Abreu M. La imagen oficial del nuevo régimen: la Gaceta de Madrid // Revista de Derecho UNED (Universidad Nacional de Educación a Distancia). 2011. N 8. P. 195-227.

589. Molas P. Las Cortes nacionales en el siglo XVIII // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años. En 2 t. T. 1 / Dir. J.A. Escudero. Madrid, 2011. P. 156-171.

590. Moradiellos García E. Franco, el Caudillo: origen y perfil de una magistratura política carismática // Historia y Política. 2016. Enero-junio. N 35. P. 261-287.

591. Moradiellos García E. La doctrina del caudillaje en España: legitimidad política y poder carismático durante el franquismo // Hispania. 2016. Vol. LXXVI. N 254, septiembre-diciembre. P. 789-817.

592. Morales Díaz D. El golpe de estado de Primo de Rivera a través de la prensa nacional. Un análisis comparativo // Revista Historia Autónoma. 2018. N 12. P. 171-190.

593. Navas I. La convocatoria de las Cortes // Cortes y Constitución de Cádiz. 200 años: En 3 t. T. 1 / dir. J.A. Escudero. Madrid: Espasa. 2011. P.173-189.

594. Peces-Barba G. La idea de Nación en la Constitución española // España: Nación y Constitución y otros estudios sobre Extremadura / coord. por Félix Iñesta Mena, Francisco J. Mateos Ascacibar. Llerena: Sociedad Extremeña de Historia, 2012. P. 37–47.

595. Pérez E. España y sus Coronas. Un concepto político en las últimas voluntades de las Austrias hispánicas // Cuadernos de historia del derecho. 1996. N 3. P. 253-270.

596. Pérez Nuñez J. Debates parlamentarios de la Ley municipal de 1840 // Revista de Estudios Políticos. 1996. N 93. P. 273-291.

^{597.} Pérez Royo J. La Jefatura del Estado en la Monarquía y en la República // La Corona y la Monarquía Parlamentaria en la Constitución de 1978 / dir. por P. Lucas Verdú. Madrid, 1983. P. 85-110.

598. Pérez Royo J. Jefatura del Estado y Democracia Parlamentaria // Revista de Estudios Políticos. 1984. N 39. P. 7–27.

599. Pérez Serrano N. El concepto clásico de Soberanía y su revisión actual // Revista de ciencias jurídicas y sociales. 1933. Vol. 16. N 63. P. 289-327.

600. Pilar Villabona M. La Constitución mexicana de 1917 y la Constitución española de 1931 // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31 - 32. P. 199-207.

601. Pont Eugenio J. El sufragio censitario en el derecho electoral español // Revista de Estudios Políticos. 1974. N 193. P. 125-169.

602. Quadra-Salcedo T. El Consejo de Estado en las Constituciones de Cádiz y Bayona // Documentación administrativa. 1996. N 244-245. P.13-88.

603. Ramos Toledano^{[1][2]} J. Una aproximación al caudillaje y la representación política en Francisco Javier Conde. 1942-1945 // Cuadernos Electrónicos de Filosofía del Derecho. 2012. N 25. P. 54-95. URL:<https://ojs.uv.es/index.php/CEFD/article/view/1738> (дата обращения: 22.07.2021).

604. Reig Tapía A. Aproximación a la teoría del caudillaje en Francisco Javier Conde // Revista de Estudios Políticos. 1990. N 69. P. 61-82.
605. Rollnert Liern G. Cádiz, 1812: la nueva monarquía // Revista Española de la Función Consultativa. 2013. N 19. P. 507-522.
606. Rollnert Liern G. Las Coronas europeas y sus funciones representativas // Las Monarquías en el siglo XXI / dir. por Rollnert Liern G. Madrid, 2007. P. 29-58.
607. Romano A. Cadice come modello costituzionale // Costituzione politica della Monarchia Spagnuola / a cura di A. Romano. Messina, 2000. P. XVII-JXXV.
608. Rosell G.V. Totalitarismo y nacional en el régimen de Franco. 1939-1957 // Historia digital. 2015. Vol. XV. N 25. P. 109-118.
609. Rubio J. Los primeros años del reinado de Alfonso XII: su compleja problemática nacional e internacional // Anales de Historia Contemporánea. 2007. N 23. P. 507-560.
610. Sánchez Agesta L. Perfiles históricos de la monarquía constitucional // Revista de Estudios políticos. 1987. N 55. P. 9-25.
611. Sánchez Agesta L. La monarquía parlamentaria en la Constitución de 1978 // Revista de Estudios Políticos. 1986. N 18. P. 9-20.
612. Sánchez Agesta L. Poder ejecutivo y división de poderes // Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales. 1981. Vol. 1. N 3. P. 9-42.
613. Sánchez Agesta L. División de poderes y poder de autoridad del Derecho // Revista del Centro de estudios políticos y constitucionales. 1989. N 25. P. 9-15.
614. Sánchez Agesta L. Las primeras cátedras españolas de Derecho constitucional // Revista de Estudios Políticos. 1962. N 126. P. 157-168.
615. Sánchez Agesta L. La Constitución Española en el derecho comparado // Boletín de Información. 1987. N 200. P. 1-8.
616. Sánchez Agesta L. Los orígenes de la teoría del Estado en el pensamiento español del siglo XVI // Revista de Estudios Políticos. 1958. N 98. P. 85-110.

617. Sánchez Agesta L. Significado y poderes de la Corona en el Proyecto constitucional // Estudios sobre el Proyecto de Constitución, Madrid, CEC, 1978. P. 93-117.
618. Sánchez Albornoz C. La sucesión al trono en los reinos de León y Castilla // Sánchez Albornoz C. Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. En 3 vol. Vol. 2. Madrid: Espasa-Calpe, 1980. P. 1105–1172.
619. Sánchez –Arcilla Bernal J. Jacobus, id quod ego: Los caminos de la ciencia jurídica. Madrid: Dykinson, 2003. 469 p.
620. Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G. La forma de gobierno en la Constitución de Cádiz (Reflexiones sobre la configuración de la jefatura del estado monárquica) // Revista de Derecho Político. 2012. N 83. P. 197-238.
621. Sánchez Ferriz R., Rollnert Liern G. La forma de Gobierno en la Constitución de Cádiz // 1812. Fra Cadice e Palermo – entre Cádiz y Palermo: Nazione, rivoluzione e costituzione. Rappresentanza politica, libertà garantite, autonomie / a cura di A. Romano e F. Vergara Caffarelli. En 2 vol. Vol. 2. Palermo: Biblioteca centrale della Regione siciliana “Alberto Bombace”, 2012. P. 701-728.
622. Sánchez Ferris R. Jefatura de Estado y representación internacional // Las Monarquías en el siglo XXI / dir. por Rollnert Liern G. Madrid, 2007. P. 59–86.
623. Seco Serrano C. Relaciones entre la Corona y el Ejército // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 27-54.
624. Sevilla Andrés D. La Constituyente de 1854 // Revista de Estudios Políticos. 1959. N 106. P. 129-166.
625. Tello Lázaro J. A. La Iglesia en el proceso constitución al español del siglo XIX. Las constituciones progresistas // Revista de Estudios políticos. 1984. N 37. P. 173-208.
626. Tomás Font de Mora M.A. La preparación de la Constitución de 1845 // Revista de Estudios Políticos. 1991. N 73. P. 229-242.

627. Tomás y Valiente F. La Constitución de 1978 y la Historia del constitucionalismo español // Maestros de la transición / dir. por Blanco Valdés R.L. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2018. P. 331-349.
628. Tomás Villarroya J. La redacción y publicación del Estatuto Real // Revista de Estudios políticos. 1966. N 145. P. 47-78.
629. Tomás Villarroya J. La prerrogativa presidencial durante la segunda República: su mediatización // Revista de Estudios Políticos. 1980. N 16. P. 59–87.
630. Tomás Villarroya J. Presidente de la República y Gobierno: sus relaciones // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31-32. P. 71-100.
631. Torres del Moral A. Cádiz: recepción de los principios básicos // El legado de las Cortes de Cádiz / coord. por García Trobat, Sánchez Ferriz R. Valencia: Tirant lo Blanch, 2011. P.33-72.
632. Torres del Moral A. Democracia y representación en los orígenes del estado constitucional // Revista de Estudios Políticos. 1975. N 203. P. 145-209.
633. Torres del Moral A. En torno a la abdicación de la Corona // Revista Española de Derecho Constitucional. 2014. N 102. P. 13-48.
634. Torres del Moral A. Las Cortes en la Constitución de Cádiz: Representación nacional y relación con la Corona // Revista de Derecho Político. 2012. N 83. P. 109-161.
635. Tuñón de Lara M. Coyuntura histórica española de 1930 – 1931 // Revista de Estudios Políticos. 1983. N 31–32. P. 39-56.
636. Turégano I. Soberanía // Eunomía. Revista en Cultura de la Legalidad. 2013. N 4. P. 154-162.
637. Tusell Gómez J., Ruiz Manjón O., García Queipo de Llano G. Las Constituyentes de 1931 // Revista de Derecho Político. 1982. N 13. P. 137-195.
638. Valdecasas A. Los Estados totalitarios y el Estado español // Revista de Estudios Políticos. 1942. N 5. P. 5-32.

639. Varela Suanzes-Carpegna J. El constitucionalismo español en su contexto comparado // Documentos de trabajo IELAT. Instituto de Estudios Latinoamericanos – Universidad de Alcalá. 2010. N 13. P. 1-26.

640. Varela Suanzes-Carpegna J. El constitucionalismo español y portugués durante la primera mitad del siglo XIX (un estudio comparado) // Estudios Ibero-Americanos. Rio de Janeiro: PUCRS. 2007. Vol. XXXIII. N 1. P. 38–85.

641. Varela Suanzes – Carpegna J. La doctrina de la Constitución histórica de España // Fundamentos: cuadernos monográficos de teoría del estado, derecho público e historia constitucional. 2010. N 6. P. 307-359.

642. Varela Suanzes – Carpegna J. La Constitución Española de 1837: una constitución transaccional // Revista de derecho político. 1983 – 1984. N 20. P. 95–97.

643. Varela Suanzes – Carpegna J. La monarquía en la Historia constitucional española // Revista de Derecho Político. 2018. N 101. P. 17-29.

644. Varela Suanzes J. Monarquía en el pensamiento de Benjamin Constant (Inglaterra como modelo) // Revista del Centro de Estudios Constitucionales. 1991. N 10. P. 121–138.

645. Varela Suanzes-Carpegna J. Nación, representación y articulación territorial en las Cortes de Cádiz // Revista de historia Jerónimo Zurita. 2012. N 87 (Constitución y representación en las Cortes de Cádiz. Los diputados aragoneses.). P. 11-40.

646. Varela Suanzes J. “Principios de política” y otros escritos de Constant” // Historia Constitucional (revista electrónica). 2002. N 3. P. 287-294. URL:<https://dialnet.unirioja.es/ejemplar/51407> (дата обращения: 18.03.2021).

647. Varela Suanzes-Carpegna J. Rey, Corona y Monarquía // Revista de Estudios Políticos. 1987. N 55. P. 123-195.

648. Varela Suanzes J. ¿Qué ocurrió con la Ciencia del Derecho Constitucional en la España del Siglo XIX // Boletín de la Facultad de Derecho. 1999. N 14. P. 93–172.

649. Varela Suanzes-Carpegna J. Un influente maestro del Derecho Político Español: Vicente Santamaría de Paredes (1853 – 1924) // *Teoría y Realidad Constitucional*. 2014. N 34. P. 641-658.

Учебники и учебные пособия

650. Автономов А.С. Конституционное (государственное право зарубежных стран: учебник. 3-е издание. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2012. 476 с.

651. Автономов А.С. Савин В.А. История государства и права стран Пиренейского полуострова: учебное пособие. М.: МГИМО, 1988. 106 с.

652. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Норма, 2018. 768 с.

653. Волосюк О.С. Испания и Европа в годы Великой Французской революции: учебное пособие. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1994. 81с.

654. Государственное право буржуазных стран и стран, освободившихся от колониальной зависимости / под ред. И.П. Ильинского, М.А. Крутоголовова. М.: Юридическая литература, 1979. 459 с.

655. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: учебник для вузов. 3-е изд., доп. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2018. 816 с.

656. Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки // Жидков О.А. Избранные труды. М.: «Издательство НОРМА», 2006. С. 144-293.

657. Иностранное конституционное право / под ред. проф. В.В. Маклакова. М.: Юристъ, 1997. 512 с.

658. Испания в начале XXI века: учебное пособие / отв.ред. С.М. Хенкин. М.: МГИМО (У) МИД России, 2006. 168 с.

659. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Проспект, 2013. 565 с.

660. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2004. 312 с.

661. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2018. 976 с.
662. Конституционное право зарубежных стран. Общая часть. Учебник для вузов / отв. Ред. Б.А. Страшун. 4-е издание. М.: Норма, 2010. 896 с.
663. Краснов М.А. Введение в конституционное право с разьяснением сложных вопросов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 508 с.
664. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. В 2 т. Т.1. Конституционное право. СПб.: Типография АО «Слово», 1910. 479 с.
665. Медушевский А.Н. Сравнительное конституционное право и политические институты. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 512 с.
666. Русское государственное право. Конспект лекций ординарного профессора императорского Московского университета А.С. Алексеева. М., 1897. 583 с.
667. Суховерхов В.В. Испанская революция 1854 – 1856 гг.: учебное пособие по спецкурсу. М.: МГПИ, 1987. 91 с.
668. Сравнительное конституционное право: Учебное пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Международные отношения, 2002. 448 с.
669. Чиркин В.Е. Конституционное право: Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М.: ИНФРА–М, 2013. 688 с.
670. Alejandro García J. A., Gasto Fernández E., García Marín J. M. Manual básico de historia del derecho (temas y analogía de textos). Madrid, 2003. 612 p.
671. Clavero B. Manual de historia constitución al de España. Madrid: Alianza Editorial, 1990. 237 p.
672. Colmeiro M. Elementos de derecho político y administrativo de España. Madrid: Librería de los Sucesores de Escribano, 1881. 328 p.
673. Entrena Cuesta R. Curso de Derecho Administrativo. Madrid: Tecnos, 1974. 694 p.

674. Escudero J.A. Curso de Historia del Derecho: Fuentes e Instituciones Político-administrativas). Madrid: Taller de Solana e Hijos, 2012. 985 p.

675. Esperón A. Derecho político constitucional de España. Madrid: Imprenta de D. José M. Alonso, 1854. 294 p.

676. Fraile Clivillés. Introducción al Derecho Constitucional Español. Madrid: Autor Editor, 1975. 704 p.

677. García Oviedo C., Martínez Useros E. Derecho Administrativo, en 3 t. T. 2. Madrid: EISA, 1962. 1030 p.

678. García Trevijano J.A. Tratado de Derecho Administrativo, en 3 t. T. 2 (2 vol.). Madrid: Revista de Derecho Privado, 1971. 1920 p.

679. López García J.M. Curso Político-Constitucional (1840). Madrid: Centro de Estudios Constitucionales, 1987. 163 p.

680. Manual de Derecho Constitucional / coord.: M.A.Aparicio Pérez, M. Barceló i Serramalera. Barcelona: Atelier, ^[1]_{SEP}2012. 812 p.

681. Martín Mateo R. Manual de Derecho Administrativo. Madrid, Alianza, 1971. 511 p.

682. Otto I. (de). Derecho Constitucional. Sistema de Fuentes. Barcelona: Ariel, 1987. 315 p.

683. Sánchez-Arcilla Bernal J. Manual de Historia del Derecho. Madrid: Editorial Dykinson, 2004. 717 p.

684. Tomás y Valiente F. Manual de Historia del Derecho Español. Madrid: Editorial Tecnos, 1995. 632 p.

685. Valdeavellano L.G. (de). Curso de historia de las instituciones españolas. De los orígenes al final de la Edad Meda. Madrid: Alianza Editorial, 1998. 768 p.

Авторефераты диссертаций

686. Галан Х. М. Крах монарха и фашистского режима в Испании в 1931 г. (Из истории политической борьбы Испании в 1918-1931 гг.): Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 1954. 15 с.

687. Карпец В.И. Высшие органы государственной власти Испании: Автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.02. М., 1981. 20 с.

688. Савин В.А. История испанского государства франкистского режима (доктрина и конституционное развитие): Автореферат дис... кандидата юридических наук: 12.00.01. М., 1975. 22 с.

689. Степин В.В. Эволюция института монархии в политической системе Испании: Автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Воронеж, 2012. 24 с.

690. Суховерхов В.В. Испанская революция 1854 – 1856 гг.: Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. М., 1974. 24 с.

691. Тырсенко А.В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени: Автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2005. 50 с.

692. Хибриков Н.Г. Государственный механизм франкистской диктатуры в Испании: Автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. М., 1974. 21 с.

693. Menéndez Rexach A. La Jefatura del Estado en el Derecho Público Español: Tesis doctoral. Madrid: Universidad Autónoma de Madrid, 1978. 745 p.

694. Moreno García S. La concepción y el concepto de soberanía. Particular referencia al Artículo 1.2 de la Constitución Española de 1978: Tesis doctoral. Madrid: Universidad Nacional en Distancia, 2006. 487 p.

695. Puyol Montero J.M. El Consejo Real de Castilla en el Reinado de Fernando VII: Tesis doctoral. Madrid: Universidad Complutense, 1992. P. 1309 p.

Словари и энциклопедии

696. Дыдынский Ф.М. Латинско-русский словарь к источникам римского права: По изданию 1896 г. М.: Спарк, 1998. 466 с.

697. Diccionario de la Diccionario de la Lengua Española: en 2 vol. T I. Madrid: Espasa-Calpe, 1984.

698. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia. Edición del Tricentenario. Actualización 2019 // URL: <https://dle.rae.es>.

699. Diccionario de la Lengua Española. En 3 t. T. 2. Madrid: Real Academia Española. 2001. 2368 p.

700. Dictionnaire constitutionnel / publié sous la direction de O. Duhamel, Y.Mény. Éditions PUF 1992. 1112 p.

701. Diccionario universal de términos parlamentarios / Coord. Valenzuela F.B. Mexico: Cámara de diputados del H. Congreso de la Unión. 1998. 760 p.

702. Diritto costituzionale / A cura di S. Mangiameli. Milano: Il Sole 24 ORE, 2008. 1152 p.

703. Enciclopedia jurídica / edit. por Costantinos Stamatoulos // URL:<http://www.encyclopedia-juridica.biz14.com>.

704. Enciclopedia de Historia de España. En 5 t. / Dir. por M. Artola. T. 4 (Diccionario temático). T. 5 (Diccionario bibliográfico). Madrid: Alianza Editorial, 1995. 914 p. (T. 4), 1238 p. (T. 5).

Официальные сайты

La Constitución española - URL:<http://www.congreso.es/consti/>

La Corona - URL: <http://www.casareal.es/ES/corona/Paginas/>

Congreso de diputados -

URL:http://www.congreso.es/portal/page/portal/Congreso/Congreso/SalaPrensa/NotPre?_piref73_7706063_73_1337373.next_page=/wc/detalleNotaSalaPrensa?idNotaSalaPrensa=13146&mostrarvolver=N

Gobierno - URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/Paginas/index.aspx>

Senado - URL:

<http://www.senado.es/web/actividadparlamentaria/actualidad/noticias/index.html?id=10>

Приложения

Приложение 1. Основные законы Испании о главе государства

Конституция (основной закон)	Локализация в тексте Конституции (основного закона)		Разделы, главы, статьи о статусе главы государства
	имени главы государства	титула короля или наименования должности главы государства	
Конституция от 6 июля 1808 г.	Дон Хосе Наполеон <i>Don José Napoleón</i> (преамбула)	Король Испании и Индий <i>Rey de las Españas y de las Indias</i> (преамбула)	«О наследовании Короны» (раздел II, ст. 2–7), «О регентстве» (раздел III, ст. 8–20), «О содержании Короны» (раздел IV, ст. 21–24), «О должностных лицах королевского дома» (раздел V, ст. 25), «О министрах» (VI, ст. 27–31)
Политическая конституция Испанской монархии от 18 марта 1812 г.	Сеньор Дон Фердинанд VII де Бурбон <i>Señor Don Fernando VII de Borbón</i> (ст. 179)	Король Испаний <i>Rey de las Españas</i> (преамбула), Католическое Величество <i>Majestad Católica</i> (ст. 169)	«О Короле» (раздел IV, гл. I–VII, ст. 168–241)
Королевский статут о созыве Генеральных Кортесов Королевства, изданный Ее Величеством Королевой- правительницей 10 апреля 1834 г. для исполнения	Донья Изабелла II <i>Doña Isabel II</i> (преамбула)	–	–
Политическая конституция Испанской монархии от 18 июня 1837 г.	Донья Изабелла II <i>Doña Isabel II de Borbón</i> (преамбула, ст. 50)	Королева Испаний <i>Reina de las Españas</i> (преамбула, ст. 50)	«О Короле» (раздел VI, ст. 44–49), «О наследовании Короны» (раздел VII, ст. 50–55), «О несовершеннолетии короля и о регентстве» (раздел VIII ст. 56–60), «О министрах» (раздел

Конституция (основной закон)	Локализация в тексте Конституции (основного закона)		Разделы, главы, статьи о статусе главы государства
	имени главы государства	титула короля или наименования должности главы государства	
			IX, ст. 61–62)
Конституция Испанской монархии от 23 мая 1845 г.	Донья Изабелла II <i>Doña Isabel II de Borbón</i> (преамбула, ст. 49)	Королева Испаний <i>Reina de las Españas</i> (преамбула, ст. 49)	«О Короле» (раздел VI, ст. 42–48), «О наследовании Короны» (раздел VII, ст. 49–55), «О несовершеннолетии короля и о регентстве» (раздел VIII, ст. 56–63), «О министрах» (раздел IX, ст. 64–65)
Конституция Испанской монархии от 1 июня 1869 г.	–	–	«О Короле» (раздел IV, ст. 67–76), «О наследовании Короны и регентстве Королевства» (раздел V, ст. 77–86), «О министрах (раздел VI, ст. 87–90)
Конституция Испанской монархии от 30 июня 1876 г.	Дон Альфонс XII де Бурбон <i>Don Alfonso XII de Borbón</i> (ст. 61)	Конституционный Король Испании <i>Rey constitucional de España</i> (преамбула), Законный Король Испании <i>Rey legítimo de España</i> (ст. 59)	«О Короле и его министрах» (раздел VI, ст. 48–58), «О наследовании Короны (раздел VII, ст. 59–65), «О несовершеннолетии короля и о регентстве» (раздел VIII, ст. 66–73)
Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 г.	–	Президент Республики <i>Presidente de la República</i> (ст. 67)	«Институт президента» (раздел V, ст. 67–85)
Органический закон государства от 10 января 1967 г. (ОЗГ)	Франсиско Франко <i>Francisco Franco</i> (ст. III Переходных положений ОЗГ)	Глава государства каудильо Испании <i>Jefe del Estado Caudillo de España</i> (ст. III Переходных положений ОЗГ) Король <i>Rey</i> (ст. I Переходных положений)	«Глава государства» (раздел II, ст. 6–12)
Испанская конституция,	Е[го] В[еличество] Дон Хуан Карлос I	Король Испании <i>Rey de España</i>	«О Короне» (раздел II, ст. 56–65)

Конституция (основной закон)	Локализация в тексте Конституции (основного закона)		Разделы, главы, статьи о статусе главы государства
	имени главы государства	титула короля или наименования должности главы государства	
одобренная на референдуме 6 декабря 1978 г. и промульгированная 29 декабря 1978 г.	де Бурбон <i>S.M. Don Juan Carlos I de Borbón</i> (преамбула, ст. 57)	(преамбула, ст. 56.2)	

Приложение 2. Главы испанского государства на конституционно-монархическом этапе

Глава	Период исполнения обязанностей (и определяющие его события)	Конституционное оформление
Фердинанд VII де Бурбон	19 марта 1808 г. (отречение Карла IV де Бурбона) – 6 мая 1808 г. (отречение Фердинанда VII де Бурбона)	Письмо (заявление Карла, королевский декрет) – письмо Фердинанда, королевский декрет (опубликован 13 мая 1808 г.)
Карл IV де Бурбон	6 мая 1808 г. (отречение Фердинанда VII де Бурбона) - 8 мая 1808 г. (отречение Карла IV де Бурбона)	Письмо (заявление Фердинанда) – письмо (заявление Карла, опубликовано 20 мая 1808 г.)
Наполеон, император	8 мая 1808 г. (отречение Карла IV де Бурбона) – 6 июня 1808 г. (отречение Карла IV де Бурбона)	Письмо (заявление Карла) – декрет Наполеона
Хосе (Жозеф) Бонапарт	6 июня 1808 г. (декрет Наполеона Бонапарта) – 11 декабря 1813 г. (договор в Валенкае, закрепление передачи власти Фердинанду VII де Бурбону)	Конституция от 6 июля 1808 г.
Центральная хунта	25 сентября 1808 г. (начало работы) – 30 января 1810 г. (самороспуск)	–
Регентские советы	Февраль 1810 г. (декрет Центральной хунты от 29 января 1810 г., декреты и регламенты Генеральных и чрезвычайных кортесов) – 4 мая 1814 г. (передача власти Фердинанду VII де Бурбону)	Политическая конституция Испанской монархии 1812 г. (промульгирована 19 марта 1812 г.)
Фердинанд VII	4 мая 1814 г. (возвращение в Испанию) –	Политическая

Глава	Период исполнения обязанностей (и определяющие его события)	Конституционное оформление
де Бурбон	29 сентября 1833 г. (кончина)	конституция Испанской монархии 1812 г. (в действии: 9 марта 1820 – 1 октября 1823)
Изабелла II де Бурбон	I. 29 сентября 1833 г. (наследование) – до признания совершеннолетней регенты: 1. Мария Кристина де Бурбон (<i>María Cristina de Borbón</i>), Вдовствующая королева, Ее Величество Королева-правительница (<i>Su Majestad la Reina Gobernadora</i>) 29 сентября 1833 г. (по завещанию Фердинанд VII от 12 июня 1830 г.) – 12 октября 1840 г. (отказ от регентства и эмиграция) 2. <i>Бальдомеро Эспартеро</i> 8 мая 1841 г. (решение Кортесов) – 23 июля 1843 г. (отъезд из Испании) 3. <i>Временное Министерство-регентство</i> (Председатель — Хоакин Мария Лопес) 23 июля 1843 г. (отъезд Б. Эспартеро) – 10 ноября 1843 г. (присяга Изабеллы II) II. Правление совершеннолетней Изабеллы II 10 ноября 1843 г. (принесение присяги в Кортесах (решение Кортесов о провозглашении совершеннолетней 8 ноября 1843 г.) – 30 сентября 1868 г. (отъезд из Испании); 25 июня 1870 г. отречение в пользу сына Альфонса де Бурбона	1. Королевский статут о созыве Генеральных Кортесов Королевства, изданный Ее Величеством Королевой-правительницей 10 апреля 1834 г. для исполнения 2. Политическая конституция Испанской монархии от 18 июня 1837 г. 3. Конституция Испанской монархии от 23 мая 1845 г. 4. Конституция Испанской монархии 1856 г. («нерожденная», не действовала)
Франсиско Серрано и Домингес <i>Francisco Serrano Domínguez</i>	1. <i>Председатель Временного правительства – Совета министров</i> 3 октября 1868 г. (поручение Революционной хунты Мадрида сформировать Временное правительство до созыва учредительных) – 25 февраля 1869 г. (решение Кортесов о назначении главой Исполнительной власти) 2. <i>Председатель Исполнительной власти</i> 25 февраля – 16 июня 1869 г. (решение Кортесов о назначении регентом) 3. <i>Регент Королевства</i> 16 июня 1869 г. (решение Кортесов) – 2 января 1871 г. (присяга Амадея I в Кортесах)	– – Конституция Испанской монархии от 1 июня 1869 г.
Амадей I (Савойский)	2 января 1871 г. (присяга в Кортесах (избрание Кортесами – 16 ноября 1870 г.) – 11 февраля 1873 г. (письмо об отречении)	Конституция Испанской монархии от 1 июня 1869 г.
Председатели Исполнительной	Эстанисладо Фигерас и Морагас (11 февраля – 11 июня 1873 г. – решения	Решения Кортесов

Глава	Период исполнения обязанностей (и определяющие его события)	Конституционное оформление
власти Республики	Кортесов), Франсиско Пи-и-Маргаль (11 июня – 18 июля 1873) Николас Салмерон Алонсо (18 июля – 7 сентября 1873) Эмилио Кастелар-и-Риполь (7 сентября 1873 – 3 января 1874) Франсиско Серрано-и-Домингес (3 января – 29 декабря 1874)	
Альфонс XII де Бурбон	I. <i>Правление от имени короля Альфонса XII:</i> Министерство — регентство (<i>Ministerio-Regencia</i>) под председательством Антонио Кановас дель Кастильо (<i>Antonio Canovas del Castillo</i>) 31 декабря 1874 г. (декрет А. Кановаса дель Кастильо на основе провозглашения армией 29 декабря 1874 г.) – 14 января 1875 г. (прибытие Альфонса XII де Бурбона)	
	II. <i>Правление Альфонса XII</i> 14 января 1875 г. (въезд в Мадрид) – 25 ноября 1885 г. (кончина)	Конституция Испанской монархии от 30 июня 1876 г.
Альфонс XIII де Бурбон	I. <i>Регентство Марии Кристины де Габсбург</i> 25 ноября 1885 г. (Пакт Пардо, кончина Альфонса XII) / 17 мая 1886 г. (рождение Альфонса XIII) – 17 мая 1902 г. (совершеннолетие Альфонса XIII)	Конституция Испанской монархии от 30 июня 1876 г.
	II. <i>Правление Альфонса XIII</i> 17 мая 1902 г. (признание Кортесами совершеннолетним) – 14 апрель 1931 г. (отъезд из Испании; январь 1941 г. – отречение)	

Приложение 3. Главы испанского государства на республиканском этапе

Глава государства	Период исполнения обязанностей	Конституционное оформление
Председатели Временного правительства Республики <i>Presidentes del Gobierno provisional de la República</i>	14 апреля / 14 октября 1931 г. (Нисето Алькала Самора и Торрес) – 15 октября / 9 декабря 1931 г. (Мануэль Асанья Диас)	Декрет Политического комитета Республики
Президент республики Нисето Алькала Самора-и-Торрес <i>Niceto Alcalá-Zamora y Torres</i>	10 декабря 1931 г. (выборы учредительными Кортесами) – 7 апреля 1936 г. (решение Кортесов об отрешении от должности)	Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 г.
Исполняющий обязанности президента –	7 апреля – 10 мая 1936 г. (вступление в должность избранного президента)	

Глава государства	Период исполнения обязанностей	Конституционное оформление
Диего Мартинес Баррьо (<i>Diego Martínez Barrio</i>)	М. Асаньи Диаса)	
Президент республики Мануэль Асанья Диас (<i>Manuel Asaña Díaz</i>)	10 мая 1936 г. (избрание в соответствии с Конституцией) – 27 февраля 1939 г. (добровольная отставка)	
Исполняющий обязанности президента – Диего Мартинес Баррьо	27 февраля 1939 г. - эмиграция в связи с падением Республики (27 марта 1939 г. пал Мадрид)	

Приложение 4. Глава государства на этапе личной власти Франсиско Франко

Глава государства	Период исполнения обязанностей	Юридическое оформление
Глава государства Франсиско Франко Баамонде (<i>Francisco Franco Bahamonde</i>)	1 октября 1936 г. (впервые назван главой государства) / 1 апреля 1939 г. (власть распространена на всю Испанию) – 20 ноября 1975 г. (кончина)	Законодательные акты данного периода, в том числе Закон «О преемстве при замещении поста Главы государства» от 26 июля 1947 г. и Органический закон государства от 10 января 1967 г.

Приложение 5. Глава испанского государства на парламентско-монархическом этапе

Глава государства	Период исполнения обязанностей	Юридическое оформление
Регентский Совет под председательством Алехандро Родригеса де Валькарселя (<i>Alejandro Rodríguez de Valcárcel</i>)	20 ноября (смерть главы государства) – 22 ноября 1975 г. (вступление на трон короля)	Закон «О преемстве (при замещении) поста Главы государства» 26 июля 1947 г.
Хуан Карлос де Бурбон (<i>Juan Carlos de Borbón</i>)	22 ноября 1975 г. (присяга в Кортесах, провозглашение королем) / 29 декабря 1978 г. (промульгация Конституции) – 18 июня 2014 г. (Органический	Франкистское законодательство и Испанская конституция, одобренная на референдуме 6 декабря и промульгированная

Глава государства	Период исполнения обязанностей	Юридическое оформление
	закон)	29 декабря 1978 г.
Филипп VI де Бурбон (<i>Filipe I de Borbón</i>)	С 19 июня 2014 г. (провозглашение Кортесами)	Испанская конституция, одобренная на референдуме 6 декабря и промульгированная 29 декабря 1978 г.